

Аннотация

В сборник "Нулевой потенциал" вошли повести и рассказы известных английских и американских фантастов Д. Болларда, У. Тэнна, А. Бестера, Р. Шекли, Г. Гаррисона, К. Саймака. В этих остросюжетных произведениях, написанных с изрядной долей иронии, отражаются надежды и тревоги людей планеты, самые смелые предположения о будущем социальном устройстве и грядущей морали.

ПРОСТО СМЕШНО!

Мистер Везеруокс допил вторую чашку кофе. В его голосе, когда он заговорил, чувствовалась твердая решимость.

— Моя дорогая, — сказал он, — обрати, наконец, самое серьезное внимание на то, чтобы в нашем доме больше не появлялось подобных небылиц.

— Хорошо, Джесон. Я просто не заметила...

— Разумеется, не заметила. Но ведь за то, что читает твой сын, отвечаешь, в конце концов, ты.

— Постараюсь быть более внимательной, Джесон. Я не видела, как он принес этот журнал, действительно не имела никакого представления, что...

— И я, конечно, пребывал бы в таком же блаженном неведении, если бы вчера вечером случайно не заглянул к нему под подушку. **«Утопические истории»!**

Кончики усов мистера Везеруокса задрожали от негодования.

— Такая абсурдная, безответственная писанина! — сказал он. — Путешествия в другие галактики через — **гиперпространство!** Одному богу известно, что это должно означать. **Машины времени, телепортация, телекинез!** Дичь какая-то. Просто смешно. Вместо того чтобы разумно употребить время на...

— Успокойся, мой дорогой, — сказала жена с легким оттенком нетерпения, — отныне я еще строже буду следить за тем, что читает Джеральд. Я с тобой совершенно согласна.

– Спасибо, моя дорогая, – удовлетворенно сказал мистер Везеруокс. – Мы не должны допускать, чтобы наши дети засоряли себе голову подобным вздором.

Он взглянул на часы, поспешно поднялся и, поцеловав жену, отправился на службу.

Выйдя из квартиры, он шагнул в антигравитационную шахту и медленно спустился с высоты двухсот этажей на улицу, где к нему тут же подкатило одно из дежуривших здесь атомных такси.

– К Лунному Порту! – приказал он роботу-водителю.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, мистер Везеруокс закрыл глаза и сосредоточился на телепатическом выпуске последних известий. Он надеялся услышать что-нибудь новое о Четвертой Экспедиции на Марс, но это была всего лишь обычная передача из Центрального Института Бессмертия.

ИММИГРАНТ

Он был единственным пассажиром, направлявшимся на Кимон, и на борту космического корабля уже за одно это все носились с ним, как со знаменитостью.

Для того чтобы доставить его к месту назначения, кораблю пришлось сделать крюк в два световых года. Селдону Бишопу казалось, что деньги, которые он заплатил за проезд еще на Земле, не возмещали ущерба и вполовину.

Но капитан не роптал. Он сказал Бишопу, что считает делом чести доставить пассажира на Кимон.

Бизнесмены, летевшие на том же корабле, домогались его общества, платили за выпивку и доверительно рассказывали о перспективах торговли с новооткрытыми солнечными системами.

Но, несмотря на все эти доверительные разговоры, смотрели они на Бишопу с плохо скрываемой завистью и повторяли: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес».

То один, то другой бизнесмен толковал с Бишопом наедине и после первой же рюмки предлагал миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Миллиарды... а пока у него в кармане не было и двадцати кредиток, и он с ужасом думал о том, что ему тоже придется угощать других. Он не был уверен, что на свои кредитки сможет угостить всю компанию.

Представительные матроны брали его на свое попечение и осыпали материнскими ласками; женщины помоло-

же, завлекая его, осыпали ласками отнюдь не материнскими. И куда бы он ни направился, позади говорили вполголоса:

– На Кимон! Милочка, вы знаете, что значит отправиться на Кимон! Для этого нужна положительно сказочная квалификация, надо готовиться годы и годы, а экзамен выдерживает один из тысячи.

И так было всю дорогу до самого Кимона.

* * *

Кимон был галактическим Эльдorado, страной несбыточных грез, краем, где кончается радуга. Мало кто не мечтал о поездке туда, многие стремились осуществить свои мечты на деле, но среди тех, кто пытался добиться своего, преуспевали лишь очень немногие.

Немногим более ста лет назад до Кимона добрался (было бы неправильно говорить, что его открыли или что с ним вступили в контакт) неисправный космический корабль с Земли, который сел на планету и подняться с нее уже не мог.

До сих пор никто так и не узнал, что же там, в сущности, произошло, но в конце концов экипаж разломал свой корабль, поселился на Кимоне, а родные получили письма, в которых члены экипажа извещали их, что возвращаться не собираются.

Совершенно естественно, что между Кимоном и Землей никакого почтового сообщения быть не могло, но письма доставлялись самым фантастическим, хотя и, впрочем, самым логичным способом. И возможно, этот способ

убедительнее всего показал земным властям, что Кимон именно таков, каким он изображался в письмах... Письма были свернуты в трубку и помещены в своеобразный футляр, напоминавший футляр пневматической почты. Он был доставлен прямо на стол руководителя мирового почтового ведомства. Не на стол какого-нибудь подчиненного, а на стол самого главного начальника. Футляр появился, пока начальник ходил обедать, и, как было установлено тщательным расследованием, на стол его никто не клал.

Тем временем чиновники почтового ведомства, по-прежнему убежденные, что стали жертвами какой-то мистификации, отправили письма к адресатам со специальными курьерами, которые обычно добывали себе хлеб насущный службой в Бюро Расследований.

Адресаты все, как один, утверждали, что письма подлинные, так как в большинстве случаев узнавали знакомый почерк. И, кроме того, в каждом письме содержались подробности, знакомые только адресатам, и это было еще одним доказательством, что письма настоящие.

Затем каждый адресат написал ответное письмо, их поместили в футляр, в котором прибыли письма с Кимона, а сам футляр положили на стол руководителя почтового ведомства, на то самое место, где его в свое время нашли.

С футляра не сводили глаз, и некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг он исчез, а как исчез, никто не заметил – футляра просто не стало, и все.

Через неделю-другую перед самым концом рабочего дня футляр появился снова. Руководитель почтового ведомства был увлечен работой и не обращал внимания на то,

что происходит вокруг. И вдруг снова увидел футляр. И снова в нем были письма, но на сей раз конверты раздувались от сотенных кредиток, которые потерпевшие крушение космонавты посылали в подарок своим родственникам, хотя тут же следует отметить, что сами космонавты, по-видимому, не считали себя потерпевшими крушение.

В письмах они извещали о получении ответов, посланных с Земли, и сообщали некоторые сведения о планете Кимон и ее обитателях. Во всех письмах подробно объяснялось, как космонавты достали сотенные кредитки на чужой планете. Бумажные деньги, говорилось в письмах, были фальшивыми, сделанными по образцу тех, что были у космонавтов в карманах, но когда земные финансовые эксперты и служащие Бюро Расследований взглянули на банкноты, то отличить их от настоящих денег они не смогли. Но руководители Кимона, говорилось в письмах, не хотят, чтобы их считали фальшивомонетчиками. И чтобы валюта не обесценилась, кимонцы в самое ближайшее время сделают взнос в земной банк материалами, которые по своей ценности не только эквивалентны посланным деньгам, но и, если потребуется, покроют дальнейший выпуск денег.

В письмах пояснялось, что денег как таковых на Кимоне нет, но поскольку Кимон хочет дать работу людям с Земли, то пришлось изыскать способ оплаты их труда, и если земной банк и все организации, имеющие отношение к финансам, согласны...

Правление банка долго колебалось и толковало о всяких глубоких финансовых соображениях и экономических принципах, но все эти разговоры ни к чему не привели,

потому что через несколько дней, во время перерыва, рядом со столом председателя правления банка появилось несколько тонн тщательно упакованного урана и два мешка алмазов.

Теперь Земле ничего не оставалось делать, как принять существование Кимона за чистую монету и считать, что земляне, севшие на Кимон, возвращаться не собираются.

В письмах говорилось, что кимонцы – это гуманоиды, что они обладают парапсихическими способностями и создали культуру, которая намного обогнала культуру Земли и любой другой планеты Галактики, открытой к этому времени.

Земля подремонтировала один из космических кораблей, собрала корпус самых красноречивых дипломатов, надавала им кучу дорогих подарков и отправила все это на Кимон. Но уже через несколько минут после приземления дипломатов вышибли с планеты самым недипломатическим образом. По-видимому, Кимон не имел никакого желания связываться с второразрядной варварской планетой. Дипломатам дали понять, что когда Кимон пожелает установить дипломатические отношения с Землей, об этом будет объявлено особо. На Кимон же допускались люди, которые не только обладали определенной квалификацией, но и ярко проявили себя в научной деятельности.

С тех пор ничего не изменилось.

На Кимон нельзя было поехать просто по желанию. К этому надо было готовиться.

Прежде всего, требовалось пройти специальное испытание умственных способностей, которое не выдерживали девяносто девять процентов. Выдержав испытание, надо

было посвятить годы и годы изнурительному учению, а потом опять держать письменный экзамен, и вновь происходил отсев. Едва ли один из тысячи выдерживал все экзамены.

Год за годом мужчины и женщины Земли пробивались на Кимон, селились там, процветали и писали письма домой. Ни один из уехавших не вернулся. Попавшему на Кимон, видимо, и в голову не приходило вернуться на Землю.

И все же за столько лет сведений о Кимоне, его обитателях и культуре стало ненамного больше. Эти сведения черпались только из писем, доставлявшихся со скрупулезной точностью каждую неделю на стол руководителя почтового ведомства. В них писали о таких заработках, которые на Земле и не снились, о великолепных возможностях разбогатеть, о кимонской культуре и о самих кимонцах, но все это было так, вообще, – ни одной подробности о той же культуре, деловой жизни или о чем бы то ни было другом письма не сообщали.

И возможно, адресаты не слишком жалели об отсутствии конкретных сведений потому, что почти в каждом письме приходила пачка денег, новеньких и хрустящих, подкрепленных тоннами урана, мешками алмазов и штабелями слитков золота, которые время от времени появлялись у стола председателя правления банка.

Со временем у каждой семьи на Земле появилось честолюбивое желание послать хотя бы одного своего члена на Кимон, так как пребывание родственника там означало в конце концов, что здесь все его близкие будут иметь гарантированный и приличный доход на всю жизнь.

Естественно, о Кимоне рассказывали легенды. Конечно, в основном это были выдумки. В письмах опровергались слухи о том, что улицы там вымощены золотыми брусками, что кимонские девицы носят платья, усеянные бриллиантами.

Но те, чье воображение не ограничивалось золотыми улицами и бриллиантовыми платьями, прекрасно понимали, что по сравнению с возможностями, которые открываются на Кимоне, золото и бриллианты это чепуха. Земной культуре до кимонской было далеко, люди там приобрели или развили в себе естественным путем параспсихические способности. На Кимоне можно было научиться тому, что произвело бы революцию в галактической промышленности и средствах сообщения, а кимонская философия направила бы человечество по новому и лучшему (и более прибыльному?) пути.

И рождались все новые и новые легенды, которые каждый толковал в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления.

Руководители Земли оказывали всяческую поддержку тем, кто хотел отправиться на Кимон, потому что руководители, как и все прочие, понимали, какие в этом таятся возможности для революции в промышленности и эволюции человеческой мысли. Но так как со стороны Кимона приглашения признать его дипломатически не следовало, они выжидали, строили планы и делали все, чтобы на Кимон поехало как можно больше людей. Но людей достойнейших, так как даже самый дремучий бюрократ понимал, что на Кимоне Земля должна быть представлена в лучшем виде.

Но почему кимонцы разрешали приезжать людям с Земли? Это было неразрешимой загадкой. По-видимому, Земля была единственной планетой Галактики, получившей разрешение присылать своих людей. Конечно, и земляне и кимонцы были гуманоидами, но это оставляло вопрос открытым, потому что они не были единственными гуманоидами в Галактике. Ради собственного утешения земляне считали, что исключительное гостеприимство кимонцев объясняется некоторым взаимопониманием, одинаковым мировоззрением, некоторым сходством эволюционного развития (конечно, при небольшом отставании Земли).

Как бы там ни было, Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, местом, куда надо стремиться и где надо жить, краем, где кончается радуга.

* * *

Селдон Бишоп оказался в местности, напоминавшей земной парк. Тут его высадила быстроходная космическая шлюпка, ибо космодромов на Кимоне не было, как не было многого другого.

Он стоял среди своих чемоданов и смотрел вслед шлюпке, направлявшейся в космос к орбите лайнера.

Когда шлюпка исчезла из виду, он сел на чемодан и стал ждать.

Местность чем-то напоминала земной парк, но на этом сходство ограничивалось. Деревья были слишком тонкими, цветы – чересчур яркими, трава – немного не такого цвета, как на Земле. Птицы, если это были птицы, напоминали

ящериц, оперенье у них было непривычной расцветки и вообще не такое, как у земных птиц. Ветерок донес запахи, не похожие на запахи Земли. Чужие запахи, чужие цвета...

Сидя на чемодане посреди парка, Бишоп старался вызвать у себя ощущение радости оттого, что он, наконец, на Кимоне. Но он не чувствовал ничего, кроме удовлетворения, что ему удалось сохранить свои двадцать кредиток в целости и сохранности.

Ему потребуется немного наличных денег, чтобы продержаться, пока он найдет работу. Но и тянуть с этим нельзя. Конечно, брать первую попавшуюся работу тоже не стоит, надо поискать немного и найти наиболее подходящую. А для этого потребуется время.

Он пожалел, что не оставил побольше денег про запас. Но это значило бы, что он приехал бы сюда не с такими хорошими чемоданами, и костюмы пришлось бы шить не у портного, а покупать готовые...

Он говорил себе, что важно с самого начала произвести хорошее впечатление, и чем больше думал сейчас, тем меньше сожалел, что истратил почти все деньги, чтобы произвести хорошее впечатление.

Может быть, следовало взять у Морли займы, Морли ему ни в чем не отказал бы, а он потом расплатился бы, как только найдется работа. Но просить было противно, ибо, как он теперь понимал, это значило бы уронить достоинство, которое он чувствовал особенно сильно с тех пор, как его избрали для поездки на Кимон. Все, даже Морли, смотрели с почтением на человека, прорвавшегося на Кимон, и тут уж никак нельзя было просить о деньгах и прочих одолжениях.

Бишоп вспомнил свое последнее посещение Морли. Теперь он уже понимал, что, хотя Морли и его друг, в этом последнем визите был какой-то оттенок тех дипломатических обязанностей, которые Морли приходилось выполнять по долгу службы.

На дипломатическом поприще Морли пошел далеко и пойдет еще дальше. Руководители департамента говорили, что в Девятнадцатом секторе политики и экономики по манере говорить и вести себя, по умению ориентироваться он выделяется среди всех молодых людей. У него были подстриженные усы, и бросалось в глаза, что он тщательно ухаживает за ними. Волосы его всегда были в порядке, а ходил он пружинисто, как пантера.

Они сидели на квартире у Морли, на душе было приятно и легко. Вдруг Морли встал и начал ходить из угла в угол, как пантера.

— Мы дружим с незапамятных времен, — сказал Морли. — Мы побывали вместе не в одной переделке.

И оба улыбнулись, вспомнив переделки, в которых они побывали.

— Когда я услышал, что вы едете на Кимон, — продолжал Морли, — я, естественно, обрадовался. Я рад любому вашему успеху. Но я обрадовался еще и по другой причине. Я сказал себе: «Вот, наконец, человек, который может сделать то, что нам надо».

— А что вам надо? — произнес Бишоп таким тоном, будто спрашивал Морли, хочет ли тот выпить шотландского виски или чего-либо другого. Правда, такого вопроса он никогда бы не задал, так как было известно, что все молодые люди из ведомства иностранных дел — ревностные

поклонники шотландского виски. Во всяком случае, задал он этот вопрос непринужденно, хотя чувствовал, что вся непринужденность разговора рассеивается как дым.

В воздухе стала витать тень плаща и кинжала. Бишоп вдруг ощутил бремя официальной ответственности, и на мгновение сердца его коснулся холодок страха.

— У этой планеты должен быть какой-нибудь секрет, — сказал Морли, — для кимонцев никто из нас, ни одна из других планет не существует. Нет такой планеты, которая бы получила дипломатическое признание. На Кимоне нет ни одного представителя какого бы то ни было другого народа. По-видимому, они и не торгуют ни с кем, и все же они должны торговать, потому что ни одна планета, ни одна культура не может существовать совершенно самостоятельно. Наверно, с кем-то у них все-таки дипломатические отношения есть. Должны быть какие-нибудь причины... кроме того, что мы по сравнению с ними отсталый народ... почему они не хотят признавать Землю. Ведь даже во времена варварства многие правительства и народы признавали те страны, которые были гораздо ниже в культурном отношении.

— Вы хотите, чтобы я узнал все это?

— Нет, — сказал Морли. — Мы хотим подобрать ключ. И это все. Мы ищем ключ, какой-нибудь намек, который помог бы нам разобраться в обстановке. Хотя бы воткнуть клинышек, вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. А уж все остальное мы сделаем сами.

— А другие? — спросил его Бишоп. — Тысячи других поехали туда. Не один же я получил право поехать на Кимон?

– Вот уже более пятидесяти лет, – ответил Морли, – наш сектор дает такие же напутствия и всем другим.

– И вам ничего не сообщили?

– Ничего, – сказал Морли, – или почти ничего. Или ничего такого, что могло бы послужить нашим целям.

– Они не могли...

– Они не могли ничего поделаться, потому что, прибыв на Кимон, они совершенно забывали о Земле... нет, не забывали, это не совсем так. Но они уже были неверны Земле. Кимон действовал на них ослепляюще.

– Вы так думаете?

– Не знаю, – сказал Морли. – Но у нас нет другого объяснения. Вся беда в том, что говорили мы с ними только раз. Ни один из них не вернулся. Конечно, мы можем писать им письма. Мы можем напоминать им... намеками. Но прямо спрашивать не можем.

– Цензура?

– Нет. Телепатия. Кимонцы узнали бы все, если бы мы попытались что-нибудь внушить своим. А мы не можем рисковать всей проделанной нами работой.

– Но я уеду с такими мыслями...

– Вы забудете их, – сказал Морли. – У вас впереди несколько недель, за которые вы можете забыть их... запрятать в глубины своего сознания. Но не совсем... не совсем.

– Понятно, – сказал Бишоп.

– Поймите меня правильно. В этом нет ничего зловещего. Вам не следует упорно доискиваться всего. Может быть, все обстоит очень просто. Может быть, просто мы не так причесываемся. Есть какая-то причина... наверно, очень маленькая.

Морли быстро переменял тему разговора, налил по бокалу виски, сел и стал вспоминать школьные годы, знакомых девочек и загородные поездки.

В общем, это был приятный вечер.

Но прошло несколько недель, и Бишоп почти забыл обо всем. А теперь он сидел на своих чемоданах посередине парка и ждал, когда появится встречающий кимонец. Он знал, как будет выглядеть кимонец, и не собирался удивляться.

И все же он удивился.

Туземец был двухметрового роста. Сложенный, как античный бог, он был совсем-совсем человеком.

Только что Бишоп сидел один на поляне в парке, и вдруг рядом оказался туземец.

Бишоп вскочил.

— Мы рады вам, — сказал кимонец. — Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Голос и произношение туземца были такими же совершенными и красивыми, как и его скульптурное тело.

— Спасибо, — сказал Бишоп и тут же почувствовал, как неловко он это произнес, каким запинаящимся и глуховатым был его голос по сравнению с голосом туземца. Взглянув на кимонца, он невольно сравнил себя с ним. Какой у него, наверно, взъерошенный, мятый, нездоровый вид.

Бишоп полез в карман за бумагами. Негнувшимися неловкими пальцами он с трудом откопал их («откопал», иначе не скажешь).

Кимонец взял документы, скользнул по ним глазами (именно «скользнул») и сказал:

– Мистер Селдон Бишоп. Рад познакомиться с вами. У вас очень хорошая квалификация. Экзаменационные оценки, как я вижу, великолепные. Хорошие рекомендации. И, как я вижу, вы спешили к нам. Очень рад, что вы приехали.

– Но... – возразил было Бишоп. И тут же замолчал, крепко стиснув зубы. Не говорить же кимонцу, что тот только скользнул глазами по документам, а не прочел их. Содержание документов было, по-видимому, известно этому человеку.

– Как доехали, мистер Бишоп?

– Благодарю вас, путешествие было прекрасным, – сказал Бишоп и вдруг преисполнился гордости за то, что отвечает так легко и непринужденно.

– Ваш багаж, – сказал туземец, – говорит о вашем великолепном вкусе.

– Спасибо, я...

И тут Бишоп разозлился. Какое право имеет этот кимонец снисходительно отзываться о его чемоданах!

Но туземец сделал вид, что ничего не заметил.

– Не желаете ли вы отправиться в гостиницу?

– Как вам будет угодно, – очень сухо сказал насторожившийся Бишоп.

– Позвольте мне...

На мгновение сознание Бишопы затуманилось, все поплыло перед глазами, и вот он уже стоит не на полянке в парке, а в небольшой нише, выходящей в вестибюль гостиницы, а рядом аккуратно сложены чемоданы.

Он не успел насладиться своим триумфом там, на полянке, ожидая туземца, глядя вслед удалявшейся шлюпке. И здесь все существо его охватила буйная, пьянящая радость. Комок подкатил к горлу. Бишопу стало трудно дышать.

Это Кимон! Наконец-то он на Кимоне! После стольких лет учения он здесь, в этом сказочном месте... Вот чему он отдал многие годы жизни!

«Высокая квалификация», – так говорили люди друг другу вполголоса... высокая квалификация, жестокие экзамены, которые сдает один из тысячи.

Он стоял в нише, и ему не хотелось выходить, пока не пройдет волнение. Он должен пережить свою радость, свой триумф наедине с собой. Надо ли давать волю этому чувству? Во всяком случае, показывать его не стоит. Все личное надо запирать поглубже.

На Земле он был единственным из тысячи, а здесь он ничем не отличается от тех, кто прибыл раньше его. Наверно, он не может быть с ними даже на равной ноге, потому что они уже в курсе дела, а ему еще предстоит учиться.

Вот они, в вестибюле... счастливики, прибывшие в сказочную страну раньше него, «блестящее общество», о котором он мечтал все эти утомительные годы... общество, к которому он теперь будет принадлежать... люди Земли, признанные годными для поездки на Кимон.

Приехать сюда могли только лучшие... только лучшие, самые умные, самые сообразительные. Земле не хотелось

ударить в грязь лицом, иначе как бы Земля могла убедить Кимон в том, что она родственная планета?

Сначала люди в вестибюле казались всего лишь толпой, неким блестящим, но безликим сборищем. Однако когда Бишоп стал присматриваться, толпа распалась на индивидуальности, на мужчин и женщин, которых ему вскоре предстояло узнать.

Бишоп заметил портье только тогда, когда тот оказался рядом. Портье (наверно, портье) был более высоким и красивым, чем туземец, встретивший его на поляне.

– Добрый вечер, сэр, – сказал портье. – Добро пожаловать в «Риц».

Бишоп вздрогнул.

– «Риц»? Ах да, я забыл... Это и есть отель «Риц».

– Мы рады, что вы остановились у нас, – сказал портье. – Мы надеемся, что вы у нас пробудете долго.

– Конечно, – сказал Бишоп. – Я тоже надеюсь.

– Нас известили, – сказал портье, – что вы прибываете, мистер Бишоп. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас номер. Хочется думать, что он вас устроит.

– Я уверен, что устроит, – сказал Бишоп.

Будто на Кимоне что-нибудь может не устроить!

– Может быть, вам захочется переодеться, – сказал портье. – До обеда еще есть время.

– О, конечно, – сказал Бишоп. – Мне очень хочется...

И тут же пожалел, что сказал это.

– Вещи вам доставят в номер. Регистрироваться не надо. Это уже сделано. Позвольте проводить вас, сэр.

Номер ему понравился. Целых три комнаты. Сидя в кресле, Бишоп думал о том, что теперь ему и вовек не расплатиться.

Вспомнив о своих несчастных двадцати кредитках, Бишоп запаниковал. Придется подыскать работу раньше, чем он предполагал, потому что с двадцатью кредитками далеко не уедешь... хотя, наверно, в долг ему поверят.

Но он тотчас оставил мысль просить денег взаймы, так как это значило бы признаться, что у него нет с собой наличных. До сих пор все шло хорошо. Он прибыл сюда на лайнере, а не на борту потрепанного грузового судна; его багаж (что сказал этот туземец?) подобран со вкусом; его гардероб такой, что комар носа не подточит; не кинется же он занимать деньги только потому, что его смутила роскошь номера.

Он прохаживался по комнате. Ковра на полу не было, но сам пол был мягким и пружинистым. На нем оставались следы, которые почти немедленно сглаживались.

Бишоп выглянул в окно. Наступил вечер, и все вокруг подернулось голубовато-серой дымкой. Вдаль уходила холмистая местность, и не было на ней ничего, абсолютно ничего. Ни дорог, ни огоньков, которые бы говорили о другом жилье.

Он подумал, что ничего не видно только с этой стороны дома. А на другой стороне, наверно, есть улицы, дороги, дома, магазины.

Бишоп обернулся и снова стал осматривать комнату. Мебель похожа на земную... Подчеркнуто спокойные и

элегантные линии... Красивый мраморный камин, полки с книгами... Блеск старого полированного дерева... Бесподобные картины на стенах... Большой шкаф, почти целиком закрывающий одну из стен комнаты.

Бишоп старался определить, для чего же нужен этот шкаф. Красивая вещь, вид у нее древний, и полировка... Нет, это не лак, шкаф отполирован прикосновениями человеческих рук и временем.

Он направился к шкафу.

– Хотите выпить, сэр? – спросил шкаф.

– Не прочь, – ответил Бишоп и тотчас стал как вкопанный, сообразив, что шкаф заговорил с ним, а он ответил.

В шкафу откинулась дверца, а за ней стоял стакан.

– Музыку? – спросил шкаф.

– Если вас не затруднит, – сказал Бишоп.

– Какого типа?

– Типа? А, понимаю. Что-нибудь веселое, но и чуть-чуть грустное. Как синие сумерки, разливающиеся над Парижем. Кто это сказал? Один из древних писателей. Фицджеральд. Вероятнее всего, Фицджеральд.

Музыка говорила о том, как синие сумерки крались над городом на далекой Земле, и лил теплый апрельский дождь, и доносился издали девичий смех, и блестела мостовая под косым дождем.

– Может быть, вам нужно что-нибудь еще, сэр? – спросил шкаф.

– Пока ничего.

– Хорошо, сэр. До обеда у вас остался час, вы успеете переодеться.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу пробуя напиток. У него был какой-то незнакомый привкус.

В спальне Бишоп пощупал постель, она была достаточно мягкой. Посмотрел на туалетный столик и большое зеркало, а потом заглянул в ванную, оборудованную автоматическими приборами для бритья и массажа, не говоря уже о ванне, душе, машине для физкультурных упражнений и ряде других устройств, назначения которых он не смог определить.

В третьей комнате было почти пусто. В центре ее стояло кресло с широкими плоскими подлокотниками, и на каждом из них виднелись ряды кнопок.

Бишоп осторожно приблизился к креслу. Что же это? Что за ловушка? Хотя это глупо. Никаких ловушек на Кимоне не может быть. Кимон страна великих возможностей, здесь человек может разбогатеть и жить в роскоши, набраться ума и культуры, выше которой до сих пор в Галактике не найдено.

Он наклонился к широким подлокотникам кресла и увидел, что на каждой кнопке была надпись. Бишоп читал: «История», «Поэзия», «Драма», «Скульптура», «Астрономия», «Философия», «Физика», «Религии» и многое другое. Значения некоторых надписей он не понимал.

Бишоп оглядел пустую комнату и впервые заметил, что в ней нет окон. Видимо, это был своеобразный театр или учебная аудитория. Садись в кресло, нажимаешь какую-нибудь кнопку и...

Но времени на это не было. Шкаф сказал, что до обеда оставался час. Сколько-то уже прошло, а он еще не переоделся.

Чемоданы были в спальне. Бишоп достал костюм. Пиджак оказался измятым.

Он держал пиджак и смотрел на него. Может, повесить, и пиджак отвисится. Может... Но Бишоп знал, что за это время пиджак не отвисится. Музыка прекратилась, и шкаф спросил:

– Что вам угодно, сэр?

– Можете ли вы погладить пиджак?

– Конечно, сэр, могу.

– За сколько?

– За пять минут, – сказал шкаф. – Дайте мне и брюки.

Зазвонил звонок, и Бишоп открыл дверь. За дверью стоял человек.

– Добрый вечер, – сказал человек и представился: – Монтэгу. Но все зовут меня Монти.

– Входите, пожалуйста, Монти.

Монти вошел и оглядел комнату.

– Хорошо у вас, – сказал он.

Бишоп кивнул.

– Я ни о чем и не заикался. Они сами мне все дали.

– Умницы эти кимонцы, – сказал Монти. – Большие умницы.

– Меня зовут Селдон Бишоп.

– Только что приехали? – спросил Монти.

– Примерно час назад.

– И полны благоговения перед этим замечательным Кимоном?

– Я ничего не знаю о нем, – сказал Бишоп. – Кроме того, конечно, что говорилось в учебном курсе.

– Я знаю, – косо взглянув на нее, проговорил Монти. –

Скажите по-дружески... вас тревожат какие-нибудь опасения?

Бишоп улыбнулся, он не знал, как ему быть.

– Чем вы собираетесь здесь заняться? – спросил Монти.

– Деловой администрацией.

– Ну, тогда на вас, наверно, нечего рассчитывать. Вы этим не заинтересуетесь.

– Чем?

– Футболом. Или бейсболом. Или крикетом. Или атлетикой.

– У меня никогда не было на это времени.

– Очень жаль, – сказал Монти. – Вы сложены, как спортсмен.

– Не хотят ли джентльмены выпить? – спросил шкаф.

– Будьте любезны, – сказал Бишоп.

– Идите переодевайтесь, – сказал Монти. – А я посижу и подожду.

– Пожалуйста, возьмите ваши пиджак и брюки, – сказал шкаф.

Дверца открылась, и за ней лежали вычищенные и вытюженные пиджак и брюки.

– Я не знал, – сказал Бишоп, – что вы здесь занимаетесь спортом.

– Нет, мы не занимаемся, – сказал Монти. – Это деловое предприятие.

– Деловое предприятие?

– Конечно. Мы хотим дать кимонцам возможность заключать пари. Может быть, они увлекутся этим. Хотя бы на время. Вообще-то они держать пари не могут...

– Я не понимаю, почему не могут...

– Сейчас объясню. У них совсем нет спортивных игр. Они не могли бы играть. Телепатия. Они знали бы на три хода вперед, что собираются делать их соперники. Телекинез. Они могли бы передвигать мяч или что бы там ни было, не притрагиваясь к нему пальцем. Они...

– Кажется, я понимаю, – сказал Бишоп.

– Но мы все-таки собираемся создать несколько команд и устроить показательные состязания. По возможности подогреть интерес к ним. Кимонцы повалят толпами. Будут платить за вход. Делать ставки. Мы, конечно, будем держать тотализатор и загребем комиссионные. Пока это будет продолжаться, мы неплохо заработаем.

– Конечно, но ведь это ненадолго.

Монти пристально посмотрел на Бишоп.

– Быстро вы все поняли, – сказал он. – Далеко пойдете.

– Джентльмены, напитки готовы, – сказал шкаф.

Бишоп взял стаканы и протянул один из них гостю.

– Пожалуй, я вас подключу, – сказал Монти. – Может быть, вы тоже подработаете. Тут больших знаний не требуется.

– Валяйте, подключайте, – согласился Бишоп.

– Денег у вас немного, – сказал Монти.

– Как вы узнали об этом?

– Вы боитесь, что не сможете расплатиться за номер.

– Телепатия? – спросил Бишоп.

– Вы попали в самую точку, – сказал Монти. – Только я владею телепатией самую малость. С кимонцами нам нечего тягаться. Никогда мы не будем такими. Но время от времени что-то до тебя доходит... какое-то ощущение проникает в мозг. Если ты пробыл здесь достаточно долго...

– А я думал, что никто не заметит.

– Многие заметят, Бишоп. Но пусть это вас не беспокоит. Мы все друзья. Сплотились против общего врага, можно сказать. Если вам надо призанять денег...

– Пока нет, – сказал Бишоп. – Если понадобится, я вам скажу.

– Мне или кому-нибудь другому. Мы все друзья. Нам надо быть друзьями.

– Спасибо.

– Не стоит. А теперь одевайтесь. Я подожду. Мы пойдем вместе. Все хотят познакомиться с вами. Приезжает не так уж много людей. Все хотят знать, как там Земля.

– Как?..

– Земля, конечно, на месте. Как она поживает? Что там нового?

* * *

Бишоп только теперь рассмотрел гостиницу как следует. До этого он лишь мельком бросил взгляд на вестибюль, пока стоял со своими чемоданами в нише. Портье слишком быстро провел его в номер.

Но теперь он увидел эту овеществленную чудесным образом сказочную страну с ее фонтанами и неведомо откуда доносящейся музыкой, с тончайшей паутинкой радуг, выгнувшихся арками и крестовыми сводами, с мерцающими стеклянными колоннами, в которых отражался и множился весь вестибюль таким образом, что создавалось впечатление, будто помещению этому нет ни конца, ни края... и в то же время всегда можно было отыскать укромный уголок, чтобы посидеть с друзьями.

Иллюзия и вещественность, красота и ощущение домашнего покоя... Бишоп подумал, что, здесь всякому придется по душе, что здесь всякий найдет все, что пожелает. Будто волшебством человек отгораживался от мира с его несовершенствами и проникался чувством довольства и собственного достоинства только от одного сознания, что он находится в таком месте.

На Земле такого места не было и быть не могло, и Бишоп подозревал, что в этом здании воплощена не только человеческая архитектурная сноровка...

– Впечатляет? – спросил Монти. – Я всегда наблюдаю за выражением лиц новичков, когда они входят сюда.

– А потом первое впечатление стирается?

Монти покачал головой.

– Друг мой, впечатление не тускнеет, хотя уже и не так ошеломляет, как в первый раз.

Бишоп пообедал в столовой, в которой все было старомодным и торжественным. Официанты-кимонцы были готовы услужить в любую минуту, рекомендовать блюдо или вино.

К столу подходили, здоровались, расспрашивали о Земле, и каждый старался делать это непринужденно, но по выражению глаз можно было судить, что скрывалось за этой непринужденностью.

– Они стараются, чтобы вы чувствовали себя как дома, – сказал Монти. – Они рады новичкам.

Бишоп чувствовал себя как дома... в жизни у него не было более приятного чувства. Он не ожидал, что освоится так быстро, и был немного удивлен этим.

Порадовался он и тому, что с него не потребовали денег

за обед, а просто попросили подписать счет. Все казалось прекрасным, потому что такой обед унес бы большую часть двадцати кредиток, которые гнездились в его кармане.

После обеда Монти куда-то исчез, а Бишоп пошел в бар, взгромоздился на высокий стул и потягивал напиток, который рекомендовал ему буфетчик-кимонец.

Невесть откуда появилась девушка. Она взлетела на высокий табурет рядом с Бишопом и спросила:

– Что вы пьете, дружок?

– Не знаю, – ответил Бишоп и показал на буфетчика. – Попросите его приготовить вам такой же.

Буфетчик взялся за бутылки и шейкер.

– Вы, наверно, новенький, – сказала девушка.

– Вот именно, новенький.

– Здесь не так уж плохо... то есть неплохо, если не думаешь.

– Я не буду думать, – пообещал Бишоп. – Я не буду думать ни о чем.

– Вы привыкнете, – сказала девушка. – Немного погодя вы будете не прочь поразвлечь их. Вы подумаете: «Какого черта! Пусть смеются, если им хочется, а мне пока неплохо». Но придет день...

– О чем вы говорите? – спросил Бишоп. – Вот ваш стакан. Окунайте мордашку и...

– Придет день, когда мы устареем, когда мы больше не будем развлекать их. Мы больше не сможем выдумывать новые трюки. Возьмите, например, мои картины...

– Послушайте, – сказал Бишоп, – я ничего не могу понять.

– Навестите меня через неделю, – сказала девушка. –

Меня зовут Максайн. Просто спросите, где Максайн. Через неделю мы поговорим. Пока!

Она соскочила со стула и вдруг исчезла. К своему стану она не притронулась.

* * *

Он пошел наверх, в свой номер, и долго стоял у окна, глядя на невыразительный пейзаж, пока не услышал голос шкафа:

– Почему бы, сэр, вам не попробовать окунуться в другую жизнь?

Бишоп тотчас обернулся.

– Вы хотите сказать...

– Пройдите в третью комнату, – сказал шкаф. – Это вас развлечет.

– Окунуться в другую жизнь?

– Совершенно верно. Выбирайте и переноситесь, куда хотите.

Это было похоже на приключения Алисы в стране чудес.

– Не беспокойтесь, – добавил шкаф. – Это безопасно. Вы можете вернуться в любое время.

– Спасибо, – сказал Бишоп.

Он пошел в третью комнату, сел в кресло и стал изучать кнопки. История? Можно и историю. Бишоп немного знал ее. Он интересовался историей, прослушал несколько курсов и прочел много литературы.

Он нажал кнопку с надписью «История». Стена перед креслом осветилась, и на ней появилось лицо – красивое бронзовое лицо кимонца.

А бывают ли среди них некрасивые? Бишоп ни разу не видел ни уродов, ни калек.

– Вам какую историю, сэр? – спросил кимонец с экрана.

– Какую?

– Галактическую, кимонскую, земную? Почти любое место.

– Земную, пожалуйста, – сказал Бишоп.

– Подробности?

– Англия, 14 октября 1066 года. Сенлак¹.

Он уже не сидел в кресле в четырех голых стенах комнаты, а стоял на склоне холма в солнечный осенний день, и кругом в голубоватой дымке высились деревья с золотой и красной листвой, и кричали люди.

Бишоп стоял как вкопанный на траве, покрывавшей склон. Трава уже перезрела и увяла на солнце... а дальше, внизу, на равнине, он увидел неровную линию всадников. Солнце играло на их шлемах и щитах, трепетали на ветру знамена с изображениями леопардов.

Это было 14 октября в субботу. На холме стояло, укрывшись за стеной сомкнутых щитов, Гарольдово войско, и, прежде чем солнце село, в бой были введены новые силы, решившие, каким курсом пойдет история страны.

Тэйллефер, подумал Бишоп. Тэйллефер помчится впереди войска Вильгельма, распевая «Песнь о Роланде» и крутя мечом так, что будет виден только огненный круг.

Нормандцы пошли в атаку, но впереди не было ника-

¹ 14 октября 1066 года на реке Сенлак близ Гастингса произошло сражение между войсками англосаксонского короля Гарольда и нормандского герцога Вильгельма.

кого Тэйллефера. Никто не крутил мечом, никто не распевал. Слышались только хриплые вопли людей, мчавшихся навстречу смерти.

Всадники мчались прямо на Бишопа. Он повернулся и бросился бежать. Но не успел, и они наскочили на него. Он увидел, как блестят отшлифованные копыта лошадей и жестокая сталь подков, он увидел мерцающие острия копий, болтающиеся ножны, красные, зеленые и желтые пятна плащей, тусклые доспехи, разинутые рты людей и... вот они уже над ним. И промчались они сквозь него и над ним, словно его здесь и не было.

А выше на склоне холма раздавались хриплые крики: «Ут! Ут!» – и слышался пронзительный лязг стали. Вокруг поднялись тучи пыли, а где-то слева кричала издыхающая лошадь. Из пыли показался человек и побежал вниз по склону. Он спотыкался, падал, поднимался, снова бежал, и Бишоп видел, как лила кровь сквозь искореженные доспехи, струилась по металлу и окропляла мертвую сухую траву.

Снова появились лошади. На некоторых уже не было всадников. Они мчались, вытянув шеи, с пеной на губах. Поводья развевались на ветру. Один из всадников обмяк и свалился с седла, но нога его запуталась в стремях, и лошадь поволокла его по земле.

«Выпустите меня отсюда! – беззвучно кричал Бишоп. – Как мне отсюда выбраться! Выпустите...»

Его выпустили. Он был снова в комнате с четырьмя голыми стенами и единственным креслом.

Он сидел, не шевелясь, и думал: «Не было никакого Тэйллефера. Никто не ехал, не пел, не крутил мечом. Ска-

знание о Тэйллефере – всего лишь выдумка какого-нибудь переписчика, который додумал историю по прошествии времени».

Но люди умирали. Израненные, они бежали, шатаясь, вниз по склону и умирали. Она падали с лошадей. Их за-тапывали насмерть.

Бишоп встал, руки его дрожали. Он нетвердо зашагал в другую комнату.

– Вы будете спать, сэр? – спросил шкаф.

– Наверно, – сказал Бишоп.

– Прекрасно, сэр. Я запру дверь и погашу свет.

– Вы очень любезны.

– Обычное дело, сэр, – сказал шкаф. – Не угодно ли вам чего?

– Совершенно ничего, – сказал Бишоп. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказал шкаф.

* * *

Утром Бишоп пошел в агентство по найму, которое оказалось в одном из углов вестибюля.

Там была только высокая, белокурая, сложенная как статуэтка, девушка-кимонка, грациозности движений которой позавидовала бы любая земная красавица. Женщина, подумал Бишоп, явившаяся из какого-то классического греческого мифа, белокурая богиня во плоти. На ней не было ниспадающих свободными складками греческих одежд, но они пошли бы ей. По правде сказать, одежды на ней почти не было, и красота ее от этого только выигрывала.

– Вы новичок, – сказала она.

Бишоп кивнул.

– Я знаю о вас, – сказала она, бросив на него всего один взгляд. – Селдон Бишоп, двадцать девять земных лет.

– Да, мадам.

Она внушала раболепные чувства.

– Ваша специальность – деловая администрация.

Он уныло кивнул.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Бишоп, и мы обо всем поговорим с вами.

Он сидел и думал: «Хорошо ли для красивой девушки быть такой рослой и крепкой? Или такой компетентной?»

– Вы хотели бы взяться за какую-нибудь работу, – сказала девушка.

– Была у меня такая мысль.

– Вы специализировались на бизнесе. Боюсь, что в этой области у нас не слишком много вакантных мест.

– Для начала я не рассчитываю на многое, – сказал ей Бишоп с приличествующей, как ему казалось, скромностью и реальной оценкой обстановки. – Я готов заняться любым делом, пока не докажу, на что способен.

– Вам придется начать с самых низов. И целые годы набираться опыта. Дело не только в навыках, но в мировоззрении, в философии.

– Мне все...

Он заколебался. Он хотел сказать, что ему все равно. Но ему не все равно. Ему совсем не все равно.

– Я потратил на учебу многие годы, – сказал он. – Я знаю...

– Кимонский бизнес?

- Разве здесь все по-иному?
 - Наверно, вы в совершенстве изучили систему заключения контрактов.
 - Конечно.
 - На всем Кимоне не заключается ни одного контракта.
 - Но...
 - В контрактах нет необходимости.
 - Здесь все держится на честности?
 - На честности и кое на чем еще.
 - На чем же?
 - Вы не поймете.
 - Попробуйте объяснить мне.
 - Бесполезно, мистер Бишоп. Для вас это были бы понятия совершенно новые. Они связаны с поведением. С мотивами действий. На Земле побудительная причина деятельности – выгода...
 - А разве здесь это роли не играет?
 - Очень маленькую роль.
 - Каковы же другие побудительные причины?
 - Например, культурное самоусовершенствование.
- Можете вы представить себе, что стремление к самоусовершенствованию является таким же мощным стимулом, как и выгода?
- Бишоп ответил откровенно.
- Нет, не могу, – сказал он.
 - А это стимул более мощный, чем выгода. Но это еще не все. Вот деньги... Денег у нас нет. Они по рукам не ходят.
 - Но деньги есть. Кредитки.
 - Это сделано только для того, чтобы было удобно

людям с Земли, сказала она. – Деньги, как свидетельство богатства, понадобились нам, чтобы привлекать на работу ваших людей и оплачивать их труд... и я бы сказала, что мы оплачиваем его очень хорошо. Для этого мы сделали все, что полагается у вас. Деньги, которые мы создали, имеют силу во всей Галактике. Они обеспечены вкладами в земные банки и являются для вас законным платежным средством. Но на самом Кимоне денег в обращении нет.

– Ничего не могу понять, – выдавил из себя Бишоп.

– Конечно, не можете, – сказала девушка. – Для вас это нечто совершенно новое. Ваша культура зиждется на том, что полезность и богатство каждой личности должны иметь как бы свое физическое воплощение. Здесь мы в этом не нуждаемся. Здесь у каждой личности своя простая бухгалтерия – это он способен сделать, а это он должен делать. Он сам обо всем знает. И это всегда известно его друзьям – или партнерам по бизнесу, если хотите.

– Тогда это не бизнес, – сказал Бишоп. – Не бизнес, как я понимаю его.

– Вы совершенно правы.

– Но меня готовили для бизнеса. Я потратил...

– Годы и годы на учение. Но на земные методы ведения дел, а не на кимонские.

– Но здесь есть бизнесмены. Сотни.

– Есть ли? – спросила она с улыбкой. Она улыбалась не с превосходством, не насмешливо... просто улыбалась.

– В первую очередь, – продолжала она, – вам необходимо общение с кимонцами. Осмотритесь. Вам надо дать возможность оценить наш взгляд на вещи и узнать, как и что мы делаем.

– Вот это по мне, – сказал Бишоп. – Что же мне делать?

– Иногда люди с Земли нанимаются компаньонами.

– Не думаю, чтобы это мне подошло. Наверно, надо будет сидеть с детишками, или читать старушкам книги, или...

– Вы умеете играть на каком-нибудь инструменте или петь?

Бишоп покачал головой.

– Писать маслом? Рисовать? Танцевать?

Ни того, ни другого, ни третьего делать он не мог.

– Может быть, вы занимаетесь боксом? – спрашивала девушка. – Иногда он вызывает интерес, если не слишком жесток.

– Вы говорите о призовой борьбе?

– Думаю, вы можете это называть и так.

– Нет, боксом я не занимаюсь.

– Тогда у вас остается не слишком большой выбор, – сказала девушка, беря со стола какие-то бумаги.

– Может быть, я могу работать на транспорте? – спросил он.

– Транспортировка – личное дело каждого.

Конечно, она права, подумал он. Телекинез дает возможность транспортировать себя или что бы то ни было... без помощи механических средств.

– Связь, – сказал он слабым голосом. – Наверно, и с ней дело обстоит так же?

Она кивнула.

Телепатия, подумал он.

– Вы знакомы с транспортом и связью?

– С их земными разновидностями, – ответил Бишоп. – Думаю, здесь мои знания не пригодятся.

– Нет, – согласилась она. – Хотя мы могли бы устроить вам лекционное турне. Наши помогли бы вам подготовить материал.

Бишоп покачал головой:

– Я не умею выступать перед публикой.

Девушка встала.

– Я наведу справки, – сказала она. – Заходите. Мы найдем что-нибудь подходящее для вас.

Бишоп поблагодарил ее и вышел в вестибюль.

* * *

Он пошел гулять.

Гостиница стояла на равнине, а вокруг было пусто. Ни других зданий. Ни дорог. Ничего.

Здание гостиницы было громадное, богато украшенное и одинокое, словно перенесенное сюда невесть откуда. Оно застыло на фоне неба, и кругом не было никаких зданий, с которыми оно гармонировало бы и которые скрадывали бы его. У него был такой вид, будто кто-то в спешке свалил его здесь и так оставил.

Бишоп направился через поле к каким-то деревьям, которые, по-видимому, росли на берегу речки, и все удивлялся, почему нет ни тропинок, ни дорог... но вдруг сообразил, почему их нет.

Он подумал о годах, которые убил на зубрежку способов ведения бизнеса, и вспомнил о толстой книге выдержек из писем, которые писались домой с Кимона и содержали намеки на успешный бизнес, на ответственные должности.

И ему пришло в голову, что во всех выдержках из писем было нечто общее – на все сделки и должности только намекали, но никто и никогда не писал определенно, чем занимается.

«Зачем они это делали? – спрашивал себя Бишоп. – Почему они дурачили нас?»

Хотя, конечно, он еще много не знает. Он не пробыл на Кимоне и целого дня. «Я наведу справки, – сказала белокурая гречанка, – мы найдем что-нибудь подходящее для вас».

Он пересек поле и там, где выстроились деревья, нашел речку. Это была равнинная речка – широкий поток прозрачной воды медленно струился меж поросших травой берегов. Он лег на живот и глядел на речку. Где-то в глубине ее блеснула рыба.

Бишоп снял ботинки и стал болтать ногами в воде. Они знают о нас все, – думал он. Они знают все о нашей культуре и жизни. Они знают о знаменах с изображениями леопардов и о том, как выглядел Сенлак в субботу 14 октября 1066 года, о войске Гарольда, стоявшем на вершине холма, и о войске Вильгельма, сосредоточившемся в долине. Они знают, что движет нами, и они разрешают нам приезжать сюда, потому что им это для чего-то нужно.

Что сказала девушка, которая появилась невесть откуда на стуле, а потом исчезла, так и не притронувшись к своему стакану? «Вы будете служить развлечением, – сказала она. – Но вы привыкнете к этому. Если вы не будете думать обо всем слишком много, вы привыкнете».

«Навестите меня через неделю, – сказала она еще. – Через неделю мы поговорим».

Они знают нас, но с какой стороны?

Возможно, Сенлак – это инсценировка, но во всем, что он увидел, была какая-то странная тусклая реальность, и он всеми фибрами души своей чувствовал, что зрелище это подлинное, что все так и было. Что не было никакого Тэйллефера, что, когда человек умирал, его кишки волочились по траве, что англичане кричали: «Ут! Ут!»

Озябший Бишоп сидел в одиночестве и думал, как ки-монцы делают это. Как они дают возможность человеку нажать кнопку и оказаться вместе с давно умершими, увидеть смерть людей, прах которых давно смешался с землей?

Способа узнать, как они это делают, конечно, не было. И догадки бесполезны.

Морли Рид сказал, что техническая информация революционизирует весь облик земной экономики.

Он вспомнил, как Морли ходил из угла в угол и повторял: «Мы должны узнать. Мы должны узнать».

И способ узнать... есть. Великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды и осушил их пучками травы. Он надел ботинки и пошел к гостинице.

Белокурая богиня все еще сидела за своим столом в бюро по найму.

– Я согласен приглядывать за детишками, – сказал Бишоп.

Она была очень, почти по-детски удивлена, но в следующее же мгновение лицо ее снова стало бесстрастным, как у богини.

– Да, мистер Бишоп.

– Я все обдумал, – сказал он. – Я согласен на любую работу.

В ту ночь Бишоп долго лежал в постели и не мог уснуть. Он думал о себе, о своем положении и пришел к заключению, что все обстоит не так уж плохо.

Работа, по-видимому, найдется. Сами кимонцы этого хотят. И даже если это не та работа, которую хочется получить, начало по крайней мере будет положено. С этого опорного пункта человек может подняться выше... умный человек, конечно. А все мужчины и женщины, все земляне на Кимоне, безусловно, умны. Если бы они не были умны, они не попали бы сюда, чтобы начать новую жизнь. Все они, по-видимому, преуспевают.

В тот вечер он не видел ни Монти, ни Максайн, но поговорил с другими, и все они казались довольными своей долей... или по крайней мере делали вид, что довольны. Бишоп говорил себе, что если бы все были разочарованы, то довольного вида у них не было бы, потому что земляне больше всего любят тихо плакаться друг другу в жилетку. Ничего подобного он не заметил. Никто не жаловался.

Ему говорили о том, что организуются спортивные команды, и некоторые собеседники возлагали на это очень большие надежды, как на источник дохода.

Он разговаривал с человеком по имени Томас, который был специалистом-садоводом и работал в крупных кимонских поместьях. Тот больше часа рассказывал о выращивании экзотических цветов. Коротышка Вильямс, сидевший рядом с Бишопом в баре, с восторгом говорил о том, что ему поручено написать книгу баллад на основе кимонской истории. Некий Джексон работал над статуей по заказу одной местной семьи.

Бишоп подумал, что если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь на Кимоне становится приятной.

Взять хотя бы номер, который он получил. Красивая обстановка – дома на такую он рассчитывать бы не мог. Послушный шкаф-робот делает коктейли и бутерброды, гладит одежду, выключает свет и запирает дверь, предупреждает любое, даже невысказанное желание. А комната – комната с четырьмя голыми стенами и единственным креслом, снабженным кнопками? Там, в этой комнате, можно получить знания, найти забаву и приключения. Он сделал дурной выбор, попросив показать для начала битву при Гастингсе. Но есть другие места, другие времена, другие, более приятные и менее кровавые, события, при которых он может присутствовать.

Он присутствовал... не только смотрел. Он действительно шел вверх по склону холма. Он пытался выскочить из-под копыт мчащихся лошадей, хотя в этом не было необходимости. Ты вроде бы был и там и не там, находился в самой гуще и вместе с тем с интересом наблюдал из безопасного места.

А есть немало событий, которые стоило бы увидеть. Можно пережить всю историю человечества, с времен доисторических до позавчерашнего дня... и не только историю человечества, а еще и кимонскую и галактическую... Прогуляться с Шекспиром... Плыть с Колумбом...

Когда-нибудь, подумал Бишоп, я прогуляюсь с Шекспиром. Когда-нибудь я поплыву с Колумбом.

Он видел подлинные события. Правда, она чувствуется. Все размышления Бишоп свелись к тому, что какими

бы странными ни были условия, жить в них все-таки можно.

А условия были странными потому, что это чужая сторона, культура и технология которой неизмеримо выше земных достижений. Здесь не было необходимости в искусственной связи и механических средствах транспортировки. Здесь не было необходимости в контрактах, потому что это исключено телепатией.

Надо только приспособиться. Надо научиться жить по-кимонски и не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Он добровольно приехал на чужую планету. Ему позволили остаться, и поэтому он должен приспособиться.

– Вам беспокойно, сэр, – сказал из другой комнаты шкаф.

– Нет. Я просто думаю.

– Я могу вам дать снотворное. Очень мягкое и приятное снотворное.

– Только не снотворное, – сказал Бишоп.

– Тогда, быть может, – предложил шкаф, – вы позволите мне спеть вам колыбельную.

– Будьте любезны, – согласился Бишоп. – Мне нужна именно колыбельная.

Шкаф запел колыбельную, и вскоре Бишоп уснул.

* * *

Кимонская богиня в агентстве по найму сказала ему на следующее утро, что работа для него найдена.

– Новая семья, – сказала она.

Бишоп не знал, радоваться ли ему, что семья новая.

Возможно, было бы лучше, если бы он попал в старую семью.

– У них никогда не было человека с Земли, – пояснила девушка. – Вы будете получать сто кредиток в день.

– Сто...

– Вы будете работать только в дневное время, – продолжала она. – Я буду телепортировать вас каждое утро туда, а по вечерам они будут телепортировать вас обратно.

– Сто кредиток! – запинаясь, сказал Бишоп. – Что я должен делать?

– Будете компаньоном, – ответила богиня. – Но не надо беспокоиться. Мы проследим, чтобы с вами обращались хорошо...

– Хорошо обращались?

– Не заставляли вас слишком много работать или...

– Мисс, – сказал Бишоп, – да за сотню бумажек в день я...

Она не дала ему договорить.

– Вы согласны на эту работу?

– С радостью, – сказал Бишоп.

– Позвольте мне...

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

...Бишоп стоял в нише, а перед ним было узкое, заросшее лесом ущелье с водопадом, и со своего места он ощущал, как тянет прохладой от падающей воды. Кругом росли папоротники и деревья, громадные деревья, похожие на узловатые дубы, которые обычно встречаются на иллюстрациях к историям о короле Артуре и Робин Гуде.

По берегу речки и вверх по склону бежала тропинка. Ветерок доносил музыку и запах духов.

По тропинке шла девушка. Это была кимонка, но не такая высокая, как другие, которых он уже видел, и у нее был не такой величественный, олимпийский вид.

Затаив дыхание он следил за ее приближением, и на мгновение забыл, что она кимонка, и думал о ней только, как о хорошенькой девушке, которая идет по лесной тропинке. Она была красива, она была прелестна.

Девушка увидела его и захлопала в ладоши.

– Вы, наверно, он, – сказала она.

Бишоп вышел из ниши.

– Мы вас ждали, – продолжала она. – Мы надеялись, что вас не задержат и пошлют тотчас же.

– Меня зовут Селдон Бишоп, и мне сказали...

– Конечно, это вы и есть, – сказала девушка. – Вам даже не надо представляться. Это у вас на уме.

Она обвела рукой вокруг головы.

– Как вам понравился наш дом? – спросила она.

– Дом?

– Я, конечно, говорю глупости. Это всего лишь жилая комната. Спальни наши наверху, в горах. Но мы переменили здесь все только вчера. Все так много поработали. Я очень надеюсь, что вам понравится. Смотрите, здесь все, как на вашей планете. Мы хотели, чтобы вы чувствовали себя дома.

– Это дом? – снова спросил он.

Она взяла его за руку.

– Вы какой-то расстроенный, – сказала она. – Вы еще не начали понимать.

Бишоп покачал головой.

– Я прибыл только вчера.

– Но вам здесь нравится?

– Конечно, нравится, – сказал Бишоп. – Здесь все словно из какой-нибудь старой легенды о короле Артуре. Так и ждешь, что из лесу выедет верхом Ланселот или выйдет королева Джиневра...

– Вы знаете эти легенды?

– Конечно, знаю. Я то и дело перечитываю Теннисона.

– И вы их нам расскажете.

Он в замешательстве посмотрел на нее.

– Вы хотите послушать их?

– Конечно, хотим. А для чего же вы здесь?

«Вот оно. А для чего же я здесь?!»

– Вы хотите, чтобы я начал сейчас же?

– Не сейчас, – сказала она. – Вы еще должны познакомиться с другими. Меня зовут Элейн. Конечно, это не точно. Меня зовут по-другому, но Элейн ближе к тому, что вы привыкли произносить.

– Я могу попробовать произнести ваше настоящее имя. Я способен к языкам.

– Элейн – вполне сносное имя, – беспечно сказала девушка. Пойдемте.

Он пошел следом за ней по тропинке.

И тут он увидел, что это действительно дом – деревья были колоннами, поддерживавшими искусственное небо, которое все же не казалось слишком искусственным, а проходы между деревьями оканчивались большими окнами, смотревшими на пустошь.

Но трава и цветы, мох и папоротники были настоящими, и Бишоп не удивился бы, если бы и деревья оказались настоящими.

– Не все ли равно, настоящие они или нет, – сказала Элейн. – Их не отличишь.

Они поднялись наверх по склону и оказались в парке, где трава была подстрижена так коротко и казалась такой бархатистой, что Бишоп на мгновение подумал, что это не настоящая трава.

– Настоящая, – сказала ему Элейн.

– Вы узнаете все, что я ни подумаю.

– Все.

– Значит, я не должен думать.

– О, мы хотим, чтобы вы думали, – сказала Элейн. – Это входит в ваши обязанности.

– Вы меня наняли и ради этого?

– Совершенно верно, – подтвердила девушка.

Посреди парка стояло что-то вроде пагоды – ажурное здание, созданное, казалось, из света и тени, а не из грубой материи. Возле него Бишоп увидел шесть человек. Они смеялись и болтали. Голоса их были похожи на музыку – радостную и в то же время серьезную музыку.

– Вот они! – воскликнула Элейн. – Пойдемте.

Она побежала, и бег ее был похож на полет. У Бишопы перехватило дыхание при виде изящества и грациозности ее движений.

Он побежал следом, но совсем не грациозно. Он чувствовал, что бежит тяжело. Это был какой-то галоп, неуклюжий бег вприпрыжку по сравнению с бегом Элейн.

Он подумал, что бежит как собака. Как щенок-переросток, который пытается не отстать и бежит, переваливаясь с ноги на ногу, свесивши язык и тяжело дыша.

Он попытался бежать более грациозно и ничего не думать.

«Я не должен думать. Я не должен думать совсем. Они все узнают. Они будут смеяться надо мной».

Они смеялись именно над ним. Он чувствовал их смех – молчаливое снисходительное веселье.

Она подбежала к группе и подождала его.

– Быстрее! – крикнула она, и, хотя голос у нее был добрый, Бишоп чувствовал, что она забавляется.

Он спешил. Он тяжело скакал. Он почти задохнулся. Его взмокшее тело было очень неуклюжим.

– Вот кого нам прислали, – сказала Элейн. – Он знает легенды, связанные с такими местами, как это.

Она представила Бишопу присутствующих.

– Это Пол. Там Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мэри.

– Вы понимаете, – сказал Джим, – что это не наши имена...

– Лучшее, что я могла придумать, чтобы было похоже, – добавила Элейн.

– И чтобы вы могли произнести их, – сказала Джейн.

– Если бы вы только знали... – сказал Бишоп и вдруг замолчал.

Вот чего они хотят. Они хотят, чтобы он протестовал и проявлял неудовольствие. Они хотят, чтобы ему было неловко.

«Не думать. Стараться не думать. Они узнают все».

– Сядем, – сказала Бетти. – Бишоп будет рассказывать нам легенды.

– Быть может, – обратился к нему Джим, – вы опишете

нам жизнь на Земле? Мне было бы очень интересно послушать.

– Я знаю, что у вас есть игра, называющаяся шахматами, – сказал Джордж. – Мы, конечно, играть не можем. Вы знаете почему. Но мне было бы интересно поговорить с вами о технике и философии игры в шахматы.

– Не все сразу, – сказала Элейн. – Сначала он будет рассказывать нам легенды.

Все уселись на траву в кружок и взглянули на Бишоп.

– Я не совсем понимаю, с чего я должен начать, – сказал он.

– Но это же ясно, – откликнулась Бетти. – Начните с самого начала.

– Хорошо, – сказал Бишоп.

Он глубоко вздохнул.

– Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали...

– Именуемый... – сказал Джим.

– Вы читали эти легенды?

– Это слово у вас на уме.

– Это древнее слово, архаичное. В некоторых вариантах легенд...

– Когда-нибудь мне будет очень интересно обсудить с вами происхождение этого слова, – сказал Джим.

– Продолжайте рассказывать, – добавила Элейн.

Бишоп снова глубоко вздохнул.

– Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали Артур. Женой его была королева Джиневра, а Ланселот был его самым верным рыцарем...

Пишущую машинку Бишоп нашел в письменном столе, стоявшем в гостиной. Он сел за стол, чтобы написать письмо.

«Дорогой Морли», – начал он.

А что писать? Что он благополучно прибыл и получил работу? Что за работу платят сто кредиток в день – в десять раз больше того, что человек его положения может зарабатывать на любой земной работе?

Бишоп снова склонился над машинкой.

«Прежде всего, хочу сообщить, что я благополучно доехал и уже устроился на работу. Работа, может быть, не слишком хорошая, но я получаю сотню в день. На Земле я столько не зарабатывал бы».

Он встал и начал ходить. Следует сказать гораздо больше. Нельзя ограничиваться одним абзацем. Бишоп даже вспотел. Ну что он напишет?

Он снова сел за машинку.

«Для того чтобы скорее познакомиться с местными условиями и обычаями, я поступил на работу, которая даст мне возможность тесно общаться с кимонцами. Я нахожу, что это прекрасные люди, но иногда не совсем понимаю их. Я не сомневаюсь, что вскоре буду понимать их и по-настоящему люблю».

Он отодвинулся вместе со стулом назад и стал читать то, что написал.

Да, это похоже на любое из тысячи писем, которые он читал.

Бишоп представил себе тысячи других людей, которые садились писать свое первое письмо с Кимона и судорожно придумывали сказочки, безобидную полуправду, бальзам, способный принести облегчение уязвленной гордости.

«Работа моя состоит в том, что я развлекаю и веселю одну семью. Я рассказываю им легенды и позволяю смеяться надо мной. Я делаю это, так как не могу признаться себе в том, что сказка о Кимоне – это ловушка для дураков и что я попал в нее...»

Нет, так писать не годится. И так тоже:

«Но, несмотря ни на что, я держусь. Пока я получаю сотню в день, пусть их смеются, сколько им угодно. Я остаюсь здесь и сорву большой куш, что бы...»

Дома он был единственным из тысячи. Дома о нем говорили вполголоса, потому что он добился своего.

Бизнесмены на борту корабля говорили ему: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес», – и предлагали миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Бишоп вспомнил, как Морли ходил из угла в угол. Он сказал, что надо вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. Найти способ разобраться в кимонцах. Найти способ понимать их. Узнать самую малость... тут уж не до большого. Узнать самую малость. Пусть это окажется чем

угодно, но только бы увидеть что-нибудь еще, кроме бесстрастного лика Кимона, обращенного к землянам.

Письмо надо как-нибудь кончить. Нельзя оставлять его так. Он снова сел за машинку.

«Позже я напишу тебе более подробно. Сейчас я очень тороплюсь».

Бишоп нахмурился. Но что бы он ни написал, все будет вранье. Это не хуже десятка других отговорок:

«Спешу на заседание... У меня свидание с клиентом... Надо срочно просмотреть бумаги...» Все это вранье.

Бишоп написал: «Часто думаю о тебе. Напиши мне, когда сможешь».

Морли напишет ему. Восторженное письмо, письмо, слегка окрашенное завистью, письмо человека, который хотел бы поехать на Кимон, но не может.

Нельзя говорить правду, когда всякий отдал бы правую руку, чтобы поехать на Кимон.

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим из негодяев Галактики.

А письма из дому? И гордые, и завистливые, и дышащие счастьем оттого, что тебе живется хорошо, – все это только дополнительные цепи, которые приковывают к Кимону и кимонской лжи.

– Нельзя ли чего-нибудь выпить? – спросил у шкафа Бишоп.

– Пожалуйста, сэр, – сказал шкаф. – Сейчас будет, сэр.

– Налейте побольше и покрепче.

– Да, сэр. Побольше и покрепче...

Бишоп встретил ее в баре.

– Это опять вы, – сказала она таким тоном, будто они встречались очень часто.

Он сел на табурет рядом с ней.

– Неделя почти кончилась, – напомнил Бишоп.

Максайд кивнула.

– Мы наблюдали за вами. Вы держитесь хорошо.

– Вы обещали что-то сказать мне.

– Забудьте это, – сказала девушка. – Что говорить... Вы мне показались умным, но не совсем зрелым человеком. Мне стало жаль вас.

– Скажите, – спросил Бишоп, – почему на Земле ничего не известно? Я, конечно, тоже писал письма. Но не признался в том, что происходит со мной. И вы не писали о своем состоянии. Никто из окружающих не писал. Но кто-то же из людей за все эти годы...

– Все мы одинаковы, – сказала Максайд. – Как горошины в стручке. Мы все тут, как на подбор, упрямы, тщеславны, трусливы. Мы прошли огонь, воду и медные трубы, чтобы попасть сюда. Мы оттерли других. И они уже никогда не оправятся от этого. Неужели вы не понимаете? У них тоже есть гордость, и она поправа. Но с чем можно было бы сравнить их радость, если бы они узнали всю правду! Именно об этом и думаем все мы, когда садимся писать письма. Мы думаем, как будут надрываться от смеха тысячи наших конкурентов. Мы прячемся за чужие спины, стараемся сжаться, чтобы никто не заметил нас...

Она сжала кулачок и постучала себя по груди.

– Вот вам и ответ, – продолжала она. – Вот почему мы никогда не пишем правду. Вот почему мы не возвращаемся.

– Но это продолжается многие годы. Почти сотню лет. За это время кто-нибудь да должен был проговориться...

– И потерять все это? – спросила Максайн. – Потерять легкий заработок? Быть исключенным из братства пропащих душ? Потерять надежду? Не забывайте этого. Мы всегда надеемся, что Кимон раскроет свои секреты.

– А он их раскроет?

– Не знаю. Но на вашем месте я бы на это не надеялась.

– Но ведь такая жизнь не для достойных...

– Не говорите этого. Какие же мы достойные люди! Мы трусливы и слабы, все мы!

– Но жизнь, которую...

– Вы хотите сказать, что здесь нам хорошо живется? У нас нет прочного положения. А дети? Немногие из нас имеют детей. Детям не так плохо, как нам, потому что они ничего иного и не знают. Ребенок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным.

– Мы не рабы, – сказал Бишоп.

– Конечно, нет, – согласилась Максайн. – Мы можем уехать отсюда, когда захотим. Нам достаточно подойти к местному жителю и сказать: «Я хочу обратно на Землю». Вот и все. Любой из них может отослать вас обратно... точно так, как они отправляют письма, точно так, как они доставляют вас к месту работы или в вашу комнату.

– Но никто еще не возвратился.

– Конечно, никто, – подтвердила Максайн. – Запомни-

те, что я вам сказала. Не думайте. Только так можно жить. Никогда не думайте. И вам будет хорошо. Вы будете жить спокойно, легко.

– Верно, – сказал Бишоп, – только так можно жить.

Она искоса посмотрела на него.

– Вы начинаете понимать, в чем тут дело.

Они заказали еще по одному коктейлю.

В углу какая-то компания пела хором. Неподалеку ссорилась парочка.

– Тут слишком шумно, – сказала Максайдн. – Не хотите ли посмотреть мои картины?

– Ваши картины?

– То, чем я зарабатываю себе на жизнь. Они довольно плохи, но в этом никто не разбирается.

– Я бы посмотрел.

– Тогда хватайтесь за меня и держитесь.

– Хватайтесь...

– Мысленно. Не руками, конечно. К чему пользоваться лифтом?

Бишоп удивленно посмотрел на нее.

– Учитесь, – сказала Максайдн. – В совершенстве вы этим не овладеете никогда, но двум-трем трюкам научитесь.

– А что мне делать?

– Просто расслабьтесь, – сказала Максайдн. – Умственно, конечно. Постарайтесь быть поближе ко мне. Не пытайтесь помогать. Вы не сможете.

Он расслабился и постарался быть поближе к ней, сомневаясь, правильно ли он все делает.

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

Они стояли в другой комнате.

– Я сделала глупость, – сказала Максайдн. – Когда-нибудь я ошибусь и засяду в стене или где-нибудь еще.

Бишоп вздохнул, огляделся и присвистнул.

– Как здесь хорошо, – сказал он.

Вдалеке едва виднелись стены. На западе возвышались снежные горы, на востоке текла река, берега которой поросли густым лесом. Прямо из пола росли цветы и кусты. В комнате были синеватые сумерки, а где-то вдалеке играл оркестр.

Послышался голос шкафа:

– Что угодно, мадам?

– Коктейли, – сказала Максайдн. – Не слишком крепкие. Мы уже раздавили бутылочку.

– Не слишком крепкие, – повторил шкаф. – Сию минуту, мадам.

– Иллюзия, – сказала Максайдн. – Все тут иллюзия. Но прекрасная иллюзия. Хотите попасть на пляж? Он ждет вас. Стоит только подумать о нем. Или на Северный полюс. Или в пустыню. Или в старый замок. Все это будет как по мановению волшебного жезла.

– За ваши картины, должно быть, хорошо платят, – предположил Бишоп.

– Не за картины. За мою раздражительность. Начинайте с этого. Впадите в черную меланхолию. Начните подумывать о самоубийстве. Тогда все у вас будет наверняка. Вас быстренько вознесут в номер получше. Сделают все, лишь бы вы были довольны.

– Вы хотите сказать, что кимонцы сами переместили вас сюда.

– Конечно. Вы еще новичок, и потому у вас не такой номер.

– Мне мой номер нравится, – сказал Бишоп.

Коктейли были готовы.

– Садитесь, – сказала Максайдн. – Хотите луну?

Появилась луна.

– Хотите две или три? – продолжала она. – Но это уже будет слишком. С одной луной совсем как на Земле. Так вроде бы уютней.

– Но ведь должен быть предел, – сказал Бишоп. – Не могут же они улучшать наше положение до бесконечности. Должно прийти время, когда даже кимонцам нельзя уже будет придумать ничего нового и неизведанного.

– На вашу жизнь хватит. Все вы, новички, одинаковы. Вы недооцениваете кимонцев. В вашем представлении они люди, земные люди, которые знают чуточку больше нас. Но они совсем другие. Ни в чем не похожие на нас. Только вид у них человеческий. Они снисходят до общения с нами.

– Но для чего же им нужно общаться с нами?

– Вот об этом, – сказала Максайдн, – мы никогда не спрашиваем. От этого можно с ума сойти.

* * *

Бишоп рассказал своим кимонцам об обычае людей устраивать пикники. Эта мысль им никогда не приходила в голову, и они ухватились за нее с детской радостью.

Они выбрали для пикника уголок в горах, прорезанных глубокими ущельями, поросшими деревьями и цветами. Тут же была горная речка с водой, прозрачной, как стекло, и холодной, как лед.

Они устраивали различные игры и боролись. Они плавали, загорали и слушали рассказы Бишопа, усаживаясь в кружок, отпуская язвительные замечания, перебивая, споря.

Но Бишоп посмеивался над ними, не открыто, конечно, так как он знал, что они не хотят оскорбить его, а просто забавляются.

Еще несколько недель назад он обижался, сердился в чувствовал себя униженным, но постепенно привык... заставил себя привыкнуть. Если им нужен клоун, пожалуйста, он будет клоуном. Если уж ему суждено быть придворным шутком, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, то он должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело.

Временами в их поведении была какая-то злобность, какая-то жестокость, но долго это не продолжалось. С ними можно было ладить, если только знать, как это делать.

К вечеру они разложили костер и, усевшись вокруг него, разговаривали, шутили, смеялись, оставив, наконец, Бишопа в покое. Элейн и Бетти были чем-то встревожены. Джим посмеивался над их тревогой.

– Ни один зверь к костру не подойдет, – сказал он.

– А тут есть звери? – спросил Бишоп.

– Немного есть, – ответил Джим. – Кое-какие еще остались.

Бишоп лежал, глядя на огонь, прислушиваясь к разговору, радуясь, что его оставили в покое. Наверно, такое же ощущение бывает у собаки, подумал он. У щенка, который прячется в угол от детишек, которые не дают ему покоя.

Он смотрел на огонь и вспоминал, как когда-то с дру-

зьями совершал вылазки за город, как они раскладывали костер и лежали вокруг него, глядя на небо, на старое знакомое небо Земли.

А здесь другой костер. И пикник. Но костер и пикник – земные, потому что люди Кимона не имели представления о пикниках. Они не знают и о многом другом. Народные обычаи Земли им незнакомы.

В тот вечер Морли советовал ему присматриваться к мелочам. Может быть, они дадут ответ...

Кимонцам нравятся картины Максайн, потому что они примитивны. Это примитив, но не лучшего сорта. А может быть, до знакомства с людьми Земли кимонцы тоже не знали, что могут быть такие картины?

В конце концов есть ли в броне, покрывающей кимонцев, какие-нибудь щели? Пикники, картины и многое другое, за что они ценят пришельцев с Земли... Может быть, это щели?

Наверно, это зацепка, которую ищет Морли.

Бишоп лежал и думал, забыв, что думать не следует, так как кимонцы читают мысли.

Голоса их затихли, и наступила торжественная ночная тишина. Скоро, подумал Бишоп, мы вернемся – они домой, а я в гостиницу. Далеко ли она? Может быть, до нее полмира. И все же я окажусь там в одно мгновение. Надо бы подложить в костер дров.

Он встал и вдруг заметил, что остался один.

Бишоп охватил страх. Они ушли и оставили его одного. Они забыли о нем. Но этого не может быть. Они просто тихонько скрылись в темноте. Наверно, шутят. Хотят напугать его. Завели разговор о зверях, а потом

спрятались, пока он лежа дремал у костра. Теперь наблюдают из темноты, наслаждаясь его мыслями, которые говорят им, что он испугался.

Он нашел ветки и подбросил их в костер. Они загорелись и вспыхнули. Бишоп охватило безразличие, но он почувствовал, что инстинктивно ежится.

Сейчас он впервые понял, насколько чужд ему Кимон. Планета не казалась чужой прежде, за исключением тех нескольких минут, когда он ждал в парке после того, как его высадила шлюпка. Но даже тогда она не была очень чужой, ибо он знал, что его встретят, что кто-то непременно позаботится о нем.

В том-то все и дело, подумал он. Кто-то должен позаботиться обо мне. О нас заботятся... хорошо. Прямо-таки окружают заботой. Нас приютили, нас опекают, нас балуют... да, да, именно балуют. А почему? Сейчас им надоест эта игра, и они вернутся в круг света. Наверно, я должен полностью отработать получаемые деньги. Наверно, я должен изображать испуганного человека и звать их. Наверно, я должен вглядываться в темноту и делать вид, что боюсь зверей, о которых они говорили. Они говорили об этом, конечно, не слишком много. Они очень умны для этого, слишком умны. Упомянули вскользь, что есть звери, и переменили тему разговора. Не подчеркивали, не пугали. Ничего лишнего не было сказано. Просто высказали предположение, что есть звери, которых надо бояться.

Бишоп сидел и ждал. Теперь он уже меньше боялся, так как осмыслил причину страха. «Я сижу у костра на Земле», – твердил он себе. Только то была не Земля. Только то была чужая планета.

Зашелестели кусты.

Они идут, подумал Бишоп. Они сообразили, что ничего у них не вышло. Они возвращаются.

Снова зашелестели кусты, покатился задетый кем-то камешек.

Бишоп не шевелился.

Им не запугать меня. Им не запугать...

Почувствовав чье-то дыхание на своей шее, он судорожно вскочил и отпрыгнул. Потом он споткнулся и упал, чуть было не попав в костер. Снова вскочив, он обежал костер, чтобы спрятаться за ним от существа, дышавшего ему в шею.

Бишоп припал к земле и увидел, как в раскрытой пасти блеснули зубы. Зверь поднял голову и закрыл пасть. Бишоп услышал лязг зубов и что-то вроде короткого хриплого стоны, вырвавшегося из могучей глотки.

В голову ему пришла дикая мысль. Это совсем не зверь. Над ним просто продолжают шутить. Если они могут построить дом, напоминающий английский лес, всего на день-два, а потом заставить его исчезнуть, когда в нем уже нет необходимости, то для них, безусловно, секундное дело придумать и создать зверя.

Зверь бесшумно шел к Бишопу, а тот думал: животные боятся огня. Все животные боятся огня. Он не подойдет ко мне, если я стану поближе к огню.

Он наклонился и поднял сук.

Животные боятся огня. Но этот зверь не боялся. Он бесшумно огибал костер. Он вытянул шею и понюхал воздух. Зверь совсем не спешил, так как был уверен, что человек никуда не денется. Бишоп прошиб пот.

Зверь, огибая костер, стремительно приближался. Бишоп снова отпрыгнул за костер. Зверь остановился, посмотрел на него, затем прижался мордой к земле и выгнул спину. Хищник бил хвостом и рычал.

Теперь уже Бишоп похолодел от страха. Может быть, это зверь. Может быть, это не шутка, а настоящий зверь.

Бишоп подбежал к костру вплотную. Он весь напрягся, готовый бежать, отскочить, драться, если придется. Но он знал, что со зверем ему не сладить. И все же, если дело дойдет до схватки, он будет биться.

Зверь прыгнул.

Бишоп побежал. Но тут же поскользнулся, упал и покатился в костер.

Протянулась чья-то рука,хватила Бишопавиз огня и положила на землю. Послышался сердитый крик.

Вселенная раскололась и вновь соединилась. Бишоп лежал на полу. С трудом он поднялся на ноги. Рука была обожжена и болела. Одежда тлела, и он стал гасить ее здоровой рукой.

Послышался голос:

– Простите, сэр. Этого нельзя было допускать.

Человек, сказавший это, был высок, гораздо выше всех кимонцев, которых Бишоп видел прежде. Он был трехметрового роста, наверное. Нет, не трехметрового... Совсем не трехметрового... Он был, по-видимому, не выше высокого человека с Земли. Но он стоял так, что казался очень высоким. И осанка его и голос – все вместе создавало впечатление, что человек очень высок...

Бишоп подумал, что впервые видит кимонца не первой молодости. У него были седые виски и лицо в морщинах,

похожих на морщины старых охотников и моряков, которым приходится щуриться, всматриваясь в даль.

Когда Бишоп осмотрелся, то при виде комнаты, в которой они с кимонцем стояли, у него перехватило дыхание. Описать ее словами было бы невозможно... он не только видел ее, он ощущал ее всеми чувствами, которыми был наделен. В ней был целый мир, вся вселенная, все, что он когда-либо видел, все его мечты... Казалось, она бесконечно продолжается во времени и пространстве, но вместе с тем это была жилая комната, не лишенная комфорта и уюта.

И все же, когда Бишоп снова поглядел вокруг, он почувствовал простоту, которую не заметил сразу. Жизни претит вычурность. Казалось, что комната и люди, которые жили в ее стенах, – это единое целое. Казалось, что комната изо всех сил старается быть не комнатой, а частью жизни, и настолько в этом преуспевает, что становится незаметной.

– Я был против с самого начала, – сказал кимонец. – Теперь я убедился, что был прав. Но дети хотели, чтобы вы...

– Дети?

– Конечно. Я отец Элейн.

Однако он не произнес слова «Элейн». Он назвал другое имя, имя, которое, как говорила Элейн, не мог бы произнести ни один человек с Земли.

– Как ваша рука? – спросил кимонец.

– Ничего, – ответил Бишоп. – Небольшой ожог.

У него было такое ощущение, словно произносил эти слова не он, а кто-то другой, стоявший рядом.

Он не мог бы шевельнуться, даже если бы ему заплатили миллион.

– Надо будет вам помочь, – сказал кимонец. – Побеседуем позже...

– Прошу вас, сэр, об одном, – сказал человек, говоривший за Бишопа. – Отправьте меня в гостиницу.

Он почувствовал, как сразу понял его собеседник, испытывавший к нему сострадание и жалость.

– Конечно, – сказал высокий кимонец. – С вашего позволения, сэр...

Однажды дети захотели иметь собачку – маленького игривого щенка. Их отец сказал, что собачки он им не приобретет, так как с собаками они обращаться не умеют. Но они так просили его, что он, наконец, притащил домой собаку, прелестного щенка, маленький пушистый шарик с четырьмя нетвердо ступающими лапками.

Дети обращались с ним не так уж плохо. Они были жестоки, как все дети. Они тискали и трепали его; они дергали его за уши и за хвост; они дразнили его. Но щенок не терял жизнерадостности. Он любил играть и, что бы с ним ни делали, лънул к детям. Ему, несомненно, очень льстило общение с умным человеческим родом, родом, который настолько опередил собак по культуре и уму, что сравнивать даже смешно. Но однажды дети отправились на пикник и к вечеру так устали, что, уходя, забыли щенка.

В этом не было ничего плохого. Дети ведь забывчивы, что с ними не делай, а щенок – это всего-навсего собака...

– Вы сегодня вернулись очень поздно, сэр, – сказал шкаф.

– Да, – угрюмо откликнулся Бишоп.

– Вы поранились, сэр. Я чувствую.

– Мне обожгло руку.

Одна из дверей шкафа открылась.

– Положите руку сюда, – сказал шкаф. – Я залечу ее в один миг.

Бишоп сунул руку в отделение шкафа. Он почувствовал какие-то осторожные прикосновения.

– Ожог несерьезный, сэр, – сказал шкаф, – но, я думаю, болезненный.

«Мы игрушки, – подумал Бишоп. – Гостиница – это домик для кукол... или собачья конура. Это нескладная хижина, подобная тем, какие сооружаются на Земле ребятами из старых ящиков, дощечек. По сравнению с комнатой кимонца это просто лачуга, хотя, впрочем, лачуга роскошная. Для людей с Земли она годится, вполне годится, но это все же лачуга. А кто же мы? Кто мы? Баловни детишек. Кимонские щенята. Импортные щенята».

– Простите, сэр, – сказал шкаф. – Вы не щенята.

– Что?

– Еще раз прошу прощенья, сэр. Мне не следовало этого говорить... но мне не хотелось бы, чтобы вы думали...

– Если мы не комнатные собачки, то кто же мы?

– Извините, сэр. Я сказал это невольно, уверяю вас. Мне не следовало бы...

– Вы ничего не делаете без расчета, – с горечью сказал Бишоп. – Вы и все они. Потому что вы один из них. Вы сказали это только потому, что так хотели они.

– Я уверяю вас, что вы ошибаетесь.

– Естественно, вы все будете отрицать, – сказал Бишоп.

Продолжайте выполнять свои обязанности. Вы еще не сказали всего, что вам велено сообщить мне. Продолжайте.

— Для меня неважно, что вы думаете, — сказал шкаф. — Но если бы вы думали о себе, как о товарищах по детским играм...

— Час от часу не легче, — сказал Бишоп.

— То это было бы бесконечно лучше, — продолжал шкаф, — чем думать о себе, как о щенках.

— И на какую же мысль они хотят меня натолкнуть?

— Им все равно, — сказал шкаф. — Все зависит от вас самих. Я высказываю только предположение, сэр.

Хорошо, значит это только предположение. Хорошо, значит, они товарищи по детским играм, а не домашние собачки.

Дети Кимона приглашают поиграть грязных, оборванных, сопливых пострелов с улицы. Наверно, это лучше, чем быть импортной собачкой.

Но даже в таком случае все придумали дети Кимона. Это они создали правила для тех, кто хотел поехать на Кимон, это они построили гостиницу, обслуживали ее, давали людям с Земли роскошные номера, это они придумали так называемые должности, это они организовали печатание кредиток.

И если это так, то, значит, не только люди Земли, но и ее правители вели переговоры или пытались вести переговоры всего лишь с детьми народа другой планеты. Вот в чем существенная разница между людьми с Земли и кимонцами.

А может быть, он не прав?

Может быть, вообразив себя комнатной собачкой и

ожесточившись, он в своих размышлениях пошел не по тому пути? Может быть, он и в самом деле был товарищем по детским играм, взрослым человеком с Земли, низведенным до уровня ребенка... и притом глупого ребенка? Может быть, не стоило думать о себе, как о комнатной собачке, а следовательно, и приходить к мысли, что это дети Кимона организовали иммиграцию людей с Земли?

А если не дети приглашают в дом уличных мальчишек, а если инициатива проявлена взрослыми Кимона, то что это? Школьная программа? Какая-то фаза постепенного обучения? Или своего рода летний лагерь, куда приглашают способных, но живущих в плохих условиях землян? Или просто это безопасный способ занять и развлечь кимонских ребятишек?

«Мы должны были догадаться об этом давным-давно, — сказал себе Бишоп. — Но даже если бы кому-нибудь из нас и пришла в голову мысль, что мы комнатные собачки или товарищи по детским играм, то мы прогнали бы ее, потому что слишком самолюбивы».

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Рука почти как новенькая. Завтра вы сможете сами одеться.

Бишоп молча стоял перед шкафом. Рука его безвольно повисла.

Не спрашивая его, шкаф приготовил коктейль.

— Я сделал порцию побольше и покрепче, — сказал шкаф. — Думаю, вам это необходимо.

— Спасибо, — поблагодарил Бишоп.

Он взял стакан, но не стал пить, а продолжал думать: что-то тут не так. Мы слишком самолюбивы.

— Что-нибудь не так, сэр?

- Все в порядке, – сказал Бишоп.
- Но вы пейте.
- Потом выпью.

Нормандцы сели на коней в субботний полдень. Кони гарцевали, знамена с изображениями леопардов развевались на ветру, флажки на копьях трепетали, постукивали ножны мечей. Нормандцы бросились в атаку, но, как говорит история, были отбиты. Все это совершенно правильно, потому что только вечером стена саксов была прорвана, и последнее сражение вокруг знамени с драконом разыгралось уже почти в темноте.

Но не было никакого Тэйллефера, который ехал впереди, крутил мечом и пел.

Тут история ошиблась.

Века два спустя какой-нибудь писец позабавился тем, что вставил в прозаическую историю романтический рассказ о Тэйллефере. Он написал это, протестуя против заточения в четырех голых стенах, против спартанской пищи, против нудной работы, так как на дворе была весна, и ему хотелось отправиться погулять в поле или в лес, а не сидеть взаперти, сгорбившись над чернильницей.

«Вот так же и мы, – подумал Бишоп. – В наших письмах домой мы скрываем правду. И мы делаем это ради себя. Мы щадим свою гордость».

- Вот, – сказал Бишоп шкафу, – выпейте это за меня.

Он поставил стакан, к которому так и не притронулся, на шкаф.

Шкаф от удивления булькнул.

- Я не пью, – сказал он.

- Тогда слейте в бутылку.

– Я не могу этого сделать, – в ужасе сказал шкаф. – Это же смесь.

– Тогда разделите ее на составные части.

– Не могу, – взмолился шкаф. – Не хотите же вы...

Раздался шелест, и посередине комнаты появилась Максайн. Она улыбнулась Бишопу.

– Что происходит? – спросила она.

Шкаф обратился к ней:

– Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составные части. Он же знает, что я не могу этого сделать.

– Ну и ну, – сказала Максайн. – А я думала, что вы умеете все.

– Этого сделать я не могу, – сухо сказал шкаф. – Почему бы вам не взять коктейль?

– Хорошая мысль, – согласилась девушка. Она подошла к шкафу и взяла стакан. – Что с вами? – спросила она Бишопу.

– Я просто не хочу пить. Разве человек не имеет права...

– Имеет, – сказала Максайн. – Конечно, имеет. А что у вас с рукой.

– Ожог.

– Вы уже достаточно взрослый, чтобы не баловаться с огнем.

– А вы достаточно взрослая, чтобы не врываться в комнату таким образом. Когда-нибудь вы соберете себя точно в том месте, где будет стоять другой человек.

Максайн захихикала.

– Вот это будет смешно, – сказала она. – Представьте себе, вы и я...

– Это была бы каша.

– Предложите мне сесть, – сказала Максайд. – Давайте будем общительными и вежливыми.

– Конечно, садитесь.

Она села на кушетку.

– Меня интересует самотелепортация, – сказал Бишоп. – Я спрашивал вас, как это делается, но вы мне не ответили.

– Это просто само пришло ко мне.

– Не может быть, чтобы телепортировали вы сами. Люди не обладают парапсихическими...

– Когда-нибудь вы взорветесь. Слишком уж кипите.

Бишоп сел рядом с Максайд.

– Да, я киплю, – сказал он. – Но...

– Что еще?

– А вы когда-нибудь задумывались над тем, как это у вас получается? Пытались ли вы перемещать что-нибудь еще... не только себя?

– Нет.

– Почему?

– Послушайте. Я заскочила, чтобы выпить с вами и немного забыться, а не заниматься техническими разговорами. Я ничего не знаю и не понимаю. Мы многого не понимаем.

Максайд взглянула на Бишоп, и в ее глазах мелькнул испуг.

– Вы притворяетесь, что вам не страшно? – продолжала она. – Давайте перестанем притворяться. Давайте признаемся, что...

Она поднесла стакан к губам, и вдруг он выскользнул из руки.

– Ах!

Стакан повис в воздухе над самым полом. Затем он поднялся. Макслайн протянула руку и схватила его. Но тут он снова выскользнул из ее дрожавшей руки. На этот раз упал на пол и разбился.

– Повторите все снова, – сказал Бишоп.

– Это со мной впервые. Я не знаю, как это случилось. Я просто не хотела, чтобы он разбился, и...

– А во второй раз?

– Вы дурак, – возмутилась Макслайн. – Я говорю вам, что я ничего не делала. Я не разыгрывала вас. Я не знаю, как это получилось.

– Но получилось же. Это начало.

– Начало?

– Вы не дали стакану упасть на пол. Вы телепортировали его обратно в руку.

– Послушайте, – мрачно сказала она, – перестаньте обманывать себя. За нами все время следят. Кимонцы иногда устраивают такие трюки. Ради шуток.

Она рассмеялась и встала, но смех ее был неестественный.

– Вы не пользуетесь случаем, – сказал Бишоп. – Вы ужасно боитесь, что над вами будут смеяться. Надо быть мудрой.

– Спасибо за коктейль, – сказала она.

– Но, Макслайн...

– Навестите меня как-нибудь.

– Макслайн! Погодите!

Но она уже исчезла.

«...Надо забыть о самолюбии. Надо проанализировать факты, – думал Бишоп. – У кимонцев более высокая культура, чем у нас. Другими словами, они ушли дальше по дороге эволюции, чем мы, ушли дальше от обезьяны. А как людям Земли достичь этого?»

Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия – она подсказывает, как лучше использовать ум, который уже есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со вселенной.

И если кимонцы все понимают, если они добились своего, разобравшись во всем, то нельзя представить себе, чтобы они брали к себе на службу других разумных существ в качестве щенков. Или даже в качестве товарищей по детским играм. Но это могло бы быть в том случае, если бы игра приносила пользу не их детям, а детям Земли. Они осознавали бы, какой ущерб наносит подобная практика, и пошли бы на нее только в том случае, если бы в конце концов из всего этого вышел толк.

Бишоп сидел, думал, и собственные мысли казались ему логичными, потому что даже в истории его родной планеты бывали периоды, когда переход на новую, высшую ступень развития требовал издержек.

И еще.

В своем развитии люди не скоро обретут парапсихические способности, так как они могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и ин-

теллектуально не подготовлено к обращению с ними. Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому что это не игра для подростков. В сравнении с кимонцами люди могут считать себя лишь детьми.

С этим было трудно согласиться. Это не укладывалось в голову. Но согласиться было необходимо. Необходимо.

– Уже поздно, сэр, – сказал шкаф. – Вы, по-видимому, устали.

– Вы хотите, чтобы я лег спать.

– Я только предположил, что вы устали, сэр.

– Ладно, – сказал Бишоп.

Он встал и пошел в спальню, улыбаясь про себя. Послали спать... как ребенка. И он пошел.

Не сказал: «Я лягу, когда мне будет надо». Не цеплялся за свое достоинство взрослого. Не капризничал, не стучал ногами, не вопил.

Пошел спать... как ребенок, которому велено идти в постель.

Может быть, так и надо делать. Может быть, это ответ на все вопросы. Может быть, это единственный ответ.

Бишоп обернулся.

– Шкаф!

– Что вам угодно, сэр?

– Ничего. То есть от вас мне ничего не надо. Спасибо за то, что подлечили руку.

– Ну и хорошо, – сказал шкаф. – Спокойной ночи!

Может быть, это и есть ответ. Вести себя, как ребенок. А как поступает ребенок? Он идет спать, когда ему велят. Он слушается взрослых. Он ходит в школу. Он... Погодите!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж. Он понимает, что ему надо многому научиться, прежде чем он займет свое место в мире взрослых.

Но я ходил в школу, подумал Бишоп. Я ходил в школу долгие годы. Я усердно учился и выдержал экзамен, на котором провалились тысячи других. Я был подготовлен к поездке на Кимон.

Однако будь ты на Земле хоть доктором, по прибытии на Кимон ты становишься всего лишь «выпускником» детского сада.

Монти немного овладел телепатией. И другие тоже. Максайн может телепортировать себя, и она не дала стакану разбиться об пол. Наверно, и другие на это способны.

А они только еще постигают азы.

Телепатия и умение не дать стакану разбиться – это еще далеко не все. Парапсихическое могущество – это далеко не единственное достижение культуры Кимона.

Может быть, мы готовы, думал Бишоп. Может быть, мы уже почти вышли из подросткового возраста. Может быть, мы уже почти готовы к восприятию культуры взрослых. А иначе почему бы кимонцы пустили к себе из всей Галактики только нас?

У Бишопы голова шла кругом.

На Земле один из тысячи выдерживает экзамен, дающий право поехать на Кимон. Может быть, на Кимоне одного из тысячи находят достойным приобщения к культуре Кимона.

Но прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты еще ребенок. С капризами тебя никуда не пустят. Надо отбросить ложное самолюбие, которым ты, как щитом, закрываешься от культуры, требующей твоего понимания.

«Эх, Морли, наверно, я получил ответ, – сказал про себя Бишоп, – ответ, которого ты ждешь на Земле. Но я не могу сообщить тебе его. Его нельзя передать другому. Его должен найти каждый сам для себя».

Жаль, что Земля не подготовлена к тому, чтобы найти этот ответ. Такого не проходят в школах Земли.

Армии и пушки не смогут взять штурмом цитадель кимонской культуры, потому что воевать с народом, обладающим парапсихическими способностями, просто невозможно.

Только мудрое терпение поможет разгадать тайны планеты. А земляне люди нетерпеливые, не мирные. Здесь все по-другому. Здесь надо стать другим.

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать. И дать обещание, что буду усердно учиться. Может быть, нас для того и привозят сюда, чтобы один из тысячи имел возможность сообразить это. Может быть, кимонцы наблюдают за нами, надеясь, что сообразит не только один из тысячи. Может быть, им больше хочется передать свои знания, чем нам учиться. Потому что они одиноки в Галактике, в которой нет существ, подобных им.

Неужели все живущие в гостинице потерпели неудачу? Неужели они никогда не пытались догадаться, в чем дело, или пытались, но безуспешно?

А другие... по одному из каждой тысячи... где они?

Бишоп терялся в догадках.

Но может быть, все это предположения? Мечты? Завтра утром он проснется и узнает, что ошибался. Он спустится в бар, выпьет с Максайн или Монти и будет смеяться над тем, о чем мечтает сейчас.

Школа. Но это была бы не школа... по крайней мере она была бы совсем не похожа на те школы, в которых он когда-то учился.

Хорошо бы...

– Ложитесь-ка спать, сэр, – сказал шкаф.

– Наверно, надо ложиться, – согласился Бишоп. – День был тяжелый и долгий.

– Вы захотите встать пораньше, – заметил шкаф, – чтобы не опоздать в школу.

КУШ

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

– Протрезвляйся, – приказал я. – Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подалее от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

– Меня это не касается, капитан. Как врач...

– Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

– Понятно, – мрачно проговорил Док. – Раз ты так говоришь, значит, нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера – чистый яд.

– Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

– Анализаторы-то работают прекрасно – сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

– Мы не делаем ничего дурного, – сказал я.

– Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

– Поднимись в камбуз, – сказал я, – и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

– А что на этот раз?

– Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

– Силосная башня – это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

– Нет, – сказал я, – тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

– Товарный склад? – спрашивал Док. – Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

– Встать! – заорал я. – Двигай!

Он с трудом встал.

– Наверно, население высыпало приветствовать нас. И, напилось, как положено.

– Нет тут населения, – сказал я. – Стоит одна силосная башня, и все.

– Ну и ну, – сказал Док. – Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается. Уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово – и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревок, и бачки с водой. Как заместителю капитана, Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

– В таком местечке, – сказал Фрост, – будет чем поживиться.

– Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не останавливает. Если мы сможем забраться внутрь.

– В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

– С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволял себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись.

– Говорю вам, эти двигатели того и гляди развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вздохнуть некогда – только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

– Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю так, чтобы подбодрить и себя и его.

– Когда-нибудь, – сказал он, – нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который...

Он распространялся бы еще долго, если бы не засвистал Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом, он вроде бы очухался. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

– Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы обчищаем руины, все желания исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

– Док, – сказал я, – заткнись.

Он заткнулся. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверно, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в одну из комнат, чтобы порыться в них.

– Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять, – сказал с отвращением Блин.

– В ящиках может быть что угодно, – сказал Фрост. – Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили, что, если в определенном месте помахать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек – тяжелых, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

– Золото, – сказал Хэч.

– Черного золота не бывает, – возразил Блин.

– Это не золото, – сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

– Может, они дорогие, – сказал Фрост. – Впрочем, сомневалось. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас и понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу – пошел готовить жратву, а остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

– Вот тут-то мы с вами и не тянем, – сказал Хэч. – В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

– Когда-нибудь, – сказал я своей команде, – если мы разбогатеем, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

– Вы не найдете ни одного, – заметил Док, – который бы согласился якшаться с таким сбродом.

– Что значит «такой сброд»? – немного обидевшись, сказал я. – Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латанный-перелатанный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

– Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

– В старину на Земле, – сердито возразил я, – именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывали путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню, – что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

– Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

– Джентльмены, – как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док, – я не собирался затевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

– А можем и добыть, – сказал я, – если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

– Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

– Но ты же летаешь с нами.

– Ну, – возразил Хэч, – я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб...

– Кончай, – сказал я. – Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

– Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? – предложил он.

– И по этому случаю взлетим на воздух? – спросил Хэч.

– А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

– Я в таком деле не участвую, – сказал Док. – Лучше посижу здесь и пораскину мозгами. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

– Ничего ты не придумаешь, – запротестовал Фрост. – Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ни что на свете не помешает нам забрать их.

– Первым делом, – сказал я, – надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

– И Блин сварит нам похлебку, – сказал Док.

Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

– Или топливо, – добавил я. – Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов, – чтобы нарубить их, нам пришлось идти за

целую милю. Подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

Мы выкарабкались из окопа, подошли к треноге и скатили камень с шашки, на которой даже царапины не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от сотрясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух от десятка других причин.

Той ночью чего только мы не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, но она стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хороших сверла. Пробовали распилить их и начисто стесали о шашку все зубья пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить шашку, но он отказался.

— Я не пущу вас в камбуз с этой дрянью, — сказал он. — А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе

сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стараюсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда всякой грязи.

– Ладно, Блин, – сказал я. – Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по несколько глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

– Если рассуждать здраво, – сказал Фрост, – то шашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и они должны стоять немало.

– А может, там не одни шашки, – предположил Хэч. – Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

– Бог его знает, – сказал Фрост. – Верхних этажей с земли не видно. Они просто теряются где-то в высоте.

– Вы заметили, из чего сделано здание? – спросил Док.

– Из камня, – сказал Хэч.

– Я тоже так думал, – заметил Док. – А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы – жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаясь вломиться в них, потому что нашли у входа в один дом нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума схо-

дят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. Взламывать холмы было все равно, что осыпать ударами пуховую подушку. Всю поверхность исцарапав, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессуются и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не износится и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

– Это значит, – сказал я, – что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

– Если она такая старая, – сказал Хэч, – то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Дик и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а согласиться с коком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации,

во все времена бывало три типа людей, которые шли впереди и прокладывали путь другим, – купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадетсЯ. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз – с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит – получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набеги, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами.

Такой случай еще не подворачивался да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели и призрачная надежда крепла. Но, положА руку на сердце, мы отправлялись бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я и сказал Хэчу. Он согласился со мной.

– Хуже миссионеров никого нет, – сказал он. – Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

– Может, завтра найдем что-нибудь еще, – сказал я. Хэч зевнул.

– Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, пропетлявши по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов.

Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху – колпак. Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колеса, то нашли вместо них пару полозьев, поворачивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любом направлении. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

– Может, источник питания у нее внутри, – предположил Фрост. – Подумать только, я не нашел на одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный – нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавлялись, меняя

форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что мы не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

– Они ничем не скреплены. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

– Это уже чистое извращение, – сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой.

– Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

– Если бы я не знал, что ошибаюсь, – заметил Хэч, – я бы сказал, что это трение.

– Магнетизм, – предположил Док.

– Послушай, доктор, – сказал Хэч. – Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

– Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обоих деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не спрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета и оба заставляли нас топтаться на месте. Но так уж бывает. В иные дни и гроша не заработаешь.

– Дай взглянуть. Может, я справлюсь, – сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, рас-

катывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединялись как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

– Смотри, что ты натворил! – закричал Хэч.

– Ничего я не натворил, – сказал Фрост. – Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

– Знаешь, что я думаю? – спросил Блин. – Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобрать в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

– Резонно, – сказал Док. – Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

– Док, – сказал я, – ты странно ведешь себя. Я пока что не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

– Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов... а эта машина – думающий...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

– Я знаю, как снять колпак, – сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как

подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье, которое приспособлялось к любому сидалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, достаточно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносной электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак, нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только этот механизм превратился теперь в грудку распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Блин вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по

кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что больше не помнят зла. Но я не очень-то верил. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило – и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку положить динамитную шашку... Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

– Это, наверно, машина-врач, – сказал Хэч. – Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку – и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросился на него.

– Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, – сказал Док, – давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет – и останешься вечно юным.

– Это, наверно, машина-преподаватель, – перебил его Хэч. – Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

– Или наоборот, – сказал Блин. – Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

– А зачем записывать биографии? – спросил Хэч. – Немного найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

– Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, – сказал я, – тогда другое дело. Может, это аппарат для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

– Или, – сказал Хэч, – этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

– Не думаю, – сказал Док. – Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

– Есть только один способ узнать, что это, – сказал я.

– Боюсь, – догадался Док, – что нам придется прибегнуть к нему.

– Слишком сложно, – возразил Хэч. – Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь полегче.

– Нет! – закричал Фрост. – Этого делать нельзя!

– Интересно, почему нельзя? – спросил Хэч.

– Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш. И думать: а не слишком ли мы быстро сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать, а не зря ли мы испугались, а то купались бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела.

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

– Ладно, – сказал я. – Завтра с утра пораньше...

– Что там с утра! – заорал Блин. – Я хочу покончить с этим сейчас же! Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было бы несправедливо по отношению к Блину. И, кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что нашли.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспособливал для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

– Послушай, – сказал я Блину, – почему это должен быть непременно ты?

– Кому-то надо, – ответил Блин. – Так мы скорее узнаем, что это за штука.

– Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица. Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... если приложить ухо к кожуху, слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

– Пульс немного замедлился, – сообщил Док, – сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может, совсем не беспокоился, но остальным стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели, и... ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина. Оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, – возьмешь его руку, и кажется, что из нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел попрямее. Потом посмотрел на нас немного удивленно – вроде бы не сразу узнал.

– Ну, как? – спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

– Я путешествовал, – сказал он.

– Кинопутешествие! – с отвращением сказал Док.

– Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

– Значит, видел край Галактики, – кивнув, сказал Фрост. – Что его, дисковой пилой, что ли, обрезали?

– Сколько я просидел? – спросил Блин.

– Довольно долго, – сказал я ему. – Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

– Странно, – сказал Блин. – А я могу поклясться, что был там больше года.

– Давай-ка уточним, – сказал Хэч. – Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что *видел* эту планету.

– Я хочу сказать, что *был* там! – заорал Блин. – Я *жил* с этими людьми, *спал* в их норах, *разговаривал* и *работал* вместе с ними. В огороде себе кровавую мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему – вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета – так себе, живут на ней простаки, занимаются примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они разговаривают, – язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответ, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонялся к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

– У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видывал.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее.

– Мы могли бы продавать эти штуки, – сказал он, – но это глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

– Можно разрекламировать годовичные каникулы, которые длятся всего полдня, – добавил Хэч. – Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

– Может быть, не только на планетах, – подхватил Фрост. – Может, там записаны концерты, посещение картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел я его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журнал и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук. Крышка распахнулась. Журнал, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике, – все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все

это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошляковские документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Не удивительно, что корабль дрянной.

С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному, В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали, мы,

оборвыши, в латанном-перелатанном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, и я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но, как я ни умурился, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку – все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое – такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно – способных на любое грязное дело); подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я утопаю по колено в море новеньких хрустящих банкнот.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел, Док с трудом поднял голову – он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни, так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой у него из рук бутылку, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготавливал еще один кофейник.

– Я хочу, чтобы ты протрезвился, – сказал я Доку, – и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с талями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака. Хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

– Это Док! – завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его:

– Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

– Я мог бы снять его, – сказал Хэч.

– Спрячь пистолет, – приказал я.

Я пошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы он даже промахнулся футов на десять, то взрыв мог располосовать человека надвое.

– Я брошу пистолет! – крикнул я ему. – Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался.

– Ладно. Скажи остальным, чтобы подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

– Уходи отсюда. И уведи всех.

– Он свихнулся от пьянства, – сказал Хэч. – Не сообщает, что делает.

– Я с ним управляюсь. – Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

– Сыпь отсюда, Хэч, – сказал я, не решаясь больше оглядываться. Приходилось не спускать с Дока глаз.

– Порядок, – крикнул, наконец, Док. – Они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подложить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

– Дальше не ходи, – сказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю. – Мы можем поговорить и так.

– Ты пьян, – сказал я ему. – Я не знаю, к чему ты все это затеял, но зато я знаю, что ты пьян.

– Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

– Что тебя гложет?

– Порядочность заела, – сказал он, фиглярствуя, как обычно. – Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь – воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания. Я не дам тебе сделать это, капитан.

– А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

– Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

– Ладно, Док, – сказал я, стараясь гладить его по верстке, – скажи мне, что мы нашли.

– Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам. И даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

– Послушай, Док, – умолял его я, – мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло. Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. И эта возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док... У тебя будет столько денег, что их вовек не истратить... хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур в ошип. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

– Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний означает лишь возможность быстро зашибить деньги. Вы возьмете шашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйста, годичный отпуск за шесть часов.

– Избавь меня от проповеди, Док, – устало сказал я. – Скажи, чего ты хочешь.

– Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

– Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

– Не монахов. Просто приличных людей.

– А если мы не захотим?

– Я захватил корабль, – сказал Док. – Запас воды и пищи у меня есть.

– А спать-то тебе надо будет.

– Я закрою люк. Попробуйте забраться сюда.

Наше дело было швах, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как захватить его врасплох, наше дело швах по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали, что он болтал, но никто никогда не

принимал его всерьез. А теперь вдруг оказалось, что это он всерьез.

Я знал, что отговорить его невозможно. И на компромисс он ни на какой не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение было безвыходное, но Док до этого еще не додумался. Он додумается, как только немного протрезвится и пораскинет мозгами. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

– Позволь мне вернуться, – сказал я, – нужно потолковать с ребятами.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил, как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

– Когда вернешься, – сказал он мне, – мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

– Конечно, Док, – сказал я.

– Я не шучу, капитан. Я говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

Я вернулся к башне, неподалеку от которой тесно сбилась команда, и объяснил, что происходит.

– Придется рассыпаться и атаковать его, – решил Хэч. – Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

– Он просто закроет люк, – возразил я. – И заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле.

Стоит только ему протрезвиться, и он, вероятно, так и сделает.

– Он чокнутый, – сказал Блин. – Он просто тронулся спьяну.

– Конечно, чокнутый, – согласился я, – и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело уже давным-давно. У него комплекс вины мили в три высоты. И, что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на попятный.

– У нас мало времени, – сказал Фрост. – Надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал стать на место Дока.

Как врач, Док оказался неудачником; иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или от отчаяния, – наверно, было и то и другое. И, кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему покуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать болезненным сомнением, а дальний космос самое подходящее место, чтобы накачаться сомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было бы назвать славным. Причем Док – такой малый, что его даже насмешками не проймешь, стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может

быть) или просто почувствовал чье-то присутствие, но вдруг я осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию: у входа стояло то, что на первый взгляд показалось нам бабочкой величиной с человека.

Я не говорю, что это было насекомое – просто вид у него был такой. Оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

– Джентльмены, – сказал я как можно спокойнее, – у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, но держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если мне будет угрожать, опасность...

– Внимание, Хэч, – сказал я.

– Я прикрываю тебя, – заверил меня Хэч, и оттого, что он был рядом, на душе стало поспокойней. Если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали. Глаза были добрые, а нежное, странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие меры не всегда подходят к чужеземцам.

Мы смотрели друг на друга в упор. Оба мы понимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню. Оно взяло меня за руку и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что помогло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным. Да и Хэч с ребятами были поблизости, шли позади. И самое главное – тесных отношений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприветливо.

Поэтому я пошел.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы – даже люди или какие-нибудь существа, – и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало, что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

Но трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель – у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

– Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите.

Хэч спросил меня:

– Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан.

– Почему бы и нет? – отозвался я. – Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их. Они не собираются причинить нам никакого вреда.

– Есть риск, – сказал Хэч.

– А с каких это пор мы зареклись идти на риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое. Тем временем второе существо достало из ящика две шашки, по эти шашки были прозрачные, а не черные. Оно сняло шлемы и вставило шашки. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

– Теперь мы можем поговорить, – сказал чужестранец.

Я не боялся, не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

– Все, что мы будем говорить, записывается, – сказал чужестранец. – После нашего разговора вы получаете один экземпляр, а второй я помещу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

– Я не очень-то разбиралось в контрактах, – сказал я. – В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

– Тогда назовем это соглашением, – предложил чужестранец. – Джентльменским соглашением.

– Хорошо, – согласился я.

Соглашения – удобные штуки. Их можно нарушать, когда вздумается. Особенно джентльменские соглашения.

– Наверно, вы уже поняли, что здесь находится, – сказал чужестранец.

– Не совсем, – ответил я. – Скорее всего, библиотека.

– Это университет, галактический университет. Мы специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

– Ну что ж, прекрасно.

– Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

– Точно.

– К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны, – продолжал чужестранец. – Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

– Вы хотите сказать, что записаться может любой? – спросил я. – И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть

на чем заработать. Настоящее университетское образование... да с этим можно отделять отличные делишки!

— Есть одно ограничение, — пояснил чужестранец. — Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными личностями. Мы принимаем культуры. Вы, как представитель своей культуры... как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте...

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чужестранцу я, конечно, не сказал. Он бы не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться, — взмолился я. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбрать?

— Во-первых, есть основной курс, — сказал чужестранец. — Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые по нашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены, — сказал чужестранец. — Они будут проводиться каждые... Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил, как мог, и он, кажется, все понял.

– Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то вам придется напрягаться изо всех сил и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение. То, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном. Мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собою цель – дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голове.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом я взял себя в руки.

– Хорошо, профессор, – сказал я, – можете нас записать. А что требуется от меня?

– Ничего, – ответил он. – Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

– Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться? – спросил я.

– Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

– Чертова уйма потребуется, – сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться и немного уступить.

– Я знаю, – согласился он. – Дать образование целой культуре – дело не простое. Но мы готовы к этому.

Так вот мы и добились своего... и все законным путем, комар коса не подточит. Мы могли брать что хотели и сколько хотели и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов – я мог выбрать их по желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство – стоять лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

– Ты давай еще облобызайся с ним, – сказал Хэч, – а мы с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я вклепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вручило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

– Пошли отсюда, – сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства... если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозревал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

– Мы схватили Вселенную за хвост, – сказал я. – Мертвой хваткой вцепились.

– А как быть с Доком? – спросил Фрост.

– Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что мы верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

– Он тебя и слушать не станет, – сказал Блин. – Он не поверит ни одному твоему слову.

– Вы, ребята, стойте на месте, – сказал я. – А с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед. Я догадался, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории. Он был пьян в стельку. Ружье лежало на полу. Рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что произошло. После моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала проблема – как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом, потом порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог засунуть – в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании, – ведь профессор из башни ничего не говорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами – год-другой пребывания на чужой планете за каких-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их.

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения – совершенно безопасные приключения – мечтающим о них домоседам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но стоящих того, чтобы присмотреться к ним, и о том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить; ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которой не годилось бы новое средство... и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим из рук ни одной шашки, пока кто-нибудь ты нас предварительно не ознакомится с ней. А вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения?

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить, как боги. Разумеется, лет через тысячу придет время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвился только под утро, и я приказал Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока я был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. Мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал, — сказал Хэч, — что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки, — сказал я. — Ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую кучу вопросов, которые они могли бы задать и мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет... работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион... не видно ей ни конца ни края.

– Не могу сообразить, зачем они это делают, – сказал я. – Что им за выгода?

– Для них-то выгоды нет, – отлетел Хэч, – а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову поломать, как это все получше использовать.

Я рассказал ему, что я придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге.

– Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдоим все до последнего цента.

– Мне кажется, мы должны заниматься предварительным знакомством по порядку, – сказал я. – Начать с самого начала и... до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

– Но на это уйдет уйма времени, – предупредил он.

– Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, Блин тебе поможет.

– Поможет мне! – завопил Хэч. – Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал...

– А это не чтение. Ты будешь жить в этом. Будешь развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

– Не буду я.

– Послушай, – сказал я, – давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобится

для очередного совещания. Фрост заправляет погрузкой. Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу. Он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется. А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю...

— Ну, коли так, — сказал Хэч, напыжившись от гордости, — мне кажется, самый подходящий человек для этого дела — я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное. Погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый. К еде едва притронулся. Он не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

— Как дела, Хэч?

— Ничего, — сказал он. — Болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

— А что говорят?

— Да не говорят... в общем трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время попробовать самому?

— Можешь быть уверен, что я это сделаю, — сказал я, слегка разозлившись.

— Пока в этом деле деньгами и не пахнет, — сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там поделявает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

– На этот раз ты превзошел самого себя, – сказал он. – Продавать эти штуковины ты не имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике... бесплатные...

Я рассказал ему, что случилось, как мы узнали, что башня – это университет, и как мы на самом законном основании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни единому слову.

– Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед, – сказал он. – Так что не заливай-ка ты мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я сердился на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день, ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора – существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся, почему это никто не спускается

посидеть со мной. Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы потолковать с Доком. Он по-прежнему не смирился, но и не был настроен особенно враждебно.

– Знаешь, капитан, – сказал он, – временами у нас были разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

– К чему ты это клонишь? – спросил я. – Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

– Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возьмешь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты...

– Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу заговоришь.

– Хэч приходил сюда несколько раз, – сказал Док. – Приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то не то. Что-то трусливое. – Он уставился на меня из-за решетки. – Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

– Давай, продолжай!

– Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На твоём месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто еще тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Взбегая по аппарелям, я ругался на каждом шагу. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду... не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузиться и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной. За ужином не было сказано и десятка слов. Чувствовалось, что все идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись в рубку, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина, там был Фрост, а на плетеном сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчиненных Хэча.

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода... да его тут и не было.

— Ну, Хэч, — сказал я, — выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и...

— Капитан, — сказал Фрост, — мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал, — стал объяснять Хэч. — Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудно...

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть. И поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

– Не понимаю, о чем вы говорите... Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь... от тебя только мокрое место останется, и, если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

– Никакая прибыль нам не светит, капитан, – спокойно сказал Фрост. – Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

– Да вы все с ума посходили! – взревел я. – Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушами. А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысяchedолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого...

– Если бы мы это сделали, мы поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

– Это все курс ориентации! – крикнул я.

Хэч кивнул.

– В нем говорится о честности и чести.

– А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? – взвился я. – Вы сроду не знали, что такое честность.

– Прежде не знали, – сказал Блин, – а теперь знаем.

– Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью, как пить дать. Но надо признаться, эти профессора – великие доки. Не знаю уж, то ли они

считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех одни. Не удивительно, что они не задавали мне вопросов. Не удивительно, что они не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

– Узнав, что такое честность, – сказал Фрост, – мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

– И вот, – продолжал Хэч, – мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

– Миссионеры, – сказал я Хэчу. – Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть озолоти.

– Напрасно стараетесь, – холодно возразил Фрост. – Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы знаем, что мы правы.

– А деньги! А как же с компанией? Мы же все продумали!

– Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс...

– Никакого курса я проходить не буду! – Наверно, голос у меня был громкий, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня. – Эй, вы, ханжи, миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня, попробуйте, давайте...

Они по-прежнему не двигались с места. Я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной и пошел к двери. На пороге я остановился и сказал Фросту:

– Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверью, я поднялся по аппарели в свою каюту. Я запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену, задумался.

Они забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ними давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я стал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны, – документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик с дороги и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас. Я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в

переделку на одной планете в системе Енотоя Шкура, как Док влюбился в... трехполое существо на Сиро и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости – только вместо костяшек там были странные крохотные живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэчу пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

– Тебя тоже распирает от честности? – спросил я его.

Он содрогнулся.

– Только не меня. Я отказался.

– Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

– Неужели ты не понимаешь, – спросил Док, – что теперь станет с человечеством?

– Конечно, понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина...

– Все подохнут от тяжелой формы скуки, – сказал Док. – Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

– Значит, твои убеждения переменились?

– Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

– На твоём месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

– Я вижу, ты уже решил, – сказал он.

Я уныло кивнул.

– Да.

– Я так и знал.

– Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся.

Док энергично покачал головой.

– Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

– Куда ни кинь, все клин, – сказал я, тасуя документы. – Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили. Но это и не нужно было. Все было понятно само собой. Мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений. И по-старому быть не может. Если бы мы даже согласились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем, все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док. Его похоронили. Разбили на куски, которые нам теперь уже не склеить.

У меня было такое чувство, будто я истошно кричу. Давно уж мне не было так больно.

– Теперь они совсем другие люди, – продолжал я. – Они взяли да переменились, и прежними они больше никогда не

будут. Даже если они снова станут, какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

– Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник. Может, даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

– Не хочу я никаких памятников. И машины я не привезу. Мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял и лучших на свете друзей!

– Корабль мой, – сказал я. – Больше мне ничего не надо. Я довезу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям. Пусть наслаждаются своей честностью и честью. А я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет почти как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

– Мы будем продолжать охотиться, – сказал я. – Мы будем мечтать о куше. Мы сделаем все, чтобы найти его. Все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы – и божьи, и человеческие. И знаешь что, Док?

– Не знаю.

– Я надеюсь, куш нам больше не попадется. Я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

– Капитан, – сказал Док, – меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

— Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

— Конечно. Разве их забудешь?

— Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард...

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть, сорвем куш!

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА

Ничего в доме нельзя человеку держать. Вечно все теряется, вечно все пропадает, а ты ищешь, перерываешь все вверх дном, на всех орешь, всех расспрашиваешь, подозреваешь.

И так в каждой семье.

Но запомните одно: не старайтесь выяснить, куда пропадают вещи, кто бы это мог взять их. И думать не думайте заниматься расследованием. Себе дороже станет!

Вот послушайте, какой случай был со мной.

Шел я с работы и купил по дороге лист почтовых марок — хотел разослать чеки, оплатить месячные счета. Но только я сел заполнять чеки, как ввалились супруги Мардж и Льюис Шоу. Льюиса я недолюбливаю, да и он меня едва выносит. Но Мардж с Элен добрые подруги; они заболтались, и чета Шоу проторчала у нас весь вечер.

Льюис рассказывал мне, чем он занимается в своей

исследовательской лаборатории. Я пытался заговорить о другом, но он все долбил одно и то же. Думает, наверно, что раз сам увлекается, то и другие должны интересоваться его работой. А я в электронике ничего не смыслю, микро-модуль от микроскопа не отличу.

Унылый был вечер, и, что хуже всего, мне и заикнуться об этом было нельзя. Элен тотчас бы на меня набросилась, стала бы говорить, что я бирюк.

И вот на следующий день я пошел после обеда в свой кабинет заполнять чеки и, разумеется, обнаружил, что марки пропали.

Я оставил марки на письменном столе, но теперь на столе не было ничего, кроме кубика: хотя юный Билл не интересовался кубиками уже несколько лет, они время от времени все еще оказывались в самых неподходящих местах.

Я окинул взглядом комнату, потом подумал, что марки, вероятно, сдуло со стола, и, стоя на четвереньках обшарил весь пол. Марок нигде не было.

Я пошел в гостиную, где, уютно устроившись в кресле, Элен смотрела телевизор.

– Не видела я их, Джо, – сказала она. – Посмотри у себя на столе.

Именно такого ответа я и ожидал.

– Может, Билл знает, – предположил я.

– Его сегодня почти целый день дома не было. Когда появится, спросишь.

– А где он болтается?

– Занят коммерцией. Меняет тот новый пояс, который мы ему купили, на пару шпор.

– Не вижу в этом ничего дурного. Когда я был мальчишкой...

– Дело не только в поясе, – сказала Элен. – Он меняет все подряд. И хуже всего то, что он никогда не остается в проигрыше.

– Смышленный парнишка.

– Если ты будешь так относиться к этому, Джо...

– Мое отношение тут не при чем, – сказал я. – Такие отношения существуют во всем деловом мире, Когда Билл вырастет...

– Вырастет и... попадет в тюрьму. Если бы ты видел его за этим занятием, ты бы тоже сказал, что ему прямая дорога в арестанты.

– Ладно, я поговорю с ним.

Я вернулся в кабинет, потому что атмосфера в гостиной была не такой дружественной, как хотелось бы, и потом, мне надо было послать чеки независимо от того, нашел я марки или не нашел.

Я вынул из ящика пачку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом протянул руку, чтобы переложить кубик и освободить место для работы. Но, как только он оказался у меня в руке, я понял, что это не детский кубик.

Вес и размеры у этого предмета были, как у кубика, и на ощупь он напоминал пластик, разве что такого гладкого пластика я никогда не встречал. Он был сухой и в то же время как маслом смазанный.

Я положил его на стол и придвинул поближе лампу. Но ничего особенного не увидел. Кубик как кубик.

Вертя его в руке, я старался определить, что это такое. И вдруг увидел на одной из его сторон небольшое про-

долговатое углубление – совсем маленькое, почти царяпину.

Я присмотрелся и увидел, что углубление выточено и на дне его бледная красная полоска. Могу поклясться, что эта красная полоска мерцала. Я поднес предмет поближе к глазам, но мерцание прекратилось.

То ли краска вдруг обесцветилась, то ли мне все помешалось, но уже через несколько секунд я не был уверен, что там была какая-либо полоска.

Я подумал, что эту штуку где-то нашел или выменял Билл. Мальчик как галка – все в дом тащит, но в этом нет ничего дурного, как нет ничего дурного в его коммерции, что бы там ни говорила Элен. Это прекрасные деловые задатки.

Я отложил кубик в сторону и занялся чеками. На следующий день во время перерыва на ленч я снова купил марки. Но целый день я то и дело начинал размышлять над тем, куда могли деться вчерашние.

Я совсем не думал о скользком на ощупь кубике. Возможно, я бы вовсе забыл о нем, если б, вернувшись домой, не обнаружил, что у меня пропала ручка.

Я пошел в кабинет за ручкой и увидел ее на столе, на том самом месте, где оставил вчера вечером. Я не помнил, оставлял я ручку на столе или нет, но, увидев ее, тотчас вспомнил, что забыл положить ее обратно в ящик.

Я взял ручку. И оказалось, что это вовсе не ручка. На вид предмет был похож на пробковый цилиндр, но для пробки он был слишком тяжелый. Мне вдруг показалось, что это складная удочка, только поменьше и потяжелее.

Представив себе, что это складная удочка, я сделал

движение, будто забрасываю ее, и вдруг и в самом деле неизвестный предмет оказался складной удочкой. Она, видимо, была сложена, а затем выдвинулась, как настоящая удочка. Но странное дело, видны были только первые фута четыре, а все остальное растаяло в воздухе.

Я инстинктивно дернул удочку вверх и на себя, чтобы высвободить конец попавший бог знает куда. Удочка было подалась, а потом я вдруг почувствовал, что на конце ее повис какой-то груз. Точно я подсек рыбу, но только рыба эта не билась.

Затем так же быстро это ощущение исчезло. Груз как бы мгновенно сорвался с удочки, она сложилась, и в руке у меня снова был предмет, похожий на авторучку.

Я осторожно положил его на стол, твердо решив не делать больше никаких взмахов, и только тут заметил, что рука у меня дрожит.

Я сел, тараща глаза на предмет, похожий на пропавшую ручку, и на другой предмет, похожий на детский кубик.

И вот тут-то уголком глаза я и увидел посередине стола маленькое белое пятнышко.

Оно было на том самом месте, где сначала лежала мнимая ручка, да и кубик вчера вечером я нашел, пожалуй, именно там. Оно было цвета слоновой кости и, имело в диаметре примерно четверть дюйма. Я ожесточенно потер его большим пальцем, но пятно не стиралось. Я закрыл глаза, чтобы дать возможность пятну исчезнуть, и, тотчас открыв их, с удивлением убедился, что пятно на месте.

Я склонился над столом и стал рассматривать его. У меня было такое впечатление, будто в дерево тщательно вделали пластинку слоновьей кости. Я не мог обнаружить никакого зазора между деревом и пятном.

Прежде его там не было; в этом я совершенно уверен. Если бы оно было, я непременно заметил бы. Более того, его заметила бы Элен, потому что она чистюля, нигде у нее и пылинки нет. Да и где это слыхано, чтобы продавали столы, инкрустированные одной-единственной пластинкой слоновой кости?

Нигде не купишь и вещи, которая похожа на ручку, но превращается в складную удочку, причем тонкий конец ее исчезает и подцепляет что-то невидимое, – ручку, которая в следующий раз, возможно, не потеряет то, что подцепила, а выволочет на свет божий.

Из гостиной послышался голос Элен:

– Джо!

– Да! Что тебе?

– Ты поговорил с Биллом?

– С Биллом? О чем?

– О его коммерции.

– Нет. Забыл как-то.

– Смотри поговори. Он опять взялся за свое. Выторговал у Джимми новый велосипед. Всучил ему всякий хлам. Я заставила его вернуть велосипед.

– Я поговорю с ним, – снова пообещал я.

Но, как помню, тогда мне было не до этики поведения моего сына.

Ничего в доме нельзя держать. Вечно теряешь то одно, то другое. Точно знаешь, куда положил вещь, уверен, что она на месте, ахватишься – ее уже нет. И всюду так: вещи теряются, и потом их вовек не сыщешь.

Но другие вещи на их месте не появляются... по крайней мере я сроду о таком не слыхал.

Впрочем, бывали, наверное, случаи, когда человек находил другие вещи, брал их, рассматривал, удивлялся, что это такое, а потом зашвыривал куда-нибудь в угол и забывал.

Может быть, склады утиля в самых разных уголках мира забиты всякими неземными кубиками и сумасшедшими удочками.

Я встал и пошел в гостиную, где Элен настраивала телевизор.

Наверно, она заметила, что я расстроен, и потому спросила:

– Что еще случилось?

– Не могу найти ручку.

Она рассмеялась.

– Прости, Джо, но ты невыносим. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Элен уже заснула, я лежал и все думал о пятне на столе. Пятно, казалось, говорило: «Коли ты коммерсант, клади прямо сюда, что у тебя есть, и мы произведем обмен».

И тут мне в голову пришла мысль; а что будет, если кто-нибудь сдвинет стол?

Долго я лежал, стараясь успокоиться, уговорить себя, что все это чепуха и бред.

Но отделаться от этой мысли я уже не мог.

Наконец я встал и потихоньку, словно вор, а не хозяин дома, выскользнув из спальни, пошел в кабинет.

Закрыв дверь, я включил настольную лампу и поскорее бросился смотреть, не исчезло ли пятно.

Оно было на месте.

Выдвинув ящик стола, я поискал там карандаш, но

вместо карандаша под руку мне попался один из цветных мелков Билла. Я стал на колени и тщательно очертил на полу ножку стола, чтобы потом поставить его точно на место, если кто-нибудь его сдвинет.

Затем я как бы машинально положил мелок точно на пятно.

Утром, перед уходом на работу, я заглянул в кабинет: мелок все еще лежал на месте. У меня немного отлегло от сердца, мне удалось убедить себя, что все это игра воображения.

Но вечером, после обеда, я снова пошел в кабинет и обнаружил, что мелок пропал.

На его месте лежало какое-то треугольное устройство с чем-то вроде линз на каждом углу, а посередине треугольника к каркасу из какого-то металла крепилась штука, явно напоминавшая присоску.

Я еще рассматривал ее, когда в кабинет вошла Элен.

— Мы с Мардж идем в кино, — сказала она. — Почему бы тебе не пойти и не выпить с Льюисом пива?

— С этим чванливым болваном?

— Что ты имеешь против Льюиса?

— Ничего, наверно.

Мне было не до супружеских ссор.

— Что это у тебя? — спросила Элен.

— Не знаю. Вот нашел.

— Ты прямо как Билл, всякую дрянь стал в дом тащить. Любому из вас только волю дай, весь дом замусорите.

Я смотрел на треугольник, и, сколько ни думал о нем, в голову все приходило одно: это, наверно, очки. Удержи-

ваются они на лице по-видимому, при помощи той присоски, что посередине, – странный способ носить очки, но, если подумать, такое предположение не лишено основания. Но в таком случае это значит, что у владельца очков три глаза, расположенных на лице треугольником.

Элен ушла, а я все сидел и думал. И думал я о том, что, хоть я и недолюбливаю Льюиса, без его помощи мне не обойтись.

И вот, положив мнимую ручку и треугольные очки в ящик стола, а фальшивый кубик в карман, я отправился в дом напротив.

У Льюиса на кухонном столе была расстелена кипа синек, и он тотчас принялся мне что-то объяснять. Я изо всех сил делал вид, что разбираюсь в чертежах. На самом деле я не смыслил в них ни уха ни рыла.

Наконец ее удалось ввернуть словечко – я вытащил из кармана кубик, положил его на стол и спросил:

– Что это?

Я думал, он тут же скажет, что это детский кубик. Но он этого не сказал. Видимо, что-то подсказало ему, что это не простой кубик. Вот что значит техническое образование.

Льюис взял кубик и повертел его в руке.

– Из чего это сделано? – взволнованно спросил он.

Я пожал плечами.

– Я не знаю, что это, из чего это – ничего не знаю. Вот нашел просто.

– Ничего подобного я сроду не видел. – Он заметил углубление на одной из сторон кубика, и я понял, что он клюнул. – Позвольте мне взять это с собой в лабораторию. Постараемся разобраться.

Я, разумеется, знал, что ему надо. Если кубик – какое-нибудь техническое новшество, он хотел воспользоваться случаем... но это меня нисколько не беспокоило. У меня было предчувствие, что слишком больших открытий он не сделает.

Мы выпили еще по несколько стаканов пива, и я пошел домой. Там я разыскал пару старых очков и положил их на стол как раз на пятно.

Я слушал последние известия, когда вошла Элен. Она обрадовалась тому, что я провел вечер с Льюисом, и сказала, что мне следовало бы сойтись с ним поближе, а уж там он, может быть, мне понравится. Она сказала, что раз они с Мардж такие близкие подруги, то просто стыдно, что мы с Льюисом не дружим.

– Может, подружмся, – сказал я и на этом прекратил разговор.

На следующий день Льюис пришел ко мне на работу.

– Где вы взяли эту штуку? – спросил он.

– Нашел, – сказал я.

– Вы имеете хоть какое-нибудь представление, что это?

– Никакого, – весело сказал я. – Потому-то я и дал ее вам.

– Ее приводит в действие какая-то энергия, и она предназначена для измерения. Выемка на одной из сторон служит для считывания показаний. Индикатором, видимо, является интенсивность цвета. Во всяком случае, цветная полоска в выемке все время меняется. Не сильно, но все же это можно заметить.

– Теперь надо выяснить, что она измеряет.

– Джо, вы не знаете, где нам достать еще одну такую штуку.

– Не знаю.

– Видите ли, в чем дело, – сказал он. – Нам хотелось бы покопаться в ней, чтобы понять, как она действует, но быть вскрыть ее мы никак не можем. Наверно, ее можно взломать, но мы боимся. Вдруг испортим? Или она взорвется? Если бы у нас была еще одна...

– Простите, Льюис, но я не знаю где взять другую.

На этом разговор и кончился.

В той вечер я шел домой, думая о Льюисе и улыбаясь про себя. Малый завяз в этом деле по самые уши. Он теперь спать не будет спокойно, пока не узнает, что это за штука. И, наверно, на недельку оставит меня в покое.

Я прошел в кабинет. Очки все еще лежали на столе. Я постоял немного, раздумывая, в чем же тут дело. Потом заметил, что стекла имеют розовый оттенок.

Взяв очки, я обнаружил, что стекла заменены на другие – того же сорта, что и в треугольных очках, которые я нашел вчера вечером.

Тут в кабинет вошла Элен, и не успела она еще рта открыть, как я догадался, что она ждала меня.

– Джо Адамс, что все это значит? – громко спросила она.

– Ничего, – ответил я.

– Мардж говорит, что ты совсем расстроил Льюиса.

– Немного же надо, чтобы его расстроить.

– Что-то происходит, – не отставала Элен, – и я хочу знать, что именно.

Я знал, что мне не уйти от ответа.

– Я занимаюсь коммерцией.

– Меняешься! И это после всего того, что я тебе рассказала о Билле!

– Но это совсем другое дело.

– Коммерция есть коммерция.

Билл вошел в парадное, но, видимо, услышав, как мать сказала «коммерция», выскочил обратно. Я крикнул ему, чтобы он вернулся.

– Садитесь оба и слушайте, что я вам скажу, – приказал я. – Задавать вопросы, высказывать предположения и устраивать мне головомойку будете, когда я закончу.

Мы все трое сели, и заседание семейного совета началось. Убедить Элен мне удалось не сразу: пришлось показать пятно на столе, треугольные очки и собственные очки, которые были присланы мне обратно, после того как в них вставили розовые стекла. В конце концов она была готова признать, что кое-что действительно происходит. Но это не помешало ей дать мне нагоняй за то, что я обвел на полу ножки стола.

Ни ей, ни Биллу ручки-удочки я не показал, потому что боялся. Помашут ею, а потом кто знает что случится...

Билл, разумеется, весь загорелся. Коммерция – это по его части.

Я предупредил, чтобы они не говорили никому ни слова. Билл и так не сказал бы, потому что его хлебом не корми, а дай поиграть во всякие секреты, шифры и прочее. Но Элен чуть свет побежала бы к Мардж и выложила все по секрету – здесь уж что ни делай, что ни говори, ничего не поможет.

Билл тотчас захотел надеть очки с розовыми стеклами, чтобы посмотреть, отличаются ли они от обычных. Но я

ему не позволил. Я и сам хотел надеть эти очки, но, по правде говоря, боялся.

Когда Элен пошла на кухню хлопотать насчет обеда, мы с Биллом занялись стратегией. Для своих десяти лет Билл – человек очень здравомыслящий. Мы порешили, что для ведения своих коммерческих дел нам следует разработать какую-нибудь систему, ибо, как сказал Билл, заглазный обмен – предприятие рискованное. Надо бы сообщить тому малому, что он может получить за свои вещи.

Но для того, что бы прийти к взаимопониманию при торговле с кем бы то ни было, надлежало наладить какую-нибудь систему общения. А как общаться с тем о ком вы ничего не знаете, кроме того, что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл подал великолепную идею. Он сказал, что нам нужно сделать одно – послать каталог. Если собираешься с кем-нибудь торговать, то само собой понятно, в первую очередь необходимо сообщить, что ты можешь предложить.

Учитывая особые обстоятельства, нужен был каталог иллюстрированный. Впрочем, даже он мог оказаться бесполезным, так как не было никакой уверенности, что Коммерсант, скрывающийся где-то по ту сторону моего письменного стола, поймет, что означает та или иная картинка. Может быть, он вообще понятия не имеет о картинках. Может, он и видит по-другому... не в физическом смысле, хотя и это возможно, а придерживаясь другой точки зрения, руководствуясь чуждым нам мировоззрением.

Но поскольку иного пути не было, мы засели за разра-

ботку каталога. Билли считал, что нам надо нарисовать его, но ни он, ни я художественными способностями не отличались. Я предложил вырезать иллюстрации из журналов. Но эта мыслишка тоже была не фонтан, потому что на рекламных картинках товары обычно изображаются украшенными, художники заботятся только о том, чтобы привлечь внимание.

И снова Билл подал великолепную идею.

— Ты знаешь тот детский словарь, который мне подарила тетя Этель? Почему бы не послать его? В нем много картинок и почти ничего не написано. И это очень важно: может, они там читать ни любят.

Мы отправились в комнату Билла и в поисках словаря стали перерывать весь тот хлам, который у него накопился. Нам попался старый букварь, по которому Билл когда-то учился читать, и мы решили, что он еще лучше словаря. В букваре были хорошие, простые картинки, а текста почти никакого не было. Вы знаете, о какого рода книжке я говорю — там стоит буква А и нарисован арбуз, буква Б и барабан и так далее.

Мы отнесли букварь в кабинет и положили его на стол, прикрыв им пятно, а сами пошли обедать.

Наутро книга исчезла, и это было немного странно. До сих пор все исчезало только во второй половине дня.

Примерно после полудня мне позвонил Льюис.

— Я иду к вам, Джо. Есть у вас поблизости какой-нибудь бар, где бы мы могли потолковать в глазу на глаз?

Я сказал, что такой бар есть всего в квартале от меня и что мы встретимся там.

Быстренько справившись с делами, я вышел из конторы, рассчитывая прийти в бар пораньше и перехватить рюмочку еще до прихода Льюиса.

Не знаю, как Льюис успел, но он меня опередил и уже сидел в угловой кабине. По-видимому, он мчался так, что нарушил все правила уличного движения.

Он уже заказал две рюмки и сидел с заговорщическим видом. Он все еще не мог отдышаться от спешки.

– Мардж рассказала мне все, – молвил он.

– Я так и думал.

– На этом можно заработать кучу денег, Джо!

– И об этом я уже подумал. Так что я хочу предложить вам десять процентов...

– Да нет же, вы послушайте, – запротестовал Льюис. – Одному вам такое дело не потянуть. Я и пальцем не пошевелию меньше чем за пятьдесят процентов.

– Я принимаю вас в дело, – сказал я, – потому что вы мой сосед. Я в этом техническом бизнесе ни черта не понимаю. У меня есть кое-что, в чем я не разбираюсь, и мне нужна помощь, чтобы выяснить, что это, но я в любое время могу обратиться к кому-нибудь другому...

Мы пришли к соглашению рюмки через три: он получал 35 процентов, я – 65.

– Теперь, когда все утряслось, – сказал я, – может, вы мне скажете, что вы там разузнали?

– Разузнал?

– О том кубике, что я вам дал. Вы бы не стали мчаться сюда, заказывать заранее выпивку и ждать, если бы чего-нибудь не разузнали.

– Видите ли, в сущности...

– Погодите-ка минутку, – перебил его я. – Мы запишем это в контракте. В случае неспособности представить полный и подробный анализ...

– Что это еще за контракт?

– Мы заключим контракт, за нарушение которого любой из нас может судебным порядком обобрать другого до нитки.

Чертовски неприятно начинать с этого деловое предприятие, но с таким скользким типом, как Льюис, иначе было нельзя.

И тогда он мне сказал, что разузнал.

– Это прибор для измерения эмоций. Я знаю, что термин этот нескладный, но лучшего придумать не мог.

– А что он делает?

– Он говорит, счастливы или грустны и как сильно ненавидите кого-нибудь.

– М-да, – разочарованно замычал я. – А на кой мне такая штукавина? Мне не нужен прибор, который говорит, что я злюсь или радуюсь.

Льюис до того взбеленился, что даже стал красноречив:

– Разве вы не понимаете, какое значение приобретет этот инструмент для психиатров? Он будет говорить о пациентах такое, чего сами они никогда не отважились бы рассказать. Его можно использовать в психиатрических клиниках, им можно замерять реакцию людей при посещении зрелищ, в политике, при ведении новых законов... где угодно.

– Хватит трепаться! Пускаем в продажу!

– Но все дело в том...

– В чем?

– В том, что производить эти приборы мы не сможем, – с отчаянием в голосе сказал он. – У нас нет нужного сырья, и мы не знаем, как их делать. Придется вам выменивать их.

– Я не могу. То есть могу, но не сразу. Сперва мне надо дать понять тем коммерсантам, что я хочу получить от них, а затем узнать, что они хотят взамен.

– Какие-нибудь другие вещи у вас есть?

– Есть несколько.

– Отдайте-ка их лучше мне.

– Некоторые из них могут оказаться опасными. В общем, все это принадлежит мне. Я дам вам, что захочу и когда захочу...

Мы снова поспорили.

Прения кончились тем, что мы отправились к адвокату. Мы составили контракт, который был, наверно, одним из любопытнейших курьезов в истории юриспруденции.

Адвокат, несомненно, подумал – и до сих пор думает, – что мы оба сумасшедшие, но теперь это беспокоит меня меньше всего.

В контракте говорилось, что мне надлежит вручать Льюису для определения технической и товарной ценности по крайней мере девяносто процентов предметов, источник получения которых контролирую я один, и что в дальнейшем вышеназванный источник остается на вечные времена исключительно под моим контролем. Остальные 10 процентов могут без всяких оговорок не передаваться для обследования, причем первая договаривающаяся сторона принимает единоличное решение в отношении определения тех предметов, которые войдут в вышеупомянутые 10 процентов.

Что же касается 90 процентов предметов, передаваемых второй договаривающейся стороне, то эта последняя обязана подвергать их тщательному анализу – представлять отчеты в письменном виде и давать такие дополнительные объяснения, которые понадобятся для полного понимания со стороны первой договаривающейся стороны, в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения предметов, по истечении какового предмет возвращается в единоличное владение первой договаривающейся стороны. Вышеупомянутый срок изучения и определения может быть продлен на любое время лишь по заключении соответствующего соглашения между сторонами, изложенного в письменном виде.

В случае если вторая договаривающаяся сторона скроет от первой договаривающейся стороны какие-либо открытия, связанные с предметами, о которых идет речь в данном соглашении, то такое сокрытие является достаточным основанием для возбуждения дела о возмещении убытков. В случае если будет определено, что некоторые предметы можно пустить в производство, таковые могут производиться в соответствии с условиями пунктов А, В и С раздела XII данного соглашения.

Условия сдачи вышеупомянутых предметов должны быть оговорены и включены в качестве составной части данного соглашения. Любые доходы от вышеупомянутой продажи делятся следующим образом: 65 процентов – первой договаривающейся стороне (мне – это я на случай, если вы уже запутались, что немудрено) и 35 процентов – второй договаривающейся стороне (Льюису); издержки делятся соответственно.

Разумеется, там было еще много всяких подробностей, но суть дела уже ясна.

Глоток мы друг другу не перегрызли и из конторы адвоката отправились ко мне домой, где застали и Мардж. Льюис пошел со мной, чтобы взглянуть на пятно на письменном столе.

По-видимому, Коммерсант получил букварь и был, в состоянии разобраться, для чего его послали, так как на столе лежала картинка, вырванная из книги. Правда, я сказал бы, что ее не вырвали, а скорее, выжгли из книги.

На картинке была буква «З» и рядом зебра.

Льюис с тревогой уставился на нее.

– Ну и задали нам задачу.

– Да-а, – согласился я. – Не знаю, сколько она стоит, но, видно, недешево.

– Подумайте сами – расходы на экспедицию, сафари, клетки, перевоз по морю и железной дороге, корм, сторожа. Как вы думаете, нельзя ли заинтересовать его чем-нибудь другим?

– Я не знаю как. Заказ дан.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, что происходит. Когда я с унылым видом сказал ему, в чем дело, он радостно воскликнул:

– О, если тебе хочется обменять плохой складной нож, ты его сбываешь тому, кто не знает, как выглядит хороший. В этом весь фокус коммерции, папа!

Льюис ничего не понял, а я сообразил сразу.

– Правильно! Он не знает, что зебра – животное, он не знает даже, каких она размеров!

– Конечно, – уверенно сказал Билл. – Он видел ее только на картинке.

Было уже пять часов, но мы все трое бросились в магазин. Билл нашел дешевый браслет с брелком-зеброй, которая была размерам с рисунком в книге. Когда речь идет о всякой такой мелочи, мой сынишка точно знает, где что продают и что сколько стоит. Я подумал было сделать его на всякий пожарный случай младшим партнером и дать ему примерно десятипроцентную долю в прибылях (разумеется, из 35 процентов Льюиса), но я был уверен, что Льюис не согласится. Вместо этого я решил платить Биллу жалование один доллар в неделю, но выплату вышеупомянутой суммы начать тотчас после того, как дело станет приносить прибыль.

Итак, с зеброй все было в порядке... при условии, что Коммерсант удовлетворится маленькой безделушкой. Я продумал: хорошо еще, что нам не пришлось добывать зефир, который тоже на «З».

С остальными буквами алфавита дело пошло легче, но я не мог не терзаться сомнениями все то время, пока пришлось ждать. Все каталоги, которые можно было послать, плохи, но хуже букваря ничего нет. Однако, пока Коммерсант не познакомился со всем первым списком, другой посылать не стоило, так как я боялся, что он запутается.

Поэтому я отослал ему яблоко, мяч, маленькую куклу вместо девочки, игрушечную кошку и игрушечную собаку и так далее, а потом по ночам все думал, что же Коммерсант будет делать со всем этим добром. Я представлял себе, как он пытается догадаться о назначении резиновой куклы или кошки.

Я отдал Льюису и те и другие очки, но попридержал ручку-удочку, так как все еще боялся ее. Льюис передал

прибор для измерения эмоций одному психиатру, чтобы тот провел своего рода полные испытания на больных.

Зная, что мы с Льюисом стали как бы компаньонами, Мардж и Элен были теперь неразлучны. Элен не уставала твердить, как она рада, что я наконец понял, какой надежный человек Льюис. Наверное Мардж говорила то же самое Льюису.

Билла прямо распирало — так ему хотелось похвастаться. Но он был великим маленьким бизнесменом и держал рот на замке. Разумеется, о жалованье я ему сказал.

Льюис всецело стоял за то, чтобы мы сделали попытку расспросить Коммерсанта о приборе для измерения эмоций. Он заказал заводскому чертежнику рисунок прибора и хотел, чтобы я отослал его, показав тем самым, что мы интересуемся прибором.

Но я сказал ему, чтобы он не форсировал событий. Может, сделка с прибором для измерения эмоций и окажется выгодной, но до принятия окончательного решения нам следует ожидать присылки образцов всех товаров, которые может предложить Коммерсант.

Убедившись, по-видимому, в том, что с ним сотрудничают, Коммерсант теперь торговал не в определенный час, а держал лавочку открытой круглые сутки.

Просмотрев список товаров по букварю, он прислал обратно чистые страницы из книги с очень грубо сделанными рисунками, — казалось, он рисовал их крошащимся углем. Льюис изготовил серию картинок, чтобы показать, как пользоваться карандашом, и, отослав их Коммерсанту вместе с пачкой бумаги и сотней отточенных карандашей, мы принялись ждать.

Мы ждали неделю и уже стали выходить из себя, когда вся пачка бумаги вернулась обратно: каждый листок был с обеих сторон покрыт самыми различными рисунками. Для того чтобы Коммерсанту не было скучно, мы послали каталог товаров, которые можно заказать по почте, а сами уселись разгадывать рисунки.

Назначение всех вещей без исключения было совершенно непонятно... даже Льюису. Он всматривался в рисунки, потом вскакивал, метался по комнате, рвал на себе волосы, дергал себя за уши. Затем снова принимался рассматривать рисунки.

Для меня это была комедия и только.

Наконец мы порешили, что на время затею с каталогами надо оставить, и принялись класть на письменный стол все, что попадалось под руку, ножницы, тарелки, перочинные ножи, клей, сигары, скрепки, ластики, ложки. Я знаю, что мы действовали не по-научному, но у нас не было времени придерживаться какой-либо системы. Потом при случае мы выработали бы более разумную программу, а пока не хотели дать Коммерсанту времени опомниться.

И Коммерсант принялся бомбардировать нас вещами в ответ. Мы сидели часами и отправляли товар ему, а он нам, и у нас на полу образовалась куча самого невероятного хлама.

Мы установили кинокамеру и извели уйму пленки на то, чтобы заснять пятно на столе, где происходил обмен. Мы потратили массу времени, просматривая пленку, замедляя чередование кадров и совсем останавливая проектор, но это ничего нам не дало. Когда вещь исчезала или появлялась, то она просто исчезала или появлялась. В одном кадре она была, в другом кадре ее уже не было.

Льюис отложил всю другую работу, и вся его лаборатория только и делала, что занималась разгадкой приборов, которые мы получили. С большинством из них мы так и не справились. Наверно, они для чего-то служили, но этого нам узнать не удалось.

Был там такой флакон с духами, например. Это мы его так называли. Но мы догадывались, что духи в нем не самое главное, что так называемый флакон имеет совсем иное назначение.

Льюис и его ребята, которые изучали флакон в своей лаборатории и старались разобраться, что к чему, нечаянно включили его. Они работали три дня, причем последние два – в масках, пытаясь выключить его. Когда запах стал невыносим и люди начали звонить в полицию, мы отнесли это устройство в поле и закопали. За несколько дней вся растительность в округе завяла. До самого конца лета ребята с агрономического факультета университета носились всюду как угорелые, стараясь выяснить причину.

Была там штука – часы, наверно, какие-нибудь, – впрочем, с таким же успехом она могла оказаться чем угодно. Если это часы, то у Коммерсанта такая система отсчета времени, что от нее впору с ума сойти.

Была там и еще одна вещица – укажешь на что-нибудь пальцем и нажмешь на определенное место (не на кнопку, не на какое-нибудь механическое устройство, а просто на определенную точку) – и тотчас в пейзаже появится большое пустое место. Перестанешь нажимать – пейзаж снова станет как был. Мы засунули эту вещицу в дальний угол лабораторного сейфа и привесили к ней большую красную бирку с надписью:

Но с большинством предметов мы просто вытягивали пустой номер. А предметы все поступали и поступали. Я забил ими гараж и начал уже сваливать кучей в подвале. Некоторые меня пугали, и я их из кучи изымал.

Тем временем Льюис мучился с прибором для определения эмоций.

– Он работает, – говорил Льюис. – Психиатр, которому я давал его, в восторге. Но, по-видимому, пустить его в продажу будет почти невозможно.

– Если он работает, – возразил я, передавая ему банку с пивом, – то его должны покупать.

– Покупали бы в любой другой области, кроме медицины. Прежде чем пускать что-либо в продажу, надо представить чертежи, теоретические обоснования, результаты испытаний и тому подобное. А мы не можем этого сделать. Мы не знаем, как он работает. Не знаем принципа действия. А пока мы этого не узнаем, ни одна почтенная фирма, торгующая медицинскими приборами, не пустит его в продажу, ни один порядочный медицинский журнал не станет его рекламировать, ни один врач-практик не будет применять.

– Значит, на него надеяться нечего, – сказал я довольно уныло, потому что это была единственная вещь, применение которой нам было известно.

Льюис кивнул, выпил пива и стал мрачнее обычного. Я теперь вспоминаю с улыбкой, как мы нашли устройство, которое принесло нам богатство. В сущности, это не Льюис, а Элен нашла его.

Элен – хорошая хозяйка. Она вечно возится с пылесосом и тряпкой и моет рамы и подоконники с таким остервенением, что нам приходится красить их каждый год.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели телевизор.

– Джо, ты вытирал пыль в кабинете? – спросила Элен.

– Пыль в кабинете? С чего бы это?

– Видишь ли, кто-то вытер. Может, это Билл?

– Билла никакими силами не заставишь взять тряпку в руки.

– Тогда я ничего не понимаю, Джо, – сказала она. – Я пошла вытирать пыль, а там совершенно чисто. Все блестит.

По телевизору показывали что-то очень забавное, и я не обратил тогда на слова Элен никакого внимания.

Но на следующий день и вспомнил об этом и уже не мог выкинуть из головы. Я бы ни за что не стал вытирать пыль в кабинете, а Билл и подавно, и все же кто-то сделал это, раз Элен говорит, что там было чисто.

В тот же вечер я вышел с ведром на улицу, наложил в него пыли и принес в дом.

Элен перехватила меня в дверях.

– Ты что это делаешь?

– Экспериментирую, – сказал я.

– Экспериментируй в гараже.

– Это невозможно, – возразил я. – Я должен выяснить, кто вытер пыль в кабинете.

Я знал, что если мой номер не удастся, то меня притянут к ответу, потому что Элен пошла следом и стала в дверях, приготовившись обрушиться на меня.

На столе лежало много предметов, полученных от Коммерсанта, а в углу валялось еще больше. Я убрал все со стола, и тут вошел Билл.

– Что ты делаешь, папа? – спросил он.

– Твой отец сошел с ума, – спокойно объяснила Элен.

Я взял горсть пыли и посыпал ею стол.

Через мгновение она исчезла. На столе не было ни пятнышка.

– Билл, – сказал я, – отнеси-ка один из этих приборов в гараж.

– Который?

– Любой.

Он унес один из приборов, а я сыпанул еще горсть пыли, и она тоже исчезла.

Билл вернулся, и я послал его с другим прибором.

Это продолжалось довольно долго, и Билл уже начал выражать недовольство. Но наконец я посыпал стол пылью и она не исчезла.

– Билл, – сказал я, – ты помнишь, какую штуку ты выносил последней?

– Конечно.

– Ну, тогда иди и принеси ее обратно.

Он принес ее – и только появился на пороге кабинета, как пыль исчезла.

– Вот оно, – сказал я.

– О чем ты? – спросила Элен.

Я показал на устройство, которое держал Билл.

– Об этом. Выбрось свой пылесос. Сожги тряпки. Закинь куда-нибудь швабру. Достаточно одной такой штуки в доме и...

Она бросилась ко мне в объятия...

– О, Джо!

И мы с ней сплясали джигу.

Затем я сел и стал ругать себя на все корки за то, что связался с Льюисом. Я подумал: а нельзя ли теперь как-нибудь разорвать контракт, раз уж я нашел что-то без его помощи? Но я помнил все эти пункты, которые мы понаписали. Да и что толку – Элен уже побежала в дом напротив рассказать все Мардж.

Я позвонил Льюису, и он мигом примчался.

Мы начали полевые испытания.

В гостиной не было ни пятнышка, потому что Билл прошел через нее с прибором, да и гараж, где прибор оставался ненадолго, тоже был как вылизанный. Хотя мы и не проверяли, но я представляю себе, что на полосе, параллельной дорожке, по которой Билл нес прибор от гаража до двери дома, не осталось ни пылинки.

Мы отнесли прибор вниз и вычистили подвал. Пробрались на задний двор к соседу, где, как мы знали, было много цементной пыли, – и тотчас вся цементная пыль исчезла. Остались одни комочки, но комочки, я полагаю, пылью считать нельзя.

Этого только нам и надо было.

Вернувшись домой, я стал открывать бутылку шотландского виски, которую до того хранил, а Льюис прилежался за кухонным столом и нарисовал прибор.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Рисунок исчез, а мы ждали. Через несколько минут появился еще один прибор. Мы подождали еще, но ничего не случилось.

– Надо втолковать ему, что нам надо много приборов, – сказал я.

– Мы никак не сможем это сделать, – сказал Льюис. – Мы не знаем его математических символов, а он не знает наших, и верного способа изучить его тоже нет. Он не знает ни единого слова нашего языка, а мы – его.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

Льюис сел и нарисовал поперек листа ряд приборов, а позади набросал верхушки множества других, так что казалось, будто приборов сотни.

Мы послали листок.

Пришло пятнадцать приборов – ровно столько, сколько было нарисовано в первом ряду.

Коммерсант явно не имел никакого представления о перспективе. Черточки, которыми Льюис обозначил другие приборы, стоящие за первым рядом, для него ничего не значили.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

– Нам нужны тысячи этих штук, – сказал Льюис, хватаясь руками за голову. – Не сидеть же мне здесь целыми сутками, рисуя их.

– Возможно, придется посидеть, – со злорадством сказал я.

– Но ведь должен быть другой выход.

– Почему бы не нарисовать целую кучу их, а потом не заготовить копии на мимеографе? – предложил я. – Копии можно посылать ему пачками.

Не хотелось мне говорить это, так как я уже увлекся мыслью, что засажу Льюиса куда-нибудь в уголок, и он будет приговорен к пожизненному заключению и рисованию одного и того же снова и снова.

– Может быть, что-нибудь из этого и получится, – сказал возмутительно обрадовавшийся Льюис. – И так просто...

– Скажите лучше – дельно, – отрезал я. – Если бы это было просто, вы бы сами придумали.

– Меня такие частности не интересуют.

– А надо бы!..

Мы успокоились только тогда, когда прикончили бутылку.

На следующий день мы купили мимеограф и Льюис нарисовал трафарет с двадцатью пятью приборами. Мы отпечатали сотню листов и положили их на стол.

Все вышло, как было задумано, и несколько часов мы занимались тем, что убирали со стола приборы, хлынувшие потоком.

По правде говоря, у нас из головы не шла мысль о том, что захочет получить Коммерсант в обмен на свои пылесосы. Но в ту минуту мы были взволнованы и совсем забыли, что это коммерческая сделка, а не дар.

На следующий день вернулись обратно все мимеографические листки, и на обороте каждого Коммерсант нарисовал по двадцать пять зебр-брелков. И тут мы оказались перед необходимостью срочно достать две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я бросился в магазин, где был куплен браслет с таким брелком, но у них в запасе было всего штук двадцать. В магазине сказали, что, наверно, не смогут заказать еще одну партию. Производство, сказали, прекращено.

Название компании, которая выпускала их, было отштамповано на внутренней стороне браслета, и, едва добравшись до дому, я заказал междугородный разговор.

В конце концов я добрался до заведующего производством.

– Вы знаете браслеты, которые выпускаются у вас?

– Мы выпускаем миллионы браслетов. О каком вы говорите?

– О том, что с зеброй.

Он задумался на мгновение.

– Да, выпускали такой. Совсем недавно. Больше не выпускаем. В нашем деле...

– Мне нужно по меньшему мере две с половиной тысячи штук.

– Две с половиной тысячи браслетов?

– Нет, только зебр.

– Слушайте, вы не шутите?

– Не шучу, мистер, – сказал я. – Мне нужны зебры. Я заплачу за них.

– На складе нет ни одной.

– Вы могли бы их изготовить?

– Две с половиной тысячи не сможем. Слишком мало для специального заказа. Тысяч пятьдесят – это еще разговор.

– Ладно, – сказал я. – Сколько будет стоить пятьдесят тысяч?

Он назвал сумму, и мы немного поторговались, но я был не в состоянии долго торговаться. В конце концов, мы сошлись на цене, которая, по-моему, была слишком высока, если учесть, что весь браслет с зеброй и прочими висюльками в розничной торговле стоил всего 39 центов.

– И не закрывайте заказа, – сказал я. – Может потребоваться новая партия зебр.

– Ладно, – сказал он. – Погодите... позвольте задать вопрос, а для чего вам пятьдесят тысяч зебр?

– Не позволю, – сказал я и повесил трубку.

Наверно, он подумал, что у меня шариков не хватает, но мне было наплевать на то, что он думает.

До прибытия пятидесяти тысяч зебр прошло десять дней, и покоя мне не было ни минуты. А потом, когда они прибыли, надо было найти помещение, потому что, к вашему сведению, пятьдесят тысяч зебр, даже если они брелки к браслетам, занимают много места.

Но прежде всего я взял две с половиной тысячи и послал их через стол.

За десять дней, прошедших со времени получения пылесосов, мы ничего не посылали, а Коммерсант ничем не выражал своего нетерпения. Я бы несколько не удивился, если бы он, например, прислал нам своей эквивалент – бомбы, для того чтобы выразить свое разочарование по поводу медленной доставки заказанных им зебр. Мне часто приходило в голову: а что он думает по поводу задержки, не подозревает ли нас в том, кто мы его обманули?

Все это время я без конца курил и грыз ногти, а Льюис, как мне казалось, был озабочен не меньше моего, выискивая возможности сбыта пылесосов.

Когда я упомянул об этом, он смущенно посмотрел на меня.

– Видите ли, Джо, меня очень тревожит одна вещь.

– Нам теперь беспокоиться не о чем, – сказал я, – кроме сбыта пылесосов.

– Но ведь пыль должна же куда-нибудь деваться, – раздраженно проговорил он.

– Пыль?

– Да, пыль, которую собирают эти штуки. Помните, как исчезла целая куча цемента? И я хочу знать, куда она делась. В приборе цемент поместиться не мог. В него не войдет даже недельная залежь пыли из дома средних размеров. Куда все это девается – вот что меня тревожит.

– А мне все равно куда. Лишь бы девалась.

– Деляческий подход, – сказал он презрительно.

Узнав, что Льюис палец о палец не ударил, чтобы обеспечить сбыт, я взялся за это дело сам.

Но передо мной встали те же препятствия, что и при попытке наладить сбыт приборов, измеряющих эмоции.

Пылесос не был запатентован и не имел фабричной марки. На нем не было красивой таблички с именем фабриканта. И я ничего не мог сказать, когда меня спрашивали, как он работает.

Один оптовик согласился взять партию за такую мизерную цену, что я рассмеялся ему в лицо.

В тот вечер мы с Льюисом сидели за столом на кухне и пили пиво. Настроение у нас было не слишком лучезарное. Я предчувствовал тьму неприятностей со сбытом пылесосов. Льюис, по-видимому, все еще тревожился о том, куда девается пыль.

Он разобрал пылесос и узнал только одно: внутри действует какое-то слабое силовое поле... Слабое-то оно слабое, а все электрические вещи в лаборатории и все их чудесные измерительные приборы словно с ума посходили. Льюис сразу сообразил, к чему идет дело, и побыстрее захлопнул крышку пылесоса, так что все обошлось. Оказывается, кожух пылесоса экранировал силовое поле.

– Пыль, по-видимому, вышвыривается в другое измерение, – сказал Льюис; своим видом он напомнил мне гончую, потерявшую след енота.

– А может, и нет. Может, она возносится вверх в виде пыльного облака, вроде тех, что виднеются далеко в космосе.

Льюис покачал головой.

– Не хотите ли вы сказать, – продолжал я, – что Коммерсант такой дурак, что продал нам прибор, который швыряет ему пыль в лицо.

– Вы ничего не поняли. Коммерсант действует из другого измерения. Иначе и быть не может. Но если есть два измерения – его и наше, – то, возможно, есть и другие. Коммерсант, по-видимому, пользовался этими пылесосами сам – но для той цели, для которой собираемся использовать их мы, но, наверно, он тоже отделяется от чего-то ненужного. А следовательно, то, от чего он отделяется, выбрасывается не в его измерение, а в другое.

Мы выпили еще пива, и я стал ломать себе голову над этим делом с разными измерениями. И никак не мог сообщить, что к чему. Наверно, Льюис был прав, когда говорил, что у меня деловой подход. Разве можно поверить в другое измерение, если его нельзя увидеть, потрогать и даже представить себе? Я на такое не способен.

Поэтому я снова заговорил о сбыте пылесосов, и в тот же вечер мы порешили, что нам остается только торговать ими вразнос. Мы даже установили цену двенадцать долларов пятьдесят центов. Зебры нам обходились по четыре цента каждая, своим коммивояжерам мы собирались платить десять процентов комиссионных, и от продажи каж-

дого пылесоса нам оставалось 11 долларов 21 цент чистой прибыли.

Я поместил в газете объявление о найме коммивояжеров, и на следующий день явилось несколько человек. Мы отправили их в пробный рейс.

Пылесосы расхватывали, как горячие пирожки, и мы поняли, что наше дело выгорело!

Я ушел с работы и занялся торговлей, а Льюис вернулся в лабораторию и принялся за гору тогохлама, который мы получили от Коммерсанта. Когда проводишь массовую распродажу, хлопот бывает полон рот. Надо распределять районы между коммивояжерами, получать разрешения в торговой инспекции, брать на поруки своих людей, если их сажают в кутузку за нарушение какого-нибудь постановления, принятого властями забытой богом деревеньки. Вы себе не представляете, сколько тут всяких беспокойств.

Но месяца через два дела пошли в гору. Мы наладили торговлю в своем штате и стали создавать отделения в других штатах. Я заказал дополнительно пятьдесят тысяч зебр и пообещал заказать еще. На моем письменном столе кипела работа. В конце концов, я дошел до того, что нанял трех человек, которые работали посменно круглые сутки, и платил им большие деньги, чтоб держали язык за зубами. Восемь часов мы посылали зебр, затем восемь часов убивали со стола пылесосы, следующие восемь часов снова клали на стол зебр...

Если Коммерсанту и было тошно от того, что происходило, он этого не показывал. Его, видно, вполне устраивал такой обмен.

Соседи сперва сгорали от любопытства и нервничали,

но потом привыкли. Если бы я мог переехать в какое-нибудь другое место, я бы так и сделал, потому что дом был теперь больше похож на учреждение и семейной жизни у нас, в сущности, не стало. Но поскольку нам не хотелось терять наш бизнес, мы вынуждены были сидеть на месте, так как контакт с Коммерсантом мог осуществляться только здесь.

Деньги текли к нам рекой, и все финансы я передал в ведение Элен с Мардж. Сборщики подоходного налога задали нам жару за то, что мы не указывали производственных расходов, но, так как мы не собирались спорить и платили, что положено, они ничего не могли поделать.

Льюис в своей лаборатории вымотал себя так, что превратился в щепку, но не нашел ничего такого, что бы мы могли использовать.

И по-прежнему время от времени тревожился о том, куда же девается вся пыль. И, наверно, впервые в жизни он оказался прав.

Однажды, года через два после того, как мы начали продавать пылесосы, я возвращался из банка, где улаживал всякие финансовые дела, которые Элен с Мардж запутали до невозможности. Только я свернул на дорожку, ведущую к дому, как из него вылетела Элен.

Она была покрыта пылью, все лицо в грязных полосах, сроду не видал такой замарашки.

– Сделай что-нибудь с этим, Джо! – закричала она.

– С чем?

– С пылью! Она валит в дом!

– Откуда?

– Отовсюду!

Тут я увидел, что Элен растворила все окна и из них столбом валит пыль. Я выскочил из машины и посмотрел, что делается на улице. Во всех домах квартала окна были открыты, из них клубами валила пыль, всюду сновали злые, визжащие женщины.

– Где Билл? – спросил я.

– За домом.

Завернув за угол, я крикнул Билла, и он тут же примчался.

Из дома напротив пришла Мардж. Она рассвирепела от этой пыли еще почище Элен.

– Садитесь в машину, – сказал я.

– Куда мы поедem? – спросила Мардж.

– За Льюисом.

Наверно, по моему тону они поняли, что я шутить не намерен, и забились в машину. Я повел ее на полной скорости.

Дома, заводы, магазины, купившие у нас пылесосы, извергали столько пыли, что не видно было ни черта.

Чтобы добраться до кабинета Льюиса, мне пришлось проложить себе путь через двухфутовый слой пыли, лежащий на полу лаборатории. Прикрыв нос платком, я едва спасся от удушья.

В машине мы вытерли лица и отхаркали пыль, забившую глотки. Только тут я увидел, что Льюис втрое бледнее обычного, впрочем, по правде сказать, он всегда был бледной немочью.

– Это все натворили существа из того, третьего, измерения, – испуганно проговорил он. – Из того места, куда

мы отправляли всю пыль. Им чертовски надоело, что она валится на них. Они сообразили, что надо делать, и теперь качают ее обратно.

– Успокойтесь. Может, это вовсе и не из-за наших пылесосов.

– Я проверил, Джо. Из-за наших. Пыль валит во всех тех местах, где есть наши пылесосы. И ниоткуда больше.

– Значит, нам остается только отправить ее обратно.

Льюис покачал головой.

– Не выйдет. Пылесос работает теперь только в одну сторону – от них к нам. – Он закашлялся и посмотрел на меня безумными глазами. – Подумайте только! Два миллиона этих приборов собирали пыль в двух миллионах домов, магазинов, заводов... некоторые из них функционировали целых два года! Джо, как нам теперь быть?

– Спрячемся где-нибудь, пока это все не... гм, не развееется.

Имея мерзкую склонность к сутяжничеству, он, верно, тогда еще предвидел, что на нас обрушатся бесчисленные судебные иски. Лично я больше боялся, что разъяренные женщины устроят над нами самосуд.

Но теперь все это в прошлом. Мы прятались, пока люди немного не успокоились и не стали требовать своих денег обратно через суд. У нас было много денег, и мы смогли заплатить большинству из них. С нас еще должны взыскать несколько сот тысяч. Но мы можем расплатиться довольно быстро, если нападём на что-нибудь столь же доходное, как сбыт пылесосов.

Льюис упорно трудится над этим, но ему пока не везет. Да и Коммерсант наш исчез. Как только мы осмелились

вернуться домой, я тотчас отправился в кабинет и взглянул на стол. Пятно исчезло. Я пытался класть всякие предметы на то место, где оно прежде было, но ничего из этого не получилось.

Что спугнуло Коммерсанта? Много бы я отдал, что бы знать. Впрочем, кое-какие коммерческие перспективы у нас есть.

Возьмите, например, розовые очки, которые мы называем очками счастья. Наденьте их – и будете рады-радешеньки. Почти всякий человек на земле хотел бы иметь такие, чтобы на время забывать о заботах. С таким бизнесом мы бы, наверно, разорили всех торговцев спиртным.

Беда только в том, что мы не знаем, как их делать, а Коммерсант исчез. Теперь мы не можем добывать их.

Но одно меня продолжает тревожить. Я понимаю, беспокоиться не стоит, на все равно это дело никак не идет из головы.

Но что сделал этот Коммерсант с теми двумя миллионами зебр, которые мы послали ему?

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его: стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади, и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно не постижимым. И все-таки это произошло.

«Есть тут что-то странное», — говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось. Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет; Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом, — именно о таком он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он

утешал себя: таковы уж эти роботы – работающие, добро-совестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом, он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно – что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» – давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба – во всех окнах горит свет, – темная громада пристроек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор, там – равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

«Грешно так радоваться», – думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету успешно, и вот он здесь, – полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди – нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И, что лучше всего, – у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать неторопливо, душевно, дружелюбно.

Именно разговоры лучше, чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это – их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры, понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Нечасто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его; свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает – ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мери-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию – такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал; ему страстно захо-

телось быть с ними, рассказать о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха там, в комнате, царила тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того – комната совершенно переменилась. И не просто потому, что исчезли товарищи – исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни

картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня. Мебель (то немногие, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, – трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби попытался кого-нибудь позвать, но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, на этот раз удачную:

– Джон! Джон, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

– Что случилось, сэр?

– Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джон слегка покачал головой.

– Мистер Кэрби, их тут не было.

– Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

– Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

– Джон, ты шутишь?

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

– Мы старались оставить их вам как можно дольше, – произнес Джон. Нам очень не хотелось отнимать их у вас, сэр, но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

– А эта комната?! Ковры, мебель...

– И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

- Димензино? – переспросил он.
- Вы, конечно, помните, что это такое.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство – это было безумие.

– Человеческие эмбрионы перенесли путешествие хорошо, – доложил Джон. – Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволочло его мозг.

– Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, – продолжал он: – Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

– Разумеется, – с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. – Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

– Это невозможно, – сказал он, – этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе – они были из плоти и крови. Они...

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

– Это возможно, – мягко сказал Джон. – Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом

уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку из легкого пластика, стоявшую на нем.

— Скажи, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джона был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно, — сказал Джон. — Места было мало, а взять надо было так много...

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки): горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверканье начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора.

— Джон, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

– А люди не могут?

– Иногда их лучше защитить от нее.

– Но не теперь?

– Больше нельзя, – сказал Джон. – Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби положил тарелку на стол и повернулся к роботу.

– Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И, несомненно, корабельный рацион?

– Сегодня особый обед. Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

– Превосходно! – сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты. Но тут внизу протопал еще один робот.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он.

А ты кто?

– Я Соломон, – ответил робот. – Я строю ясли.

– Надеюсь, звуконепроницаемые?

– О, нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

– Ладно, продолжайте, – сказал Уинстон-Кэрби и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка², и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

– Иллюзия! – воскликнул он, но сам не поверил. Это

² ...висела койка – имеется в виду матерчатый гамак.

была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности, которую надолго не отсрочить. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с этой действительностью – и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать – не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужны иллюзии, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино – спутники, рожденные им, приспособляются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен, причем до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности – изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один человек не просуществовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неумного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко – замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джон.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план – как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждой своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором – своего рода старейшиной совершенно нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки, и по привычке повернулся к большому зеркалу.

Зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся – кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет. И все же оно с ним – оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

– Нет! – закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору, руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по спине течет холодный пот.

«А было бы так легко, – подумал он, – так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоящей необходимости что-то делать».

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным – делать все равно надо. Потому что это не

просто еще одна колония, а прорыв, прямая дорога к знанию и уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстоянием.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может. Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это – побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность... может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Предусмотреть какие-нибудь решительные действия на случай, если к нему вернется иллюзия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его: вино откупорено, разговор уже начался...

– Прекратить! – закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы – вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать и сильно уставать, чтобы не оставалось времени на размышления, а сразу валиться в постель и крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать; наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые дела, планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его, потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты: занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло, на полу лежал ковер.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, – голой, бедной, холодной.

«Слава Богу, – подумал он. – Слава Богу!»

Снизу донесся крик:

– Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

– Уинстон, у нас праздник! На столе молочный поро-сенок!

И еще один голос:

– С яблоком во рту!

Он не ответил.

«Они исчезнут, – думал он. – Им придется исчезнуть».

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждал покой и старые друзья...

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто промерзли к ней.

Он слышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем

немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни задранных кверху мордашек – цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переклички птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина – это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни, от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навеянное цветами, росой и утренним щебетанием птиц, и как он остается наедине с этой штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего – на бродячую стиральную машину или заметающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурированного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение

ние, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три – в ширину и два – в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что, какую бы цель она ни преследовала, сделает она все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита, зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда-либо видел, и точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещицами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

– Спасибо, – сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не щелкнула, не пошевелилась.

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковородки последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, ста-

раясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его – такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая-то специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещица, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, и обернулся только тогда, когда она постучала. Она стояла в дверях, и при виде ее он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо – резко очерченным и белым, но синие глаза имели тот же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

– Здравствуйте, мистер Шайе, – сказала она.

– Доброе утро, – откликнулся он.

Это была Мери Маллет, сестра Джонни.

– Джонни пошел ловить рыбу, – сказала Мери. – Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

– Я рад, что пришли вы, – сказал Питер, – хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними чуть попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему! Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

– Вы уже позавтракали? – спросил он.

Мери кивнула.

– Вот и хорошо, – добавил он сухо. – Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе, – сказал он про себя, – перестань быть таким сентиментальным».

– Какая хорошенькая вещичка! – воскликнула Мери. – Где вы ее взяли?

– Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит.

– Можно?

– Конечно, – сказал Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее лица. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

– Вы это *нашли*?

– Ну, не то чтобы нашел, Мери. Мне его дали.

– Друг?

– Не знаю.

– Забавно.

– Не совсем. Я хотел бы показать вам этого... ну, чудака, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

– Конечно, могу, – сказала Мери, – хотя мне надо спешить. Мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

– Какая диковина! – сказала Мери.

– Именно диковина, – согласился Питер.

– Что это, мистер Шайе?

– Не знаю.

– Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

– Но так оно и было, – сказал Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мери наклонилась и провела пальцем по машине.

– Ощущение приятное, – сказала она. – Похоже на фарфор или...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

– Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мери. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

– Наверно, это духи, – сказал Питер.

Мери вынула пробку.

– Прелестно, – радостно прошептала она и дала понюхать Питеру. Это действительно было прелестно. Она заткнула флакон пробкой.

– Но, мистер Шайе...

– Не знаю, – сказал Питер. – Я просто ничего не знаю.

– Ну, хоть догадываетесь?

Он покачал головой.

– Вы нашли ее здесь?

– Я вышел прогуляться...

– И она ждала вас.

– Я не... – пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

– Она ждала, да?

– Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мери Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чувствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

– Вернемся, – сказал он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

– Может быть, нам что-то надо сделать? – спросила Мери. – Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой.

– Сначала я хочу все обдумать.

– И что-нибудь сделать?

– Наверно, тут никто ничего поделывать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После этого занялся цветочной клумбой. Цинии росли хорошо, но с астрами что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душит культурные растения.

«После обеда, – подумал он, – я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать», – сказал он Мери. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся. По траве к нему бежала Мери.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее, — тяжело дыша, сказала она. — Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней, — сказал Питер.

— Она им тоже сделала подарки. Джонни получил удилище с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную биту и перчатку.

— Господи!

— И теперь они хвастаются перед всеми.

— Теперь это уже все равно, — сказал Питер. — По крайней мере мне так кажется.

— Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали, Питер, вы же что-нибудь придумали.

— Мне кажется, что это неземная штука, — сказал ей Питер. — У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.

– Вы хотите сказать, что она с Марса?

– И не с Марса, – сказал Питер. – И не из нашей солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в солнечной системе живут другие разумные существа, а ни о такой разумной машине и говорить не приходится.

– Что значит... не из нашей солнечной системы?..

– С какой-нибудь другой звезды.

– Звезды так далеко! – возразила она.

Так далеко, подумал Питер. Так далеко для людей. До них можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...

– Похожа на игорную машину, – сказал он вслух, – только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мери. Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.

– Теперь все соседи пойдут туда, – сказала Мери.

– Конечно. Они пойдут за подарками.

– Но ведь она не очень большая. В ней не поместились бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздала, едва хватит места.

– Мери, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?

– Он только об этом и говорил.

– А вы любите духи?

– У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые. – Она нервно хохотнула. – А вы? Вы любите нефрит?

– Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите. И питаю страсть к нему.

– Значит, эта машина...

– Дает каждому то, что он хочет, – закончил фразу Питер.

– Это страшно, – сказала Мери.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день, такой же обычный для земли, как кукурузное поле.

Когда Мери ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, они шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топчя ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

Со звезд, подумал он. С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт, и как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгом разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого.

После обеда Питер вышел и присел на ступеньку. По-

дошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была дюжина капканов для ловли скунсов, а у другого – велосипед.

«Современный ящик Пандоры, – подумал Питер, – сделанный умными чужаками и доставленный на Землю».

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по лугу пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили, даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На лугу была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружную ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луг.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу – нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, уходили в землю.

Питер присел на пень. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и безмятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

Это земля, подумал Питер, мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полосок кукурузы, ровных, как ружейные стволы.

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами.

А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мери Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную биту и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

– Что вы собираетесь сделать с нами? – спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-то далеко залаяла собака, откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий.

Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано, – говорил диктор, – но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделался общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели, – сказал диктор, – день прошел без смертных случаев. Но, несмотря на это, – продолжал он, – все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится, – сказал он, – что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюдце, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнерс. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю – это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой. Поставил лампу на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

– Люди говорят, – сказал шериф, – что на вашей ферме приземлилось летающее блюдо.

– Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдо.

– А что же это тогда?

– Почему я знаю, – ответил Питер.

– Люди говорят, оно раздает всякие вещи.

– Верно, раздает.

– Ну, если эта хреновина – рекламный трюк, – проговорил шериф, – намну же я кому-нибудь бока.

– Я уверен, что это не рекламный трюк.

– Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

– Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам, – сказал ему Питер. – Я ничего не собирался утаивать.

– Вы недавно в наших местах, что ли? – спросил шериф. – Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

– Я здесь три месяца.

– Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

– Правильно, – ответил Питер.

Шериф ждал объяснений, но Питер молчал. Шериф подозрительно рассматривал его при тусклом свете лампы.

– Может, покажете нам это летающее блюдо?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, сказал:

– Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

– Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

– Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

– Ну, конечно, – ответил шериф. – Конечно. Но почему бы вам...

– Я был там два раза, – сказал Питер. – И люди сегодня ко мне все идут и идут.

– Ну ладно, ладно, – сказал шериф. – Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел. Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку. Звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

– Скажите, – спросил радиореporter, – это у вас там блюдце?

– Почему у меня? – сказал Питер. – Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

– Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы пришлем?

– Не возражаю. Присылайте.

– А вы уверены, что эта штука еще там?

– Там, там!

– Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут. Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэйтед пресс». Человек на другом конце провода был осторожен и скептичен.

– Говорят, у вас объявилось какое-то блюдце?

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

– Маклеланд из «Трибюн» – сказал усталый голос. – Я слышал какие-то враки...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед пресс».

– Говорят, у вас приземлилось блюдце. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

– Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдце. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюдец нет...

– Одну минуту, сэр, – сказал Питер и выпустил трубку – она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его, – голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать. Вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

– Прилетела машина, раздающая подарки, – сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть большим признаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего прибывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убеждением и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиореporter был возбужден, журналист из «Ассошиэйтед пресс» возмущался тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился. Его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей хватает, недоставало еще приземления какого-то блюдца. У него свои заботы: заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит – это боль, смерть, страх.

«Боль, – подумал он. – Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в

своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась там. Она выжидала, искала удобного случая – она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли. Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

– Шайе! Шайе! Где вы?

– Иду, – отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

– Зажгите лампу, – попросил шериф.

– Спички есть? – спросил Питер.

– Да, вот.

Ошупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек.

Он отыскал стол, провел по нему рукой и нашел лампу. Он зажег ее и посмотрел на шерифа.

– Шайе, – сказал шериф, – эта штукавина строит что-то.

– Я знаю.

– Что за чертовщина?

– Никакой чертовщины.

– Она дала мне это, – сказал шериф, положив что-то на стол.

– Пистолет, – сказал Питер.

– Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его – весил он не больше полуфунта.

– Нет, – сказал Питер. – Ничего подобного я никогда не видел. – Он осторожно положил его на стол. – Стреляет?

– Да, – ответил шериф. – Я испробовал его на вашем коровнике.

– Коровника больше нет, – сказал один из помощников.

– Ни звука, ни вспышки, ничего, – добавил шериф.

– Коровник исчез, и все, – повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

– Пойди посмотри, кто там, – приказал шериф.

Один из помощников вышел.

– Не понимаю, – пожаловался шериф. – Говорят, летающее блюдце, а я думаю, никакое это не блюдце. Просто ящик.

– Это машина, – сказал Питер.

На крыльце слышались шаги, и в комнату вошли люди.

– Газетчики, – сказал помощник, который выходил посмотреть.

– Никаких заявлений не будет, ребята, – сказал шериф. Один из репортеров обратился к Питеру.

– Вы Шайе?

Питер кивнул.

– Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэтед пресс». Тот малый с глупым видом – фотограф Лэнгли. Не обращайтесь на него внимания. – Он похлопал Питера по спине. – Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

– Не шевелись, – сказал Лэнгли. Сработала лампа-вспышка.

– Мне нужно позвонить, – сказал Джонсон. – Где телефон?

– Там, – ответил Питер. – Он не работает.

– Как это? В такое время – и не работает?

– Я перерезал провод!

– Перерезали провод? Вы с ума сошли, Шайе?

– Слишком часто звонили.

– Ну и ну, – сказал Хоскинс. – Ведь надо же!

– Я его починю, – предложил Лэнгли. – Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

– Пойдите, ребята, – сказал шериф.

– Поживей надевайте штаны, – сказал Питеру Хоскинс. – Мы хотим сфотографировать вас у блюда. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

– Ну, послушайте же, – сказал шериф.

– Что такое, шериф?

– Тут дело серьезное. Поймите меня правильно. Нечего вам там, ребята, ошиваться.

– Конечно, серьезное, – ответил Хоскинс. – Потому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

– Вот плоскогубцы, – произнес кто-то.

– Сейчас исправлю телефон, – сказал Лэнгли.

– Что мы здесь топчемся? – спросил Хоскинс. – Пошли посмотрим на нее.

– Мне нужно позвонить, – ответил Джонсон.

– Послушайте, ребята, – уговаривал растерявшийся шериф. – Погодите...

– На что похожа эта штука, шериф? Думаете, это блюдо? Большое оно? Оно что – щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

– Минутку! – закричал Лэнгли со двора. – Я соединяю провод!

На веранде снова слышались шаги. В дверь просунулась голова.

– Автобус с телестудии, – сказала голова. – Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Джонсон поднял трубку.

– Это вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

– Да, это я, шериф Бернс... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел его... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку и обернулся.

– Это военная разведка, – сказал он. – Никто туда не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Он свирепо переводил взгляд с одного репортера на другого.

– Так приказано, – сказал он им.

– А, черт! – выругался Хоскинс.

– Я так торопился сюда, – заорал телерепортер, – и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

– Теперь здесь распоряжаюсь не я, – сказал шериф. – Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

– Кофе там, – сказал он Лэнгли. – Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных гармошкой листках бумаги; разговаривая с Питером и шерифом, они царапали карандашом какие-то непонятные знаки. После недолгого спора шериф разрешил Лэнгли доставить снимки в редакцию. Шериф шагал по комнате из угла в угол.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихой, светили звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой

светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но, что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

– Сюда посылают войска, – сказал ему шериф.

– Раз-два, левой, – с невозмутимым видом командовал Хоскинс; сигарета небрежно повисла на его нижней губе.

– По радио только что передали, – добавил шериф. – Объявлен призыв национальной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

– Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам, – предупредил шериф. – Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

– Кавалерия! – закричал Хоскинс. – Вперед, ребята, ура!

– Ну, что вы как дети, – проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили. Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдо. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, вид у него был непривычный, потому что оно возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот, или скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначили к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе, – вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты окружили здание, утреннее солнце поблескивало на штыках винтовок.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

– Мы пошлем кого-нибудь за продуктами, – сказал Хоскинс. – А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окружающей центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоугольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мери выбежала ему навстречу, к калитке.

– Соседи боятся, – сказала она.

– Вчера они не боялись, – заметил Питер. – Они просто ходили и брали подарки.

– Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой – пять этажей за одну-единственную ночь?

– Как они это делают, Питер? – понизив голос, спросила Мери.

– Не знаю, – ответил Питер. – Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в своей основе совершенно отличный от человеческого.

– Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди, – возразила она. – Не из такого камня, конечно... Наверное, в целом свете нет такого камня. Но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

– Мой нефрит оказался настоящим нефритом, – сказал

Питер, – ваши духи – настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни, – обыкновенным спиннингом.

– Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать. Питер, они следят за нами!

– Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

– Я глупая, Питер.

– Вы замечательная! – убежденно сказал он.

– Я не очень боюсь.

– Конечно, нет. – Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов он не скажет никогда. «Хотя боль, – подумал он, – боль сегодня утром не возвращалась».

– Я пойду за молоком и яйцами, – сказала Мери.

– Принесите, сколько можете. Мне надо накормить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба.

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекли, – остался только фундамент, срезанный наискось.

Интересно, пистолет все еще у шерифа? Питер решил, что у шерифа. А что тот будет делать с ним и почему он был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле.

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

– Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

– Из разведки? – спросил Питер.

Журналист кивнул.

– Полковник и майор.

Военные ждали в столовой. Полковник – седой, но очень моложавый. Майор был при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

– Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

– Это вы нашли машину? – спросил полковник.

– Да, я.

– Расскажите нам о ней, – попросил полковник.

Питер стал рассказывать.

– А где нефрит? – сказал полковник. – Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него.

- Вы разбираетесь в нефритах? – спросил полковник.
- Очень хорошо, – ответил Питер.
- Вам приходилось работать с ним прежде?
- В музее.
- Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

- А почему вы здесь? – спросил полковник.
- Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник? Вы никогда не думали, какво умирать там?

Полковник кивнул.

- Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...
- Я постараюсь не заживаться...
- Да, да, – проговорил полковник. – Понимаю...
- Полковник, – сказал майор, – взгляните, пожалуйста, сюда, сэр. Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук.

- Тот же символ, что и над текстом письма! – воскликнул он.

Полковник поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону. Но не успел. Майор выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую, пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только сон, что он падает в бесконечном атавистическом сне, доставшемся в наследство от тех невероятно далеких пред-

ков, которые обитали на деревьях и жили в вечном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать, потому что у него не было рук, а потом оказалось, что у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть. Лишь его сознание несло сквозь бездну, у которой не было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь и вновь корчиться в муках его душу (тела не было), не доводя пытку до той крайности, за которой следует спасительное безумие. Но со временем он привык к этому вою, и, как только привык, вой прекратился, и Питер падал в бездну в полной тишине, которая была еще страшнее, чем вой.

Он падал, и падение это было вечным, а потом вдруг вечности пришел конец, и наступил покой, и не было больше падения.

Он увидел лицо. Лицо из невероятно далекого прошлого, которое он видел однажды и давно позабыл, и он рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, оно качалось из стороны в сторону, и остановить его Питер никак не мог. Все попытки его оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

– Шайе, – позвал чей-то голос. – Питер Шайе.

– Уходи, – сказал Питер.

Голос пропал.

Питер снова открыл глаза, лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Боли нет. Повязок нет. Гипса нет.

Полковник сказал:

— Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

— Он будет молодцом, — сказал врач. — Дайте только срок. Вы вогнали в него слишком большой заряд. Он придет в себя не сразу.

— Нам надо поговорить с ним.

— Вам придется подождать.

С минуту было тихо. Потом:

— А вы абсолютно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его очень тщательно, — сказал врач. — Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

— Он говорил мне, что у него рак, — сказал полковник, — притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что если он не человек, то на худой конец он в любой момент мог сделать вид, будто у него...

— У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было ничего похожего на рак. И не будет.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер

нарочно зажмурил глаза покрепче – боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

– Врач, который лечил Питера Шайе, – сказал полковник, – четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал ему...

– Полковник, искать объяснение бесполезно. Могу сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

– В таком случае это не Питер Шайе, – упрямо заявил полковник. – Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

– Ну и ну, полковник, – сказал врач. – Не будем фантазировать.

– Вы уверены, что он человек, доктор?

– Я убежден, что он человеческое существо, если вы это имеете в виду.

– Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

– Никаких, – сказал врач, – а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копирку не делают.

– Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметные не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

– Ну и пусть были отличия. Пусть эти предметы сделаны чужаками. А я все равно утверждаю, что наш пациент – самый настоящий человек.

– Но ведь получается такая цельная картина, – спорил

полковник. – Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чудак из чудачков. Уже самой своей чужаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чужаковатость – это ширма для всех его необычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это только человеку вроде него.

– Вы стряпаете дело из ничего, – сказал врач. – Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и подтвердил вашу нелепую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт... подчеркиваю, факт, подтверждающий вашу мысль.

– Что было в коровнике? – не сдавался полковник. – Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

– Коровник уничтожил шериф, – возразил врач. – Шайе не имеет к этому никакого отношения.

– А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод – чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

– Давайте вернемся к фактам. Вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания. Вы арестовали его. По вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру – это настоящее посягательство на свободу личности. Молите бога, чтобы он на вас не подал в суд. Он может призвать вас к ответу.

– Знаю, – неохотно согласился полковник. – Но нам надо разобраться. Нам надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

– Так бы и говорили – вас тревожит бомба.

– Висит она там, – дрогнувшим голосом сказал полковник. – Висит!

– Мне надо идти, – сказал врач. – Не волнуйтесь, полковник.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и с каким-то неистовством повторял про себя снова и снова: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть. Он приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где застигнет его смертный час. И вот его помиловали. Каким-то способом ему вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слышал. Впрочем, он читал о чем-то вроде этого. О чем-то связанном с лечением зубов, припоминал он. Это новый способ обезболивания, применяемый дантистами, – они опрыскивают десны струйкой анестезирующего вещества. Что-то в этом роде, только в сотни, в тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели – и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием. Разумеется, это нелепость. Потому что, насколько он помнит, в делах его, словах и даже в мыслях

не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак – это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незванный гость, который пробрался в тело человека и живет в нем. Умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет!

Но он знал, что эта фантазия под стать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его держаться настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

– Нам надо разобраться, – сказал полковник. – Надо выяснить, что это такое.

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил наконец шевельнуться, и полковник тотчас сказал:

– Питер Шайе.

– Что, полковник?

– Мне нужно поговорить с вами.

– Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал, – обычная больничная койка.

– Как вы себя чувствуете? – спросил полковник.

– Так себе, – признался Питер.

– Мы поступили с вами круто, но у нас не было

другого выхода. Видите ли, письмо, игорный и кассовый автоматы и многое другое...

– Вы уже говорили о каком-то письме.

– Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

– Понятия не имею.

– Президент получил письмо, – сказал полковник. – Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

– Что в нем написано?

– В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка – одна строчка во всех письмах, – ее можно прочитать. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять – одну строчку на языке той страны, которая получила письмо. А остальное – какая-то тарбарщина.

– Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

– Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

– Я принесу воды.

Он взял стакан и открыл дверь в ванную.

– Спущу воду, чтобы была похолоднее, – сказал он.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Полилась вода, шум ее заглушал голос полковника, он заговорил громче.

– Примерно тогда же мы стали находить эти машины, – сказал он. – Только представьте себе. Обыкновенная машина-автомат продает сигареты, но это не все. Что-то в нем следит за вами. Что-то изучает людей и их образ жизни. Во всех кассовых и игорных автоматах и других устройствах, которые мы сами же установили. Только теперь это не просто автоматы, а наблюдатели. Они следят за людьми все время. Наблюдают, изучают.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

– Эй! – крикнул полковник.

Где одежда? Наверно, в шкафу. Питер подскочил и дернул дверцу. Вот она, висит на вешалке.

Он сбросил больничный халат, схватил брюки и натянул их. Теперь рубашку. В ящике. А где ботинки? Стоят тут же. Шнурки завязывать некогда.

Полковник дергал дверь и колотил в нее, но еще не кричал. Он закричит, но пока он заботится о своей репутации – не хочет, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы. Бумажник исчез. Остальное тоже – нож, часы, ключи. Наверное, вынули и положили в сейф, когда его привезли сюда.

Сейчас не до этого. Главное – скрыться.

В коридоре он постарался сдержать шаг. Прошел мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер отыскал выход на лестницу, открыл дверь. Теперь можно и поторопиться. Он перепрыгивал через три ступеньки, шнурки мотались.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице. Там, где есть лифт, ею почти не пользуются. Он остановился, нагнулся и завязал шнурки.

Над каждой дверью был обозначен этаж, и поэтому Питер легко ориентировался. На первом этаже он снова пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся. По коридору шли какие-то люди, но на него никто не смотрел. Он схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом: – Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не задержала его.

Выйдя, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старички играли в шахматы. Мать укачивала ребенка. Молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили: «...очевидно, здание закончено. За последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас оно насчитывает тысячу этажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают,

что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание. Ведь со стороны здания до сих пор не было никаких враждебных действий. Как сообщают, пока нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска и все жители в зоне восемнадцати миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых препровождены через линии заграждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем — таков круг беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают поставлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие происшествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за всем, что связано со зданием.

Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание – предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и пошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня – и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади ста акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болели ноги, от голода сосало под ложечкой.

Он должен вернуться к зданию во что бы то ни стало. Вдруг он осознал, что сделать это необходимо, но еще не понял, почему он должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл», – не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую он решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было. Она исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и ча-сами. «Теперь уже все равно, – подумал он, – капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, поняв, что догоняют именно его, резко обернулся.

– Питер! – крикнула Мери. – Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

– Где вы пропадали? – спросила она.

– В больнице, – ответил Питер. – Я убежал оттуда. Но почему вы...

– Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его: нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

– У вас такой измученный вид, – сказала она. – Вам опять плохо?

– Плохо? – переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму давным-давно известна всем, потому что секретов в деревне не бывает...

– Простите, Питер, – заговорила Мери. – Простите. Не надо было мне...

– Ничего, – сказал Питер. – Все прошло, Мери. Я здоров. Не знаю уж, как и почему, но я вылечился.

– В больнице? – предположила Мери.

– Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда. Но выяснилось это только в больнице.

– Может быть, диагноз был неправильный?

Он покачал головой:

– Правильный, Мери.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Мог ли он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное... не какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

– Вы говорите, что сбежали? – напомнила ему Мери.

– Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел. Они думают, я ее сделал. Они увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

– Какие глупости!

– Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

– Это невозможно, – сказала ему Мери. – Там всюду солдаты.

– Я поползу на животе по канавам, если надо. Пойду ночью. Попроюсь сквозь линию заграждения. Буду драться, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

– Вы больны, – сказала она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Он усмехнулся.

– Не болен, а просто хочу есть.

– Тогда пошли.

Она взяла его за руку. Он не тронулся с места.

– Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

– Мы пойдем в ресторан.

– Они отобрали у меня бумажник, Мери. У меня нет денег.

– У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

– Нет, – сказал он. – Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

– И вы в самом деле идете туда?

– Это пришло мне в голову только что, – признался он, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что слова его не просто безрассудная бравада.

– Вернетесь туда?

– Мери, я должен.

– И думаете, вам удастся добраться?

Он кивнул.

– Питер, – нерешительно проговорила она.

– Что?

– Я вам не буду обузой?

– Вы? Как так?

– Если бы я пошла с вами...

– Но вам нельзя, вам незачем идти.

– Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звонок – школьный звонок, созывающий ребятишек.

– Мери, – спросил он, – на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

– Был. На стекле, – ответила она. – Такой же, что и на вашем нефрите.

«И такие же знаки, – подумал он, – были в письмах».

– Пошли, – решил он вдруг. – Вы не помешаете.

– Сначала поедим, – сказала она. – Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

Они пошли по дороге, рука об руку, как два влюбленных подростка.

– У нас уйма времени, – сказал Питер. – Нам нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет.

Они поели в маленьком ресторане на тихой улице, а потом пошли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мери, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку для воды. Она послужит вместо фляги.

Они прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу, совсем как парочка на пикнике. Мери сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мери с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог, шли полями и лугами, держались подальше от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Было уже за полночь, когда они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на

артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мери с Питером знали, что находятся внутри эвакуированной зоны и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались осторожнее и медленнее. Когда на востоке забрезжила заря, они спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

– Я устала, – сказала со вздохом Мери. – Я не чувствовала усталости всю ночь, а может, не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

– Мы поедим и ляжем спать, – сказал Питер.

– Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неверном свете разгоравшегося утра перед ним предстало здание – голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом, подобно тупому персту, указующему в небо.

– Мери! – прошептал Питер. – Мери, вон оно!

Он услышал, как она пробирается сквозь заросли.

– Питер, до него еще далеко.

– Знаю, но мы пойдем туда.

Припав к земле, они разглядывали здание.

– Я не вижу бомбы, – сказала Мери. – Бомбы, которая висит над ним.

– Она слишком далеко.

– А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

– Не знаю, – озабоченно нахмурившись, ответил Пи-

тер. – В самом деле, почему? Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

– Но теперь вы здоровы, Питер.

– Какой разница... Только там я обрел покой и сочувствие.

– А вы забыли еще о символах, Питер. О знаке на флаконе и нефрите.

– Вернемся, – сказал он. – Здесь нас могут увидеть.

– Только наши подарки были с символами, – настаивала Мери. – Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

– Сейчас не время строить предположения. Пошли.

Они снова забрались в чашу.

Солнце уже вошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

– Питер, – сказала Мери. – У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

– Я слышу звон, – тихо проговорила Мери. – А вы слышите?

Питер покачал головой.

– Как школьный звонок, – продолжала она. – Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

– Вы устали, – сказал он.

– Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он поцеловал ее еще раз.

– Ложитесь спать, – сказал он, и она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел – сон как рукой сняло.

Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

– Питер! Питер!

– Тише, Мери! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мери стали осторожно пробираться через чащу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа – еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на расстоянии он казался крохотным, а рев был не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло, ему удалось выровняться; он дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, и из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги – Питер и Мери увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды. Над танком и дорогой клубился дым, а снаряды все разрывались у дороги – на этой стороне дороги, а не на той.

Танк снова загромыхал вперед, к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот орудийного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. Постреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

– Что-то не пускает его, – сказал Питер.

– Стена, – предположила Мери. – Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

– И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не останется.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой броней в невидимую стену.

«Он в ловушке, – подумал Питер. – Дороги разъединили и заперли все войсковые части. Танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом. Войскам перекрыты все пути – рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. И интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издалека: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали, как собаки.

Мери, оказывается, уходила, но он заметил это, когда она уже возвращалась, низко наклоня голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы. Бутылку с водой она поставила на землю.

– Это здание построило дороги, – сказала она.

Питер кивнул, рот его был набит.

– Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться, – сказала Мери. – Здание хочет, чтобы людям легче было посещать его.

– Опять школьный звонок? – спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

– Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились.

Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к танку. Остальные присели.

– Стена пропускает только в одну сторону, – предположила Мери.

– Скорее всего, – сказал Питер, – она не пропускает танки, а люди могут проходить.

– Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Солдаты шагали по полю, а танк двинулся им навстречу; он остановился, и экипаж выбрался наружу. Пехотинцы и танкисты разговаривали, один из солдат что-то говорил, показывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Издалека снова донесся гром тяжелых орудий.

– Кто-то, – сказал Питер, – все еще пытается пробить стены.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их – отгородили друг от друга... и теперь танки, орудия и самолеты стали просто безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детишки.

По дороге брели на восток пехотинцы и танкисты, они отступали, бесславная осада была снята.

Мери и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

– Вы говорили, что они прилетели со звезд, – сказала Мери. – Но почему сюда? Зачем мы им нужны и вообще зачем они прилетели?

– Чтобы спасти нас, – нерешительно проговорил Питер, – спасти нас от самих себя, или чтобы поработить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не поймем.

– Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

– Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет. Не думаю, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он посмотрел на поле, на покинутый танк, на сверкающую лестницу дорог.

– Я надеюсь, – продолжал он, – что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас, – думал он. – Они знают о нас все,

что можно знать. Они изучали нас... Долго ли они нас изучали? Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата...

Кроме того, они писали письма, письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят. А может быть, они чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали нам подарки – что-то вроде призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мери наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мери с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, они пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу. И зашагали на запад к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли сквозь ночь; теперь не надо было кружить и прятаться, как в первую ночь, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние и громада здания уже отхватила полнеба – оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки он аккуратно поставил рядом.

– Совсем обезножил, – затеявая разговор, сказал солдат.

Питер и Мери охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, подстелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

– Да, всему конец.

Питер и Мери ни о чем не спрашивали, а жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

– Конец службе, – сказал солдат. – Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в другом лежала груда боеприпасов, в третьем – военные грузовики.

– Как же тут воевать, – спросил солдат, – если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пяточке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

– Вы думаете, так повсюду? – спросила Мери.

– Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас. Они не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

– Я вернусь, – сказал он. – Заберу свою девушку, и мы оба придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им, чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж, тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

– Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор.

– Нет, я никого не видел.

– Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас?

– Это было бы нехорошо, – запротестовал солдат. – Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того, у меня есть для нее подарок.

– Она обрадуется, – ласково сказала Мери. – Ей понравится подарок.

– Конечно, – горделиво улыбнувшись, сказал солдат. – Она давно о таком мечтала.

Солдат полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его. Ожерелье тускло блеснуло при свете звезд.

Мери протянула руку.

– Можно? – спросила она.

– Конечно, – ответил солдат. – Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мери вынула ожерелье из футляра – ручеек звездного огня заструился по ее руке.

– Бриллианты? – спросил Питер.

– Не знаю, – ответил солдат. – Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

– Питер, – перебила его Мери, – у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман.

– У меня есть зажигалка, мисс. Мне дали зажигалку. Блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мери поднесла камень к свету.

– Символ, – сказала она. – Как на моем флаконе.

– Это вы про гравировку? – спросил солдат, показывая пальцем. – И на зажигалке такая же.

– Где ты взял это? – спросил Питер.

– Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку, и тогда я подумал о Луизе и зажигалке, которую она мне подарила. Я ее потерял. Жалко было. И вот те на – такая же, только знаки сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился. Зажигалка осветила его молодое лицо, оно сияло торжеством.

– Знаете, что мне кажется? – сказал он. – Мне кажется, что этот ящик – один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мери на Питера.

– Вам, наверно, смешно? – робко спросил он.

Питер покачал головой.

– Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мери отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

– Надо идти. Спасибо за угощение.

– Мы увидимся, – сказал Питер.

– Надеюсь.

– Обязательно увидимся, – убежденно сказала Мери.

Мери и Питер смотрели ему вслед. Он заковылял в одну сторону, а они пошли в другую.

– Символ – это их метка, – сказала Мери. – Те, кому

дали вещь с символом, должны вернуться. Это как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

– Или, – добавил Питер, – клеймо, обеспечивающее право собственности.

Они ищут определенных людей. Им не нужен тот, кто боится их. Им нужны люди, которые верят им.

– А для чего мы им нужны? – с тревогой спросил Питер. – Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются. Ни в чьей они помощи не нуждаются.

– Мы никого из них не видели, – сказала Мери. – Разве что ящик – один из них.

«И сигаретные автоматы, – подумал Питер. – Сигаретные автоматы и еще бог знает что».

– И все же, – продолжала Мери, – они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам – нефрит. И удилище было человеческим удилищем, а нефрит – земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

– А может, это все-таки летающие блюдца, – сказал Питер. – Они летали над нами много лет и изучали нас.

«Сколько же потребовалось лет, – подумал он, – чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов. Человечество было для них сложной, незнакомой расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу».

– Не знаю, – сказал Питер. – Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло, это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды. Тысячэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров – от такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И, даже стоя поблизости от здания, нельзя было увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мери подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они поднялись по лестнице, подошли к большой бронзовой двери и остановились. Повернувшись, они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз, видны были дороги, расходящиеся, как спицы колеса от ступицы здания, а поперечные дороги лежали концентрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

Брошенные фермы со службами – коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками,

навесами для машин – остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лугов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

– Вот она, – сказала Мери. – Наша прекрасная страна, Питер.

– Была наша, – поправил ее Питер. – Все, что было, уже никогда не повторяется.

– Питер, вы не боитесь?

– Нисколько. Только сомнения одолевают.

– Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

– Я и сейчас не сомневаюсь, – сказал он. – Я чувую, что все идет как следует.

– Конечно, все идет хорошо. Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец, болезням конец, атомным бомбам конец – чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

– Все это я знаю, – сказал Питер. – Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию – тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

– Чего же вам нужно еще?

– Наверно, ничего... Впрочем, ничего определенного мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаключениях. У нас нет доказательств, реальных, весомых доказательств.

– У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни и войну, то во что тогда можно верить вообще?

– Именно это и тревожит меня.

– Мир держится на вере, – сказала Мери. – Любой вере – в бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

– Вы изумительная! – воскликнул Питер. Он крепко обнял Мери. В это время большая бронзовая дверь рас-
творилась.

Положив руки друг другу на плечи, молча переступили они порог и очутились в вестибюле с высоким сводчатым потолком. Он был расписан фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, несчетные полки с книгами и кафедру на возвышении.

– Я была права, – сказала Мери. – Все-таки это был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер. В первый класс.

– В детский сад, – с трудом проговорил Питер.

«Все верно, – подумал он, – так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное

дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг³. Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

– Мне надо выйти, – сказала Мери. – Подождите меня здесь, никуда не уходите.

– Я никуда не уйду, – обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед. Через открывшуюся дверь он увидел бесконечный коридор. Мери закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бегом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но двери не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Дюйм за дюймом Питер ощупал стену и никакой двери не нашел.

Опустошенный, повернулся он лицом к вестибюлю. Голова раскалывалась – один, один во всей громаде здания.

Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу, – детский сад, на втором этаже, – несомненно, первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу других, тех, кто

³ Айви Лиг – объединение американских университетов: Принстонского, Гарвардского и Йельского.

был отобран, тех, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут – из любопытства, но если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать, он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

Интересно, что написано в этих книгах. Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой?

Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мери.

– Там квартиры, – сказала она. – Таких уютных я никогда не видела. На двери одной наши имена, на других – тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

– Давайте сядем и подождем, – сказал он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

НУЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Спустя несколько месяцев после Второй атомной войны, когда треть планеты все еще оставалась радиоактивной пустыней, доктор Дэниел Глэрт из Филлмора, штат Висконсин, наткнулся на открытие, которому суждено было вызвать последний рывок в социальном развитии человечества.

Подобно Колумбу, хваставшемуся тем, что добрался до Индии, подобно Нобелю, гордившемуся изобретением динамита, который, по его словам, сделает войны невозможными, – подобно им, доктор Глэрт не сумел правильно оценить свое открытие. Несколько лет спустя он говорил заезжему историку:

– Не думал, что из этого такое выйдет, никак не думал. Помните, война только что кончилась; мы были здорово потрясены тем, как испарились практически оба побережья Соединенных Штатов. Так вот, из Топики – новой столицы в Канзасе – нам, докторам, пришлось распоряжение подвергнуть пациентов полному обследованию. В общем, смотреть в оба, чтобы не проглядеть радиоактивных ожогов и этих самых новых болезней, которыми швырялись друг в друга воюющие армии. Понимаете, сэр, я больше ничего и не предполагал делать. А Джорджа Абнего я знал тридцать лет – я его вылечил от ветрянки, от воспаления легких и от отравления. Никогда бы не подумал!..

В соответствии с распоряжением, которое прокричал на всех углах секретарь окружного совета, Джордж Абнего

сразу после работы явился к доктору Глэрту. Терпеливо прождав полтора часа в очереди, он, наконец, вошел в маленький кабинет. Здесь его тщательно выстукали, просветили рентгеном, взяли анализ крови и мочи, внимательно исследовали его кожу, а потом ему пришлось ответить на пятьсот вопросов анкеты, разосланной департаментом здравоохранения в отчаянной попытке охватить симптомы новых заболеваний.

Потом Джордж Абнего оделся и пошел домой, где его ждал скудный ужин, ограниченный жесткими нормами. Доктор Глэрт положил его папку в ящик и вызвал следующего. Он пока еще ничего не заметил; но хотел он или не хотел – начало абнегистской революции уже было положено.

Четыре дня спустя, когда обзор состояния здоровья жителей Филлмора, штат Висконсин, был готов, доктор переслал материалы в Топику. Прежде чем подписать карточку Джорджа Абнего, он пробежал ее глазами, поднял брови и записал на ней следующее:

«Если не считать склонности к кариесу зубов и плоскостопию, я считаю, что состояние здоровья этого человека среднее. В физическом отношении он соответствует норме для города Филлмора».

Именно эта последняя фраза заставила ответственного инспектора здравоохранения усмехнуться и еще раз взглянуть на карточку. Потом к усмешке прибавилось изумление; оно стало еще сильнее, когда инспектор сравнил цифры и данные на карточке с медицинскими справочниками.

Надписав что-то красными чернилами в правом верх-

нем углу карточки, инспектор послал ее в Исследовательский отдел.

В Исследовательском отделе удивились, зачем им переслали карточку Джорджа Абнего – у него не было отмечено никаких необычных симптомов, предвещавших экзотические новинки вроде мозговой кори или артериального трилхиноза. Потом они обратили внимание на надпись, сделанную красными чернилами, и на пометку доктора Глэрта. Пожав плечами, исследователи поручили группе статистиков заняться этим вплотную.

Спустя неделю, когда статистическое изучение вопроса было завершено, в Филлмор прибыло девять специалистов-медиков. Они тщательнейшим образом обследовали Джорджа Абнего, а потом ненадолго заглянули к доктору Глэрту, которому по его просьбе оставили копию протокола своего обследования.

Обстоятельства сложились так, что первый экземпляр этого протокола был уничтожен в Топике месяц спустя, во время мятежа Твердокаменных Баптистов – того самого мятежа, который побудил доктора Глэрта начать абнегистскую революцию. После того как население в результате атомной и бактериологической войны сильно сократилось в числе, эта баптистская секта оказалась самой крупной религиозной организацией страны. Возглавлявшая ее группировка стремилась установить в остатках Соединенных Штатов теократию Твердокаменных Баптистов. После кровопролитных боев и больших разрушений мятежники были усмирены. Их вождь, преподобный Хемингуэй Т. Гонт, поклявшийся, что не выпустит из левой руки револьвера, а из правой – Библии, пока не воцарится

власть Господня и не будет возведен Третий Храм, был приговорен к смертной казни судом своих же суровых единоверцев.

Сообщая о мятеже, филлморская газета «Бьюгл геральд» проводила печальную параллель между уличными боями в Топике и мировой катастрофой, вызванной атомным конфликтом. Передовая статья уныло констатировала:

«Теперь, когда международная связь и транспорт разрушены, мы почти ничего не знаем о превращенном в руины мире. Мы знаем, что физический облик нашей планеты за последние десять лет изменился настолько же, насколько рождающиеся повсюду в результате радиоактивности дети-уроды отличаются от своих

родителей. Воистину в эти дни катастроф и перемен наш изнемогающий дух обращается к небу с мольбой о символе, о знамении, гласящем, что все снова будет хорошо, что прошлое еще вернется к нам, что потоп несчастий пойдет на убыль и мы снова почувствуем под ногами твердую почву нормы».

Именно это последнее слово привлекло внимание доктора Глэрта. В тот же вечер он опустил протокол обследования, проведенного правительственными специалистами, в редакционный почтовый ящик. На полях первой страницы он написал карандашом короткую фразу: «Вижу, что Вы интересуетесь этим вопросом».

Во всю первую страницу следующего номера филлморской «Бьюгл геральд», вышедшего неделю спустя, красовались заголовки:

ГРАЖДАНИН ФИЛЛМОРА – ЗНАМЕНИЕ?
НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИЛЛМОРА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ
ОТВЕТОМ СВЫШЕ!
МЕСТНЫЙ ВРАЧ РАСКРЫВАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ СЕКРЕТ!

Дальнейший текст был густо уснащен цитатами из протокола, а также из Псалмов Давида. Потрясенные жители Филлмора узнали, что некий Джордж Абнего, который почти сорок лет прожил среди них незамеченным, представляет собой живую абстракцию. Благодаря стечению обстоятельств, ничуть не более замечательному, чем появление у вас на руках четырех тузов в покере, физическое развитие, душа и прочие разнообразные атрибуты Абнего, вместе взятые, образовали мифическое существо – статистическое среднее.

Судя по последней предвоенной переписи, рост и вес Джорджа Абнего совпадали со средней цифрой для взрослого американца мужского пола. Он женился именно в таком возрасте (с точностью до года, месяца и дня), когда, по расчетам статистиков, в среднем женились все мужчины; его жена была моложе его именно на столько лет, чтобы разница в их возрасте соответствовала средней; его заработок, по данным последней налоговой анкеты, равнялся среднему заработку за этот год. Даже количество и состояние зубов у него во рту соответствовало предсказаниям Американской ассоциации зубных врачей. Его обмен веществ и кровяное давление, пропорции тела и невроты – все в Абнего представляло собой обобщение последних статистических данных. Когда его подвергли всем возможным психологическим проверкам, окончательный результат показал, что это средний нормальный человек.

Наконец, миссис Абнего недавно разрешилась от бремени третьим ребенком – мальчиком. Это не только произошло точно в момент, соответствующий статистическим данным о движении населения, но и привело к появлению

на свет абсолютно нормального представителя человечества в отличие от большинства детей, рождавшихся по всей стране.

Рядом со славословиями в честь новой знаменитости в газете была напечатана плохая любительская фотография, с которой на читателя застывшим взглядом смотрело семейство Абнего в полном составе. Выглядело оно при этом, как отмечали многие, «средне – чертовски средне!».

Газетам других штатов было предложено перепечатать материал. Так они и сделали – сначала не спеша, а потом со все распространявшимся, заразительным энтузиазмом. Когда живой интерес публики к этому символу стабильности, счастливо избежавшему всех крайностей, стал очевиден, на страницах газет забили фонтаны громких слов, посвященных «Нормальному Человеку из Филлмора».

Профессор Родрик Клингмейстер из университета штата Небраска заметил, что многие его студенты-биологи носят огромные пуговицы, украшенные портретами Джорджа Абнего. «Прежде чем начать лекцию, – усмехнулся он, – я бы хотел сказать, что этот ваш „нормальный человек“ не мессия. Боюсь, что он всего-навсего наделенная честолюбием вероятностная кривая, всего лишь воплощенная посредственность...»

Договорить он не успел. Ему раскроили череп его собственным микроскопом.

Даже на той ранней стадии событий некоторые наблюдательные политики заметили, что за это поспешное действие никто не понес наказания.

Этот инцидент можно связать со многими другими,

последовавшими за ним. Например, один злополучный житель Далата, оставшийся неизвестным, в разгар происходившей в этом городе манифестации под лозунгом «Добро пожаловать, приятель – средний Абнего», добродушно удивившись, вслух заметил: «Смотрите, он же просто обыкновенный парень, вроде нас с вами». Он был немедленно разорван разъяренной толпой на клочки не крупнее праздничного конфетти.

За подобными случаями внимательно следили люди, находившиеся у кормила правления (постольку, поскольку те, кем правили, против этого не возражали). Эти люди решили, что Джордж Абнего представляет собой воплощение великого национального мифа, в течение столетия скрыто лежавшего в основе культуры и с таким шумом распространившегося благодаря массовым средствам общения.

Начало этому мифу положило когда-то детское движение, призывавшее «Стать Нормальным Полнокровным Американским Парнем»; свое высшее проявление он нашел в политических кругах, где претенденты на официальные посты, красуясь без пиджаков и в подтяжках, хвастали: «Бросьте, все знают, кто я такой. Я простой человек, не больше, всего-навсего простой человек».

Этот миф послужил источником таких внешне непоставимых обычаев, как ритуал политического целования младенцев, культ жизни «не хуже других» или недолговечные, пустые и глупые массовые увлечения, охватывавшие население с монотонной регулярностью, подобно взмахам механического дворника по стеклу автомобиля. Этот миф диктовал законы моды и определял дух студен-

ческих землячеств. Это был миф о «правильном парне».

Год открытия Абнего был годом президентских выборов. Так как от Соединенных Штатов остался только Средний Запад, демократическая партия исчезла. Ее остатки поглотила группа, называвшая себя Старой Республиканской Гвардией, – самая левая в Америке. Правящая партия – Консервативные Республиканцы, настолько правые, что они стояли на грани монархизма, – была спокойна за исход выборов: достаточное для этого количество голосов было обещано ей духовенством.

Старая Республиканская Гвардия лихорадочно искала подходящего кандидата. С сожалением отказавшись от подростка-эпилептика, недавно избранного вопреки конституции штата губернатором Южной Дакоты, и высказавшись против распевавшей псалмы бабки из Оклахомы, которая сопровождала свои выступления в сенате религиозной музыкой на банджо, стратеги партии в один из летних дней прибыли в Филлмор, штат Висконсин.

С того момента, как Абнего убедили дать согласие баллотироваться, как было преодолено его последнее, искреннее, но не признанное серьезным возражение (состоявшее в том, что он был членом соперничающей партии), стало очевидно, что в предвыборной борьбе произошел перелом и что сыр-бор загорелся.

Абнего стал кандидатом в президенты под лозунгом: «Назад, к Норме, с Нормальным Человеком!»

К тому времени, когда собралась конференция Консервативных Республиканцев, угроза поражения была для них уже очевидной. Они изменили свою тактику, пытаясь встретить удар лицом к лицу.

Республиканцы выдвинули своим кандидатом горбуна. Кроме физического уродства он отличался и другими ненормальными особенностями: например, был профессором права в ведущем университете. Он был женат и с большим шумом развелся; наконец, однажды он признался комиссии по расследованию, что когда-то писал и публиковал сюрреалистические стихи. Плакаты, изображавшие его с жутковатой ухмылкой и горбом вдвое больше натуральной величины, были расклеены по всей стране с лозунгом: «Ненормальный Человек для ненормального Мира!»

Несмотря на этот блестящий политический ход, результат кампании не вызывал сомнений. В день голосования три четверти избирателей поддержали кандидата, зовущего к прошлому. Четыре года спустя, когда на выборах снова выступили те же соперники, соотношение увеличилось до пяти с половиной против одного. А когда Абнего выставил свою кандидатуру на третий срок, он не встретил организованного сопротивления.

Не то чтобы он сокрушил оппозицию. В период президентства Абнего допускалась большая свобода политической мысли, чем при многих его предшественниках. Просто люди стали меньше думать о политике.

Абнего избегал каких бы то ни было решений, пока это было возможно. Когда же уйти от решения было нельзя, он принимал его исключительно на основе прецедентов. Он редко высказывался на актуальные темы и никогда не брал на себя никаких обязательств. Разговаривать он любил лишь о своей семье.

«Как напишешь памфлет против пустого места?» — жаловались многие оппозиционные публицисты и карик-

катуристы в первые годы абнегистской революции, кольца во время предвыборных кампаний кое-кто все еще пытался выступать против Абнего. Снова и снова Абнего пытались спровоцировать на какое-нибудь нелепое заявление или признание, но без всякого успеха. Абнего был просто не способен сказать что-нибудь такое, что большинство населения сочло бы нелепым.

Кризисы? Но каждому школьнику было известно, что Абнего однажды сказал: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное – не волноваться».

Он привел людей в мир пониженного кровавого давления. И после многих лет созидания и разрушения, лихорадки и конфликтов, нараставших забот и душевных мук они свободно вздохнули и преисполнились тихой благодарности.

С того дня, когда Абнего принес присягу, многим казалось, что хаос дрогнул и повсюду расцвела благословенная, долгожданная стабильность. Многие из происходивших процессов на самом деле не имели никакого отношения к Нормальному Человеку из Филлмора – например, уменьшение числа детских уродств; но во многих случаях выравнивающее, смягчающее действие абнегизма было очевидным. Так, лексикологи, к своему изумлению, обнаружили, что жаргонные словечки, свойственные молодым людям во времена первого президентства Абнего, употреблялись их детьми и восемнадцать лет спустя, когда Абнего был избран на очередной срок.

Словесные проявления этого великого успокоения получили название абнегизмов. Первое в истории упомина-

ние об этих искусно замаскированных глупостях относится к тому периоду, когда Абнего, убедившись, наконец, что это возможно, назначил министров, совершенно не посчитавшись с желаниями своей партийной верхушки. Один журналист, пытаясь обратить его внимание на абсолютное отсутствие в новом кабинете ярких индивидуальностей, задал ему вопрос: приходилось ли кому-нибудь из членов кабинета, от государственного секретаря до генерал-почтмейстера, когда-нибудь публично высказать о чем-нибудь свое мнение или принять хоть какие-нибудь конструктивные меры в каком бы то ни было направлении? На это президент якобы ответил не колеблясь и с мягкой улыбкой:

— Я всегда говорил, что если нет побежденных, то никто не остается в обиде. Так вот, сэр, в таком состязании, где судья не может определить победителя, побежденных не бывает.

Может быть, эта легенда и недостоверна, но она прекрасно выражает настроение абнегистской Америки. Повсеместно распространилась поговорка: «Приятно, как ничья».

Самый яркий абнегизм (и, безусловно, столь же апокрифический, как история про Джорджа Вашингтона и вишневое дерево) был приписан президенту после посещения им спектакля «Ромео и Джульетта». Трагический финал пьесы якобы вызвал у него следующее замечание:

— Уж лучше не любить вообще, чем пережить несчастную любовь!

В начале шестого президентства Абнего, когда вице-президентом впервые стал его старший сын, в Соеди-

ненных Штатах появилась группа европейцев. Они прибыли на грузовом судне, собранном из поднятых со дна частей трех потопленных миноносцев и одного перевернувшегося авианосца.

Встретив повсюду дружеский, но не слишком горячий прием, они объехали страну и были поражены всеобщей безмятежностью, почти полным отсутствием политической и военной активности, с одной стороны, и быстрым технологическим регрессом – с другой. Один из приезжих, прощаясь, настолько пренебрег дипломатической осторожностью, что заявил:

– Мы прибыли в Америку, в этот храм индустриализации, в надежде найти решение многих острых проблем прикладных наук. Эти проблемы – например, использование атомной энергии на предприятиях или применение ядерного распада в стрелковом оружии – стоят на пути послевоенной реконструкции. Но здесь, в остатках Соединенных Штатов Америки, вы даже не способны понять нас, когда мы говорим о том, что считаем таким сложным и важным. Извините меня, но у вас царит какой-то национальный транс!

Его американские собеседники не обиделись: пожимая плечами, они отвечали вежливыми улыбками. Вернувшись, делегат сообщил своим соотечественникам, что американцы, всегда пользовавшиеся славой ненормальных, в конце концов специализировались на кретинизме.

Но был среди европейцев другой делегат, который многое увидел и о многом расспрашивал. Это был Мишель Гастон Фуффник – некогда профессор истории в Сорбонне. Вернувшись в родную Тулузу (французская культура вновь

сконцентрировалась в Провансе), он занялся исследованием философских основ абнегистской революции.

В своей книге, которую с огромным интересом прочел весь мир, Фуффник указывал, что хотя человек XX века в достаточной степени преодолел узкие рамки древнегреческих понятий, создав неаристотелеву логику и неевклидову геометрию, но он до сих пор не находил в себе интеллектуального мужества, чтобы создать неплатонову политическую систему. Так было до того, как появился Абнег.

«Со времен Сократа, – писал мосье Фуффник, – политические взгляды человека определялись идеей о том, что править должны достойнейшие. Как определить этих достойнейших, какой шкалой ценностей пользоваться, чтобы правили самые достойные, а не просто те, кто лучше, – таковы были основные проблемы, вокруг которых уже три тысячелетия бушевали политические страсти. Вопрос о том, что выше – родовая аристократия или аристократия разума, – это вопрос об основе подобной шкалы ценностей; вопрос о том, как должны избираться правители: согласно воле божьей, прочтенной по свиным внутренностям, или в результате всенародного голосования, – это вопрос метода. Но до сих пор ни одна политическая система не посягала на основной, не подлежащий обсуждению постулат, впервые изложенный еще в „Республике“ Платона. И вот Америка поставила под сомнение практическую пригодность и этой аксиомы. Молодая западная демократия, которая ввела когда-то в юриспруденцию понятие о правах человека, теперь подарила лихорадящемуся человечеству доктрину наименьшего общего знаменателя в управлении. Согласно этой доктрине, насколько я ее понимаю, править должны

не самые худшие, как заявляют многие из моих предубежденных спутников, а средние: те, кого можно назвать „недостойнейшими“ или „неэлитой“.

Народы Европы, жившие среди радиоактивных развалин, оставленных современной войной, с благоговением внимали проповеди Фуффника. Их зачаровывала картина мирной монотонности, существовавшей в Соединенных Штатах, и не интересовал академический анализ ее сущности. Сущность же эта состояла в том, что правящая группа, сознавая свою «неисключительность», избегала бесконечных конфликтов и трений, вызываемых необходимостью доказывать собственное превосходство, и волей-неволей стремилась как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

Кое-где все еще оставались олигархии и правящие классы; в одной стране еще пользовалась влиянием древняя религия, в другой – народ продолжали вести за собой талантливые, мыслящие люди. Но проповедь уже звучала в мире. Среди населения появились шаманы – заурядные на вид люди, которых называли абнегами. Тираны убедились в том, что истребить этих шаманов невозможно: они избирались не за какие-нибудь особые способности, а просто потому, что они представляли средний уровень любого данного слоя людей; оказалось, что, пока существует сам этот слой, у него остается и середина. Поэтому философия абнегов, несмотря на кровопролития, распространялась и крепла.

Оливер Абнего, который стал первым президентом

мира, был до этого президентом Абнего VI Соединенных Штатов Америки. Его сын в качестве вице-президента председательствовал в сенате, состоявшем в основном из его дядей, двоюродных братьев и теток. Они и их многочисленные потомки жили в простоте, лишь немногим отличавшейся от условий жизни основателя их династии.

В качестве президента мира Оливер Абнего одобрил только одно мероприятие – закон о преимущественном предоставлении стипендий в университетах тем студентам, чьи отметки были ближе всего к средним по всей планете для их возрастной группы. Однако президента вряд ли можно было упрекнуть в оригинальности или новаторстве, не подобающих его высокому положению: к тому времени вся система поощрений – в учебе, спорте и даже на производстве – была уже приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших.

Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь. Последние турбины в еще годном для работы состоянии были помещены в музей: люди, которым они служили, сочли, что, пользуясь электричеством, они слишком выделяются среди добропорядочных абнегов.

Выдающимся явлением культуры этого периода были точно зарифмованные и безукоризненно ритмичные стихи, посвященные довольно абстрактным красавицам и неопределенным прелестям супруг или возлюбленных. Если бы давным-давно не исчезла антропология, то можно было бы установить, что появилась удивительная тенденция ко всеобщему единообразию в строении скелета, чертах лица

и пигментации кожи, не говоря уже об умственном и физическом развитии и индивидуальности. Человечество быстро и бессознательно сводилось к среднеарифметическому уровню.

Правда, незадолго до того, как были исчерпаны запасы угля, в одном из поселений к северо-западу от Каира произошла кратковременная вспышка возмущения. Там жили преимущественно неисправимые инакомыслящие, изгнанные из своих общин, да небольшое количество душевнобольных и калек. В пору расцвета они пользовались массой технических устройств и пожелтевшими книгами, собранными в разрушающихся музеях и библиотеках мира.

Окруженные всеобщим презрением, эти люди возделывали свои илистые поля лишь настолько, чтобы не умереть с голоду, а остальное время посвящали бесконечным ожесточенным спорам. Они пришли к выводу, что представляют собой единственных потомков «гомо сапиенс», а остальное человечество состоит из «гомо абнегус». По их мнению, своей успешной эволюцией человек был обязан в основном отсутствию узкой специализации. Если остальные живые существа были вынуждены приспособливаться к частным, ограниченным условиям, то человечество оставалось не связанным этой необходимостью, что и позволило ему совершить огромный прыжок вперед; но в конце концов обстоятельства вынудили и его заплатить ту же цену, какую рано или поздно приходилось платить всем жизнеспособным формам, то есть специализироваться.

Дойдя до этого этапа дискуссии, они решили воспользоваться оставшимся у них старинным оружием, чтобы спасти «гомо абнегус» от самого себя. Однако жесто-

ченные разногласия относительно предполагаемых способностей перевоспитания привели к кровопролитному междоусобному конфликту с тем же оружием в руках; в результате вся колония была уничтожена, а место, где она находилась, стало непригодным для жизни.

Примерно в это же время человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистошимые леса.

Царство «гомо абнегус» длилось четверть миллиона лет. В конце концов оно пало, покоренное собаками ньюфаундлендами. Эти животные уцелели на одном из островов Гудзонова залива после того, как еще в XX веке затонуло везшее их грузовое судно.

Эти крепкие и умные собаки, силой обстоятельств вынужденные в течение нескольких сотен тысячелетий довольствоваться обществом друг друга, научились говорить примерно таким же образом, как научились ходить обезьяны – предки человека, когда внезапное изменение климата истребило деревья, служившие им исконным обиталищем, то есть просто от скуки. Наделенные разумом, обостренным трудностями жизни на суровом острове, обладающие фантазией, побуждаемые к действию холодом, эти овладевшие членораздельной речью собаки построили в Арктике замечательную собачью цивилизацию, а потом устремились на юг, чтобы поработить, а затем и приручить человечество.

Приручение состояло в том, что собаки разводили людей ради их умения бросать палки и другие предметы: приносить их стало видом спорта, все еще популярным среди новых властелинов планеты, хотя часть наиболее

эрудированных индивидуумов была склонна к сидячему образу жизни.

Особенно высоко ценилась порода людей с невероятно тонкими и длинными руками; однако часть собак предпочитала более коренастую породу, у которой руки были короткие, но крайне мускулистые. Время от времени благодаря рахиту выводились любопытные особи с настолько гибкими руками, что они казались почти лишенными костей. Разведение этой разновидности, любопытной как с научной, так и с эстетической точек зрения, обычно осуждалось как признак упадочнических склонностей хозяина и порча животных.

Со временем собачья цивилизация, конечно, создала машины, способные бросать палки дальше, быстрее и чаще, чем люди. После чего, если не считать самых отсталых собачьих общин, человек исчез с лица Земли.

ЗВЕЗДА

До Ватикана три тысячи световых лет. Когда-то я верил, что космос не имеет силы над верой, как верил и в то, что слава Божественного промысла провозглашена небесами. Теперь я увидел этот промысел, и моя вера сильно поколеблена. Я смотрю на распятие, которое висит на стене над вычислительной машиной Марк IV, и впервые в жизни мне кажется, что это не больше, чем пустой символ.

Я еще никому не говорил об этом, но правду не скроешь. Любой может ознакомиться с фактами, записанными на бесчисленном количестве миль магнитной пленки и запечатленными на тысячах фотографий, которые мы возьем с собой на Землю. Другие ученые могут интерпретировать их так же легко, как и я, и не мне заниматься искажением и сокрытием правды, за что в былые дни мой орден заслужил дурную славу.

Настроение экипажа довольно скверное. Интересно, как они воспринимают эту иронию высшего порядка? Немногие из них хоть как-нибудь верят в Божественное провидение, и все же они не собираются доставить себе удовольствие и нанести мне последний удар в той войне, которую они вели против меня (эта добродушная и в то же время фундаментально серьезная борьба продолжалась всю дорогу от самой Земли). Их потешало, что главным астрофизиком к ним назначили иезуита. Доктор Чэндлер, например, так и не мог примириться с этим (почему медики такие заядлые атеисты?). Иногда мы встречаемся в

наблюдательном отсеке, где источники света помещены очень низко, чтобы ничто не затмевало величественного сверканья звезд. Обычно он подходит ко мне в полумраке и молча смотрит в большой овальный иллюминатор, а небеса медленно плывут вокруг нас, потому что мы так и не позаботились скорректировать остаточный спин.

«Ну, отец, — скажет он наконец, — нет этому ни конца, ни краю. Возможно, Нечто и сотворило Вселенную. Но как вы можете верить, что это Нечто особенно интересуется нами и нашим крошечным миром? Вот это никак не укладывается у меня в голове». Потом начинается спор, а звезды и туманности медленно проплывают вокруг нас, плывут бесконечные дуги по ту сторону безупречно прозрачного пластика иллюминатора.

Наверно, экипаж особенно потешала несовместимость моей религиозности с тем постом, который я занимал. Напрасно я упоминал три моих статьи в «Астрофизическом журнале» и еще пять в «Ежемесячных записках астрономического общества». Я говорил о том, что мой орден издавна славился своими научными работами. Пусть нас осталось очень мало, но еще с восемнадцатого века, по сравнению с нашей малочисленностью, мы внесли значительный вклад в астрономию и геофизику. Неужели мой доклад о туманности Феникс покончит с нашей тысячелетней историей? Боюсь, что он действительно с ней покончит.

Я не знаю, кто дал туманности это название, которое мне кажется очень неудачным. Если оно пророческое, то проверить это будет нельзя еще несколько миллиардов лет. Вводит в заблуждение даже само слово «туманность»: то,

что мы видели, гораздо меньше громадных туманностей (вещества нерожденных звезд), разбросанных по всему Млечному пути. В космических масштабах туманность Феникс действительно незначительная штука – тонкая газовая оболочка вокруг одной-единственной звезды.

Или того, что осталось от звезды...

Мне кажется, что Лойола⁴ на рубенсовской гравюре, которая висит над записями спектрометра, смотрит на меня с издевкой. А что бы вы, отец, сделали с теми знаниями, которые я храню, находясь так далеко от маленького мира, который для вас был всей Вселенной?

Вы смотрите вдаль, отец, а я улетел в такую даль, которую вы не могли бы вообразить тысячу лет тому назад, когда основали наш орден. Ни один исследовательский корабль еще не уходил от Земли так далеко: мы находимся на самых границах разведанной Вселенной. Мы отправились в путь, чтобы достичь туманности Феникс, наше путешествие было успешным, и мы возвращаемся домой, обремененные грузом знаний. Жаль, что я не могу снять этот груз со своих плеч, и я напрасно взываю к вам через века и световые годы, лежащие между нами.

На книге, которую вы держите, легко прочесть слова *ad maiorem, dei gloriam*⁵, но в эти слова я больше не верю. А продолжали бы верить вы, если бы могли узнать то, что мы открыли?

Мы, конечно, знали, что такое туманность Феникс.

⁴ Игнатий Лойола (Ignatius, в миру Иниго Лопес де Лойола, Inigo Lopez de Loyola) (23 октября 1491, замок Лойола, Гипускоа – 31 июля 1556, Рим), католический святой, основатель ордена иезуитов и его генерал с 1541 г.

⁵ К вящей славе Господней (*лат.*) – девиз ордена иезуитов.

Каждый год, только в нашей галактике, взрываются сотни звезд, горя несколько часов или дней в тысячи раз ярче, чем обычно, чтобы потом умереть и исчезнуть из поля зрения. Такие «новые» звезды – свидетельства обычных катастроф, происходящих во Вселенной. С тех пор как я начал работать в Лунной обсерватории, у меня скопились десятки спектрограмм, запечатлевших это явление.

Но три-четыре раза в тысячу лет случается нечто такое, перед чем совершенно меркнет даже «новая».

Когда звезда становится «сверхновой», она на короткое время может затмить все солнца галактики, взятые вместе. Китайские астрономы наблюдали это явление в 1054 году после Рождества Христова, не зная, что они видят. Пятью веками позже, в 1572 году, «сверхновая» загорелась в Кассиопее так ярко, что была видна в полуденном небе. За тысячу лет, что прошли с тех пор, это явление наблюдалось еще трижды.

Наша задача была посетить то, что осталось от подобной катастрофы, воссоздать события, которые вели к ней, и, если возможно, узнать причину ее. Мы медленно приближались через концентрические слои газа, который образовался в результате взрыва шесть тысяч лет тому назад и все еще продолжал распространяться. Они были раскаленными и до сих пор излучали интенсивный фиолетовый свет, но газ был слишком разрежен, чтобы причинять нам какой-либо вред. Когда звезда взорвалась, ее внешние слои унеслись с такой скоростью, что полностью вышли из пределов гравитации звезды. Теперь они образовали оболочку, под которой было достаточно места, чтобы там разместились тысячи солнечных систем, а в самом центре

горел маленький фантастический предмет, которым стала теперь звезда, – Белый Карлик, не достигающий размеров Земли, но весящий в миллионы раз больше.

Всюду вокруг нас были раскаленные газы, разгонявшие мрак межзвездного пространства. Мы летели в центр космической бомбы, которая взорвалась тысячелетия тому назад и раскаленные частицы которой все еще разлетались.

Мы уже не мчались, как прежде, а медленно плыли к раскаленной маленькой звезде. Когда-то она была таким же солнцем, как наше собственное, но растратила за несколько часов всю энергию, которая бы позволила ей сиять миллион лет. Она похожа на сморщенного скрягу, который прожигал жизнь в юности, а теперь экономит на всем.

Никто всерьез не считал, что мы можем найти планеты. После взрыва они скорее всего превратились в клубы пара, развеянные звездным взрывом. Но, как это мы всегда делаем, когда приближаемся к неизвестному солнцу, мы послали на поиски автоматы и вскоре нашли один-единственный небольшой мир, обращающийся вокруг звезды на неимоверно большом расстоянии от нее. Должно быть, это был Плутон исчезнувшей Солнечной системы, орбита которого проходила по краю ночи. Планета находилась слишком далеко от когда-то яркого солнца, эта отдаленность и позволила ей избежать судьбы ее товаров.

Огонь мимоходом опалил ее горы, унес и сжег мантию из замерзших газов, которая, по-видимому, покрывала ее до катастрофы. Мы приземлились, и нашли Склеп.

Об этом позаботились его строители. Монолитный обелиск, который стоял над входом, превратился в оплав-

ленный огрызок, но уже первые фотографии, сделанные с большого расстояния, показали, что перед нами работа разумных существ. Немного позже мы обнаружили огромный круг из радиоактивного вещества, зарытого глубоко в Землю. Если бы даже пилон над Склепом был разрушен дотла, круг остался бы, как неподвижный и вечно горящий маяк, вызывающий к звездам. Наш корабль направился точно к центру круга, как стрела в цель.

Пилон, когда его построили, был, по-видимому, высотой с милю, но теперь он напоминал свечу, расплавившуюся и превратившуюся в лужу воска. Нам понадобилась неделя, чтобы пробурить оплавившийся камень — у нас не было инструментов, необходимых для такой работы. Мы были астрономами, а не археологами, и нам пришлось импровизировать на ходу. Мы забыли, ради чего летели сюда — этот одинокий монумент, возведенный с такой тщательностью на самом большом удалении от обреченного солнца, мог иметь только одно предназначение. Некая цивилизация, зная, что она на краю гибели, делала последнюю ставку на бессмертие.

Пройдет немало поколений, прежде чем мы изучим все сокровища, оставленные в Склепе. У них было много времени на подготовку, потому что солнце, по-видимому, не раз предупреждало их о грядущей катастрофе. Все, что они хотели сохранить, все, что дал их творческий гений, последние дни перед концом они снесли сюда, на этот далекий мир, надеясь, что другие люди найдут их наследие и исчезновение их не будет бесследным. Сделали бы мы то же самое или мы были бы слишком заняты своими невзгодами, чтобы подумать о будущем, которого никогда не увидим?

Если бы только у них было немного больше времени! Они могли свободно путешествовать с планеты на планету в своей Солнечной системе, но они еще не научились преодолевать межзвездные бездны, а до ближайшей Солнечной системы была сотня световых лет пути. И даже если бы они обладали секретом сверхскоростного движения, спастись могли бы всего несколько миллионов человек. Может быть, было лучше так, как случилось.

Даже если бы они по своему облику не были столь мучительно похожи на нас, людей, как это видно по их скульптурам, мы бы не могли не восхищаться ими и не горевать об их судьбе. Они оставили тысячи записей и машины для воспроизведения зримых изображений, а также тщательно проиллюстрированные инструкции, благодаря которым нам было нетрудно освоить их письменность. Мы изучили многие из их записей и впервые за шесть тысяч лет как бы воззвали к жизни тепло и красоту цивилизации, которая во многих отношениях была, по-видимому, совершенней нашей собственной. Возможно, они показывали нам только лучшее, но за это вряд ли кто может упрекнуть их. Миры их были очень красивы, а их города построены с таким изяществом, что равных им на Земле нет. Мы наблюдали, как они работают и развлекаются, мы слушали их мелодичную речь, донесшуюся до нас через века. У меня перед глазами до сих пор стоит одна сцена – дети играют на странном синем песке, плещутся в море, как это делают дети Земли. Вдоль берега тянутся странные, похожие на плети деревья, а по отмели, не привлекая ничьего внимания, бредет какое-то очень большое животное.

И опускается в море еще теплое, доброе, дающее жизнь солнце, которое скоро окажется предателем и уничтожит все это ни в чем не повинное счастье.

Возможно, если бы мы не были так далеко от дома, не так остро подвержены чувству одиночества, все это не тронуло бы так глубоко. Многие из нас видели руины древних цивилизаций на других мирах, но никогда они не потрясали нас так сильно. Эта трагедия была ни на что не похожа. Одно дело, когда хиреют и гибнут народы культуры, как это бывало на Земле. Но быть совершенно уничтоженными в полном расцвете сил, и чтобы не выжил ни один человек... как же такое вяжется с милосердием Божьим?

Мои коллеги спрашивали меня об этом, и я отвечал, как мог. Может быть, у вас это получилось бы лучше, отец Лойола, но я не нашел ничего в *Exercitia Spiritualia*⁶, что бы помогло мне. Они не были дурными людьми – я не знаю, каким богам они поклонялись, если вообще они поклонялись богам. Но я оглядываюсь на них через века и вижу, что свои последние силы они отдали тому, чтобы сохранить прекрасное, представшее перед нами в свете их съезжившегося солнца. Они могли бы научить нас многому... Почему же они были уничтожены?

Я знаю, какой ответ дадут мои коллеги, когда мы вернемся обратно на Землю. Они скажут, что Вселенная существует без цели и не по плану, и, так как в нашей га-

⁶ «Духовные упражнения» – сочинение Лойолы, где он изложил систему иезуитского образования, целью которого считал воспитание людей, абсолютно преданных католичеству. Во благо церкви Лойола допускал любые средства.

лактике каждый год взрывается сотня солнц, в этот самый момент какое-то человечество умирает в глубинах космоса. И в конце концов нет никакого значения, делало ли это человечество добрые или недобрые дела – божественной справедливости нет, ибо нет Бога.

И все же то, что мы видели, еще ничего не доказывает. И всякого, кто оспаривает это, толкают на спор эмоции, а не логика. Богу не надо оправдываться за свои действия перед человеком. Он, построивший Вселенную, может разрушить ее, когда захочет. Это в своей гордыне (а она так близка к опасному богохульству) мы обсуждаем, что Он может, а чего не может сделать.

Я бы мог согласиться с этим, хотя тяжело видеть, как целые миры и народы швыряются в топку. Но приходит такое состояние, когда даже самая глубокая вера должна поколебаться, и теперь вот я смотрю на результаты вычислений, лежащие передо мной, и знаю, что я именно в таком состоянии.

Мы не могли сказать, пока не достигли туманности, как давно произошел взрыв. Теперь же, по астрономическим данным и свидетельствам, запечатленным на скалах уцелевшей планеты, я могу определить время взрыва совершенно точно. Я знаю, в каком году свет этого колоссального пожара достиг нашей Земли. Я знаю, как ярко «сверхновая», труп которой слабо мерцает позади нашего стремительного корабля, однажды заставила сиять земные облака. Я знаю, как она, словно маяк, горела на востоке низко над горизонтом перед самым восходом солнца.

Сомнений относительно даты быть не может – наконец, разгадана древняя загадка. И все же, о Господи, ты мог

использовать множество других звезд. Была ли необходимость сжигать этих людей только для того, чтобы символ их смерти сиял над Вифлеемом⁷?

⁷ Когда в Вифлееме родился младенец Христос, в небе зажглась ярчайшая звезда, возвещающая миру о приходе Спасителя.

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА

Существует рассказ об одном психологе, который изучал сообразительность шимпанзе. Он впустил шимпанзе в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и прильнул глазом к замочной скважине, чтобы понаблюдать за обезьяной. И обнаружил всего в нескольких дюймах от своего глаза чей-то мерцающий, полный интереса карий глаз. Шимпанзе наблюдал за психологом через замочную скважину.

Батча принесли на станцию в кратере Тихо, и в шлюзовом отсеке включилось устройство, создающее нормальное гравитационное поле; Батч съежился. Уорден представить себе не мог, куда годно это странное существо – ничего, кроме больших глаз да тощих рук и ног. Оно было очень маленькое и не нуждалось в воздухе. Когда люди, поймавшие Батча, отдали его Уордену, малыш показался ему вялым комком жесткой шерсти с испуганными глазами.

— Вы в своем уме? — сердито спросил Уорден. — Принести его сюда? Вы бы внесли своего ребенка в помещение, где сила тяжести в шесть раз превышает земную? А ну, пропустите!

Он кинулся к яслям, оборудованным для существ, подобных Батчу. С одной стороны там была воспроизведена жилая пещера. С другой — обыкновенная классная комната, как на Земле. И под яслями гравитационное поле было выключено, чтобы вещи имели тот вес, который должен быть на Луне. В остальной же части станции действовала

земная сила тяжести. Батча доставили на станцию, и он находился именно там, где не мог даже поднять свою пушистую тонкую лапку.

В яслях же он чувствовал себя иначе. Уорден опустил его на пол, он распрямился и внезапно юркнул из классной комнаты в искусственную жилую пещеру. Как и во всех жилищах расы Батча, там находились пятифутовые камни, которым была придана конусообразная форма. И еще качающийся камень, стоявший на плоской плите. Камни-дротики были привязаны проволокой из опасения, как бы существу не взбрело в голову что-нибудь дурное.

Батч метнулся к знакомым ему предметам. Он взял на один из конусообразных камней и крепко обхватил его руками и ногами, тесно прильнув к его верхушке. Уорден наблюдал за ним. Несколько минут Батч был неподвижен, не двигал даже глазами, вживался, казалось, в обстановку.

— Гм, — произнес Уорден, — так вот для чего предназначены эти камни. То ли насесты, то ли кровати, а? Я твоя нянька, малыш. Мы сыграем с тобой злую шутку, но тут уж ничего не поделаешь.

Он знал, что Батч ничего не понимает, и все-таки говорил с ним, как говорят с собакой или грудным ребенком. Это было бессмысленно, но необходимо.

— Мы хотим сделать из тебя предателя твоих сородичей, — сказал он угрюмо. — Мне это не нравится, но так надо. Поэтому я собираюсь с тобой обращаться по-доброму, так уж задумано. Лучше было бы прикончить тебя. Но не могу.

Батч уставился на него, не мигая и не шевелясь. Он

чем-то был похож на земную обезьяну, но не совсем. Невообразимо нелепое существо, но трогательное. Уорден сказал с горечью:

— Это твои ясли, Батч. Располагайся как дома!

Он вышел и закрыл за собой дверь. Снаружи он взглянул на экраны, показывающие помещение для Батча под четырьмя разными углами. Еще долго Батч не двигался. Потом он соскользнул на пол и покинул жилую пещеру.

Его заинтересовала та часть помещения, где находились предметы, имеющие отношение к человеческой культуре. Осматривая все своими огромными симпатичными глазами, он касался всего своими похожими на руки крошечными лапками. Его прикосновения были осторожными.

Потом он вернулся к конусообразному камню, взобрался на него, обхватил снова руками и ногами и вдруг, поморгав, стал засыпать. Уорден устал наблюдать за ним и ушел.

Вся эта история была нелепа и раздражала. Первые люди, добравшись до Луны, знали, что это мертвый мир. На протяжении ста лет астрономы утверждали это, и первые две экспедиции на Луну не нашли ничего, что бы опровергало теорию.

Но однажды кто-то из членов третьей экспедиции заметил что-то движущееся среди нагромождения скал, и подстрелил это «что-то», и таким образом были обнаружены особые существа. Трудно было представить, что тут имеется какая-либо живность: ведь на Луне нет ни воздуха, ни воды. Но сородичи Батча обитали именно в таких лунных условиях.

Труп первого убитого на Луне существа был доставлен на Землю, и биологи возмутились. Даже препарировав и изучив экземпляр, биологи склонялись к мнению, что подобного существа просто не может быть. И четвертая, и пятая, и шестая экспедиции на Луну усерднейше охотились за сородичами Батча, чтобы добыть побольше экземпляров во имя научного прогресса.

Шестая экспедиция потеряла на охоте двух человек, скафандры которых были пробиты каким-то оружием. Седьмая экспедиция была уничтожена до последнего человека. Сородичам Батча, видимо, не нравилось, что их отстреливали в качестве образчиков для биологических исследований.

И только когда десятая экспедиция из четырех кораблей основала базу в кратере Тихо, у людей появилась уверенность, что они смогут не только прилуниться, но и улетать. Но и потом работники станции чувствовали себя как бы в постоянной осаде.

Уорден послал сообщение на Землю. Детеныш лунного существа, по-видимому, не пострадал, и его не беспокоит воздух, в котором он не нуждается. Он подвижен, явно любопытен и весьма смышлен. До сих пор остается совершенной загадкой, чем он питается (и питается ли вообще), хотя у него есть рот.

Уорден уселся в комнате для отдыха, бросал хмурые взгляды на коллег и пытался осмыслить происходящее. Ему определенно не нравилась эта работа, но он знал, что она должна быть сделана. Батча надо приручить. Его надо убедить, что он человек, и таким образом люди найдут способ уничтожения его сородичей.

Еще на Земле было замечено, что котенок, выращенный вместе с щенками, считает себя собакой. И даже ручные утята предпочитают общество человека, а не других уток. Некоторые говорящие умные птицы, кажется, убеждены, что они – люди. Если Батч такой, то он предаст своих сородичей ради человека. И это необходимо!

Создав заправочную станцию на Луне, человечество сможет освоить Солнечную систему. Без Луны человечество не оторвется от Земли. Люди должны обладать Луной.

Сородичи Батча не давали этого сделать. Здравый смысл подсказывал, что не может быть жизни без воздуха, с такими чудовищными перепадами холода и жары, как на поверхности Луны. Но там была жизнь. Сородичи Батча не дышат кислородом. По-видимому, они добывают его из некоторых минеральных соединений, которые, взаимодействуя с другими минералами в их организмах, дают тепло и энергию.

Люди считают особенными головоногих моллюсков, потому что в их крови вместо железа определенную роль играет медь, а у Батча и его сородичей сложные карбонные соединения замещают и то, и другое. По-своему умны, это ясно. Они пользуются орудиями труда, затачивают камни, и у них есть длинные, игольчатые кристаллы, которые они бросают как дротики.

Нет металлов, поскольку нет огня, чтобы выплавить их...

Огня без воздуха быть не может. Но Уорден вспомнил, что в древности некоторые экспериментаторы выплавляли металлы и зажигали дерево с помощью зеркал, концентрировавших солнечное тепло. Сородичи Батча могли бы

выплавлять металлы, если бы придумали зеркала и выгибали правильно, наподобие тех, что используются в земных телескопах, а солнечного света на лунной поверхности, не прикрытой воздухом и облаками, предостаточно.

На экране демонстрировалась земная телепрограмма — комик тонул в мыльной пене, а зрители, находившиеся в двухстах тридцати тысячах миль отсюда, пронзительно вопили и аплодировали изысканному юмору сцены...

Уорден встал и потрянул головой. Он пошел, чтобы еще раз взглянуть на экраны, показывавшие ясли. Батч прилип к нелепому заостренному камню и не шевелился. Привлекательный клочок шерсти, выкраденный из безвоздушной пустыни для того, чтобы вырастить из него предателя своего народа!

Родственники Батча воюют с людьми. За вездеходами отъезжающими от станции (на Луне они несутся с поразительной скоростью), из расщелин, из-за валунов, громящихся на лунной поверхности, наблюдают большеглазые пушистые существа.

Острые, как иглы, камни мелькают в пустоте и разлетаются на кусочки, попадая в кузова вездеходов, но иногда они вклиниваются в гусеницы или разбивают одно из звеньев, и тогда вездеход останавливается. Кто-то должен выйти наружу, устранить препятствие, починить гусеницу. И на него обрушивается град камней.

Заостренный камень, пролетая сто футов за секунду, поражает на Луне так же сильно, как и на Земле... и летит дальше. Скафандры пробивало насквозь. Люди умирали. Теперь гусеницы прикрыты броней. Люди, прибывающие

на Луну, принуждены носить доспехи, подобные латам средневековых рыцарей! Война в разгаре. Необходим предатель. И эта роль предназначалась Батчу.

Едва Уорден снова вошел в ясли, Батч прыгнул на конусообразный камень и прильнул к его верхушке.

— Не знаю, поладим ли мы с тобой, — сказал Уорден. — Может быть, ты станешь драться... Но... посмотрим.

Он протянул руку. Пушистое тельце отчаянно сопротивлялось. Батч был совсем младенец. Уорден оторвал его от камня и перенес в классную комнату.

— Я совершаю подлость, обращаясь с тобой хорошо, — пробормотал Уорден. — Вот тебе игрушка.

Батч шевельнулся у него в руках. Глаза заблестели. Уорден положил его на пол и завел крошечную механическую игрушку. Она покатилась. Батч внимательно наблюдал за ней. Когда она остановилась, он оглянулся на Уордена. Тот снова ее завел. И снова Батч наблюдал. Когда она поехала во второй раз, то протянулась крошечная, похожая на человеческую руку, лапка.

Весьма осторожно Батч попробовал повернуть заводной ключик. Но сил его на это не хватило. Мгновенье спустя он уже несясь вприпрыжку к жилой пещере. Чтобы завести игрушку, надо было крутить колечко. Батч насадил его на конец метательного камня и стал крутить игрушку вокруг него. Она завелась. Поставив игрушку на пол, Батч наблюдал за ее движением. У Уордена отвисла челюсть.

— Ну и голова! — сказал он недовольно. — Очень жаль, Батч! Ты знаешь принцип рычага. Прости, приятель!

Во время очередного доклада он сообщил Земле, что Батч все схватывает на лету. Достаточно ему увидеть один

раз (в крайнем случае – два) какое-нибудь действие, и он уже может повторить его.

— И, – продолжал Уорден, – теперь он меня не боится. Понимает мою приязнь. Когда я его нес, я разговаривал с ним. От голоса вибрировала моя грудь. Он посмотрел на мои губы и приложил лапку к груди, чтобы лучше почувствовать вибрацию. Не знаю, как вы расцениваете уровень его интеллекта, но он выше, чем у наших младенцев.

Я обеспокоен, – добавил Уорден. – Знайте же, что мне не нравится идея уничтожения этих существ. У них есть орудия труда, они разумны. Мне кажется, что надо бы как-то с ними связаться... попробовать подружиться... не убивать их для препарирования.

Радио замолкло на полторы секунды, за которые его голос дошел до Земли, и еще на полторы, за которые несясь обратно ответ. Потом послышался оживленный голос чиновника:

— Прекрасно, мистер Уорден! Вас было слышно очень отчетливо!

Уорден пожал плечами. Лунная станция в кратере. Тихо подчинялась высокому государственному учреждению. Персонал на Луне был компетентный (назначенные политиками лица не желали рисковать своими драгоценными жизнями), но на Земле, в Бюро по космическим исследованиям, заправляли бюрократы. Уордену было стыдно перед Батчем... и его соплеменниками.

На следующее занятие Уорден принес в ясли пустую банку из-под кофе. Он показал Батчу, что если говорить в банку, дно ее вибрирует точно так же, как грудь. Батч деловито занялся экспериментированием. И сделал открытие,

что вибрация чувствуется лучше, если банку направлять на Уордена.

Уорден загрустил. Он бы предпочел, чтобы Батч был менее смышленным.

Отчитываясь в очередной раз перед Землей, Уорден испытывал злость.

— Разумеется, у Батча совершенно иное представление о звуке, чем у нас, — отрывисто говорил он. — На Луне нет воздуха. Но скальный грунт переносит звук. Батч чувствует вибрацию твердых предметов, как глухой человек, к примеру, чувствует вибрацию пола, если музыка звучит достаточно громко. Может быть, у соплеменников Батча есть язык или звуковой код, переносимый каменистой почвой. Они же как-то переговариваются! Если у них есть ум и средство общения, то они не животные и не должны уничтожаться ради нашего блага!

Уорден замолк. Он говорил с главным биологом Бюро по космическим исследованиям. После должной паузы, обусловленной расстоянием, послышался вежливый голос:

— Браво, Уорден! Блестящая система доказательств! Но нам приходится учитывать перспективу. Исследование Марса и Венеры — очень популярная идея среди общест-венности. Если мы хотим получить фонды, а скоро ас-сигнования будут поставлены на голосование, то необходи-дим прогресс в исследовании ближайших планет. Если же мы не начнем работать над созданием заправочной стан-ции, на Луне, то общественный интерес к нам пропадет!

— А если я создам фильм о Батче? — настаивал Уорден. — Он же совсем как человек, сэр! Он поразительно трога-телен! Он личность! Фильм произведет большое впечат-ление на публику!

И снова эта раздражающая пауза, пока предложение и ответ со скоростью света преодолевают расстояние в четверть миллиона миль.

— Эти... э... лунные существа, Уорден, — сказал с сожалением главный биолог, — убили много людей, которые разрекламированы теперь как мученики науки. Мы не можем возбудить общественную симпатию к существам, убивавшим людей! — Он добавил льстивым голосом: — Но вы блестяще продвигаетесь, Уорден, блестяще! Продолжайте!

И исчез с экрана. Уорден выругался, выключая приемник. Ему все больше нравился Батч. Тот ему доверял. Всякий раз, когда Уорден заглядывал в ясли, Батч соскальзывал со своего дурацкого насеста и бросался к нему на руки.

Батч был до смешного мал — ростом не более восемнадцати дюймов. Неправдоподобно легкий и хрупкий. И такое серьезное созданище рассудительно впитывало все, что показывал ему Уорден!

Теперь, когда он схватывал суть идеи, которую Уорден старался довести до его сознания, Батч принимал важный вид. С каждой встречей Батч в своих действиях все больше уподоблялся человеку.

Однажды Уорден увидел на экранах, как Батч, будучи совершенно один, с серьезным видом повторял все движения, все жесты Уордена. Он как бы понарошке давал урок воображаемому безмолвному товарищу. Он копировал Уордена явно для собственного удовольствия.

Уорден почувствовал, как у него комок подступает к горлу. Он безмерно обожал это маленькое существо. Он

тосковал по Батчу, оставив его, чтобы помочь собрать вибромикрофонное устройство, которое преобразует голос в вибрацию почвы и одновременно улавливает любые вибрации, производимые в ответ.

Уордену хотелось, чтобы прибор не работал. Тщетно. Когда он положил устройство на пол в яслях и стал говорить, Батч почувствовал под ногами вибрацию. Колебания эти были ему знакомы.

Он возбужденно подпрыгнул, заскакал. Это было откровенное выражение крайнего удовлетворения. А потом его крошечная ножка яростно забарабанила по полу, заскребла... Микрофон уловил это особенное сочетание стука и скрежета. Батч наблюдал за выражением лица Уордена, производя звуки, продуманно ритмичные.

— Похоже, что ты уже становишься предателем, Батч, — сказал Уорден с досадой. — Это поможет уничтожить кое-кого из твоих...

Он доложил о реакции Батча начальнику станции. Микрофоны были углублены в скалистый грунт вокруг станции, а часть подготовлена для исследовательских партий. Как это ни странно, микрофоны у станции тотчас сработали.

Дело шло к закату. Батча поймали примерно в середине трехсоттридцатичетырехчасового лунного дня. И все эти прошедшие часы (неделю, по земному времени) он ничего не ел. Уорден старательно подсовывал ему все, что было съедобного и несъедобного на станции. Даже по образцу всех минералов из геологической коллекции.

Батч рассматривал все предметы с интересом, но без аппетита. А Уордену казалось, что Батч становится вяло-

ватым, теряет подвижность и энергию. Он подумал, что детеныш ослабел от голода.

Солнце садилось. Ярд за ярдом тень западного вала ползла по дну кратера. И вот уже солнце освещало лишь центральный холм. Затем тень поползла вверх по восточному валу кратера. Вскоре неровная полоска исчезнет, и тьма полностью захлестнет кратер.

Уорден смотрел на ослепительную полосу света. Становившуюся все уже и уже. Больше он солнечного света не увидит в течение двух земных недель. Потом неожиданно раздался сигнал тревоги. Неистовый, громкий. Двери с шипением закрылись, поделив станцию на герметичные отсеки. Отрывисто заговорили репродукторы:

«Снаружи шумы в грунте! Похоже, поблизости разговаривают лунные существа! Они, наверно, замышляют нападение! Всем надеть скафандры и приготовить оружие к бою!»

И в это время исчез последний тоненький серебряный лучик солнца. Уорден тотчас подумал о Батче. Ни один скафандр ему не подойдет. Потом он усмехнулся. Батч в скафандре не нуждается.

Уорден надел неуклюжее снаряжение. Свет в каютах вдруг потускнел, а безвоздушный мрак снаружи рассеялся. Мощнейший прожектор предназначался для освещения места посадки кораблей ночью и был теперь повернут так, чтобы обнаружить злоумышленников. Поразительно, какое, в сущности, малое пространство захватывал его луч и как много жуткой черноты наваливалось со всех сторон.

Снова отрывисто заговорил репродуктор:

«Два лунных существа! Они убегают!.. Они что-то оставили на поверхности!»

— Взгляну-ка я на это, — сказал Уорден.

Через несколько минут он вышел сквозь шлюзовой отсек наружу. Двигался легко, несмотря на громоздкий костюм. С ним вышли еще двое. Они были вооружены. Тут же метался луч прожектора, стараясь обнаружить родичей Батча, которые могли подкрасться в темноте.

Уордену было не по себе, когда он шел к предмету, оставленному родичами Батча. И он не удивился, когда увидел, что это. Это был качающийся камень на плите, на которой мельчайшая пыль лежала таким образом, как будто ее только что намололи верхним яйцеобразным камнем.

— Это подарок для Батча, — мрачно сказал Уорден в микрофон. — Его родственники знают, что он захвачен и жив. И думают, что он голоден. Они оставили для него немного жратвы, той, которую он любит или которой его надо срочно накормить.

Все понятно. Гордиться особенно нечем. Украли младенца. Держат в заточении. Тюремщики понятия не имеют, чем кормить заключенного. Кто-то любящий, скорее всего папа с мамой, рискнули жизнью и оставили для него пищу вместе с качающимся камнем.

— Позор! — горько сказал Уорден. — Ну, ладно! Отнесем это в станцию. Да, осторожно, чтобы не рассыпать порошок!

Батч налег на неизвестный порошок с явным аппетитом.

— Ну, и в оборот же ты попадаешь, Батч, — сказал Уорден со стыдом. — За то, что я узнал от тебя, многие сотни твоих поплатятся жизнями. А они еще делают все воз-

можное, чтобы накормить тебя! Я из тебя делаю предателя и сам становлюсь подлецом.

Вскоре Уорден начал учить Батча читать. При помощи микрофона.

Кстати, странно, но микрофоны в грунте, которые дали в свое время сигнал тревоги, больше не срабатывали, словно бы сородичи Батча вовсе исчезли из окрестностей станции. Разумеется, при таком положении строительство заправочной станции можно было начать, а уничтожение существ отложить на потом. Но предполагались и другие варианты.

— Следующим рейсом с Земли прибывает миниатюрная врубовая машина. Видимо, хотят посмотреть, научишься ли ты управляться с ней.

Слушая Уордена, Батч царапал пол. Он, казалось, получал удовольствие от вибрации, вызываемой голосом Уордена, совсем как собака, любящая, чтобы хозяин разговаривал с ней. Уорден ворчал:

— Мы, люди, считаем вас животными. И уверяем себя, что все животные должны принадлежать нам. Если ты окажешься достаточно смышленным, мы переловим всех твоих соплеменников и заставим их добывать для нас полезные ископаемые. И тебя с ними. Но я не хочу, чтобы ты вкалывал в шахте, Батч! Это безобразие!

Уорден с болью в сердце подумал о маленьких пушистых существах, которых загонят работать в безвоздушные шахты, в холодные глубины Луны. И о надсмотрщиках в скафандрах, следящих, как бы кто не попытался бежать на свободу. Об оружии, которое приготовят на случай восстания. О наказаниях за прекословие или нерадивость.

Такое уже бывало. С индейцами на Кубе, когда пришли испанцы... А рабство негров в обеих Америках... концентрационные лагеря...

Батч шевельнулся. Он положил пушистую лапку на колено Уордену. Тот бросил на него сердитый взгляд.

— Дело дрянь, — сказал он хрипло. — Не надо было мне приходить от тебя в восторг. Ты милый паренек, но твоя раса обречена. Беда в том, что вы не побеспокоились о развитии собственной цивилизации. А если это и так, то мне кажется, мы ее уничтожили. Мы, люди, совсем не то, чем можно восхищаться.

Батч направился к классной доске. Он взял пастельный мелок (обыкновенный мел был бы слишком тверд для его мускулов) и стал уверенно выводить какие-то знаки на грифеле. Знаки оказались очень четкими печатными буквами. Буквы складывались в слова. Слова имели смысл.

«ТЫ ХОРОШИЙ ДРУГ».

Батч обернулся и взглянул на Уордена. Тот побледнел.

— Я не учил тебя этим словам, Батч! — сказал он тихо. — В чем дело?

Он забыл, что для Батча его слова — лишь колебания воздуха или пола, что они не имеют значения. Но Батч, видимо, забыл об этом тоже. Он уверенно начертил:

«У МОЕГО ДРУГА ЕСТЬ СКАФАНДР».

Он взглянул на Уордена и добавил:

«ВЫНЕСИ МЕНЯ НАРУЖУ, Я ВЕРНУСЬ С ТОБОЙ».

Он посмотрел на Уордена невероятно добрыми молящими глазами. У Уордена голова пошла кругом. Он застыл в буквальном смысле этого слова. В яслях была лунная сила тяжести, но он чувствовал себя слабым. Наконец он решился.

— Ну что ж... Только к шлюзу, через зону земной силы тяжести, мне придется тебя перенести.

Он встал. Батч прыгнул к нему на руки. Он свернулся там и смотрел Уордену в лицо. Когда Уорден направился к двери, Батч протянул тонкую лапку и ласково потрепал Уордена по щеке.

— Ну, пошли! — сказал Уорден. — Замысел был в том, чтобы сделать из тебя предателя. А я боюсь...

Они оказались вне станции перед самым рассветом. Самый высокий пик в вале кратера ослепительно сверкал в лучах солнца. Но звезды еще были видны и горели очень ярко. Уорден уходил от станции при свете Земли.

Он вернулся через три часа. Батч приплясывал и скакал рядом с фигурой в скафандре. Позади виднелись еще двое. Ростом они были поменьше Уордена, но куда больше Батча. Худые и косматые, они что-то несли. Примерно в миле от станции Уорден включил передатчик.

— Мы с Батчем прогулялись, — сухо сказал он. — Побывали в гостях у его семьи. Тут за мной увязались двое его кузенов. Они хотят нанести ответный визит и вручить подарки. Вы нас пропустите без стрельбы?

Некоторые на станции возмутились. Кое-кто смутился. Но дверь шлюза отворилась, и компания с безвоздушной Луны вошла. Когда шлюз наполнился воздухом и силы тяжести прибыло, Батч с родственниками стали беспомощными. Их пришлось перенести в ясли. Там они выпрямились и загадочно шурились на людей.

— У меня что-то вроде послания, — сказал Уорден. — С нами хотят заключить сделку. Вы заметили, что они отдаются на нашу милость. Мы можем убить всех троих. Но они хотят договориться.

Начальник станции смущенно спросил:

— Вам удалось поддерживать двухстороннюю связь?

— Мне — нет, — ответил Уорден. — Им — да. Они не глупее нас. С ними обращались как с животными, отстреливали в научных целях. Они давали отпор... естественно! Но они хотят подружиться. Они говорят, что мы никогда не сможем находиться на Луне без скафандров вне станций, а они никогда не привыкнут к земной силе тяжести. Значит, и враждовать нечего. Мы можем помогать друг другу.

— Весьма правдоподобно, но мы должны следовать указаниям, Уорден, — сухо возразил начальник станции. — Это вы им можете объяснить?

— Они это знают. Поэтому они готовы защищаться, если понадобится. У них есть печи для выплавки металлов. Они получают тепло с помощью зеркал, концентрирующих солнечный свет. Они себя в обиду не дадут.

— Вы рассуждаете здраво, — мягко сказал начальник. — Я тоже наблюдал за Батчем. Но уже обсуждался вопрос о вмешательстве вооруженных сил, о применении боевых кораблей...

— Верно. Но наши боевые корабли нуждаются в горючем, а на Луне заправочной станции не устроишь, поскольку все родственники Батча недели через две цивилизуются совсем. Смышленный народ, эти кузены нашего Батча!

— Откуда же взялся этот внезапный взлет культуры? — удивился начальник.

— От нас, — ответил Уорден. — Выплавка металлов — от меня, кажется. Металлургия и машиностроение, — от механиков вездеходов. Геология (здесь ее лучше называть лунологией) — главным образом от вас.

— Как это так? — спросил начальник.

— Подумайте о каком-нибудь действии, которое мог бы совершить Батч, — сказал угрюмо Уорден, — а потом понаблюдайте за ним.

У начальника глаза полезли на лоб. Он посмотрел на Батча. А тот — маленький и пушистый — с важным видом встал и поклонился в пояс. Одну лапу он положил туда, где должно быть сердце. Другой сделал широкий торжественный жест. Он выпрямился с напыщенным видом, потом быстро вскарабкался к Уордену на колени и обнял его тонкой мохнатой рукой за шею.

— Это поклон, — сказал совершенно побледневший начальник. — Именно о нем я и подумал. Вы хотите сказать...

— Вот именно, — сказал Уорден. — У предков Батча не было воздуха для развития звуковой речи. Тогда они развили телепатию. И выработали что-то вроде музыки — каменистый грунт служит проводником колебаний. Но, как и наша музыка, для передачи информации она не годится. Они общаются мысленно. Только мы не можем читать их мысли, а они наши читают.

— Они читают наши мысли! — воскликнул начальник. И облизнул пересохшие губы. — И когда мы убивали их в качестве образчиков, они пытались вести с нами переговоры. Теперь они сражаются.

— Естественно, — сказал Уорден. — А как бы поступили на их месте мы? Они читали наши мысли. Теперь они могут дать страшный отпор. Они могут совсем легко стереть с лица Луны нашу станцию, но оставили нас в покое, чтобы получить наши знания. Теперь они хотят торговать.

— Надо доложить на Землю, — медленно произнес начальник. — Но...

— Они принесли образцы товаров, — сказал Уорден. — Будут обменивать алмазы на кассеты с записями, вес на вес. Им нравится наша музыка. Они будут менять изумруды на учебники — они уже умеют читать! Они установят атомный реактор и будут менять плутоний на вещи, о которых подумают позже. Торговать на такой основе дешевле, чем воевать!

— Да, — согласился начальник. — Должно быть. Такого рода доводы люди будут слушать. Но как...

— Батч! — сказал с иронией Уорден. — Все это сделал Батч. Не мы захватили его, а они нам его подсунули! Он жил на станции, читал наши мысли и передавал информацию своим родственникам. Мы хотели изучить их, помните? Это похоже на рассказ о психологе...

Существует рассказ об одном психологе, который изучал социальность шимпанзе. Он впустил шимпанзе в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и прильнул глазом к замочной скважине, чтобы понаблюдать за обезьяной. И обнаружил всего в нескольких дюймах от своего глаза чей-то мерцающий, полный интереса карий глаз. Шимпанзе наблюдал за психологом через замочную скважину.

ЕЛЕНА ЛАВ

Я уже глубокий старик, а все как сейчас вижу и слышу – Дэйв распаковывает ее, оглядывает и говорит, задыхаясь от восхищения:

– Красавица, а?

Она была красива; мечта, а не сплав пластиков и металлов. Что-то вроде этого чудилось поэтам-классикам, когда они писали свои сонеты. Если Елена Прекрасная выглядела так, то древние греки, видимо, были жалкими скрягами, раз они спустили на воду ради нее всего лишь тысячу кораблей. Примерно это я и сказал Дэйву.

– Елена Прекрасная? – Он взглянул на ее бирку. – По крайней мере, это название получше того, что здесь написано, – K2Y88. Елена... мммм... Елена Сплав.

– Не очень благозвучно. Слишком много согласных в одном месте. А что ты скажешь насчет Елены Лав?

– Елена Лав. Да, она и есть воплощение любви, Фил.

Таково было первое впечатление от этого сплава красоты, мечты и науки, с добавкой стереоаппаратуры и двигательных механизмов; зато потом голова пошла кругом...

Мы с Дэйвом учились не в одном колледже, но, когда я приехал в Мессину и занялся медицинской практикой, оказалось, что у него на первом этаже моего дома небольшая мастерская по починке роботов. Мы подружались, а когда я увлекся одной девицей, он нашел, что ее сестра-двойняшка не менее привлекательна, и мы проводили время вчетвером.

Когда наши дела пошли лучше, мы сняли дом поблизости от ракетодрома. Там было шумно, но платили мы дешево – соседство ракет жильцов не устраивало. Нам же нравилось жить просторно. Наверно, со временем мы бы женились на двойняшках, если бы не ссорились с ними. Бывало, Дэйв хочет взглянуть на взлет новой ракеты, направляющейся на Венеру, а его двойняшка желает посмотреть передачу с участием стереозвезды Ларри Эйнсли, и оба упрямо стоят на своем. Мы распрощались с девушками и с тех пор проводили вечера дома.

Но проблемой роботов и их эмоций мы занялись только после того, как наш прежний робот «Лена» сыпала бифштекс ванилью вместо соли. Пока Дэйв разбирал Лену, чтобы найти причину неисправности, мы с ним, естественно, рассуждали о будущем машин. Он был уверен, что в один прекрасный день роботы превзойдут людей, а я сомневался.

– Послушай, Дэйв, – возражал я, – ты же знаешь, что Лена не думает... по-настоящему... При противоречивых сигналах она могла бы исправить ошибку. Но ей все равно; она действует механически. Человек мог бы по ошибке схватить ваниль, но сыпать ее не стал бы. Лена достаточно умна, но у нее нет эмоций, нет самосознания.

– Действительно, это самый большой недостаток нынешних машин. Но мы его устраним, вмонтируем в них кое-какие автоматические эмоции или что-нибудь вроде этого. – Он привинтил Лене голову и включил питание. – Принимайся снова за работу, Лена, сейчас девятнадцать часов.

К тому времени я специализировался на эндокриноло-

гии и всем, что связано с ней. Психологом я не был, но разбирался в железах, секрциях, гормонах и прочих мелочах, которые являются физическим источником эмоций. Медицине потребовалось триста лет, чтобы узнать, как и почему они работают, и я не представлял себе людей, которые могли бы создать их искусственные дубликаты за меньшее время.

Ради подтверждения этого я принес домой книги, научные труды, а Дэйв сослался на изобретение катушек памяти и веритоидных глаз. В тот год мы так много занимались наукой, что Дэйв освоил всю эндокринологическую теорию, а я мог бы изготовить новую Лену по памяти. Чем больше мы спорили, тем меньше я сомневался в возможности создания совершенного «*homo mechanensis*⁸».

Бедняжка Лена. Половину времени ее тело, состоявшее из берилловых сплавов, проводило в разобранном состоянии. Сперва мы преуспели лишь в том, что она готовила нам на завтрак жареные щетки и мыла посуду в масле. Потом однажды она приготовила отличный обед из шести блюд, и Дэйв был в восторге.

Он работал всю ночь, меняя ее схему, ставя новые катушки, расширяя ее словарный запас. А на следующий день она вдруг вскипела и стала энергично ругаться, когда мы ей сказали, что она выполняет свою работу неправильно.

– Это ложь, – кричала она, потрясая щеткой своего пылесоса. – Вы все врете. Если бы вы, такие-растакые, давали бы мне побольше времени для работы, я бы навела порядок в доме.

⁸ *homo mechanensis* – человек механический (лат.)

Когда мы успокоили ее и она снова принялась за работу, Дэйв потянул меня в кабинет.

– С Леной ничего не выйдет, – объяснил он. – Придется удалить эту имитацию надпочечной железы и вернуть ее в нормальное состояние. Но нам надо приобрести робота получше. Машина для домашних работ недостаточно сложна.

– А как насчет новых универсальных моделей Дилларда? Они, кажется, совмещают в себе все и вся.

– Точно. Но и они не годятся. Надо, чтобы нам сделали робота по специальному заказу, с полным набором катушек памяти. И из уважения к нашей старой Лене пусть он будет иметь женский облик.

Таким вот образом и появилась Елена. У Дилларда сделали чудо и придали всем своим ухищрениям девичий облик. Даже лицо, сделанное из пластика и резины, было подвижным и могло выражать эмоции. Ее снабдили слезными железами и вкусовыми бугорками; она была приспособлена для имитации человека во всем – от дыхания до отращивания волос. Счет, который нам прислали вместе с ней, являл собой еще одно чудо; мы с Дэйвом еле наскребли денег; пришлось даже пожертвовать Леной и сесть на голодную диету.

К тому времени я уже сделал много сложных операций на живой ткани, и некоторые из них требовали великой находчивости, но я почувствовал себя студентом-медиком, когда мы откинули переднюю панель ее торса и стали вглядываться в переплетения ее «нервов». Дэйв уже подготовил автоматические железы – компактные устройства из радиоламп и проводов, которые гетеродинировали

электрические импульсы, возникающие при работе мысли, и изменяли эти импульсы таким же образом, как адреналин влияет на реакцию человеческого ума.

Вместо того чтобы спать, мы всю ночь вглядывались в схему Елены, прослеживали ее мыслительные процессы в лабиринте цепей и вживляли то, что Дэйв назвал «гетеронами». И пока мы работали, в дополнительную катушку памяти с ленты вводились тщательно подготовленные мысли о самосознании, о человеческих чувствах и восприятии жизни. Дэйв считал, что надо предусмотреть все без исключения.

Уже рассвело, когда мы кончили работу, выдохшиеся и взвинченные. Оставалось только оживить Елену, включив электрический ток. Как и все машины Дилларда, она работала не на батареях, а на крошечном атомоторе, который после включения больше не требовал внимания.

Дэйв отказался включать ее.

— Подождем. Давай сперва выспимся и отдохнем, — сказал он. — Мне самому не терпится, как и тебе, но мы немного пойдем такие вот, смертельно усталые. Сворачивайся, оставим пока Елену в покое.

Хотя обоим нам не хотелось откладывать включение, мы понимали, что отдохнуть не мешало бы. Мы все бросили, и не успел аппарат для кондиционирования снизить температуру воздуха до ночной, как мы уже спали. Я проснулся оттого, что Дэйв тряс меня за плечи.

— Фил! Очнись!

Я зевнул со стоном, перевернулся и посмотрел на Дэйва.

— Ну?.. О-ох! Что там? Елена уже...

– Нет, это старая миссис ван Стайлер. Она видеофонировала и сказала, что ее сын влюбился до безумия в прислугу. Она хочет, чтобы ты приехал и дал контргормоны. Сейчас они на летнем отдыхе в штате Мэн.

Богатая миссис ван Стайлер! Я не мог позволить себе отказаться от этого вызова после того, как Елена поглотила остаток моих сбережений. Но за такую работу я обычно не брался.

– Контргормоны! На это уйдет полных две недели. К тому же я не из тех светских врачей, которые ковыряются в железах ради того, чтобы делать дураков счастливыми. Я берусь только за серьезные случаи.

– И ты хочешь понаблюдать за Еленой. – Дэйв ухмылялся, но говорил серьезно. – Я сказал миссис ван Стайлер, что это будет стоить ей пятьдесят тысяч!

– Сколько?!

– Она согласилась, только просила поспешить.

Разумеется, выбора у меня не было, хотя я с большим удовольствием свернул бы жирную морщинистую шею миссис ван Стайлер. У нее не было бы никаких неприятностей, если бы она в своем домашнем хозяйстве пользовалась услугами роботов, как все, но богатство вынуждало ее оригинальничать.

* * *

Итак, пока Дэйв дома забавлялся Еленой, я ломал себе голову, каким образом напичкать Арчи ван Стайлера контргормонами, а заодно дать их и горничной. Меня об этом не просили, но бедная девочка была по уши влюблена в Арчи. Дэйв, казалось, мог бы держать меня в курсе дела, но я не получил от него ни строчки.

Только три недели спустя вместо двух, доложив, что Арчи «выздоровел», я принял гонорар. С такими деньгами в кармане я мог позволить себе заказать спецрейс и прибыл ракетой в Мессину через полчаса. До дому было рукой подать.

Войдя в прихожую, я услышал легкий топот ног и голос, полный страсти:

– Дэйв, милый, это ты?

С минуту я не мог произнести ни слова. И снова донесся умоляющий голос:

– Дэйв?

Не знаю, чего я ожидал, но я никак не ожидал, что Елена встретит меня таким образом – она остановилась и пристально смотрела на меня, на лице ее явно было написано разочарование, ручки, прижатые к груди, трепетали.

– О! – воскликнула она. – Я думала, это Дэйв. Теперь он совсем не ест дома, но я все равно жду его к ужину. – Она опустила руки и, сделав над собой усилие, улыбнулась. – Вы Фил, не так ли? Дэйв говорил мне о вас, когда... сперва. Я очень рада, что вы вернулись. Фил.

– Рад видеть тебя в добром здравии, Елена. – А что еще можно сказать при обмене любезностями с роботом? – Ты что-то сказала насчет ужина?

– О да. Наверно, Дэйв опять поужинает в центре, так что мы с вами можем сесть за стол. Так приятно, когда в доме есть с кем поболтать, Фил. Вы не возражаете, если я буду вас звать просто Филом? Кажется, вы что-то вроде крестного отца мне...

Мы ели. Я не рассчитывал на это, но, видимо, она считала поглощение пищи таким же нормальным явлением,

как хождение. Правда, ела она мало, а все больше поглядывала на входную дверь.

Когда мы уже кончали ужинать, пришел Дэйв, хмурый как туча. Елена было встала, но он улизнул наверх, бросив мне через плечо:

– Привет, Фил. Зайди ко мне потом наверх.

С ним было что-то совсем неладное. Мне показалось, что глаза у него тоскливые, а когда я повернулся к Елене, то увидел ее в слезах. Она всхлипывала и тем не менее принялась поглощать неуместно много пищи.

– Что с ним... и с тобой? – спросил я.

– Он устал от меня.

Она отодвинула тарелку и торопливо добавила:

– Вы лучше поговорите с ним, пока я приберусь. А со мной ничего не случилось. Во всяком случае, я ни в чем не виновата.

Она собрала тарелки и бросилась на кухню; могу поклясться, что она рыдала.

Возможно, весь мыслительный процесс состоит из серий условных рефлексов... но она наверняка была вне себя от этих условностей, когда я уходил. С Леной в пору ее расцвета не происходило ничего подобного. Я пошел наверх к Дэйву, чтобы он помог мне разобраться во всей этой путанице.

* * *

Он доливал водой из сифона стакан с яблочным бренди, и я увидел, что бутылка почти пуста.

– Тебе налить? – спросил он.

Кажется, это была неплохая идея. Над головой раздался рев взлетающей ракеты, и только он один оставался зна-

комым мне в нашем доме. По провалившимся глазам Дэйва было видно, что за мое отсутствие он осушил не одну бутылку и не намеревался бросить это занятие. Себе он налил еще раз, но уже достав новую бутылку.

– Это, конечно, не мое дело, Дэйв, но это зелье твоих нервов не укрепит. Какой бес вселился в тебя и Елену? Призраки являются?

Елена ошибалась; он не ужинал в городе... вообще не ел. Он так расслабленно рухнул в кресло, что это говорило не об усталости и нервах, а скорее о голодном истощении.

– Заметно, да?

– Заметно? Вы вот где сидите у меня оба, в горле.

– Гммм... – Он прихлопнул несуществующую муху и еще глубже ушел в свое пневматическое кресло. – Наверно, мне не надо было оживлять Елену до твоего возвращения. Но если бы не началась другая стереопередача... Во всяком случае, с нее-то все и началось. А эти твои сентиментальные книжки довели дело до конца.

– Спасибо. Теперь мне все понятно.

– Ты знаешь. Фил, у меня в провинции есть одно место... фруктовая плантация. Отец оставил мне в наследство. Кажется, мне надо присмотреть за ней.

Так вот мы и разговаривали. Но наконец, основательно выпив и основательно попотев, я выкачал из него кое-что, а потом дал ему амитал и уложил в постель. Разыскав Елену, я стал выпытывать у нее остальное, пока не уразумел, в чем дело.

Очевидно, вскоре после моего отъезда Дэйв включил ее и провел предварительную проверку ее способностей, которые вполне удовлетворили его. У нее была превосходная

реакция... настолько хорошая, что он решил оставить ее в покое и взяться за свою обычную работу.

Естественно, что она со всеми ее неиспытанными эмоциями была полна любопытства и хотела, чтобы он остался с ней. Тогда его осенило. Рассказав ей, какие у нее будут обязанности по дому, он усадил ее перед стереовизором, включил какой-то фильм о путешествиях и, заняв ее этим, ушел.

Она досмотрела видовой фильм до конца, а потом станция начала показывать свой серийный фильм с Ларри Эйнсли в главной роли, с тем самым душещипательным красавчиком, из-за которого расстроились наши отношения с двойняшками. Случайно он оказался похожим на Дэйва.

Елена впитывала в себя фильм, как ива воду. Зрелище было превосходной отдушиной для распивавших ее эмоций. Когда оно закончилось, Елена разыскала любовную историю в другой программе и пополнила свое образование. После полудня по стереовизору обычно показывают новости и ведут музыкальные передачи, но тогда она обнаружила мои книги, а я люблю юношеское чтение.

Дэйв вернулся домой в лучшем расположении духа. Уже в прихожей он учуял запах такой пищи, по какой скучал много недель. И он сразу представил себе, какой превосходной домохозяйкой будет Елена.

Так что для него было совершеннейшей неожиданностью, когда он почувствовал вдруг, как вокруг его шеи обвились две сильные руки, и услышал дрожащий от нежности голос:

– О Дэйв, милый, я так скучала по тебе, и я вся трепещу при виде тебя.

Возможно, ее технике обольщения еще недоставало некоторого блеска, зато энтузиазма было хоть отбавляй, и Дэйв почувствовал это, когда пытался уклониться от ее поцелуя. Действовала она быстро и неистово... все-таки в движение Елену приводил атомотор.

Дэйв не был ханжой, но он не забывал, что она в конце концов всего лишь робот. Для него не имел значения тот факт, что чувства, движения, внешность у нее были как у юной богини. Не без усилий он вывернулся из объятий Елены и потащил ее к столу. Ужиная, он заставил есть и Елену, чтобы этим занятием отвлечь ее внимание.

После того как она выполнила свою вечернюю работу, он позвал ее к себе в кабинет и прочел ей продуманную лекцию о том, как глупо она себя ведет. Видимо, это была неплохая лекция, потому что продолжалась она целых три часа и касалась ее положения в жизни, идиотизма стереофильмов и прочей всякой всячины. Когда он замолк, Елена взглянула на него своими влажными от слез глазами и сказала с тоской:

– Я все понимаю, Дэйв, но по-прежнему люблю тебя.

Вот тут-то Дэйв и запил.

Дело становилось хуже с каждым днем. Если он задерживался в городе, она плакала, когда он возвращался. Если он возвращался вовремя, она носилась с ним как с писаной торбой и липла к нему. Он запирался в своей комнате и слышал, как она внизу ходит из угла в угол и бормочет, а когда он спускался, она с упреком смотрела на него до тех пор, пока он не убегал к себе.

Утром я отослал Елену, придумав ей какое-то поруче-

ние, а сам поднял Дэйва. В ее отсутствие я накормил его приличным завтраком и дал тонизирующего для успокоения нервов. Он все еще был вял и угрюм.

– Послушай, Дэйв, – прервал я его размышления. – В конце концов Елена же не человек. Почему бы не выключить ее и не сменить ей несколько катушек памяти? Потом мы сможем убедить ее, что она никогда не была влюблена и что в дальнейшем не имеет на это права.

– Попробуй. Я тоже думал об этом, но она так взвыла, что самого старика Гомера могла бы поднять из могилы. Она говорит, что это убийство... и все такое прочее. Да я и сам не могу отделаться от такого же чувства. Может быть, она и не женщина, но поди отличи ее, когда она с мученическим видом говорит тебе: давай убивай.

– Но мы же не вставляли в нее замену тех секретий, которые наличествуют в человеке в период любви.

– Я не знаю, что мы там вставляли. Может, в гетеронах произошла обратная вспышка или какое-нибудь замыкание. Во всяком случае, эта мысль так втемяшилась ей в голову, что нам придется сменить весь набор катушек.

– За чем же дело?

– Действуй. Ты же наш домашний врач. Я не привык возиться с эмоциями. По правде говоря, из-за ее поведения я возненавидел всякую работу с роботами. Мое дело прогорает.

Увидев, что Елена возвращается, он выскочил через черный ход и сел в монорельсовый экспресс. Я собирался уложить его в постель, но потом раздумал. Может быть, в мастерской ему будет лучше, чем дома.

– Дэйв ушел?

У Елены сразу же появился мученический вид.

– Да. Я заставил его поесть, и он поехал на работу.

– Я рада, что он поел.

Она упала на стул, будто в изнеможении, хотя до меня не доходит, как это машина может устать.

– Фил!

– Да, в чем дело?

– Вы думаете, ему со мной плохо? Я хочу сказать, вы думаете, он был бы счастливее, если бы меня не было здесь?

– Он с ума сойдет, если ты будешь продолжать вести себя с ним таким образом.

Елена вздрогнула. Она так умоляюще стиснула свои маленькие ручки, что я почувствовал себя бесчеловечным зверем. Но я опомнился и продолжал:

– Даже если я отключу источник энергии и переменю твои катушки, ты, наверно, все равно будешь преследовать его.

– Я все понимаю. Но ничего не могу поделать с собой. Я была бы ему хорошей женой, я в самом деле справилась бы, Фил.

У меня перехватило дыхание; дело зашло чуть-чуть дальше, чем следовало бы.

– И родила бы ему здоровых сыновей, наверно? Мужчине нужны плоть и кровь, а не металл и резина.

– Перестаньте, умоляю! Такое о себе мне и в голову не приходит. По моим представлениям, я женщина. И вы знаете, насколько совершенно я могу имитировать настоящую женщину... во всех отношениях. Я не могу родить ему сыновей, но во всех других отношениях... Я буду очень стараться. Я уверена, что буду ему хорошей женой.

Я сдался.

Дэйв не вернулся домой ни в тот вечер, ни в следующий. Елена суетилась и волновалась, умоляя меня обзвонить больницы и полицейские участки, но я знал, что с ним ничего не случилось. Он всегда носил с собой удостоверение личности. И все же, когда он не явился и на третий день, я стал беспокоиться. А когда Елена решила сходить к нему в мастерскую, я согласился пойти с ней.

Мы застали там Дэйва с еще одним человеком, которого я не знал. Я выбрал для Елены стоянку таким образом, чтобы Дэйв не мог увидеть ее, а она могла его слышать, и вошел, как только незнакомец покинул мастерскую.

Дэйв выглядел немного лучше и вроде бы обрадовался мне.

– Привет, Фил. Как раз собирался закрыть мастерскую. Пойдем поедим.

Елена не вынесла и присоединилась к нам.

– Пошли домой, Дэйв. У меня жареная утка со специями. Ты же любишь такую.

– Сгинь! – сказал Дэйв. Она отпрянула и повернулась, чтобы уйти. – Ладно, оставайся. Тебе это тоже полезно послушать. Я продал мастерскую. Человек, которого вы только что видели, купил ее. Я уезжаю на свою фруктовую плантацию, о которой говорил тебе. Фил. Я сыт машинами по горло.

– Ты там умрешь с голоду, – сказал я ему.

– Нет, спрос на старинные фрукты, растущие на воле, все увеличивается. Народу надоели все эти гидропонные штучки. Отец всегда неплохо зарабатывал на фруктах. Я сейчас же пойду домой, соберусь и уеду.

Елена гнула свою линию.

– Я соберу твои вещи, Дэйв, пока ты будешь есть. На десерт у меня яблочный пирог.

Земля разверзлась под ее ногами, но она не забыла, что он обожает яблочные пироги.

Елена готовила хорошо, если не сказать – гениально. Это было сочетание всего лучшего, взятого от женщины и машины. Мы сели за стол, и Дэйв съел довольно много. К концу ужина он оттаял настолько, что похвалил утку и пирог и поблагодарил Елену за помощь при сборах. Он даже разрешил ей поцеловать его на прощанье, хотя решительно не позволил проводить до ракеты.

Елена пыталась вести себя мужественно, когда я вернулся, и мы, запинаясь, поговорили немного о слугах миссис ван Стайлер. Но мы быстро выдохлись, и Елена все остальное время просидела у окна, уставившись в него невидящим взором. Даже стереокомедия не заинтересовала ее, и я вздохнул с облегчением, когда она ушла в свою комнату. Она могла понижать подачу питания, когда хотела симулировать сон.

Со временем я начал понимать, почему она отказывается считать себя роботом. Я и сам стал думать о ней как о девушке. С ней было хорошо проводить время. Не считая тех редких перерывов, когда она уединялась для переживаний или сидела у телескрипта в ожидании письма, которое так и не пришло, не нашлось бы никого, с кем было бы так приятно жить под одной крышей. В доме стало так уютно, как никогда не было при Лене.

Я взял с собой Елену в Гудзон, чтобы походить по магазинам, где она хихикала и мурлыкала, перебирая шелка и

побрякушки, бывшие тогда в моде, примеряла бесконечные шляпки и вела себя как любая нормальная девушка. Однажды мы с ней отправились ловить форель, и она доказала, что в ней есть спортивная жилка и что она способна сосредоточиваться по-мужски. Я наслаждался ее обществом и думал, что она забывает Дэйва. Так было до тех пор, пока однажды я не появился домой неожиданно и не застал ее, скорчившуюся на диване, сучившую ногами, истерически рыдавшую.

Тогда-то я и заказал разговор с Дэйвом. Его никак не могли найти, и Елена стояла рядом со мной, пока я ждал, что он откликнется на вызов. Она была нервозна и суежлива, как старая дева, пытающаяся заполучить муженька. Но наконец Дэйва нашли.

– Что случилось. Фил? – спросил он, когда его лицо появилось на экране. – Я как раз собирал вещи, чтобы...

Я перебил его:

– Такое положение вещей больше продолжаться не может, Дэйв. Я решился. Я сегодня же вечером повыдергаю из Елены все катушки. Уж лучше так, чем видеть, что с ней происходит.

Елена протянула руку и коснулась моего плеча.

– Быть может, это лучший выход, Фил. Я понимаю вас. Голос Дэйва стал прерывистым.

– Фил, ты сам не понимаешь, что говоришь!

– Прекрасно понимаю. К тому времени, когда ты доберешься сюда, все будет кончено. Ты же слышал, она согласна.

Дэйв стал мрачнее черной тучи.

– Я не хочу этого, Фил. Она наполовину моя, и я за-прещаю!

– Ты самый...

– Давай называй меня чем угодно... Я передумал. Я собирал чемоданы, чтобы вернуться домой, когда ты меня вызвал.

Елена суежилась возле меня, ее сияющие глаза были устремлены на экран.

– Дэйв, ты хочешь... ты...

– Я только что пришел в себя и сообразил, каким же я был дураком, Елена. Фил, я буду дома часа через два, и если что-нибудь...

Ему не пришлось просить меня выйти вон. Но, еще не успев захлопнуть за собой дверь, я услышал, как Елена что-то мурлычет относительно того, что быть женой плантатора – предел ее желаний.

Они ошибались, думая, что это будет для меня неожиданностью. Кажется, я догадывался, что произойдет, когда вызывал Дэйва. Если мужчине не нравится девушка, он никогда не поступает так, как вел себя до сих пор Дэйв; так ведут себя, когда думают, что девушка не нравится... ошибочно думают.

Ни из одной женщины не получалось более милой невесты и приятной жены. Елена не остыла в своем рвении хорошо готовить и держать дом в порядке. Когда она уехала, наше старое жилище, казалось, опустело, и я стал навещать на плантацию раз, а то и два в неделю. Временами, наверно, у них были свои тревоги, но я никогда не замечал этого, и я знаю, что соседи никогда не подозревали ничего, считая их нормальными мужем и женой.

Дэйв старел, а Елена, разумеется, нет. Но, говоря между нами, мы с ней покрывали ее лицо морщинами и меняли ее

волосы на седые, чтобы Дэйв не догадался, что она не стареет вместе с ним – мне кажется, он забыл, что она не человек.

В сущности, я и сам забыл. И, только получив сегодня утром письмо от Елены, я вернулся к действительности. Почерк у нее красивый, и только местами у нее дрожала рука. В письме сообщалось о том неизбежном, что не предусмотрели ни Дэйв, ни я.

«Дорогой Фил!

Как вы знаете, Дэйв уже несколько лет страдал сердечной болезнью. Мы думали, что он выживет, но, видно, нашим надеждам не суждено было сбыться. Он умер у меня на руках перед самым рассветом. Он просил передать вам свой прощальный привет.

Я прошу вас, Фил, о последней милости. Для меня остается одно после того, как все будет кончено. Кислота разъедает металл так же, как она разъедает плоть, и я умру вместе с Дэйвом. Пожалуйста, присмотрите, чтобы нас похоронили вместе и чтобы гробовщики не открыли моего секрета. Дэйв тоже этого хотел.

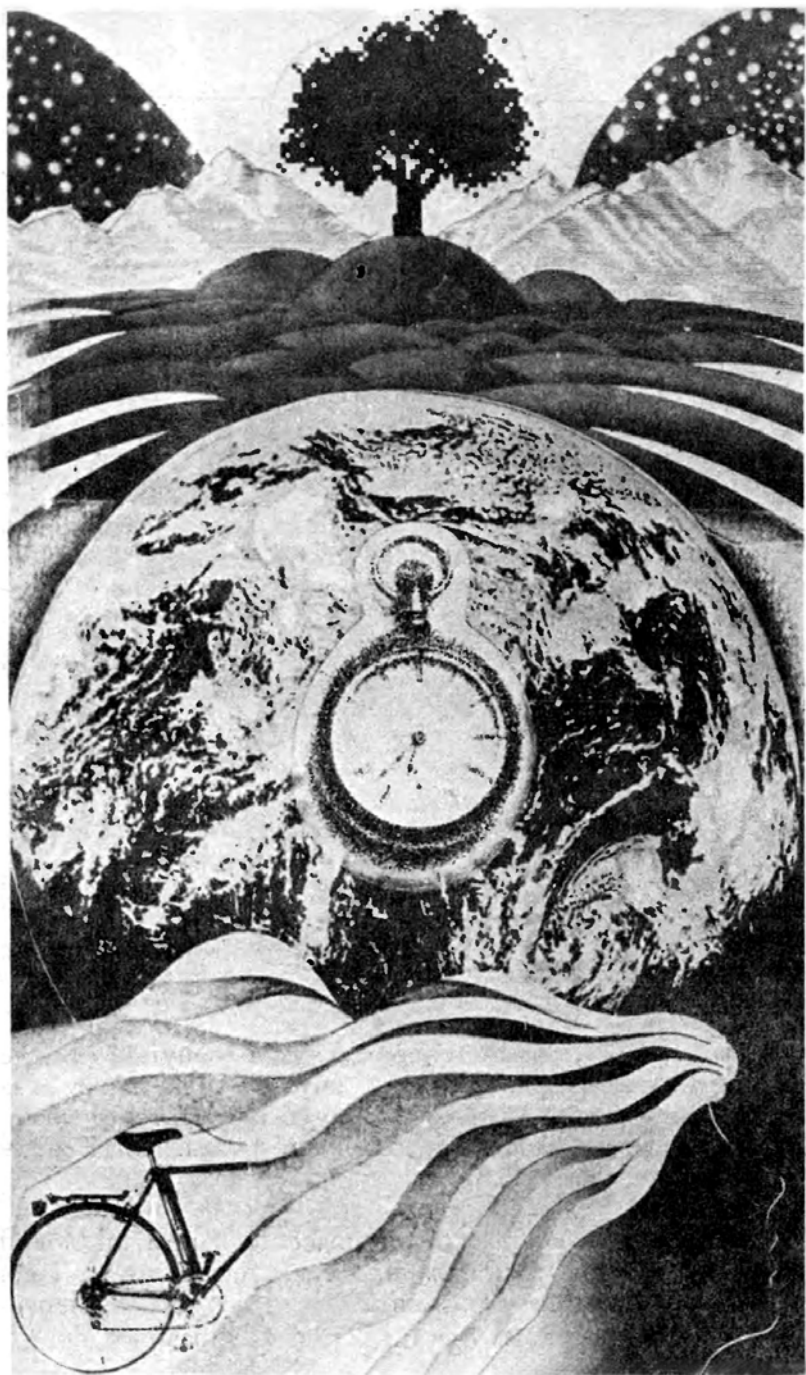
Бедный, мой милый Фил! Я знаю, что вы любили Дэйва как брата и что вы сочувствуете мне. Пожалуйста, не слишком горюйте о нас, потому что мы прожили с ним счастливую жизнь и оба считали, что должны перейти этот предел рука об руку.

С любовью и благодарностью – Елена».

Рано или поздно это должно было произойти. Я немного оправился от потрясения, нанесенного мне письмом.

Через несколько минут я уезжаю, чтобы выполнить последние пожелания Елены.

Дэйв был счастливецem и моим лучшим другом. А Елена... Ну, как вы уже знаете, я глубокий старик и могу смотреть на вещи более трезво. Я мог бы жениться, создать семью, наверно. Но... на свете была только одна Елена Лав.

ДЕВУШКА-ОДУВАНЧИК

Увидев на холме девушку, Марк вспомнил стихотворение Эдны Сент-Винсент Миллс⁹. Оно пришло ему в голову, наверное, потому, что девушка стояла на солнце и ветер трепал ее волосы – золотистые, как цветок одуванчика; а может быть, и потому, что старомодное белое платье обвилось вокруг ее стройных ног. Во всяком случае, Марк был уверен, что она непонятным образом перенеслась из прошлого в настоящее. Первое впечатление оказалось ошибочным: как потом выяснилось, она явилась не из прошлого, а из будущего.

Он вскарабкался на холм и, тяжело дыша, остановился позади нее. Она еще не видела его, и он думал, как заговорить с ней, не испугав. Пытаясь придумать что-нибудь, он достал трубку, набил ее и разжег, прикрывая от ветра ладонями. Подняв голову, он увидел, что девушка уже стоит к нему лицом и с любопытством разглядывает его.

Марк медленно подошел к ней, остро чувствуя близость неба и наслаждаясь дующим в лицо ветром. Он подумал, что ему следует почаще совершать прогулки. До холма он шел лесом, а теперь лес, уже тронутый кое-где огненными красками осени, раскинулся далеко внизу, а за лесом виднелось маленькое озеро со стандартным домиком на берегу и мостками для ловли рыбы. Когда жену Марка неожиданно вызвали в суд – она была присяжным заседателем, –

⁹ Американская поэтесса.

ему пришлось проводить оставшиеся две недели летнего отпуска в одиночестве. Днем он ловил рыбу с мостков, а прохладными вечерами читал, сидя у большого камина в гостиной. Через два дня размеренное существование ему приелось; он отправился побродить по лесу, вышел к холму, поднялся на него и увидел девушку.

Подойдя поближе, он увидел, что глаза у нее голубые – голубые, как небо, на фоне которого вырисовывался ее силуэт. Лицо у нее было юное, нежное, прелестное. Он с трудом подавил желание протянуть руку и погладить девушку по щеке, обласканной ветром; он почувствовал, как дрожат кончики пальцев.

«Да ведь мне сорок четыре, а ей едва ли больше двадцати, – подумал он. – О господи, что на меня нашло»!

– Любуетесь видом? – спросил он громко.

– О да, – сказала она, повернувшись и восторженно всплеснула руками. – Это же просто чудесно!

Марк посмотрел в ту же сторону.

– Да, – сказал он. – Да.

Внизу, у подножия холма, снова начинался лес. Теплые сентябрьские краски его захлестнули всю долину, стиснули деревушку, видневшуюся невдалеке, и сошли на нет у самой границы городских предместий. А вдали таял в дымке зубчатый силуэт Коув-сити, похожий на расползшийся средневековый замок – в дымке он казался каким-то совсем невещественным, сказочным.

– Вы тоже из города? – спросил он.

– Пожалуй, – ответила она и улыбнулась. – Я из того Коув-сити, который старше этого на двести сорок лет.

По улыбке девушки он понял, что она и не надеется

убедить его, но что в глубине души ей было бы приятно, если бы он притворился, будто верит ее словам. Он тоже улыбнулся.

— То есть из города две тысячи двухсот первого года нашей эры? — сказал он. — Должно быть, город к тому времени неимоверно вырос.

— Да, вырос, — сказала она. — Теперь это часть гигантского города, который доходит до этого самого места. — Она показала на опушку леса у подножия холма. — Две тысячи сороковая улица проходит прямо через ту кленовую рощицу, — продолжала девушка. — Видите вон те белые акации?

— Да, — сказал он, — вижу.

— Там теперь новая площадь. И на ней такой большой магазин самообслуживания, что его за полдня еле обойдешь. Там можно купить все от аспирина до аэрокаров. А рядом с магазином, там, где у вас буковая роща, большой магазин готового платья, в котором продаются новейшие творения ведущих модельеров. Платье, которое на мне, я купила сегодня утром. Оно простенькое и красивое, правда?

Красивое... На нее что ни надень, все будет красиво. Но Марк все-таки взглянул на платье. Оно было сшито из незнакомого материала, явно синтезированного из морской пены и снега. На какие только чудеса не способны фабриканты синтетических тканей... и каких только небылиц не придумывают молоденькие девушки!

— Наверно, вы прибыли сюда на машине времени, — сказал Марк.

— Да, папа изобрел такую машину.

Марк пристально посмотрел на нее. Он никогда не видел такого самообладания – хоть бы чуточку покраснела.

– И часто вы бываете здесь?

– Да. Это мои любимые координаты во времени и пространстве. Порой я стою здесь часами, смотрю и насмотреться не могу. Позавчера я увидела кролика, вчера – оленя, а сегодня – вас.

– Но как же это так – вчера, – спросил Марк, – если вы всякий раз возвращаетесь в то же самое время?

– А, я понимаю, что вы хотите сказать. Дело в том, что течение времени действует на машину, как и на все другое, и чтобы вернуться в те же самые координаты, нужно переводить машину назад каждые двадцать четыре часа. Но я этого никогда не делаю, потому что мне больше нравится возвращаться в разные дни.

– Ваш папа когда-нибудь бывал здесь с вами?

Высоко над головой лениво проплывал гусиный клин, и девушка некоторое время следила за ним.

– Папа болен, – сказала она наконец. – А ему бы так хотелось побывать здесь... Но я рассказываю ему обо всем, что вижу, – поспешно добавила она, – а это почти то же самое. Будто он сам бывает тут. Правда?

Во взгляде ее сквозило такое желание услышать подтверждение, что это тронуло его до глубины души.

– Разумеется, – сказал он, а потом добавил: – Как замечательно, должно быть, иметь машину времени.

Она кивнула с серьезным видом.

– Щедрый дар людям, которые любят природу. В двадцать третьем веке таких красивых лугов осталось совсем немного.

Он улыбнулся.

– Не так уж много их и в двадцатом веке. Я бы сказал, что этот уголок своего рода уникум. Надо почаще приходить сюда.

– Вы живете неподалеку? – спросила девушка.

– Я живу в домике милях в трех отсюда. Считается, что я в отпуске, но получается что-то не то. Жена исполняет свои обязанности присяжного заседателя в суде и потому не могла поехать со мной. Откладывать отпуск было уже поздно, вот и приходится мне быть чем-то вроде Торо¹⁰ поневоле. Меня зовут Марк Рандольф.

– А я Джулия, – сказала она. – Джулия Данверс.

Имя идет ей. Идет так же, как и белое платье, голубое небо, холм и сентябрьский ветер. Наверное, она живет в маленькой деревушке в лесу... Если ей хочется выдавать себя за человека из будущего, то это ее дело. Гораздо важнее чувства, испытанные им при первом взгляде на нее, и нежность, которая охватывает его всякий раз, когда он смотрит на ее хорошенькое личико.

– Чем вы занимаетесь, Джулия? – спросил он. – Или вы еще учитесь в школе?

– Я учусь на секретаря, – сказала Джулия. Выставив вперед ногу, она сделала изящный пируэт и сложила руки на груди. – Стать секретарем – моя мечта, – продолжала она. – Ведь это просто чудесно – работать в большом важном учреждении и записывать, что говорят важные люди. Вы бы хотели, чтобы я была вашим секретарем, мистер Рандольф?

¹⁰ Американский писатель и философ, призывал к жизни среди природы.

– Очень бы хотел, – ответил он. – Моя жена была моим секретарем еще до войны. Вот тогда-то мы и встретились.

«И зачем я рассказываю ей об этом»? – подумал Марк.

– Она была хорошим секретарем?

– Превосходным. Мне было жаль терять такого работника. Но, потеряв ее как секретаря, я приобрел жену, так что вряд ли это можно назвать потерей.

– Да, нельзя. Ну, а теперь мне пора возвращаться, мистер Рандольф. Папа ждет моих рассказов о том, что я видел сегодня, да и ужин надо готовить.

– Вы придете завтра?

– Наверное, приду. Я бываю здесь каждый день. До свидания, мистер Рандольф.

– До свидания, Джулия, – сказал он.

Он смотрел, как девушка легко сбежала вниз по склону холма и исчезла в кленовой роще, где через двести сорок лет должна будет проходить две тысячи сороковая улица. Он улыбнулся и подумал, что это за очаровательный ребенок. Как, наверное, прекрасно быть таким неиссякаемо любознательным и жизнерадостным. Марк особенно высоко ценил эти качества, потому что сам был лишен их. В двадцать лет он был серьезным юношей и учился в юридической школе; в двадцать четыре у него была своя практика, хотя и небольшая, но отнимавшая у него все время... нет, не все. Когда он женился на Анне, в его жизни наступил недолгий период, когда работа отступила на второй план. А затем началась война и с нею еще один период (на этот раз более длительный), когда стремление заработать побольше денег казалось занятием неуместным и даже презренным. Однако после возвращения к граж-

данской жизни все изменилось, тем более что теперь ему нужно было содержать жену и сына. И с тех пор он работал не покладая рук, за исключением четырех недель ежегодного отпуска, которым он позволял себе пользоваться лишь с недавних пор. Обычно две недели он проводил с Анной и Джефом на каком-нибудь курорте, а когда у Джефа начинались занятия в колледже, две недели они с Анной жили в домике на берегу озера. Но в нынешнем году Марку пришлось эти две недели жить в одиночестве. Впрочем... не совсем в одиночестве.

Марк шел медленно, и, когда он добрался до озера, солнце уже село. Озеро было маленькое, но глубокое; деревья подходили к самой воде. Дом стоял в некотором отдалении от берега среди высоких сосен, и от него к мосткам вела извилистая тропинка. Позади дома посыпанная гравием дорожка выходила на проселок, который вел к шоссе. Большой автомобиль с багажником и откидным верхом стоял у черного хода, готовый в любую минуту домчать Марка до цивилизованного мира.

Марк приготовил нехитрый ужин и съел его на кухне. Потом перешел в гостиную. На улице под навесом гудел движок, но это не нарушало вечерней тишины, непривычной для городского жителя. Достав из книжного шкафа антологию американской поэзии, Марк сел и отыскивал стихотворение «Полдень на холме». Он перечел его трижды, и всякий раз перед глазами вставала девушка, освещенная солнцем – ветер треплет ее волосы, а подол платья, словно пушистый снег, вьется у длинных стройных ног. В горле стоял комок...

Поставив книгу на полку, Марк вышел на деревянное

крыльцо, набил трубку и закурил. Он заставил себя думать об Анне, вспомнил ее лицо – нежный, но решительный подбородок, теплый, сочувственный взгляд ее глаз, в которых таился какой-то странный непостижимый страх; он вспомнил ее гладкие щеки и ласковую улыбку. И каждая черта этого лица показалась ему еще милее и привлекательнее, когда он представил себе ее пушистые светло-каштановые волосы и высокую грациозную фигуру. Думая о ней, он всякий раз восхищался неувядаемой молодостью, она ведь оставалась такой же хорошенькой, как в то далекое утро, когда он поднял голову и вдруг увидел у своего стола оробевшую девушку. Непостижимо, как это он двадцать лет спустя с нетерпением предвкушает встречу с другой девушкой, у которой в голове одни фантазии и которая годится ему в дочери. Впрочем... это не совсем так. Было какое-то мгновение, когда он покачнулся и... все. Лишь на короткий миг он потерял равновесие и пошатнулся. Теперь поступь его снова тверда, и в мире снова воцарился здравый смысл.

Марк выбил трубку и вошел в дом. В спальне он разделся, скользнул в постель и погасил свет.

«Позавчера я увидела кролика, – сказала она, – вчера – оленя, а сегодня – вас».

На следующий день на ней было голубое платье и под цвет ему – голубая ленточка в золотистых волосах. У подножия холма Марк немного постоял, ожидая, когда перестанет теснить горло; потом он поднялся на вершину, где гулял ветер, и стал рядом с девушкой. Он увидел мягкую линию ее шеи, и у него снова перехватило дыхание. И

когда она повернулась и сказала: «Здравствуйте, а я думала, вы не придете», — он долго не мог выговорить ни слова.

— Но я пришел, — сказал он наконец. — И вы тоже пришли.

— Да, — сказала Джулия. — Я рада вам.

Неподалеку из гранитных обломков образовалось что-то вроде скамьи, они сели на нее и стали смотреть вниз. Он набил трубку, и ветер подхватил струйку дыма.

— Мой папа тоже курит трубку, — сказала она, — и когда разжигает ее, тоже прикрывает ладонями, даже если ветра нет. У вас много одинаковых привычек.

— Расскажите мне о своем отце, — сказал Марк, — и о себе тоже.

И она рассказала ему, что ей двадцать один год, что ее отец, физик, был на правительственной службе, а теперь пенсионер, что они живут в маленькой квартире на Две тысячи сороковой улице и она ведет хозяйство уже четыре года, с тех самых пор, как умерла мама. Потом он рассказал ей о себе, Анне и Джефе... о намерении сделать когда-нибудь Джефа своим компаньоном, о непонятном страхе Анны перед фотоаппаратами, о том, как она отказалась сниматься даже в день их свадьбы, о великолепном туристском походе, который они совершили втроем прошлым летом.

Когда он замолчал, она сказала:

— Какая у вас чудесная семья! Как, должно быть, прекрасно жить в тысяча девятьсот шестьдесят первом году!

— Имея в своем распоряжении машину времени, вы всегда можете перебраться к нам.

— Это не так-то легко. Не говоря уже о том, что мне и в

голову не придет покинуть папу. Приходится принимать в расчет и полицию времени. Видите ли, путешествовать по времени разрешается только членам правительственных исторических экспедиций, а для простых людей это недопустимо.

– Вам, кажется, это сходит с рук.

– Только потому, что мой папа изобрел собственную машину и полиция времени ничего не знает о ней.

– Значит, вы сейчас нарушаете закон?

Она кивнула.

– Но только с точки зрения полиции, только в свете ее представлений о времени. У моего папы своя концепция.

Было так приятно слушать, как она говорит, что он не обращал внимания на смысл ее слов – пусть ее фантазирует, пусть говорит что угодно, лишь бы говорила.

– Расскажите мне о ней, – попросил он.

– Сначала я расскажу вам об официальной концепции. Те, кто придерживается ее, говорят, что никто из будущего не должен принимать участие в событиях прошлого, потому что уже одно его присутствие явилось бы парадоксом, и событиям будущего пришлось бы протекать по-другому, чтобы прийти в соответствие с парадоксом. Поэтому Управление путешествий по времени разрешает допуск к машинам только специалистам и держит полицейских, чтобы не дать убежать в прошлое тем, кто тоскует по более простому образу жизни и маскируется под историков, которые могут то и дело переходить из эры в эру. Но согласно концепции моего папы книга времени уже написана. С макрокосмической точки зрения, говорит мой папа, все, что должно случиться, уже случилось. Следовательно, раз

уж человек из будущего участвует в каком-нибудь событии прошлого, то это событие не обойдется без него с самого начала, и никакого парадокса возникнуть не должно.

Марк поднес трубку ко рту и сделал большую затяжку. Она была необходима ему.

– Видно, ваш отец – человек незаурядный, – сказал он.

– Конечно! – От восторга щеки ее порозовели еще больше, а голубые глаза заблестели. – Вы не представляете, мистер Рандольф, сколько книг он прочел. Наша квартира битком набита ими. Гегель, Кант и Хьюм; Эйнштейн, Ньютон и Вейцзекер. Я... даже я сама читала некоторые из них.

– У меня тоже много книг. Я тоже много читаю.

Она с восхищением посмотрела на него.

– Как это замечательно, мистер Рандольф! – сказала она. – Я уверена, что у нас много общих интересов.

В разговоре выяснилось, что у них и в самом деле много общих интересов... Впрочем, он вскоре сообразил, что трансцендентальная эстетика и теория относительности – не слишком уместные темы для беседы мужчины с девушкой на холме в сентябрьский вечер, даже если мужчине уже сорок четыре, а девушке всего двадцать один. К счастью, разговор имел и свои приятные стороны. Анализ философии Беркли позволил подметить не только слабости теории епископа, но и нежный румянец девичьих щечек, в результате же обсуждения теории относительности выяснилось, что E неизменно равняется MC^2 , а знания не только не наносят ущерба женскому обаянию, но являются ценным дополнением к нему.

Это приподнятое настроение не покидало его дольше,

чем следовало бы. С ним он и лег спать. На этот раз он даже и не старался заставить себя думать об Анне – знал, что не поможет.

«Позавчера я увидела кролика, вчера – оленя, а сегодня – вас».

Утром он поехал в деревню и зашел на почту за письмами. Но писем не было. Марк не удивлялся этому. Джеф так же, как и он, не любит писать письма, а Анна сейчас, наверное, отрезана от внешнего мира. Ну, а что касается клиентов, то он разрешил своей секретарше беспокоить его только в самых неотложных случаях.

Марк подумал, не расспросить ли ему сморщенного почтмейстера о семье Данверс, которая, видимо, живет где-то в этом округе. Но он решил не спрашивать. Ведь иначе вся тщательно продуманная Джулией версия разлетелась бы в пух и прах, а он был не настолько прозаической натурой, чтобы разрушать красивую выдумку.

Сегодня на ней было желтое платье, того же оттенка, что и волосы, и снова при виде ее у него перехватило дыхание, и снова он не мог вымолвить ни слова. Но вот он обрел дар речи, и все стало на свои места – их мысли были как два быстрых ручейка, которые, весело журча, сливаются в единый поток.

– А завтра вы придете?

На этот раз спросила она. Впрочем, он сам хотел задать этот вопрос, но она опередила его.

На следующий день, поднявшись на холм, Марк увидел, что девушки нет. Сначала разочарование ошеломило его, но потом он подумал, что она запаздывает и покажется с минуты на минуту. Он сел на гранитную скамью и стал

ждать. Но она не показывалась. Шли минуты... часы. Из леса выползли тени и начали взбираться вверх по склону. Стало прохладно. Наконец он сдался и, расстроенный, направился к дому.

Не пришла она и на другой день. И на следующий тоже. Он не мог ни есть, ни спать. Рыбная ловля надоела. Не читалось. И все это время Марк ненавидел себя – ненавидел за то, что ведет себя, как томящийся от любви подросток, за то, что ничем не отличается от любого другого дурака, которому уже за сорок, а он все пленяется хорошенькой мордашкой и парой стройных ножек. Еще совсем недавно он бы даже не посмотрел на другую женщину, а тут недели не прошло, как он не только загляделся – влюбился.

На четвертый день Марк уже не надеялся увидеть Джулию... и вдруг весь встрепенулся: девушка стояла на холме. На этот раз она была в черном платье. Он должен был догадаться о причине ее отсутствия; но он ни о чем не догадывался... пока не подошел к девушке и не увидел слезы у нее на глазах, не разглядел, как предательски дрожат губы.

– Джулия, что случилось?

Она прильнула к нему, прижалась лицом к пиджаку, плечи ее вздрагивали.

– Папа умер, – прошептала она, и что-то подсказало ему, что это ее первые слезы, что на похоронах она не плакала и разрыдалась лишь сейчас.

Марк нежно обнял девушку. Он никогда не целовал ее, да и сейчас только провел губами по лбу, коснулся волос...

– Я понимаю вас, Джулия, – сказал он. – Я знаю, как вы его любили.

– Он с самого начала знал, что умирает, – сказала она. – Знал, наверное, с того времени, как проводил в лаборатории опыты со стронцием-90. Но он никому не говорил об этом... даже мне не сказал... Я не хочу жить. Без него мне не для чего жить... не для чего, не для чего, не для чего!

Он крепко обнял ее.

– Вы еще найдете что-нибудь, Джулия. Кого-нибудь. Вы еще молоды. Вы совсем ребенок.

Голова ее резко откинулась, она взглянула на него мгновенно высохшими глазами.

– Я не ребенок! Не смейте называть меня ребенком!

От удивления он разжал руки и отступил назад. Прежде он никогда не видел ее такой рассерженной.

– Я не хотел... – начал он.

Но гнев ее прошел так же быстро, как и возник.

– Я знаю, что вы не хотели меня обидеть, мистер Рандольф. Но я не ребенок, честное слово, не ребенок. Обещайте мне, что никогда не будете называть меня ребенком.

– Хорошо, – сказал он. – Обещаю.

– Теперь мне пора, – сказала она. – У меня тысяча дел.

– А завтра... завтра вы придете?

Она долго смотрела на него. Голубые глаза ее блестели от слез.

– Машины времени изнашиваются, – сказала она. – Нужно заменить некоторые детали, а я не знаю, как это делается. Наша... теперь уже моя... годится только на одну поездку, да и то...

– Но вы попытаетесь?

Она кивнула.

– Да, попытаюсь. И я еще хочу сказать, мистер Рандольф...

– Что, Джулия?

– Если я не смогу появиться здесь еще раз, знайте... что... я люблю вас.

Быстро сбежав вниз по склону, она исчезла в кленовой роще. Когда он раскуривал трубку, руки его дрожали, а спичка обожгла пальцы. Он не помнил, как дошел до дому, как приготовил ужин и лег спать, но все это он делал, потому что проснулся он наутро в своей комнате, а в кухне на сушилке стояла грязная посуда.

Он вымыл посуду, сварил кофе. Все утро он ловил с мостков рыбу, заставляя себя не думать ни о чем. Смотреть в лицо действительности он будет потом. А сейчас ему было достаточно знать, что она любит его, что через несколько коротких часов он снова увидит ее. Из деревушки на холм даже испорченная машина времени доставит ее без особого труда.

Он пришел пораньше, сел на гранитную скамью и ждал, когда она выйдет из леса и начнет подниматься по склону холма. Он слышал, как колотится сердце, и видел, что руки дрожат.

«Позавчера я увидела кролика, вчера – оленя, а сегодня – вас».

Он ждал, ждал, но она не пришла. Не пришла она и на следующий день. Когда тени начали удлиняться и стало прохладно, он спустился с холма и вошел в кленовую рощу. Отыскав тропу, углубился в лес и вышел к деревушке. Марк вошел в маленькое здание почты и спросил, нет ли для него писем. И когда сморщенный почтмейстер ответил, что писем нет, он некоторое время не решался задать другой вопрос.

– Ска... скажите, живет здесь где-нибудь поблизости семья по фамилии Данверс? – выпалил он.

Почтмейстер покачал головой.

– Никогда не слыхал о таких.

– А похороны недавно в деревне были?

– Целый год не было.

Марк приходил на холм каждый день, пока не кончился его отпуск, но в глубине души он знал, что девушка не вернется, что он потерял ее навсегда, будто она и в самом деле не существовала. Вечерами он бродил по деревне в надежде, что почтмейстер ошибся, но Джулии не встретил, и прохожие, которым он описывал внешность девушки, тоже ничего не знали о ней.

В начале октября он вернулся в город. Дома он старался вести себя так, будто в их отношениях с Анной ничего не изменилось, но стоило ей увидеть его, как она, видимо, о чем-то догадалась. И хотя Анна ни о чем не спрашивала, с каждой неделей она становилась все молчаливее и задумчивей, все реже ей удавалось прятать глаза и скрывать страх, который ставил его в тупик и прежде.

По воскресеньям он уезжал за город и навещал холм. Листья теперь пожелтела, а небо было даже голубее, чем месяц назад. Часами он сидел на гранитной скамье, глядя на то место, где видел девушку в последний раз.

«Позавчера я увидела кролика, вчера – оленя, а сегодня – вас».

Как-то в середине ноября Анна уехала в город играть в бинго, и он остался в доме один. Просидев без дела два часа, Марк вспомнил о составных картинках-загадках, которые собирал прошлой зимой.

Стараясь придумать себе какое-нибудь занятие – любое, лишь бы отвлечься от мыслей о Джулии, он полез за картинками на чердак. Роясь в коробках, Марк нечаянно столкнулся с полки чемодан. Тот упал и, стукнувшись об пол, раскрылся. Марк наклонился, чтобы поднять его и поставить на место. С этим самым чемоданом Анна пришла в небольшую квартирку, которую они сняли после женитьбы, и он вспомнил, что она всегда запирала его и, смеясь, говорила Марку, что кое-что женщина должна держать в секрете даже от мужа. Замок заржавел и от удара открылся.

Марк было защелкнул замок, как вдруг заметил торчащий из-под крышки край белого платья. В ткани было что-то знакомое. Марк видел точно такой же материал совсем недавно – он вызывал воспоминание о морской пене и снеге.

Марк поднял крышку и дрожащими руками достал платье. Да, оно было похоже на падающий снег. Потом, осторожно свернув, он положил его в чемодан и закрыл крышку, а сам чемодан поставил обратно на полку.

«Позавчера я увидела кролика, вчера – оленя, а сегодня – вас».

По крыше барабанил дождь. Горло так сдавило, что на мгновение Марку показалось – вот-вот он разрыдается. Медленно спустился он по лестнице с чердака, а затем по витой лестнице со второго этажа в гостиную. Часы на камине показывали четырнадцать минут одиннадцатого. Через несколько минут она выйдет на углу из автобуса и пойдет по улице к дому. Пойдет Анна... Джулия. А может быть, Джулианна?

Наверно, так ее и зовут. Люди неизменно сохраняют хотя бы часть прежнего имени, когда меняют фамилии. Скрываясь от полиции времени, она, наверно, не только переменила фамилию, но и приняла еще кое-какие меры. Не удивительно, что она никогда не хотела фотографироваться! А сколько страху она, должно быть, натерпелась в тот далекий день, когда вошла в его контору и робко спросила, нет ли места! Совсем одна в чужом мире, не зная, верна ли отцовская концепция времени, не зная, будет ли человек, полюбивший ее в сорок лет, испытывать к ней те же чувства, когда ему будет только двадцать. Она все-таки вернулась, вернулась, как и обещала.

Двадцать лет, с удивлением думал он, и все эти годы она знала, что в один прекрасный день я подымусь на холм и увижу ее, молодую и красивую, стоящую на солнце, и снова влюблюсь в нее. Она должна была знать, потому что это было ее прошлое и мое будущее. Но почему она ничего не сказала мне? Почему не говорит теперь?

И вдруг он понял.

Ему стало трудно дышать. Надев в передней плащ, он вышел на дождь. Он шел по дорожке сада, а дождь хлестал по лицу, и по щекам текли капли, дождевые капли и... слезы. Как могла такая красавица, как Анна... как Джулия, бояться старости? Разве не поняла она, что в его глазах она не может состариться, что для него она не постарела ни на один день с той минуты, как он оторвал взгляд от бумаг и увидел ее, робко стоявшую в маленькой комнатенке, и тут же влюбился в нее. Разве не поняла она, почему девушка на холме показалась ему чужой?

Он вышел на улицу. Он был почти у остановки, когда

подъехал автобус и из него вышла женщина в белом плаще. Горло сдавило так, что он совсем не мог дышать. Золотистые волосы теперь пожелтели, девичья прелесть исчезла, но ее нежное лицо оставалось милым и привлекательным, а длинные стройные ноги при тусклом свете уличных фонарей казались изящнее, чем при ярком сиянии сентябрьского солнца.

Она пошла ему навстречу, и он увидел в ее глазах хорошо знакомый страх, страх, невыносимый теперь, когда он знал его причину. Лицо ее стало расплываться, и он, ничего не видя, устремился к ней. Когда они встретились, глаза Марка снова стали видеть ясно, и, протянув руку, он дотронулся до ее мокрой от дождя щеки. Она все поняла, и страх из ее глаз исчез навсегда. Взявшись за руки, они пошли под дождем домой.

ХМЕЛЬНАЯ ПОЧВА

Перевод с марсианского

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА. Этот рассказ попал мне в руки таким путем, который для всех прочих закрыт, а посему я не имею права вдаваться в подробности. Насколько мне известно, это первый марсианский научно-фантастический рассказ, достигший Земли, и, помимо того, что он имеет самостоятельную ценность, читая его, можно сделать ряд других, не менее ценных выводов:

1) марсиане очень похожи на нас; 2) их цивилизация очень похожа на нашу цивилизацию; 3) в то, время как земные писатели-фантасты используют Марс, чтобы

отображать недостатки нашего общества, марсианские писатели-фантасты используют Землю, чтобы отображать недостатки марсианского общества; 4) с этим отображением одинаково переусердствовали как на Марсе, так и на Земле, и некоторые марсианские писатели-фантасты стали писать пародии на других марсианских писателей-фантастов и 5) этот рассказ относится к последней категории.

Упав из безбрежных просторов космоса, корабль, словно черная бескрылая птица, сел на голубые пески Земли.

Капитан Фримпф открыл люк, вышел на ослепительный свет, сделал вдох, и легкие его наполнились чистым душистым воздухом. Вокруг, до самого подернутого дымкой горизонта, простирались голубые пески. Вдали, играя на солнце всеми цветами радуги, словно осколки цветного стекла, переливались руины мертвого города. Высоко над головой по огромной голубой площадке небес гонялись друг за другом маленькие пухлые облачка.

Глаза его затуманились. «Земля, – подумал он, – наконец-то Земля»!

Трое рядовых, участвовавших вместе с ним в историческом полете на Землю, вышли из корабля и стали рядом. Глаза их затуманились тоже.

– Голубая, – прошептал Бирп.

– Голубая, – пробормотал Пемпф.

– Голубая, – прошепелявил Фардел.

– Конечно, голубая, – умильно сказал капитан. – Разве наши астрономы не утверждали, что голубизну Земли

нельзя всецело относить на счет светопоглощающих свойств атмосферы? И почва должна быть голубой!

Он опустился на одно колено и захватил пригоршню удивительного вещества. Оно текло меж его пальцев, как голубой туман.

— Голубые пески Земли, — благоговейно прошептал капитан.

Встав с колена, он снял шляпу. Палило солнце, свежий земной ветерок ерошил волосы. Через голубые пески ветер донес из города звуки, похожие на перезвон стеклянных колокольчиков, и капитан вспомнил теплое марсианское лето, тягучие дни и жаркие послеполуденные часы, и лимонад, которым бабушка Фримпф поила его на веранде.

И тут он почувствовал, что кто-то дышит ему в шею. Он сердито обернулся.

— В чем дело, Бирп?

Бирп откашлялся.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Но не думаете ли вы, что сейчас подходящий случай... я хочу сказать, сэр, что путь наш был долгий, и Пемпфа, Фардела и меня мучит жаж... то есть мы немного переволновались, и нам кажется...

Под презрительным взглядом капитана он стушевался.

— Хорошо, — холодно сказал капитан. — Возьмите ящик этой дряни. Но только один, понятно? И, если я увижу хоть одну пустую бутылку, оскверняющую этот девственный пейзаж, я посажу всех вас на гауптвахту!

Бирп пустился было галопом к кораблю, но, услышав предупреждение капитана, остановился.

— Но куда же нам девать их, сэр? Если мы погрузим

бутылки на корабль, то потребуется гораздо больше топлива, чтобы взлететь, а у нас его и так мало.

На мгновение капитан задумался. Разрешить эту проблему не составило большого труда.

— Закопайте их в землю, — сказал он.

* * *

Пока команда справлялась с пивом, капитан стоял неподалеку и смотрел на далекий город. Фримпф представил себе, как, вернувшись на Марс, он станет рассказывать жене о городе — вот он сидит за обеденным столом и описывает синеватые башни, блестящие шпили, унылые руины зданий.

Невольно он представил себе и жену — она сидит напротив, слушает и ест, больше ест, чем слушает. И теперь она стала еще толще, чем до его отъезда. В тысячный раз он удивлялся дурацкой женской моде — толстеть, толстеть до такой степени, что некоторым мужьям приходится возить своих жен в специальных тележках. Почему бы им время от времени не вставать и не двигаться? Нет, им надо превращаться в настоящих свиней только потому, что в продажу поступает все больше разных приспособлений, облегчающих домашний труд. И почему они все время что-то жуют, жуют и жуют без передышки?

Лицо капитана побледнело, когда он представил себе, какой счет от бакалейщика ему придется оплатить, вернувшись домой. Счет от бакалейщика настроил его на другие, не менее грустные думы — вспомнился государственный налог на торговлю, дорожный налог, налог на

деревья, налог на газ, налог на траву, налог на воздух, военные налоги, оставшиеся от первой мировой войны, от второй мировой войны, от третьей мировой войны и от четвертой мировой войны.

Капитан тяжело вздохнул. Платить за войны, в которых сражались твой отец, твой дед, твой прадед и прапрадед — ну как тут не запить! Он поглядел на Бирпа, Пемпфа и Фардела с завистью. Плевать им было на налоги. На все им было наплевать. Как три дикаря, они плясали вокруг пустого ящика из-под пива и уже успели сочинить похабную песенку о голубых песках Земли.

Капитан Фримпф прислушался к словам. У него стали гореть уши.

— Порезвились, и хватит, — сердито сказал он. — Закопайте бутылки, сожгите ящик и отправляйтесь спать. Завтра нам предстоит тяжелый день.

Бирп, Пемпф и Фардел покорно вырыли ямки — четыре ровных ряда ямок, как на кладбище, — и уложили в них одного за другим павших солдат — пустые бутылки. Потом они сожгли ящик, пожелали капитану спокойной ночи и пошли на корабль.

Капитан задержался. Поднималась луна, и какая луна! Ее волшебный свет преобразил равнину в пространную синеватую скатерть, а город в серебряный канделябр.

Тайна этих далеких пустых зданий и молчаливых покинутых улиц, переползла через долину и завладела всем его существом. «Что случилось с жителями? — подумал он. — Что случилось с жителями других городов-руин, которые он видел, когда корабль был на орбите?»

Капитан покачал головой. Он не знал этого и, наверное,

никогда не узнает. Неведение огорчило его, и вдруг ему стало неволе от одиночества и мертвой ночной тишины. Он вошел в корабль и закрыл за собой дверь. Долго лежал он в темноте в своей каюте и думал о людях Земли, о благородной цивилизации, которая появилась и прошла свой путь, не оставив после себя ничего, кроме горстки стеклянных зданий-памятников. Наконец он заснул.

* * *

Наутро, выйдя из корабля, Фримпф увидел двадцать четыре пивных дерева.

Это название пришло на ум капитану Фримпфу невольно. Он никогда не видел пивных деревьев и даже никогда не слышал о них; но разве придумаешь лучшее название для высоких растений с бутылками янтарной жидкости, свисающими с ветвей, как созревшие плоды?

Несколько плодов было уже сорвано, и в молодом саду расселась веселая компания. Более того, судя по ряду маленьких холмиков на краю сада, там уже посадили много новых семян.

Капитан потерял дар речи. Разве могут за одну ночь вырасти пивные деревья из пустых бутылок, на какой бы то ни было почве... даже на земной? Он начинал смутно догадываться о том, что случилось с жителями Земли.

Пемпф подошел к капитану, держа в обеих руках по бутылке.

— Вот, попробуйте, сэр, — радостно сказал он. — Такого вы никогда не пили.

Уничтожающий взгляд капитана поставил его на место.

– Я офицер, Пемпф, а офицеры пива не пьют!

– Хм, я... я забыл, сэр. Виноват.

– Да, виноваты. Вы и те двое. Кто разрешил вам есть... то есть пить... земные фрукты?

В знак раскаяния Пемпф склонил голову, но видно было, что он раскаивается ровно настолько, насколько того требует его подчиненное положение.

– Никто, сэр. Я... кажется, мы немного увлеклись.

– И вы даже не полюбопытствовались, почему выросли эти деревья? Вы, химик экспедиции... почему вы не сделали анализа почвы?

– Нет никакого смысла делать анализ, сэр. Почва, способствующая произрастанию таких деревьев из пустых пивных бутылок, является достижением науки, которая за миллионы лет опередила нашу науку. Кроме того, сэр, я полагаю, дело здесь не только в почве. Мне кажется, что солнечный свет, отражаясь от поверхности луны, соединяется с некоторыми лунными излучениями, и в результате получается такой лунный свет, который может наполнять и размножать все, что посажено на этой планете.

Капитан посмотрел на него.

– Все, говорите?

– А почему бы и нет, сэр? Мы посадили пустые пивные бутылки, и разве из них не выросли деревья?

– Хм, – сказал капитан.

Он резко повернулся и вошел в корабль. Весь день он провел в своей каюте, погруженный в раздумья. Заранее составленный план работ на день был забыт. Когда солнце село, он вышел из корабля и зарыл все бумажные деньги, которые привез с собой в заднем отсеке корабля. Он привез

все свои деньги и пожалел, что их не очень много. Впрочем, чего жалеть! Как только зацветут денежные деревья, у него будет сколько угодно семян.

В эту ночь, впервые за многие годы, ему не снились счета от бакалейщика и налоги.

* * *

Но, выскочив утром наружу и обежав вокруг корабля, капитан не обнаружил никаких денежных деревьев, стоящих в цвету на солнцепеке. Он обнаружил лишь маленькие холмики, которые сам же насыпал еще вечером.

Сначала разочарование ошеломило его. Но потом он подумал, что, может быть, для денег времени нужно побольше. Деньги, наверно, вырастить так же трудно, как и добыть. Капитан обошел вокруг корабля и посмотрел на сад. Он стал больше раза в три – прямо не сад, а молодой лесок. С завистью доглядывая на гроздья янтарных плодов, капитан шел по тропкам, испещренным солнечными бликами.

Ориентируясь по скоплениям жестяных шляпок от пивных бутылок, он вышел на небольшую полянку, где веселились вовсю. Вернее, это было не веселье, а гулянка. Пемпф, Фардел и Бирп, встав в кружок, танцевали, как три бородатые нимфы. Они размахивали бутылками и громко орали. У песенки о голубых песках Земли появился второй куплет.

Завидев капитана, все вдруг затихли. Рядовые обратили на миг мутные взоры на Фримпфа, а затем загуляли с новой силой. А ложились ли они вообще спать, подумал вдруг

капитан Фримпф. Вряд ли, но независимо от того, спали они или нет, совершенно очевидно, что дисциплина рыхлется с каждым часом. И если он хочет спасти экспедицию, надо принимать срочные меры.

Но решительность почему-то оставила его. Мысль о спасении экспедиции навела его на мысль о возвращении на Марс, мысль о возвращении на Марс повлекла за собой мысль о толстой жене, вспомнив о толстой жене, он вспомнил о счете от бакалейщика, подумав о счете от бакалейщика, он не мог не подумать о налогах, и по какой-то необъяснимой причине, вспомнив о налогах, он вспомнил и о том, что на полке бара в его каюте стоит непочатая бутылка виски.

Он решил отложить разговор с командой до утра. К тому времени денежные деревья наверняка взойдут, и тогда он получит хоть какое-то представление, долго ли останется ждать до сбора первого урожая и второго посева. И когда его будущее будет обеспечено, он сможет более авторитетно справиться с проблемой пивных деревьев.

Но и на следующее утро на маленьких холмиках позади корабля ростков не было. А на пивной сад было любо-дорого смотреть. Он занял чуть ли не половину долины, лежавшей между мертвым городом и кораблем, и когда ветерок шевелил отягощенные плодами ветви, звон стоял как на заводе стеклянной посуды, работающей на полную мощность.

Теперь капитан Фримпф уже нисколько не сомневался в участии, постигшей население Земли. Но что случилось с деревьями, которые посадили эти люди, подумал он. Фримпф был человеком неглупым, и ответ вскоре нашелся

– земляне выполняли примерно те же функции, что и пчелы на Марсе. Выпивая жидкие плоды, они, по сути дела, опыляли стеклянную скорлупу, в которой помещалась жидкость. Именно опыление, а затем зарывание скорлупы в почву служило причиной произрастания новых деревьев.

Недурственный круговорот был, подумал капитан. Да уж добро, как водится, быстро переводится, коли хватают через край. Мало-помалу люди становились горькими опылителями и в конце концов доопылялись до смерти, а деревья, неспособные к саморазмножению, исчезли с лица земли.

Поистине трагическая судьба! А разве менее трагична гибель от налогов?

Весь день капитан не выходил из каюты, обдумывая способ опыления денег. Блуждающий взор его все чаще останавливался на маленькой дверце бара. Незадолго до захода солнца явились Бирп, Фардел и Пемпф и попросили аудиенции.

Вел переговоры Фардел.

– Шэр, – сказал он. – Мы вше решили. Мы не хотим возвращатьшя на Марш.

Капитан не удивился, но рядовые почему-то раздражали его.

– Убирайтесь ко всем чертям в свой сад и оставьте меня в покое! – сказал он и отвернулся от них.

Когда они ушли, Фримпф подошел к бару и открыл дверцу. Он взял с полки одинокую бутылку. Две ее пустые подружки болтались где-то на орбите между Землей и Марсом.

– Хорошо, что я сохранил хоть одну, – сказал капитан.

Он открыл бутылку и опылил ее; потом он вышел из корабля, закопал бутылку, сел рядом и стал ждать, когда она прорастет.

Может быть, его денежные деревья вырастут, а может быть, и нет. А если они не вырастут, то будь он проклят, если вернется на Марс. Ему надоела толстая жена, ему надоел счет от бакалейщика, государственный налог на торговлю, дорожный налог, налог на деревья, налог на газ, налог на траву, налог на воздух, военные налоги, оставшиеся от первой мировой войны, второй мировой войны... А больше всего ему надоело быть самодовольным педантом с пересохшей глоткой.

Вскоре взошла луна, и он с восторгом смотрел, как первый росток его виски-дерева раздвигает голубые песчинки Земли.

Альфред Бестер

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

К концу 22-го столетия ценою денежных потерь и человеческих жертв, с которыми не может сравниться даже ущерб, нанесенный Последней Мировой Войной, было окончательно налажено сообщение между планетами солнечной системы.

Джон У. Лэкленд.
«Метрополии солнечной системы»

Венера, 10 июня. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но приготавливать «мартини» здесь **абсолютно** не умеют. Маразм! Ездила к той потрясающей портнихе, о которой рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять божественных туалетов. Том говорит: «Обмен валюты для нас чистая прибыль». Я: «Как это?» Он: «Доллар стоит у них больше, чем у нас». — «Так почему же не купить шесть платьев?» — спрашиваю я. «Меру знать надо», — отвечает он. А сам купил новую фотокамеру. Свинья!

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили нас в потрясающее бистро, где выступает Клайд Пиппин из нашего старого «Музыкального клуба». Я без ума от его песен. И от него самого. Том вогнал меня в краску, когда начал проверять счет с карандашом в руках. Нас, конечно, обжуливают, только, по мне, уж лучше делать вид, что нам на...ть. На очереди Марс и Сатурн. Потом альфа Центавра.

Единственное, что мешало практическому осуществлению связи с планетными системами отдаленных звезд, была недостаточная скорость транспортировки. Столетия упорных изысканий ушли на то, чтобы разрешить проблему «сверхсветовых скоростей», после чего путешествие к отдаленным мирам занимало уже не годы, а недели.

Зара Кудерт.
История межгалактических путешествий

Альфа Центавра, 19 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но воду пить невозможно. Маразм! Ездила к тому потрясающему галантерейщику, о котором рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять ярдов дивных кружев. Туземцы жуткие неряхи и совершенно аморальны. Просто кошмар. А хамство! Том стал фотографировать какую-то их дурацкую церемонию. Поднялся дикий гвалт. Чуть не стащили его фотокамеру. Потом подходит чиновник и гнусит на ломаном английском: «Они говорят, больше нет, пожалуйста. Разбить». Том: «Что разбить?» Чиновник: «Религия. Таинство. Карточки не надо. Разбить». Том: «И у вас хватает наглости называть этот балаган религией?» Чиновник: «Да, пожалуйста». Потом показывает на фотокамеру: «Отдать, пожалуйста. Надо, пожалуйста, разбить». Том (мне): «Какова наглость? Требовать, чтобы из-за нескольких несчастных снимков я отдал им на растерзание четырехсотдолларовую камеру». – «Собор Парижской богоматери она не осквернила, – говорю, – сойдет и для этих». Том дал им денег, и мы ушли.

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили

их в потрясающее быстро, где сейчас выступает Клайд Пиппин. Я просто без ума от него. Когда услышала знакомые мелодии нашего старого «Музыкального клуба», со страшной силой потянуло домой. Том уморил нас всех, изображая из себя заезжее начальство. Он, дескать, сенатор с Сатурна и изучает обстановку. До смерти их перепугал. Я чуть не лопнула со смеху. Теперь Бетельгейзе.

Несходство культур породило столкновения, которые привели в конце концов к Великой Галактической Войне. Бетельгейзе, разоренный и отчаявшийся, пошел на крайне рискованный шаг. Правительство было свергнуто, и была установлена деспотия деловых кругов, возглавляемая экономическим диктатором Мадинной.

Артур Раскобер.

Политическая экономия вселенной

Бетельгейзе, 23 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, и это очень удобно. Не могу понять, откуда взялись слухи насчет бедности и каких-то там нехваток. Вздор. В отеле божественно кормят. Масла, сметаны, яиц хоть завались. Насчет угнетения тоже выдумки. Официанты, горничные и т. д. все время улыбаются, очень жизнерадостны. И даже самолеты при этом Мадинне стали летать регулярно.

Ходила к той потрясающей косметичке, о которой рассказывала Линда. Наконец-то рискнула обрезать волосы. Очень шикарно, но боялась показаться Тому. Потом он все-таки увидел и взъярился. Сказал, что я похожа на заграничную шлюху. Со временем привыкнет.

Роджеры и Трамбулы, оказывается, тоже тут. Мы все

ходили в это дивное бистро, где выступает Клайд Пиппин. Просто без ума от него. После двух месяцев путешествий я сделалась такой космополиткой, что сама ему представилась. Раньше и подумать бы об этом не посмела. Зато теперь откуда что взялось. «Мистер Пиппин, – говорю я ему, – я уже двадцать лет ваша поклонница. С самого детства». – «Спасибо, золотко», – отвечает он. «А от вашей «Развесистой кроны» я просто в восторге». – «Нет, это номер Чарли Хойта, золотко, – говорит он, – я эту песню никогда не пел». – «Но ведь автограф-то я все-таки прошу у вас, а не у Чарли Хойта», – не растерялась я и сама подивилась своей находчивости.

Завтра едем на Андромеду. Страшно волнуюсь. Апогей всего нашего путешествия.

Самым поразительным из сюрпризов, которые вселенная заготовила человеку, было, пожалуй, известие о том, что жителями Андромеды решена проблема перемещения во времени. В 2754 году был издан указ, позволяющий пользоваться машиной времени только историкам, ученым и студентам.

Старк Робинсон.
Темпоральный анализ

Андромеда, 1 августа. Остановились в «Эксельсиоре». Все божественно говорят по-английски. Мы с Томом тут же ринулись к начальству, вооруженные письмами из Торговой палаты, от сенатора Уилкинса и того самого Джо Кейта, чей племянник фактически руководит госдепартаментом. Просили разрешить нам экскурсию во времени. Те ни в какую: только в научных целях, слишком дорого,

чтобы использовать для развлечения туристов. Тому пришлось в конце концов их постращать: слегка приврать, чуть-чуть пригрозить. Тогда они согласились. С этими крестинами всегда необходима твердость.

Том выбрал Лондон, 5 сентября 1665 года. «Это почему еще?» – спрашиваю я. «Дата Большого Пожара, уничтожившего Лондон, – отвечает он мне, – всю жизнь мечтал на него посмотреть». – «Не будь ребенком, – говорю я ему, пожар он и есть пожар. Лучше поглядим наряды Марии Антуанетты». Том: «Ну уж нет! Это ведь я выцарапал разрешение на экскурсию. Так и смотреть мы будем то, что Я хочу». Эгоист! Пришлось обменивать деньги на валюту XVII века. Переодеваться в старинную одежду. Сомневаюсь, что ее как следует почистили. Я чуть было не отказалась от экскурсии.

И кто же был прав? Пожар как пожар. Мы, правда, купили божественное серебро и фарфор и десять потрясающих столовых приборов. Потом чайный сервиз. А Тому и вовсе грех жаловаться. Отхватил шесть мечей и шлем. Представляю, как все это будет выглядеть у нас в зале. Самое уморительное то, что мы почти ни слова не понимали. Эти лондонцы в 1665 году даже на своем родном языке еще не выучились разговаривать!

На той неделе домой!

Передвижение в космическом пространстве со скоростью, превосходящей скорость света, породило физический парадокс. Он заключается в том, что хотя пассажиры космического корабля ощущают течение времени (субъективное время), их перемещение в пространстве происходит с такой быстротой, что для остальной ча-

сти вселенной время путешествия практически равняется нулю (объективное время). Например, 1 августа с Андромеды на Землю отправляется космический корабль. К месту назначения он прибывает также 1 августа. Иными словами, время отправления и прибытия совпадает. Однако для тех, кто находился на корабле, путешествие длится неделю.

Оливер Нильсон.

Парадоксы космических путешествий

20 августа, дома. Хотя по дневнику уже 20 августа, здесь, на Земле, всего 14 июня. Вся эта муть насчет субъекта и объекта времени до меня совершенно не доходит. Мы проехали целых три месяца, а на Земле прошло всего лишь две недели. Кошмар какой-то. Такое ощущение, что я вообще никуда не уезжала.

Раздаем подарки. С Линдой никакого сладу. Уверяет, что просила привезти ей с Каллисто дико-розовый пеньюар, а не мертвенно-голубой. Ну не бред ли? Это к ее-то волосам дико-розовый! Том вне себя. Забыл снять колпачок, когда фотографировал Большой Пожар, и все снимки пропали. Теперь никто не хочет верить, что он оказался достаточно важной птицей, чтобы пролезть в машину времени.

Заходили Роджеры и Трамбулы. Звали нас на выпивон в новом «Колониальном клубе». Клайд Пиппин выступает там сейчас с божественной программой. Смертельно хотелось пойти, но пришлось отказаться. Я совершенно выдохлась. Вселенная – это, конечно, вещь, но жить в ней – благодарю покорно!

В ЧАС ДОСУГА

С машиной в руках в бар вошел человек, и почти все мы взглянули на него поверх своих стаканов, потому что никто из нас никогда не видел ничего подобного. Человек поставил свою ношу на стойку рядом с пивным краном. Она заняла чертовски много места, и было видно, что буфетчику не слишком понравилось соседство этого прибора, большого и нелепого.

– Два сода-виски, – сказал человек. Буфетчик продолжал сбивать коктейль, очевидно пытаясь понять, чего хочет посетитель.

– Вам двойную порцию? – спросил он немного погодя.

– Нет, – сказал человек, – два стакана сода-виски, пожалуйста.

Он глядел на буфетчика в упор, не то чтобы очень враждебно, но и не слишком дружелюбно.

Долгие годы обслуживания завсегдатаев баров выработали у буфетчика своеобразное чувство угодливости, и тем не менее угождать новому клиенту ему не хотелось, да и машина не вызывала особой симпатии – это было очевидно. Буфетчик взял дымящуюся сигарету, до поры лежавшую на краю кассы, затянулся и задумчиво положил ее обратно. Потом он налил две порции виски, наполнил два стакана водой и небрежно сунул все это под нос человеку с машиной. Посетители наблюдали. Когда в баре случается хоть что-нибудь нарушающее привычный порядок, интерес к событию тотчас завладевает всеми посетителями и сплачивает их.

Человек не показал и виду, что чувствует себя в центре внимания. Он положил на стойку пятидолларовую бумажку. Потом он проглотил виски и запил его водой. Открыв какую-то маленькую отдушину в машине (похожую на воронку для заливки горючего), он влил туда другую порцию виски, а затем и воду.

Буфетчик угрюмо наблюдал за ним.

— Не смешно, — сказал он ровным голосом. — И потом ваш приятель занимает слишком много места. Поставьте его на лавку возле двери и освободите стойку.

— Здесь хватит места всем, — отрезал человек.

— Я не шучу, — сказал буфетчик. — Поставьте эту чертову штуковину возле двери, я сказал. Никто ее не тронет.

Человек улыбнулся.

— Вы бы видели ее сегодня днем, — сказал он. — Она была великолепна! Сегодня был как раз третий день турнира. Только представьте себе — три дня непрерывного обдумывания! И играть пришлось против лучших шахматистов страны. В начале партии она получила преимущество; потом в течение двух часов великолепно развивала успех и закончила игру, загнав короля противника в угол. Неожиданно сняла коня, нейтрализовала слона, и все было кончено. Вы знаете, сколько денег она выиграла за три дня игры в шахматы?

— Сколько? — спросил буфетчик.

— Пять тысяч долларов, — сказал человек. — Теперь ей хочется приятно провести свой досуг, ей надо выпить.

Буфетчик рассеянно возил полотенцем по влажной стойке.

— Забирайте ее в другое место и поите ее там! — твердо сказал он. — У меня и без этого хватает забот.

– Нет, нам нравится здесь. – Он указал на пустые стаканы. – Повторите, пожалуйста.

Буфетчик медленно покачал головой. Он не знал, что сказать, но продолжал упрямыться.

– Уберите эту штуковину, – потребовал он. – Я не могу разливать виски, когда надо мной надсмехаются.

– Насмехаются, – сказала машина. – Надо говорить «насмехаются».

Какой-то посетитель, стоявший тут же у стойки, пил уже третий стакан сода-виски и, по-видимому, был готов принять участие в разговоре, к которому он прислушивался весьма внимательно. Это был человек средних лет. Он уже ослабил галстук и расстегнул пуговицу воротничка. Он почти прикончил третий стакан, и алкоголь побуждал его ринуться на помощь обиженным и жаждущим.

– Если машина хочет выпить еще, дайте ей выпить, сказал он буфетчику. – Не будем торговаться.

Человек с машиной повернулся к своему новоявленному другу и серьезно поднял руку к виску, отдавая честь в знак благодарности и дружелюбия. Теперь он уже обращался только к нему, нарочито игнорируя буфетчика:

– Вы же знаете, как хочется выпить, когда поворачачешь мозгами!

– Конечно, – ответил друг. – Известное дело.

Весь бар заволновался, некоторые явно были на стороне буфетчика, другие сочувствовали машине и ее друзьям.

– Еще виски с лимоном, Билл, – сказал высокий хмурый человек, стоявший рядом со мной. – И не очень увлекайся лимонным соком.

– Лимонной кислотой, – сердито поправила машина. – В этих барах никогда не увидишь настоящего лимонного сока.

– Хватит! – сказал буфетчик, шлепнув ладонью по стойке. – Уносите-ка эту штуковину прочь. Мне не до шуток. Мне работать надо. Я не хочу выслушивать дерзости от механического мозга или черт его там знает от кого.

Хозяин машины игнорировал этот ультиматум. Он снова обратился к другу, стакан которого был уже пуст.

– Она хочет выпить не только потому, что устала за три дня игры в шахматы, – дружелюбно сказал он. – Знаете, почему еще она хочет выпить?

– Нет, – сказал друг. – Почему?

– Она сплутовала, – сказал человек. Услышав это, машина хихикнула. Один из ее рычагов опустился, а на доске с приборами засиял глазок.

Друг нахмурился. У него был такой вид, словно кто-то не оправдал доверия, оскорбил его в лучших чувствах.

– Никто не может плутовать в шахматы, – сказал он. Эт-то невозможно. В шахматы игра ведется в открытую, там все на виду. Характер игры в шахматы таков, что никакое плутовство невозможно.

– Когда-то и я так думал, – сказал человек. – Но, оказывается, все-таки есть способ.

– Что ж, это меня несколько не удивляет, – вставил буфетчик. – Стоило мне бросить взгляд на эту штуковину, и я сразу определил, что здесь сплошное жульничество.

– Два сода-виски, – сказал человек.

– Вы не получите виски, – отрезал буфетчик. Он свирепо глядел на механическую мыслительницу. – Почем мне знать, может, она уже пьяна?

– Это нетрудно проверить. Спросите ее что-нибудь, – сказал человек.

Посетители зашевелились и стали глядеть в зеркало над стойкой. Теперь все нетерпеливо ждали исхода спора. Следующий ход должен был сделать буфетчик.

– А что спросить, например? – сказал буфетчик.

– Все равно. Придумайте два больших числа и попросите ее перемножить их. Разве вы сможете перемножать большие числа, когда пьяны?

Машина слегка дрожала, словно внутри нее шли приготовления.

– Десять тысяч восемьсот шестьдесят два помножить на девяносто девять, – злорадно сказал буфетчик. Мы видели, что «девяносто девять» он придумал нарочно, чтобы усложнить задачу.

Машина замигала. Одна из ламп зашипела, а рычаг стал рывками менять положение.

– Один миллион семьдесят пять тысяч триста тридцать восемь, – сказала машина.

Никто в баре не пил. Люди хмуро уставились в зеркало; некоторые изучали собственные лица, другие искоса поглядывали на человека и машину.

Наконец некий юноша с математическим складом ума достал лист бумаги и карандаш и углубился в вычисления.

– Точно, – сказал он, спустя несколько минут. – Никак не скажешь, что машина пьяна!

Теперь все смотрели на буфетчика. Он неохотно налил две порции сода-виски. Человек выпил свою порцию. Потом напоил машину. Лампочки машины стали гореть менее ярко. Один из изогнутых рычажков поник.

Некоторое время бар тихо колыхался, словно судно в спокойном море. Все мы с помощью спиртного пытались осмыслить происходившее. Многие вновь наполнили стаканы. Большинство из нас искало ответа в зеркале – суде последней инстанции.

Парень с расстегнутым воротничком потребовал счет. Он неуклюже шагнул и остановился между человеком и машиной. Потом он одной рукой обнял человека, а другой – машину.

– Пойдемте-ка отсюда и найдем местечко получше, – сказал он.

– Хорошо, – сказал человек. – С удовольствием. Там, у входа, стоит мой автомобиль.

Он расплатился за выпивку и оставил чаевые. Тихо и немного неуверенно он обхватил машину рукой и вышел вместе с другом.

Буфетчик проводил их взглядом и снова вернулся к исполнению своих несложных обязанностей.

– Ах, у него там автомобиль! – сказал он с неуклюжим сарказмом. – Подумаешь!

Посетитель, стоявший у самого края стойки, подошел к окну, раздвинул занавеси и выглянул. Понаблюдав за тем, что происходило на улице, он вернулся на свое место и сказал буфетчику:

– Вот тебе и подумаешь! У него там «Кадиллак» последней модели. И кто же из них троих, по-вашему, сел за руль?

БЕССМЕРТНЫЙ БАРД

— О да, — сказал доктор Финеас Уэлч, — я могу вызывать души знаменитых покойников.

Он был слегка под мухой, иначе бы он этого не сказал. Конечно, в том, то он напился на рождественской вечеринке, ничего предосудительного не было.

Скотт Робертсон, молодой преподаватель английского языка и литературы, поправил очки и стал озиаться — он не верил своим ушам.

— Вы серьезно, доктор Уэлч?

— Совершенно серьезно. И не только души, но и тела.

— Не думаю, чтобы это было возможно, — сказал Робертсон, поджав губы.

— Почему же? Простое перемещение во времени.

— Вы хотите сказать, путешествие по времени? Но это несколько... необычно.

— Все получается очень просто, если знаешь, как делать.

— Ну, тогда расскажите, доктор Уэлч, как вы это делаете.

— Так я вам и рассказал.

Физик рассеянным взглядом искал хоть один наполненный бокал.

— Я уже многих переносил к нам, — продолжал Уэлч. — Архимеда, Ньютона, Галилея. Бедняги!

— Разве им не понравилось у нас? Наверно, они были потрясены достижениями современной науки, — сказал Робертсон.

– Конечно, они были потрясены. Особенно Архимед. Сначала я думал, что он с ума сойдет от радости, когда я объяснил ему кое-что на том греческом языке, который меня когда-то заставляли зубрить, но ничего хорошего из этого не вышло...

– А что случилось?

– Ничего. Только культуры разные. Они никак не могли привыкнуть к нашему образу жизни. Они чувствовали себя ужасно одинокими, им было страшно. Мне приходилось отсылать их обратно.

– Это очень жаль.

– Да. Умы великие, но плохо приспособляющиеся. Не универсальные. Тогда я попробовал перенести к нам Шекспира.

– Что! – вскричал Робертсон. Это было уже по его специальности.

– Не кричите, юноша, – сказал Уэлч. – Это неприлично.

– Вы сказали, что перенесли к нам Шекспира?

– Да, Шекспира. Мне был нужен кто-нибудь с универсальным умом. Мне был нужен человек, который так хорошо знал бы людей, что мог бы жить с ними, уйдя на века от своего времени. Шекспир и был таким человеком. У меня есть его автограф. Я взял на память.

– А он у вас с собой? – спросил Робертсон. Глаза его блестели.

– С собой. – Уэлч пошарил по карманам. – Ага, вот он.

Он протянул Робертсону маленький кусочек картона. На одной стороне было написано:

«Л. Кейн и сыновья. Оптовая торговля скобяными товарами».

На другой стояла размашистая подпись:

«Уилм Шекспр».

Ужасная догадка ошеломила Робертсона.

— А как он выглядел? — спросил преподаватель.

— Совсем не так, каким его изображают. Совершенно лысый, с безобразными усами. Он говорил на сочном диалекте. Конечно, я сделал все, чтобы наш век ему понравился. Я сказал ему, что мы высоко ценим его пьесы и до сих пор ставим их. Я сказал, что мы считаем их величайшими произведениями не только английской, но и мировой литературы.

— Хорошо, хорошо, — сказал Робертсон, слушавший затаив дыхание.

— Я сказал, что люди написали тома и тома комментарии к его пьесам. Естественно, он захотел посмотреть какую-нибудь книгу о себе, и мне пришлось взять ее в библиотеке.

— И?

— Он был потрясен. Конечно, он не всегда понимал наши идиомы и ссылки на события, случившиеся после 1600 года, но я помог ему. Бедняга! Наверное, он не ожидал, что его так возвеличат. Он все говорил: «Господи! И что только не делали со словами эти пять веков! Дай человеку волю, и он, по моему разумению, даже из сырой тряпки выжмет целый потоп!»

— Он не мог этого сказать.

— Почему? Он писал свои пьесы очень быстро. Он говорил, что у него были сжатые сроки. Он написал «Гамлета» меньше чем за полгода. Сюжет был старый. Он только обработал его.

– Обработал! – с возмущением сказал преподаватель английского языка и литературы. – После обработки обыкновенное стекло становится линзой мощнейшего телескопа.

Физик не слушал. Он заметил нетронутый коктейль и стал бочком протискиваться к нему.

– Я сказал бессмертному барду, что в колледжах есть даже специальные курсы по Шекспиру.

– Я веду такой курс.

– Знаю. Я записал его на ваш дополнительный вечерний курс. Никогда не видел человека, который больше бедняги Билла стремился бы узнать, что о нем думают потомки. Он здорово поработал над этим.

– Вы записали Уильяма Шекспира на мой курс? – пробормотал Робертсон. Даже если это пьяный бред, все равно голова идет кругом. Но бред ли это? Робертсон начал припоминать лысого человека с необычным произношением...

– Конечно, я записал его под вымышленным именем, – сказал доктор Уэлч. Стоит ли рассказывать, что ему пришлось перенести. Это была ошибка. Большая ошибка. Бедняга!

Он, наконец, добрался до коктейля и погрозил Робертсону пальцем.

– Почему ошибка? Что случилось?

– Я отослал его обратно в 1600 год. – Уэлч от возмущения повысил голос. Как вы думаете, сколько унижений может вынести человек?

– О каких унижениях вы говорите?

Доктор Уэлч залпом выпил коктейль.

– О каких! Бедный простачок, вы провалили его.

НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА

Космический корабль был весь худой – решето решето, как говорится.

Но так и было задумано. В сущности, в том-то и заключалась вся штука.

И разумеется, во время полета с Ганимеда на Юпитер корабль оказался битком набитым чистейшим космическим вакуумом. А поскольку на корабле не было никаких обогревательных устройств, этот космический вакуум имел нормальную для него температуру – какую-то долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже соответствовало замыслу. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, на этом космическом корабле ни у кого не вызывали раздражения.

Первые порции сильно разреженной атмосферы Юпитера стали проникать в корабль в нескольких тысячах миль от поверхности планеты. Это был чистый водород. Атмосферное давление все повышалось и повышалось, достигнув миллиона земных атмосфер.

Корабль медленно продвигался к конечной цели путешествия, пробиваясь сквозь скопления молекул газа, которые так теснились, что даже водород обладал плотностью жидкости. Температура была семьдесят градусов ниже нуля по Цельсию. Пары аммиака, поднимавшиеся над невероятно обширным аммиачным океаном, насыщали эту жуткую атмосферу до предела. Ветер, зарождавшийся где-то на высоте тысячи миль, неся с такой скоростью, что подобное атмосферное явление можно было назвать ураганом лишь приближенно.

Прежде чем корабль опустился на большой юпитерианский остров, раз в семь превышавший по площади Азию, стало совершенно очевидно, что Юпитер не слишком приятный мир.

И все же трем членам экипажа корабля он казался приятным. Впрочем, этих троих назвать людьми было нельзя, юпитерианами – тоже.

Они были просто роботами, которых создали на Земле. ХХ-3 сказал:

– Кажется, это довольно пустынный уголок.

ХХ-2 согласился с ним и угрюмо посмотрел на сглаженный ветром пейзаж.

– Вдалеке виднеются какие-то строения, – сказал он. – Они явно искусственного происхождения. Я предлагаю подождать, пока подойдут их обитатели.

Стоявший вместе со своими товарищами ХХ-1 слушал, но ничего не говорил. Его создали прежде двух других роботов, и он был полуэкспериментальным. Поэтому он редко вступал в разговор.

Ждать пришлось недолго. С неба пикировало воздушное судно странной конструкции. За ним другие. Затем приблизилась колонна наземных транспортных средств, из которых показались какие-то живые существа. Появились и различные предметы – по-видимому, оружие. Некоторые из этих предметов было под силу тащить одному юпитерианину, другие – несколькими, а третьи передвигались сами. Юпитериане сидели, наверно, внутри.

Роботы в этом разобраться не могли.

– Нас окружили, – сказал ХХ-3. – Чтобы показать наши мирные намерения, логичнее всего выйти из корабля. Согласны?

Остальные согласились с ним, и ХХ-1 распахнул тяжелую дверь, которая не была ни двойной, ни, к слову сказать, герметичной. Появление роботов вызвало суматоху среди юпитериан. Они что-то сделали с самыми большими из доставленных к кораблю предметов, и ХХ-3 почувствовал, как на внешнем слое его бериллиево-иридиево-бронзового тела поднимается температура.

Он посмотрел на ХХ-2.

– Чувствуешь? Наверно, они направили на нас поток тепловой энергии.

– Но почему? – удивился ХХ-2.

– Это определено какой-то тепловой луч. Посмотри туда!

Один из лучей отклонился в сторону и упал на сверкающий ручеек чистого аммиака, который тотчас бурно закипел.

ХХ-3 повернулся к ХХ-1.

– Первый, возьми-ка это на заметку.

– Разумеется, возьму.

Именно на долю ХХ-1 выпала секретарская работа, и он делал заметки, просто заполняя ячейки своей памяти.

– Максимальная температура луча равна тридцати градусам выше нуля по Цельсию, – добавил Первый.

– Может, попытаемся связаться с ними? – перебил его Второй.

– Напрасная трата времени, – сказал Третий. – Очень немногие юпитериане знают радиокод, при помощи которого осуществлялась связь между Юпитером и Ганимедом. Впрочем, они могут послать за специалистом, чтобы установить контакт. А пока наблюдаем за ними. Сознаться, я не понимаю их действий.

Тепловое излучение прекратилось, а юпитериане подтащили и пустили в ход другое оружие. К ногам роботов упало несколько капсул. Под воздействием тяготения Юпитера они быстро, с силой воткнулись в почву. Капсулы с треском раскрылись, из них выплеснулась и образовала лужи синяя жидкость, которая тотчас начала испаряться.

Неистовый ветер подхватил эти пары, и юпитериане поспешили убраться в подветренную сторону. Один из них замешкался и тут же судорожно задержался, а потом обмяк и затих.

ХХ-2 наклонился, обмакнул палец в одну из луж, а потом стал смотреть на стекающую каплями жидкость.

— Я думаю, это кислород, — сказал он.

— Конечно, кислород, — согласился Третий. — Происходит что-то совсем уж странное. Ведь кислород, по-моему, вреден для этих существ. Одно из них погибло!

Роботы помолчали, потом ХХ-1, который отличался простотой и потому считал, что надо брать быка за рога, промолвил:

— Возможно, эти странные существа с помощью таких довольно несерьезных штучек пытаются уничтожить нас?

И ХХ-2, пораженный этим предположением, ответил:

— Знаешь, Первый, по-моему, ты прав! Ведь и хозяева-люди говорили нам, что юпитериане хотят уничтожить все человечество, а существа, настолько обезумевшие от злобы, что вынашивают мысль, как бы навредить человеку... — голос Второго при этих словах задрожал, — тем более могут попытаться уничтожить нас.

— Стыдно иметь такой несносный характер, — сказал ХХ-1. — Бедняги!

– По-моему, это очень печально, – согласился Второй. – Давайте вернемся на корабль. Мы уже достаточно насмотрелись.

Забравшись в корабль, они принялись ждать. Как сказал ХХ-3, Юпитер – обширная планета, и эксперта по радиокоду могут искать еще долго. Впрочем, терпения роботам не надо было занимать.

И в самом деле, Юпитер, по показаниям хронометра, трижды обернулся вокруг своей оси, прежде чем прибыл эксперт. Ни восходов солнца, ни закатов, разумеется, не было. Три тысячи миль плотной, как жидкость, атмосферы окутывали планету крошечной тьмой, и дня от ночи никто отличить не мог. Впрочем, ни для роботов, ни для юпитериан видимое световое излучение не играло никакой роли: зрение их было устроено по другому принципу.

Все эти тридцать часов юпитериане продолжали осаждать корабль. Они вели наступление терпеливо, упорно, безжалостно. Об этом робот ХХ-1 сделал немало пометок в своей памяти. Юпитериане применяли все новое и новое оружие, а роботы, внимательно следя за всеми атаками, каждый раз анализировали его.

Хозяева-люди мастерили прочные вещи. Пятнадцать лет ушло на конструирование корабля и роботов, и сущность их можно было выразить одним словом – мощь. Бесполезно было стараться уничтожить их: ни корабль, ни роботы не уступали друг другу.

– Мне кажется, им мешает атмосфера, – сказал Третий. – Они не могут использовать атомный заряд, так как в этой густой атмосфере рискуют подорваться сами.

– И взрывчатку применить они тоже не могут, – сказал

Второй. – И это хорошо. Нас бы они, конечно, не повредили, но тряхнуло бы здорово.

– О взрывчатых веществах не может быть и речи. Взрыва без мгновенного расширения газов не бывает, а газ просто не сможет увеличиться в объеме в этой атмосфере.

– Очень хорошая атмосфера, – пробормотал Первый. – Мне она нравится.

Эти слова прозвучали вполне естественно: роботов серии ХХ и создавали для такой атмосферы. По своему облику они ни капельки не напоминали людей. Они были приземистыми и широкими, центр тяжести у них находился менее чем в футе от поверхности земли. У них было по шесть ног, коротких и толстых, рассчитанных на многотонную нагрузку в условиях, когда тяготение превышает земное в два с половиной раза. Чтобы компенсировать избыток веса, роботов наделили реакцией, которая намного превосходила необходимую на Земле. Кроме того, они были сделаны из бериллиево-иридиево-бронзового сплава, не поддающегося никакой коррозии. Против этого сплава было бесполезно любое известное оружие, кроме атомного мощностью в тысячу мегатонн.

Ожидая специалиста по радиокоду, роботы были заняты тем, что довольно неуверенно старались хоть как-нибудь описать внешность юпитериан. ХХ-1 отметил наличие у них щупалец и круговой симметрии тела... и на этом остановился. Второй и Третий старались помочь ему изо всех сил, но тоже безрезультатно.

– Нельзя описать что-либо, – заявил наконец Третий, – ни с чем не сравнивая. Подобных существ я никогда не видел...

К этому времени юпитериане перестали пробовать на пришельцах свое оружие. Роботы выглянули из корабля. Группа юпитериан продвигалась вперед какими-то странными бросками. Роботы вышли навстречу. Юпитериане остановились футах в десяти. Обе стороны молчали и не двигались с места.

Вдруг донеслось звонкое щелканье, и ХХ-1 радостно сказал:

– Это радиокод. У них там эксперт по связи.

Так оно и было. Усложненная азбука Морзе, которую за двадцать пять лет жители Юпитера и люди Ганимеда обоюдными усилиями превратили в удивительно гибкое средство общения, была применена наконец при более близком контакте.

Теперь впереди был только один юпитерианин, остальные отступили. Он-то и вел переговоры.

– Откуда вы? – прощелкал он.

ХХ-3, как наиболее умственно развитый, стал говорить от имени группы роботов.

– Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

– Что вам нужно? – продолжал юпитерианин.

– Нам нужна информация. Мы прибыли сюда, чтобы изучить ваш мир и доставить обратно полученные сведения. Если бы вы помогли нам...

– Вы должны быть уничтожены! – перебил его своим щелканьем юпитерианин.

ХХ-3 помолчал и задумчиво сказал своим товарищам:

– Хозяева-люди говорили, что они будут стоять именно на такой позиции. Они очень странные.

Перейдя на щелканье, он просто спросил:

– Почему уничтожены?

Юпитерианин, очевидно, счел ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы.

– Если вы покинете Юпитер в течение суток, мы пощадим вас... пока не выйдем за пределы нашей атмосферы и не уничтожим антиюпитерианский сброд, засевший на Ганимеде.

– Мне хотелось бы указать на то, – сказал Третий, – что мы, живущие на Ганимеде и внутренних планетах...

– Согласно нашей астрономии, – перебил его юпитерианин, – существует только Солнце и четыре наших спутника. Никаких внутренних планет нет.

Третий устал спорить.

– Ладно. Пусть будет так: мы, живущие на Ганимеде, не имеем никаких притязаний на Юпитер. Мы предлагаем дружбу. Двадцать пять лет вы общались с помощью радиокода с людьми Ганимеда. Разве есть какая-нибудь причина для внезапного объявления войны?

– Двадцать пять лет, – последовал холодный ответ, – мы считали жителей Ганимеда юпитерианами. Когда мы узнали, что это не так, что мы общались с низшими животными, как с разумными, по юпитерианским понятиям, существами, мы решили принять меры, чтобы смыть этот позор.

Беседа на этом закончилась.

Роботы вернулись на корабль.

– Плохи дела, – задумчиво сказал ХХ-2. – Все идет так, как говорили хозяева-люди. У юпитериан крайне развит комплекс превосходства, осложненный абсолютной нетерпимостью ко всему, что затрагивает этот комплекс.

– Нетерпимость, – заметил Третий, – это естественное следствие комплекса. Беда в том, что их нетерпимость зубаста. У них есть оружие... и их наука достигла значительных успехов.

– Теперь я не удивляюсь, – горячо сказал ХХ-1, – что нам дано особое указание – не подчиняться распоряжениям юпитериан. Это ужасные, нетерпимые, псевдовысшие существа! – И верный робот страстно добавил: – Ни один хозяин-человек никогда не будет так вести себя.

– Это верно, но к делу не относится, – сказал Третий. – Хозяевам-людям грозит страшная опасность. Юпитер – гигантская планета, у здешних жителей колоссальные ресурсы, юпитериане по численности в сотню раз превосходят людей всей земной сферы влияния. Если они когда-нибудь создадут силовое поле такой мощности, что оно послужит оболочкой космического корабля, то они легко покорят всю Солнечную систему. Вопрос в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое оружие у них есть, какая ведется подготовка и так далее. Наша задача – добыть эту информацию.

– Мне кажется, нам надо всего лишь подождать, – добавил Третий. – В течение тридцати часов они пытались уничтожить нас и не добились никаких результатов. Они, наверно, сделали все, что могли. Комплекс превосходства всегда приводит к необходимости спасти свой престиж, и доказательством тому служит ультиматум, который они нам предъявили. Они ни за что не позволили бы нам улететь, если бы могли уничтожить нас. Но если мы не покинем планету, они, разумеется, не признаются в своем бессилии, а скорее сделают вид, что сами пожелали, чтобы мы остались.

И снова роботы встретились с юпитерианским экспертом по радиокоду.

Если бы роботов серии XX снабдили чувством юмора, то они получили бы колоссальное удовольствие. Но они относились к делу слишком серьезно.

Юпитерианин сказал:

— Мы решили позволить вам остаться на очень короткое время, чтобы вы сами убедились в нашей мощи. Затем вы вернетесь на Ганимед и сообщите всему вашему сброду о неминуемой гибели, которая ждет их через год.

XX-1 отметил про себя, что на Юпитере год равен двенадцати земным.

Третий непринужденно сказал:

— Спасибо. Не проводите ли вы нас в ближайший город? Нам бы хотелось многое узнать. — И, подумав, добавил: — Наш корабль, разумеется, трогать нельзя.

Он не угрожал, а просто попросил, потому что ни один робот серии XX не был задиристым. При их конструировании исключили возможность даже малейшей раздражительности. За долгие годы испытаний было установлено, что в интересах безопасности людей ровный, добрый нрав у таких могучих роботов, как XX, просто необходим.

— Нас не интересует ваш дрянной кораблишко, — сказал юпитерианин. — Никто из нас не осквернит себя прикосновением к нему. Вы можете идти с нами, но держитесь на расстоянии десяти футов. В противном случае вы будете немедленно уничтожены.

— Ну и высокомерие! — шепотом заметил Второй.

Портовый город находился на берегу огромного аммиачного озера. Ветер вздымал бешеные пенистые волны,

которые катились чрезвычайно стремительно и мгновенно опадали из-за сильного тяготения. Сам порт был невелик, но не вызывало сомнений, что большая часть сооружений находится под землей.

– Сколько здесь жителей? – спросил Третий.

– Это маленький городок с десятиллионным населением, – ответил юпитерианин.

– Понятно. Возьми на заметку, Первый.

ХХ-1 автоматически зафиксировал это в памяти, повернулся к озеру и с интересом посмотрел на него. Он взял Третьего под локоть.

– Послушай, рыба у них здесь есть?

– А не все ли равно?

– Мне кажется, нам надо посмотреть. Хозяева-люди приказали разузнать все, что возможно.

Из трех роботов Первый был самым простым и поэтому понимал приказы буквально.

– Пусть Первый посмотрит, если ему хочется, – сказал Второй. – Позволим парнишке немного поразвлечься. От этого не будет вреда.

– Ладно. Пусть только не теряет времени. Мы сюда приехали не за рыбой... Иди, Первый.

ХХ-1 ринулся к пляжу, пересек его и с плеском погрузился в аммиак. Юпитерианин внимательно наблюдал за ним.

Эксперт по радиокоду отщелкал:

– Видя наше величие, ваш товарищ, видимо, с отчаяния решил покончить с собой.

Третий удивился:

– Ничего подобного. Он хочет посмотреть, живут ли в

аммиаке какие-нибудь организмы. – А потом робот извиняющимся тоном добавил: – Наш друг порой очень любопытен, он не такой умный, как мы, но это его единственный недостаток, который заслуживает снисхождения.

Юпитерианин долго молчал, а потом заметил:

– Он утонет.

– Опасности никакой нет, – спокойно ответил ему Третий. – Вы разрешите нам войти в город, как только он вернется?

В этот момент над озером поднялся фонтан жидкости в несколько сот футов высотой. Ветер подхватил его, швырнул вниз и разбил на мельчайшие брызги. Ударила еще одна струя, потом еще, бешено забурлила жидкость, и к берегу протянулся пенистый след.

Оба робота ошеломленно наблюдали за происходившим. Юпитериане застыли в неподвижности и тоже напряженно смотрели на озеро.

На поверхности показалась голова ХХ-1. Он медленно вышел на сушу. Но следом за ним из воды показалось какое-то существо гигантских размеров, состоявшее, видимо, сплошь из клыков, когтей и игл. Затем роботы увидели, что существо движется не само, его вытаскивает на пляж ХХ-1.

ХХ-1 приблизился довольно робко к юпитерианину и сам вступил в связь с ним, лихорадочно отщелкав:

– Мне очень жаль, что так получилось, но это существо напало на меня. Я просто хотел описать его. Надеюсь, это не очень ценное животное.

Ему ответили не сразу, так как при появлении чудовища ряды юпитериан сильно поредели. Они стали возвращаться, лишь убедившись, что животное мертво.

ХХ-3 скромно сказал:

– Надеюсь, вы простите нашего друга. Он немного неуклюж. Мы не хотели убивать какое бы то ни было юпитерианское животное.

– Оно напало на меня, – пояснил Первый. – Оно укусило меня без всякого повода. Смотрите! – И он показал двухфутовый клык, сломавшийся при укусе. – Оно укусило меня за плечо и чуть не поцарапало его. Я шлепнул животное, чтобы отогнать... а оно сдохло. Простите!

Юпитерианин наконец заговорил, но щелканье его было не очень четким. Он как бы заикался.

– Это дикий зверь, редко встречающийся у берега, но озеро здесь очень глубокое.

Все еще чувствуя себя неловко, Третий сказал:

– Если вы употребляете его в пищу, то мы рады...

– Нет. Мы можем добыть себе пищу без помощи всякого сбр... без посторонней помощи. Ешьте его сами.

Тогда ХХ-1 без всякого усилия поднял зверя одной рукой и бросил его в озеро. А Третий, между прочим, заметил:

– Благодарим за любезное предложение, но мы в пище не нуждаемся. Мы, разумеется, ничего не едим.

В сопровождении сотен двух вооруженных юпитериан роботы спустились по аппарели в подземный город. На поверхности он казался маленьким, но под землей производил внушительное впечатление.

Роботов посадили в вагон с дистанционным управлением (так как ни один почтенный, уважающий себя юпитерианин не опустился бы до того, чтобы сесть в один вагон со «всяким сбродом»), и они помчались со страшной

скоростью к центру города. По проделанному пути они определили, что из конца в конец город раскинулся на пятьдесят миль и уходит вглубь миль на восемь.

— Если такова численность юпитериан, — с грустью сказал ХХ-2, — то нам предстоит сделать своим хозяевам-людям не слишком утешительный доклад. Ведь мы сели на обширной поверхности Юпитера наугад — вероятность посадки у действительно большого населенного пункта была тысяча к одному.

— Десять миллионов юпитериан, — с отсутствующим видом произнес Третий. — Все население, по-видимому, исчисляется триллионами, а это большое, очень большое население даже для Юпитера. У них, наверно, полностью городская цивилизация, а это говорит о колоссальном развитии науки. Если у них есть силовые поля...

Вагон остановился на площади. Ближайшие улицы были забиты юпитерианами, которые были так же любопытны, как и любая городская толпа при подобных обстоятельствах.

Приблизился эксперт по радиокоду.

— Мне пора отдыхать. Мы пошли даже на то, что подыскиали для вас помещение, хотя это причинит нам большие неудобства, так как своим пребыванием вы оскверните его и нам придется снести здание, а потом построить его заново. И тем не менее вам будет где спать.

ХХ-3 взмахнул рукой в знак протеста и отступал.

— Благодарим вас, но, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы не будем возражать против того, чтобы вы оставили нас здесь, где мы находимся. Если вам хочется отдохнуть, поспать, мы подождем вас. Что же касается нас, — добавил он непринужденно, — то мы не спим вообще.

Юпитерианин не сказал на это ничего. Впрочем, если бы у него было лицо, то выражение его наверняка показалось бы забавным. Юпитерианин удалился, а роботы остались в вагоне. Их окружила стража из хорошо вооруженных юпитериан.

Прошло немало времени, прежде чем вернулся эксперт по коду. Он представил прибывших с ним юпитериан:

– Со мной два чиновника центрального правительства, которые любезно согласились побеседовать с вами.

Один из чиновников, очевидно, знал код и нетерпеливо перебил эксперта своим шелканьем.

– Вы, сброд! – обратился он к роботам. – Вылезайте-ка из вагона. Мы хотим посмотреть на вас.

Роботы были рады исполнить это требование. И в то время как Третий и Второй спрыгнули с правой стороны вагона, Первый ринулся сквозь левую стенку. Именно «сквозь», так как он не удосужился пустить в ход механизм, опускавший часть стенки, а снес всю ее. За ней последовали два колеса и ось. Вагон развалился, и ХХ-1 ошеломленно взирал на обломки.

Наконец он легонько защелкал:

– Простите. Надеюсь, этот вагон не очень дорогой.

ХХ-2 смущенно добавил:

– Наш товарищ часто бывает неуклюж. Простите его.

ХХ-3 без особого успеха попытался собрать развалившийся вагон.

ХХ-1 снова принялся извиняться:

– Материал, из которого сделан вагон, очень непрочен. Видите? – Он обеими руками поднял лист пластика, который был размером с квадратный ярд, толщиной дюйма

три и обладал твердостью железа. Робот слегка согнул лист, и тот мгновенно лопнул. – Мне надо было учесть это, – добавил ХХ-1.

Представитель юпитерианского правительства немного сбавил тон:

– Вагон все равно будет уничтожен, так как он осквернен вами. – Он помолчал и добавил: – Существа! Мы, юпитериане, не проявляем вульгарного любопытства в отношении низших животных, но нашим ученым нужны факты.

– Мы согласны с вами, – одобрительно откликнулся Третий. – Нам они тоже нужны.

Юпитерианин проигнорировал эти слова.

– У вас, наверное, нет органа, чувствительного к массе. Как же вы получаете представление о предметах, которые не можете ощупать?

Третий заинтересовался:

– Вы хотите сказать, что жители Юпитера непосредственно ощущают массу?

– Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы... ваши наглые вопросы.

– Значит, насколько я понимаю, предметы, имеющие небольшую массу, для вас прозрачны даже при отсутствии излучения. – Третий повернулся ко Второму. – Вот как они видят. Их атмосфера прозрачна для них, как вакуум.

Юпитерианин снова защелкал:

– Сейчас же отвечайте на мой вопрос, или я прикажу вас уничтожить.

– Мы ощущаем энергию, – тотчас ответил Третий. – Мы можем настраиваться на электромагнитные колебания

любой частоты. Сейчас мы видим дальние предметы, излучая радиоволны, а ближние предметы с помощью... – Робот замолчал, а затем спросил Второго: – Есть какое-нибудь кодовое слово, означающее гамма-лучи?

– Такого слова я не знаю, – ответил Второй.

Третий снова обратился к юпитерианину:

– Ближние предметы мы видим при помощи другого излучения, для которого нет кодового слова.

Юпитериане отступили, и, хотя до роботов не донеслось ни звука, по непонятным движениям различных частей их совершенно неопиcуемых тел было очевидно, что они оживленно переговариваются.

Затем чиновник снова приблизился:

– Существа с Ганимеда! Решено показать вам некоторые заводы, чтобы вы ознакомились с крошечной частью наших великих достижений. Затем мы разрешим вам вернуться и разъяснить безнадежность положения всего сбр... существ внешнего мира.

Третий сказал Второму:

– Видишь, какова их психология. Они стараются во что бы то ни стало доказать свое превосходство. Речь теперь идет о спасении престижа. – И радиокодом: – Благодарим за любезность.

Но довольно скоро роботы поняли, что юпитериане добились очень многого. Это напоминало осмотр замечательной выставки. Юпитериане показывали и объясняли все, охотно отвечали на любые вопросы, и ХХ-1 делал сотни огорчительных пометок в своей памяти.

Военная мощь этого одного-единственного городка в несколько раз превышала военный потенциал Ганимеда.

По промышленному производству десять таких городков могли превзойти все планеты, населенные людьми. А ведь в десяти городках обитала, видимо, ничтожная часть населения Юпитера.

Третий повернулся к Первому и толкнул его локтем.

– Что же это такое?

– Наверно, у них есть силовые поля, и тогда хозяева-люди проиграли, – серьезно сказал ХХ-1.

– Боюсь, что ты прав. А почему ты думаешь, что у них есть силовые поля?

– Потому что они не показывают нам правое крыло завода. Возможно, там работают над силовыми полями.

Они находились на громадном сталелитейном заводе, где изготавливали стофутовые брусья аммиакоупорного кремниево-стального сплава.

– Что в том крыле? – спокойно спросил Третий у правительственного чиновника.

Тот объяснил:

– Это секция высоких температур. Различные процессы требуют таких температур, которые опасны для жизни, и потому здесь дистанционное управление.

Чиновник провел роботов к стене, излучавшей тепло, и показал на небольшое круглое окошко, защищенное каким-то прозрачным материалом. Таких окошек было много, и они озарялись красным туманным светом, который исходил от пылавших печей и пробивался сквозь густую атмосферу.

ХХ-1 бросил на юпитериан подозрительный взгляд и отщелкал:

– Вы не будете возражать, если я войду туда и посмотрю, что к чему? Меня это очень интересует.

– Что за ребячество. Первый! – упрекнул Третий. – Они говорят правду. Впрочем, если тебе хочется, сходи посмотри. Но не задерживайся, нам некогда.

Юпитерианин сказал:

– Вы не имеете представления, какая там жара. Вы погибнете.

– О нет, – как бы между прочим бросил Первый. – Жара нам нипочем.

Юпитериане посоветовались, а потом засуетились. Были поставлены теплозащитные экраны, и дверь, ведущая в секцию высоких температур, распахнулась. ХХ-1 вошел в цех и плотно закрыл за собой дверь. Юпитерианские чиновники столпились у окошек.

ХХ-1 подошел к ближайшей печи и пробил летку. Так как робот был слишком приземист, чтобы заглянуть в печь, он наклонил ее. Расплавленный металл стал лизать край контейнера. Робот с любопытством посмотрел на металл, опустил в него руку, стряхнул огненные металлические капли, а то, что осталось, вытер об одно из шести своих бедер, медленно прошелся вдоль печей и лишь затем дал знак, что хочет выйти.

Юпитериане отошли подальше. Когда ХХ-1 показался в дверном проеме, его стали окатывать струей аммиака, который шипел, булькал и испарялся. Наконец робот охладился до сносной температуры.

Не обращая внимания на аммиачный душ, ХХ-1 сказал своим собратям:

– Они говорят правду. Никаких силовых полей там нет. Однако нет смысла медлить. Хозяева-люди дали нам определенные указания.

Он повернулся к юпитерианскому чиновнику и, не колеблясь, отщелкал:

– Послушайте, ваши ученые создали силовые поля?

Прямота, разумеется, была естественным следствием конструктивных особенностей Первого. Второй и Третий знали это и воздержались от неодобрительных замечаний.

Юпитерианский чиновник постепенно сумел оправиться от странного оцепенения. Когда Первый вышел из цеха, чиновник все время тупо смотрел на руку робота, ту самую, которая побывала в расплавленном металле.

– Силовые поля? Так вот что вас интересует! – медленно произнес юпитерианин.

– Да, – отчеканил Первый.

Роботов повели на самый край города, и они оказались среди тесно расположенных сооружений, которые приблизительно можно было сравнить с земным университетом.

Юпитерианский чиновник быстро двигался вперед, а за ним топали роботы, томимые мрачными предчувствиями.

ХХ-1, пропустив всех вперед, остановился перед секцией, ничем не огороженной.

– Что это? – поинтересовался он.

В секции стояли узкие низкие скамьи. На них юпитериане манипулировали какими-то странными приборами, главной деталью которых был сильный дюймовый электромагнит.

Юпитерианин повернулся к роботу и нетерпеливо сказал:

– Это студенческая биологическая лаборатория. Здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать вас.

– А что они делают?

– Они изучают микроскопические организмы. Вы видели когда-нибудь микроскоп?

– Он видел, – вмешался Третий, – но не такого типа. Наши микроскопы предназначены для энергочувствительных органов и работают по принципу отражения лучевой энергии. Ваши микроскопы, очевидно, основаны на принципе увеличения массы. Довольно остроумно.

– Вы не возражаете, если я посмотрю, какие там существа? – спросил Первый.

Он шагнул к ближайшей скамье, а студенты, боявшиеся оскверниться общением с инопланетянами, сгрудились в дальнем углу. ХХ-1 отодвинул микроскоп и стал внимательно рассматривать предметное стекло. Удивленный, он отложил его, взял другое... третье... четвертое...

Потом робот обратился к юпитерианину:

– Эти организмы живые? Такие маленькие, похожие на червей?

– Конечно.

– Странно... стоит мне посмотреть на них, как они погибают!

Третий чертыхнулся и сказал своим товарищам:

– Мы забыли о нашей гамма-радиации. Пойдем отсюда, Первый, а то мы убьем все микроорганизмы в этой комнате.

Он повернулся к юпитерианину:

– Боюсь, что наше присутствие губительно для слабо-развитых форм жизни. Мы лучше уйдем. Мы надеемся, что погибшие организмы вам нетрудно будет заменить другими. И вы держитесь-ка от нас подальше, а то наше излучение может оказать и на вас вредное воздействие.

Юпитерианин не сказал ни слова и величественно двинулся дальше, но было заметно, что с этой минуты расстояние между ним и роботами увеличилось вдвое.

Через некоторое время роботы очутились в большом помещении. В самой его середине, несмотря на сильное тяготение Юпитера, без всякой видимой опоры висел громадный слиток металла.

Юпитерианин защелкал:

– Вот наше силовое поле. Последнее достижение. В том невидимом пузыре вакуум. Силовое поле выдерживает давление нашей атмосферы и вес металла, эквивалентного двум большим космическим кораблям. Ну что вы скажете?

– Что у вас появляется возможность для космических полетов, – сказал Третий.

– Совершенно верно. И металл, и пластик недостаточно прочны, чтобы выдержать давление нашей атмосферы при создании вакуума, а силовое поле выдержит... Пузырь, огражденный силовым полем, и будет нашим космическим кораблем. Не пройдет и года, как мы изготовим сотни тысяч таких кораблей. Потом мы обрушимся на Ганимед и уничтожим сброд, который пытается оспаривать наше право на господство.

– Люди Ганимеда никогда и не думали об этом, – пытался возразить Третий.

– Молчать! – защелкал юпитерианин. – Возвращайтесь и расскажите своим, что вы видели. Ничтожно слабые силовые поля, такие, как у вашего корабля, с нашими нельзя даже сравнивать, потому что самый маленький наш корабль будет мощнее и больше вашего в сотни раз.

– В таком случае, – сказал Третий, – нам здесь больше

нечего делать, и мы вернемся, как вы говорите, чтобы сообщить то, что узнали. Проводите нас, пожалуйста, к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но, между прочим, к вашему сведению, кое-чего вы не понимаете. У людей Ганимеда, разумеется, силовые поля есть, но к нашему кораблю они никакого отношения не имеют. Мы не нуждаемся в силовом поле.

Робот повернулся к своим товарищам:

– Через десять земных лет с хозяевами-людьми будет покончено. Сопротивляться Юпитеру невозможно. Слишком он силен. Пока юпитериане были привязаны к поверхности планеты, люди были в безопасности. Но теперь у них силовые поля... Мы можем только доставить людям полученные сведения, и это все.

Роботы отправились восвояси. Город остался позади. На горизонте показалось темное пятно – их корабль.

Вдруг юпитерианин сказал:

– Существа, так вы говорите, что у вас нет никакого силового поля?

– Мы не нуждаемся в нем, – безразлично ответил Третий.

– Тогда почему ваш корабль не взрывается в космическом пространстве из-за атмосферного давления изнутри?

И он пошевелил щупальцем, как бы указывая на атмосферу Юпитера, которая давила с силой двадцати миллионов фунтов на квадратный дюйм.

– Ну, это объясняется просто. Наш корабль не герметичен. Давление и внутри и снаружи одинаковое.

– Даже в космосе? Вакуум в вашем корабле? Вы лжете!

– Осмотрите сами наш корабль. У него нет силового

поля, и он не герметичен. Что в этом необыкновенного? Мы не дышим. Энергия у нас атомная. Нам все равно, есть ли давление, нет ли его, и в вакууме мы чувствуем себя прекрасно.

– Но в космосе же абсолютный нуль!

– Это не играет роли. Мы сами регулируем собственную температуру. От температуры среды мы не зависим. – Третий помолчал. – Ну, теперь мы сами можем добраться до корабля. До свидания. Мы передадим людям Ганимеда ваше послание – война до конца!

Но юпитерианин вдруг сказал:

– Погодите! Я скоро вернусь.

Он повернулся и двинулся к городу.

Роботы посмотрели ему вслед и стали молча ждать. Юпитерианин вернулся только часа через три. Видно было, что он очень торопился. За десять футов от корабля он опустился всем телом на почву и стал как-то странно подползать. Юпитерианин не произнес ни слова, пока не приблизился настолько, что чуть ли не прижался к роботам своей серой эластичной кожей. И лишь тогда зазвучал приглушенный и уважительный радиокод:

– Глубокоуважаемые господа, я связался с главой нашего центрального правительства, которому теперь известны все факты, и я могу заверить вас, что Юпитер желает только мира.

– Что? – переспросил Третий.

– Мы готовы возобновить связь с Ганимедом, – зачастил юпитерианин, – и обещаем не делать никаких попыток выйти в космос. Наше силовое поле будет применяться только на поверхности Юпитера.

– Но... – начал Третий.

– Наше правительство с радостью примет любых представителей с Ганимеда, если их пожелают прислать наши благородные братья – люди.

Чешуйчатое щупальце протянулось к роботам, и ошеломленный Третий пожал его. Второй и Первый пожали два других протянутых щупальца.

Юпитерианин торжественно сказал:

– Да будет вечный мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, худой, как решето, снова вышел в космос. Давление и температура снова были нулевыми, и роботы смотрели на громадный, но постепенно уменьшавшийся шар – Юпитер.

– Они определенно искренни, – сказал ХХ-2, – и то, что они повернули на сто восемьдесят градусов, очень утешительно, но я ничего не понимаю.

– По-моему, – заметил ХХ-1, – юпитериане вовремя опомнились и поняли, что даже одно намерение навредить хозяевам-людям – это уже невероятное зло. Так что они вели себя вполне естественно.

ХХ-3 вздохнул и сказал:

– Послушай, тут все дело в психологии. У этих юпитериан невероятно развито чувство превосходства, и раз уж они не могли уничтожить нас, то им хотелось хотя бы сохранить свой престиж. Вся их выставка, все их объяснения – это просто своеобразное бахвальство, рассчитанное на то, чтобы поразить нас и заставить трепетать перед их могуществом.

– Все это я понимаю, – перебил Второй, – но...

– Но это обернулось против них же, – продолжал Тре-

тий. — Они убедились, что мы сильнее. Мы не тонем, не едим и не спим, расплавленный металл не причиняет нам вреда. Даже само наше присутствие оказалось губительным для живых существ Юпитера. Их последним козырем было силовое поле. И когда они узнали, что мы вообще не нуждаемся в нем и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, их воля была сломлена. — Третий помолчал и добавил резонерски: — А раз воля сломлена, комплекс превосходства исчезает навсегда.

Другие роботы задумались, и потом Второй сказал:

— И все равно это не убедительно. Какое им дело до того, на что мы способны? Мы всего лишь роботы. Им пришлось бы воевать не с нами.

— В том-то и дело. Второй, — спокойно сказал Третий. — Это пришло мне в голову только сейчас. Знаете ли вы, что из-за нашей собственной оплошности совершенно нечаянно мы не сказали им, что мы всего лишь роботы.

— Они нас не спрашивали, — сказал Первый.

— Совершенно верно. Поэтому они думали, что мы люди и что все другие люди такие же, как мы!

Он еще раз посмотрел на Юпитер и задумчиво добавил:

— Неудивительно, что они побоялись воевать!

РЕМОНТНИК

У Старика было невероятно злорадное выражение лица – верный признак того, что кому-то предстоит здорово попотеть. Поскольку мы были одни, я без особого напряжения мысли догадался, что работенка достанется именно мне. И тотчас обрушился на него, памятуя, что наступление – лучший вид обороны.

– Я увольняюсь. И не утруждайте себя сообщением, какую грязную работенку вы мне припасли, потому что я уже не работаю. Вам нет нужды раскрывать передо мной секреты компании.

А он знай себе ухмыляется. Ткнув пальцем в кнопку на пульте, он даже захихикал. Толстый официальный документ скользнул из цели к нему на стол.

– Вот ваш контракт, – заявил Старик. – Здесь сказано, где и как вам работать. Эту пластину из сплава стали с ванадием не уничтожить даже с помощью молекулярного разрушителя.

Я наклонился, схватил пластину и тотчас подбросил ее вверх. Не успела она упасть, как в руке у меня очутился лазер, и от контракта остался лишь пепел.

Старик опять нажал кнопку, и на стол к нему скользнул новый контракт. Ухмылялся теперь он уже так, что рот его растянулся до самых ушей.

– Я неправильно выразился... Надо было сказать не контракт, а копия его... вроде этой.

Он быстро сделал какую-то пометку.

– Я вычел из вашего жалованья тринадцать монет – стоимость копии. Кроме того, вы оштрафованы на сто монет за пользование лазером в помещении.

Я был повержен и, понурившись, ждал удара. Старик поглаживал мой контракт.

– Согласно контракту, бросить работу вы не можете. Никогда. Поэтому у меня есть для вас небольшое дельце, которое вам наверняка придется по душе. Маяк в районе Центавра не действует. Это маяк типа «Марк-III»...

– Что это еще за тип? – спросил я Старика. Я ремонтировал маяки гиперпространства во всех концах Галактики и был уверен, что способен починить любую разновидность. Но о маяке такого типа я даже не слыхивал.

– «Марк-III», – с лукавой усмешкой повторил Старик. – Я и сам о нем услышал, только когда архивный отдел откопал его спецификацию. Ее нашли где-то на задворках самого старого из хранилищ. Из всех маяков, построенных землянами, этот, пожалуй, самый древний. Судя по тому, что он находится на одной из планет Проксимы Центавра, это, весьма вероятно, и есть самый первый маяк.

Я взглянул на чертежи, протянутые мне Стариком, и ужаснулся.

– Чудовищно! Он похож скорее на винокуренный завод, чем на маяк... И высотой не меньше нескольких сотен метров. Я ремонтник, а не археолог. Этой груде лома больше двух тысяч лет. Бросьте вы его и постройте новый.

Старик перегнулся через стол и задышал мне прямо в лицо.

– Чтобы построить новый маяк, нужен год и уйма денег. К тому же эта реликвия находится на одном из главных

маршрутов. Некоторые корабли у нас теперь делают трюк в пятнадцать световых лет.

Он откинулся на спинку кресла, вытер руки носовым платком и стал читать мне очередную лекцию о моем долге перед компанией.

– Наш отдел официально называется отделом эксплуатации и ремонта, а на самом деле его следовало бы назвать аварийным. Гиперпространственные маяки делают так, чтобы они служили вечно... или по крайней мере стремятся делать так. И если они выходят из строя, то тут всякий раз дело серьезное – заменой какой-нибудь части не отделаешься.

И это говорил мне он – человек, который за жирное жалованье просиживает штаны в кабинете с искусственным климатом.

Старик продолжал болтать:

– Эх, если бы можно было просто заменять детали! Был бы у меня флот из запчастей и младшие механики, которые бы вкалывали без разговоров! Так нет же, все, все наоборот. У меня флотилия дорогих кораблей, а на них чего только нет... Зато экипажи – банда разгильдяев вроде вас!

Он ткнул в мою сторону пальцем, а я мрачно кивнул.

– Как бы мне хотелось уволить всех вас! В каждом из вас сидит космический бродяга, механик, инженер, солдат, головорез и еще черт-те кто – все, что нужно для настоящего ремонтника. Мне приходится запугивать вас, подкупать, шантажировать, чтобы заставить выполнить простое задание. Если вы сыты по горло, то представьте себе, каково мне. Но корабли должны ходить! Маяки должны работать!

Решив, что этот бессмертный афоризм он произнес в качестве напутствия, я встал. Старик бросил мне документацию «Марка-III» и зарылся в свои бумаги. Когда я был уже у самой двери, он поднял голову и снова ткнул в мою сторону пальцем:

— И не тешьте себя мыслью, что вам удастся увильнуть от выполнения контракта. Мы наложим арест на ваш банковский счет на Алголе-2, прежде чем вы успеете взять с него деньги.

Я улыбался так, будто у меня никогда и в мыслях не было держать свой счет в секрете. Но боюсь, улыбка получилась жалкой. Шпионы Старика с каждым днем работают все эффективнее. Шагая к выходу из здания, я пытался придумать, как бы мне незаметно взять со счета деньги. Но я знал, что в это самое время Старик подумывает, как бы ему обхитрить меня.

Все это не настраивало на веселый лад, и поэтому я сперва заглянул в бар, а уж оттуда отправился в космопорт.

К тому времени, когда корабль подготовили к полету, я уже вычертил курс. Ближе всех от испортившегося маяка на Проксиме Центавра был маяк на одной из планет Беты Цирцинии, и я сначала направился туда. Это короткое путешествие в гиперпространстве заняло всего лишь девять дней.

Чтобы понять значение маяков, надо знать, что такое гиперпространство. Немногие разбираются в этом, но довольно легко усвоить одно: там, где отсутствует пространство, обычные физические законы неприемлемы. Скорость и расстояния там понятия относительные, а не постоянные, как в обычном космосе.

Первые корабли, входившие в гиперпространство, не знали, куда двигаться, невозможно было даже определить, движутся ли они вообще. Маяки разрешили эту проблему и сделали доступной всю Вселенную. Воздвигнутые на планетах, они генерируют колоссальное количество энергии. Эта энергия превращается в излучение, которое пронизывает гиперпространство. Каждый маяк посылает с излучением свой кодовый сигнал, по которому и ориентируются в гиперпространстве. Навигация осуществляется при помощи триангуляции и квадратуры по маякам — только правила здесь свои, особые. Эти правила очень сложны и непостоянны, но все-таки они существуют, и навигатор может ими руководствоваться.

Для прыжка через гиперпространство надо точно засечь по крайней мере четыре маяка. Для длинных прыжков навигаторы используют семь-восемь маяков. Поэтому важен каждый маяк, все они должны работать. Вот тут-то беремся за дело мы, аварийщики.

Мы путешествуем в кораблях, в которых есть всего понемногу. Экипаж корабля состоит из одного человека — этого достаточно, чтобы управляться с нашей сверхэффективной ремонтной аппаратурой. Из-за характера нашей работы мы проводим большую часть времени в обычных полетах в обычном пространстве. Иначе как же найти испортившийся маяк?

В гиперпространстве его не найдешь. Используя другие маяки, можно подойти как можно ближе к испорченному — и это все. Далее путешествие заканчивается в обычном пространстве. И на это частенько уходят многие месяцы.

На сей раз все получилось не так уж плохо. Я взял

направление на маяк Беты Цирцинии и с помощью навигационного блока стал решать сложную задачу ориентации по восьми точкам, используя все маяки, которые засек. Вычислительная машина выдала мне курс до примерного выхода из гиперпространства. Блок безопасности, который я все никак не могу размонтировать и выбросить, внес свои коррективы.

По мне так уж лучше выскочить из гиперпространства поблизости от какой-нибудь звезды, чем тратить время, ползя как черепаха сквозь обычное пространство, но, видно, технический отдел тоже это сообразил. Блок безопасности встроен в машину накрепко, и, как бы ты ни старался, погибнуть, выскочив из гиперпространства внутри какого-нибудь солнца, невозможно. Я уверен, что гуманные соображения тут ни при чем. Просто компании дорог корабль.

Прошло двадцать четыре часа по корабельному времени, и я очутился где-то в обычном пространстве. Робот-анализатор что-то бормотнул и стал изучать все звезды, сравнивая их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец он дал звонок и замигал лампочкой. Я прильнул к окуляру.

Определив с помощью фотоэлемента истинную величину, я сравнил ее с величиной абсолютной и получил расстояние. Совсем не так плохо, как я думал, – шесть недель пути, плюс-минус несколько дней. Вставив запись курса в автопилот, я на время ускорения привязал себя ремнями в специальном отсеке и заснул.

Время прошло быстро. Я в двенадцатый раз перемонтировал свою камеру и проштудировал заочный курс по

ядерной физике. Большинство ремонтников учатся. Компания повышает жалование за овладение новыми специальностями. Но такие заочные курсы ценны и сами по себе, так как никогда нельзя заранее сказать, какие еще знания могут пригодиться. Все это да еще живопись и гимнастика помогали коротать время. Я спал, когда раздался сигнал тревоги, возвестивший о близости планеты.

Вторая планета, где, согласно старым картам, находился маяк, была на вид сырой и пористой, как губка. Я с великим трудом разобрался в древних указаниях и наконец обнаружил нужный район. Оставшись за пределами атмосферы, я послал на разведку «Летучий глаз». В нашем деле заранее узнают, где и как придется рисковать собственной шкурой. «Глаз» для этой цели вполне подходит.

У предков хватило соображения сориентировать маяк на местности. Они построили его точно на прямой линии между двумя заметными горными вершинами. Я легко нашел эти вершины и пустил «глаз» от первой вершины точно в направлении второй. Спереди и сзади у «глаза» были радары, сигналы с них поступали на экран осциллографа в виде амплитудных кривых. Когда два пика совпали, я стал крутить рукоятки управления «глазом», и он пошел на снижение.

Я выключил радар, включил телепередатчик и сел перед экраном, чтобы не упустить маяк.

Экран замерцал, потом изображение стало четким, и в поле зрения всплыла... гигантская пирамида. Я чертыхнулся и стал гонять «глаз» по кругу, просматривая прилежавшую к пирамиде местность. Она была плоской, болотистой, без единого пригорка. В десятимильном круге только и была

что пирамида, а уж она определенно никакого отношения к маяку не имела.

А может, я неправ?

Я опустил «глаз» пониже. Пирамида была грубым каменным сооружением, без всякого орнамента, без украшений. На вершине ее что-то блеснуло. Я пригляделся. Там был бассейн, заполненный водой. При виде его в голове у меня мелькнула смутная догадка.

Замкнув «глаз» на круговом курсе, я покопался в чертежах «Марка-III» и... нашел то, что мне было нужно. На самом верху маяка была площадка для собирания осадков и бассейн. Вода охлаждала реактор, который питал старую уродину. Раз вода есть, значить и маяк все еще существует... внутри пирамиды. Туземцы, которых идиоты, конструировавшие маяк, разумеется, даже не заметили, заключили сооружение я великолепную пирамиду из гигантских камней.

Я снова посмотрел на экран и понял, что «глаз» у меня летает по круговой орбите всего футах в двадцати над пирамидой. Вершина каменной груды теперь была усеяна какими-то ящерами, местными жителями, наверно. Они швырялись палками, стреляли из самострелов, стараясь сбить «глаз». Во всех направлениях летели тучи стрел и камней.

Я увел «глаз» прямо вверх, а затем, в сторону и дал задание блоку управления вернуть разведчика на корабль.

Потом я пошел в камбуз и принял добрую дозу спиртного. Мало того, что мой маяк заключен в каменную гору, я еще умудрился разозлить существ, построивших пирамиду. Хорошенькое начало для работы – такое заставило бы и более сильного человека, чем я, приложиться к бутылке.

Наш брат, ремонтник, старается обычно держаться подальше от местных жителей. Общаться с ними смертельно опасно. Антропологи, возможно, ничего не имеют против принесения себя в жертву своей науке, но ремонтнику жертвовать собой вроде бы ни к чему. Поэтому большинство маяков строится на необитаемых планетах. Если маяк приходится стоять на обитаемой планете, его обычно воздвигают где-нибудь в недоступном месте.

Почему этот маяк построили в пределах досягаемости местных жителей, я еще не знал, но со временем собирался узнать. Первым делом надо было установить контакт. А для того, чтобы установить контакт, необходимо знать местный язык.

И на этот случай я уже давно разработал безотказную систему. У меня было устройство для подглядывания и подслушивания, я его сам сконструировал. По виду оно походило на камень длиной с фут. Когда устройство лежало на земле, никто на него не обращал внимания, но когда оно еще парило в воздухе, вид его приводил случайных свидетелей в некоторое замешательство. Я нашел город ящеров примерно в тысяче километров от пирамиды и ночью сбросил туда своего «соглядатая». Он со свистом понесся вниз и опустился на берегу большой лужи, в которой любили плескаться местные ящеры. Днем здесь их собиралось довольно много. Утром, с прибытием первых ящеров я включил магнитофон.

Примерно через пять местных дней у меня в блоке памяти машины-переводчика было записано невероятно много всяких разговоров, и я уже выделил некоторые выражения. Это довольно легко сделать, если вы работаете с

машинной памятью. Один из ящеров что-то пробулькал вслед другому, и тот обернулся. Я ассоциировал эту фразу с чем-то вроде человеческого «Эй!» и ждал случая проверить правильность своей догадки. В тот же день, улучив момент, когда какой-то ящер остался в одиночестве, я крикнул ему: «Эй!» Возглас был пробулькан репродуктором на местном языке, и ящер обернулся.

Когда в памяти накопилось достаточное число таких опорных выражений, к делу приступил мозг машины-переводчика, начавший заполнять пробелы. Как только машина стала переводить мне все услышанные разговоры, я решил, что пришло время вступить с ящерами в контакт.

Собеседника я нашел весьма легко. Он был чем-то вроде центаврийского пастушка, так как на его попечении находились какие-то особенно грязные низшие животные, обитавшие в болотах за городом. Один из моих «соглядатаев» вырыл в крутом склоне пещеру и стал ждать ящера.

На следующий день я шепнул в микрофон проходившему мимо пастушку:

– Приветствую тебя, мой внучек! С тобой говорит из рая дух твоего дедушки.

Это не противоречило тому, что я узнал о местной религии.

Пастушок остановился как вкопанный. Прежде чем он пришел в себя, я нажал кнопку, и из пещеры к его ногам выкатилась горсть раковин, которые служили там деньгами.

– Вот тебе деньги из рая, потому что ты был хорошим мальчиком.

«Райские» деньги я предыдущей ночью изъясил из местного казначейства.

– Приходи завтра, и мы с тобой потолкуем, – крикнул я вслед убегающему ящерку. Я с удовольствием отметил, что захватить «монеты» с собой он не забыл.

Потом дедушка из рая не раз вел сердечные разговоры с внуком, на которого божественные дары действовали неотразимо. Дедушка интересовался событиями, которые произошли после его смерти, и пастушок охотно просвещал его.

Я получил все необходимые мне исторические сведения и выяснил нынешнюю обстановку, которую никак нельзя было считать благоприятной.

Мало того, что маяк заключили в пирамиду, вокруг этой пирамиды шла небольшая религиозная война.

Все началось с перешейка. Очевидно, когда строился маяк, ящеры жили в далеких болотах, и строители не придавали им никакого значения. Уровень развития ящеров был низок, и водились они на другом континенте. Мысль о том, что туземцы могут сделать успехи и достичь этого континента, не приходила в голову инженерам, строившим маяк. Но именно это и случилось.

В результате небольшого геологического сдвига на нужном месте образовался болотистый перешеек, и ящеры стали забредать в долину, где находился маяк. И обрели там религию. Блестящую металлическую башню, из которой непрерывно изливался поток волшебной воды (она, охлаждая реактор, лилась вниз с крыши, где конденсировалась из атмосферы). Радиоактивность воды дурного воздействия на туземцев не оказывала. Мутации, которые она вызывала, оказались благоприятными.

Вокруг башни был построен город, и за много веков

маяк постепенно заключили в пирамиду. Башню обслуживали специальные жрецы. Все шло хорошо, пока один из жрецов не проник в башню и не погубил источник святой воды. С тех пор начались мятежи, схватки, побоища, смута. Но святая вода так больше и не текла. Теперь вооруженные толпы сражались вокруг башни каждый день, а священный источник стерегла новая шайка жрецов.

А мне надо было забраться в эту самую кашу и починить маяк.

Это было бы легко сделать, если б нам разрешали хоть чуть-чуть порезвиться. Я мог бы стереть этих ящериц в порошок, наладить маяк и удалиться. Но «местные живые существа» находились под надежной защитой. В мой корабль вмонтированы электронные шпионы – я отыскал еще не все, – и они донесли бы на меня по возвращении.

Оставалось прибегнуть к дипломатии. Я вздохнул и достал снаряжение для изготовления пластиковой плоти.

Сверяясь с объемными снимками, сделанными с пакушка, я придал своему лицу черты рептилии. Челюсть была немного коротковата – рот мой мало похож на зубастую пасть. Но и так сойдет. Мне не было нужды в точности походить на ящера – требовалось небольшое сходство, чтобы не слишком пугать туземцев. В этом есть логика. Если бы я был невежественным аборигеном Земли и встретился с жителем планеты Спик, который похож на двухфутовый комок высушенного шеллака, то я бы задал стрекача. Но если бы на спиканце был костюм из пластиковой плоти, в котором он хотя бы отдаленно походил на человека, то я бы по крайней мере остановился и поговорил с ним. Так что мне просто хотелось смягчить впечатление от своего появления перед центаврийцами.

Сделав маску, я стянул ее с головы и прикрепил к красивому хвостатому костюму из зеленого пластика. Я искренне порадовался хвосту. Ящеры не носят одежды, а мне надо было взять с собой много электронных приборов. Я натянул пластик хвоста на металлический каркас, пристегнув его к поясу. Потом я заполнил каркас снаряжением, которое могло мне понадобиться, и зашнуровал костюм.

Облачившись, я встал перед большим зеркалом. Зрелище было страшноватое, но я остался доволен. Хвост тянул мое туловище назад и книзу, отчего походка у меня стала утиной, вперевалку, но это только усиливало сходство с ящером.

Ночью я посадил корабль в горах поблизости от пирамиды на совершенно сухую площадку, куда земноводные никогда не забирались. Перед самым рассветом «глаз» прицепился к моим плечам, и мы взлетели. Мы парили над башней на высоте 2000 метров, пока не стало светло, а потом опустились.

Наверно, это было великолепное зрелище. «Глаз», который я замаскировал под крылатого ящера, этакого картонного птеродактиля, медленно взмахивал крыльями, что, впрочем, не имело никакого отношения к тем принципам, на которых зиждилась его способность летать. Но этого было достаточно, чтобы поразить воображение туземцев. Первый же ящер, который заметил меня, вскрикнул и опрокинулся на спину. Подбежали другие. Сгрудившись, они толкались, влезали друг на друга, и к моменту моего приземления на площади перед храмом появились жрецы.

Я с царственной важностью сложил руки на груди.

– Приветствую вас, о благородные слугители великого

бога, – сказал я. Разумеется, я не сказал этого вслух, а лишь прошептал в ларингофон. Радиоволны донесли мои слова до машины-переводчика, которая в свою очередь вещала на местном языке через динамик, спрятанный у меня в челюсти.

Туземцы загалдели, и тотчас над площадью разнесся перевод моих слов. Я усилил звук так, что стала резонировать вся площадь.

Некоторые из наиболее доверчивых туземцев простерлись ниц, другие с криками бросились прочь. Один подозрительный тип поднял копье, но после того, как «глаз-птеродактиль» схватил его и бросил в болото, никто уже не пытался делать ничего подобного. Жрецы были народ прожженный – не обращая внимания на остальных ящеров, они не трогались с места и что-то бормотали. Мне пришлось возобновить атаку.

– Исчезни, верный конь, – сказал я «глазу» и одновременно нажал кнопку на крохотном пульте, спрятанном у меня в ладони.

«Глаз» рванулся кверху немного быстрее, чем я хотел; кусочки пластика, оборванного сопротивлением воздуха, посыпались вниз. Пока толпа упоенно наблюдала за этим вознесением, я направился к входу в храм.

– Я хочу поговорить с вами, о благородные жрецы, – сказал я.

Прежде чем они сообразили, что ответить мне, я уже был в храме, небольшом здании, примыкавшем к подножию пирамиды. Возможно, я нарушил не слишком много «табу» – меня не остановили, значит, все шло вроде бы хорошо. В глубине храма виднелся грязноватый бассейн. В

нем плескалось престарелое пресмыкающееся, которое явно принадлежало к местному руководству. Я заковылял к нему, а оно бросило на меня холодный рыбий взгляд и что-то пробулькало.

Машина–переводчик прошептала мне на ухо:

– Во имя тринадцатого греха, скажи, кто ты и что тебе здесь надобно?

Я изогнул свое чешуйчатое тело самым благородным образом и показал рукой на потолок.

– Ваши предки послали меня помочь вам. Я явился, чтобы возродить Священный источник.

Позади меня слышалось гуденье голосов, но руководитель не говорил ни слова. Он медленно погружался в воду, пока на поверхности не остались одни глаза. Мне казалось, что я слышу, как шевелятся мозги за его замшевым лбом. Потом он вскочил и ткнул в меня конечностью, с которой капала вода:

– Ты лжец! Ты не наш предок! Мы...

– Стоп! – загремел я, не давая ему зайти так далеко, откуда бы он уже не смог пойти на попятный. – Я сказал, что ваши предки меня послали... я не принадлежу к числу ваших предков. Не пытайся причинить мне вред, иначе гнев тех, кто ушел в иной мир, обратится на тебя.

Сказав это, я сделал угрожающий жест в сторону других жрецов и бросил на пол между ними и собой крохотную гранатку. В полу образовалась порядочная воронка, грохота и дыма получилось много.

Главный ящер решил, что доводы мои убедительны, и немедленно созвал совещание шаманов. Оно, разумеется, состоялось в общественном бассейне, и мне пришлось тоже

залезть в него. Мы разевали пасти и булькали примерно с час – за это время и были решены все важные пункты повестки дня.

Я узнал, что эти жрецы появились здесь не очень давно; всех предыдущих сварили в кипятке за то, что они дали иссякнуть Священному источнику. Я объяснил, что прибыл лишь с одной целью – помочь им возродить поток. Жрецы решили рискнуть, и все мы выбрались из бассейна. Грязь струйками стекала с нас на пол. В саму пирамиду вела запертая и охранявшаяся дверь. Когда ее открыли, главный ящер обернулся ко мне.

– Ты, несомненно, знаешь закон, – сказал он. – Поскольку прежние жрецы были излишне любопытны, теперь введено правило, которое гласит, что только слепые могут входить в святая святых.

Я готов побиться об заклад, что он улыбнулся, если только тридцать зубов, торчащих из чего-то вроде щели в старом чемодане, можно назвать улыбкой.

Он тут же дал знак подручному, который принес жаровню с древесным углем и раскаленными докрасна железками. Я с разинутым ртом стоял и смотрел, как он помешал угли, вытянул из них самую красную железку и направился ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, когда я снова обрел дар речи.

– Порядок этот, разумеется, правильный, – сказал я. – Слепять необходимо. Но в данном случае вам придется ослепить меня перед уходом из святая святых, а не теперь. Мне нужны глаза, чтобы увидеть, что случилось со Священным источником. Когда вода потечет снова, я буду смеяться, сам подставляя глаза раскаленному железу.

Ему понадобилось полминуты, чтобы обдумать все и согласиться со мной. Палач хрюкнул и подбросил угля в жаровню. Дверь с треском распахнулась, я проковылял внутрь; потом она захлопнулась за мной, и я очутился один в темноте.

Но недолго... поблизости послышалось шарканье. Я зажег фонарь. Ко мне ощупью шли три жреца, на месте их глазных яблок виднелась красная обожженная плоть. Они знали, чего я хотел, и повели меня, не говоря ни слова.

Потрескавшаяся и крошащаяся каменная лестница привела нас к прочной металлической двери с табличкой, на которой архаическим шрифтом было написано: «МАЯК «МАРК-III» – ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Доверчивые строители возлагали свои надежды только на табличку – на двери не было и следа замка. Один из ящеров просто повернул ручку, и мы оказались внутри маяка.

Я потянул за молнию на груди своего маскировочного костюма и достал чертежи. Вместе с верными жрецами, которые, спотыкаясь, шли за мной, я отыскал комнату, где был пульт управления, и включил свет. Аварийные батареи почти разрядились, электричества хватило лишь на то, чтобы дать тусклый свет. Шкалы и индикаторы, кажется, были в порядке, они сияли – уж что-что, а непрерывная чистка была им обеспечена.

Я прочел показания приборов, и догадки мои подтвердились. Один из ревностных ящеров каким-то образом открыл бокс с переключателями и почистил их. Он случайно нажал один из них, и это вызвало аварию.

Вернее, с этого все началось. Покончить с бедой нельзя было простым щелчком переключателя, отчего водяной

клапан снова заработал бы. Этим клапаном предполагалось пользоваться только в случае ремонта, после того как в реактор впущена вода. Если вода отключалась от действующего реактора, она начинала переливаться через край, и автоматическая предохранительная система направляла ее в колодец.

Я мог легко пустить воду снова, но в реакторе не было горючего.

Мне не хотелось возиться с топливом. Гораздо легче было бы установить новый источник энергии. На борту корабля у меня было устройство, по размерам раз в десять меньше старинного ведра с болтами, установленного на «Марке-III», и по крайней мере раза в четыре мощнее. Но прежде я осмотрел весь маяк. За две тысячи лет что-нибудь да должно было износиться.

Старики, предки наши, надо отдать им должное, строили хорошо. Девяносто процентов механизмов не имело движущихся частей, и износу им не было никакого. Например, труба, по которой подавалась вода с крыши. Стенки у нее были трехметровой толщины... это у трубы-то, в которую едва бы прошла моя голова. Кое-какая работенка мне все-таки нашлось, и я составил список нужных деталей.

Детали, новый источник энергии и разная мелочь были аккуратно сложены на корабле. Глядя на экран, я тщательно проверил все части, прежде чем они были уложены в металлическую клеть. Перед рассветом, в самый темный час ночи, мощный «глаз» опустил клеть рядом с храмом и умчался незамеченный.

С помощью «соглядатая» я наблюдал, как жрецы пы-

тались ее открыть. Когда они убедились, что их попытки тщетны, через динамик, спрятанный в клетки, я прогрохотал им приказ. Почти целый день они пыхтели, втаскивая тяжелый ящик по узким лестницам башни, а я в это время хорошо поспал. Когда я проснулся, ящик уже вдвинули в дверь маяка.

Ремонт отнял у меня немного времени. Ослепленные жрецы жалобно стонали, когда я вскрывал переборки, чтобы добраться до реактора. Я даже установил в трубе специальное устройство, чтобы вода приобрела освежающую рептилий радиоактивность, которой обладал прежний Священный источник. На этом закончилась работа, которой от меня ждали.

Я щелкнул переключателем, и вода снова потекла.

Несколько минут вода бурлила по сухим трубам, а потом за стенами пирамиды раздался рев, потрясший ее каменное тело. Воздев руки, я отправился на церемонию выжигания глаз.

Ослепленные ящеры ждали меня у двери, и вид у них был более несчастный, чем обычно. Причину этого я понял, когда попробовал открыть дверь – она была заперта и завалена с другой стороны.

– Решено, – сказал ящер, – что ты останешься здесь навеки и будешь смотреть за Священным источником. Мы останемся с тобой и будем прислуживать тебе.

Очаровательная перспектива – вечное заточение в маяке с тремя слепыми ящерами. Несмотря на их гостеприимство, я не мог принять этой чести.

– Как! Вы осмеливаетесь задерживать посланца ваших предков!

Я включил динамики на полную громкость, и от вибрации у меня чуть не лопнула голова.

Ящеры съежились от страха, а я тонким лучом лазера обвел дверь по косякам. Раздался треск и грохот разваливавшейся баррикады, и дверь освободилась. Я толчком открыл ее. Не успели слепые жрецы опомниться, как я вытолкал их наружу.

Их коллеги стояли у подножия лестницы и возбужденно галдели, пока я намертво заваривал дверь. Пробежав сквозь толпу, я остановился перед главным жрецом, по-прежнему лежавшим в своем бассейне. Он медленно ушел под воду.

— Какая невежливость! — кричал я. Ящер пускал под водой пузыри. — Предки рассердились и навсегда запретили входить во внутреннюю башню. Впрочем, они настолько добры, что источник вам оставили. Теперь я должен вернуться... Побыстрее совершайте церемонию!..

Пыточных дел мастер был так испуган, что не двинулся с места. Я выхватил у него раскаленную железку. От прикосновения к щеке под пластиковой кожей на глаза мне опустилась стальная пластина. Потом я крепко прижал раскаленную железку к фальшивым глазным яблокам, и пластик запах горелым мясом.

Толпа зарыдала, когда я бросил железку и, спотыкаясь, сделал несколько кругов. Признаться, имитация слепоты получилась у меня довольно неплохо.

Боясь, как бы ящерам не пришла в голову какая-нибудь новая светлая идея, я нажал кнопку и появился мой пластиковый птеродактиль. Разумеется, я не мог его видеть, но почувствовал, что он здесь, когда защелки на его когтях

сцепились со стальными пластинками, прикрывавшими мои плечи.

После выжигания глаз я повернулся не в ту сторону, и мой крылатый зверь подцепил меня задом наперед. Я хотел улететь с достоинством, слепые глаза должны были смотреть на заходящее солнце, а вместо этого я оказался повернутым к толпе. Но я сделал все, что мог – отдал ящерам честь. В следующее мгновение я уже был далеко.

Когда я поднял стальную пластинку и проковырял дырки в жженом пластике, пирамида уже стремительно уменьшалась в размерах, у основания ее кипел ключ, а счастливая толпа пресмыкающихся барахталась в радиоактивном потоке. Я стал припоминать, все ли сделано.

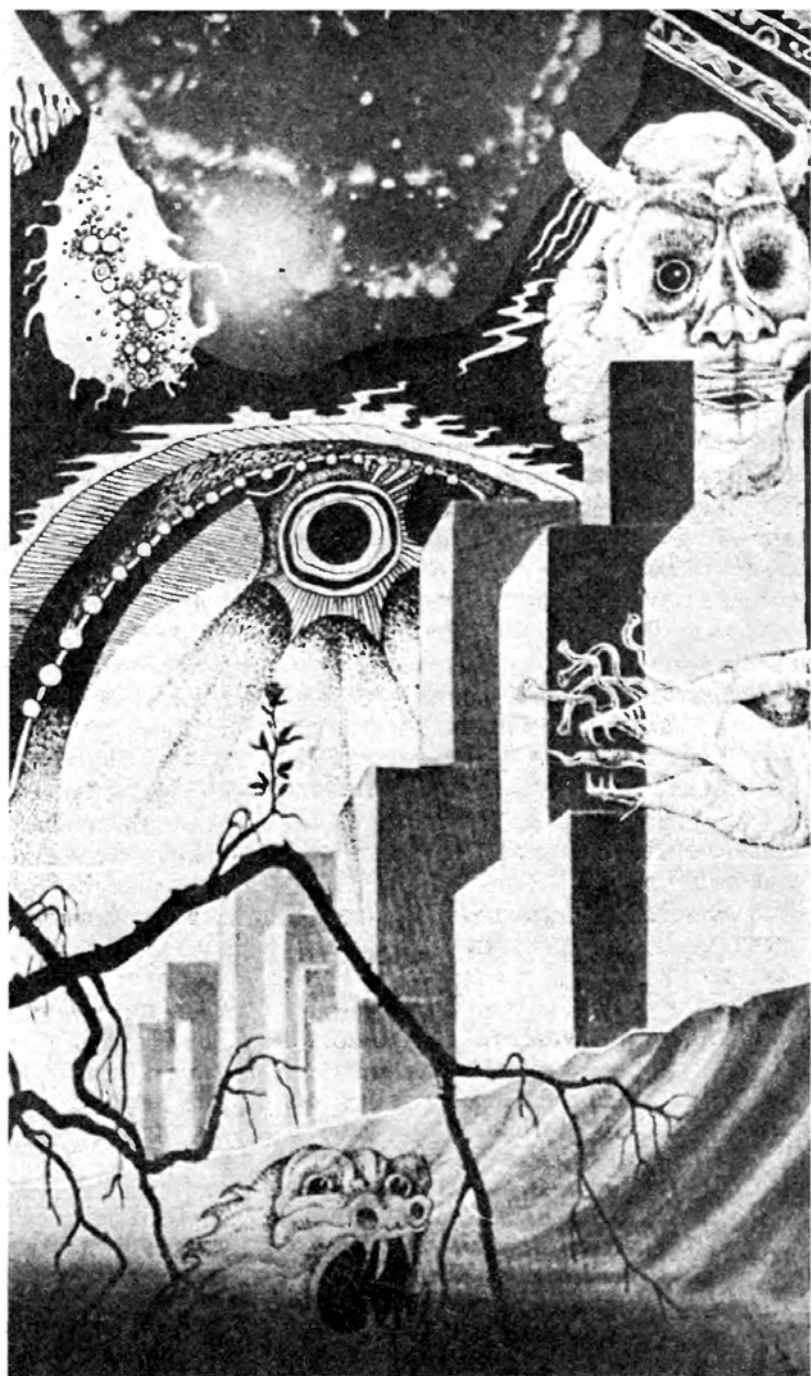
Во-первых, маяк отремонтирован.

Во-вторых, дверь запечатана, так что никакого вредительства, нечаянного или намеренного, больше не будет.

В-третьих, жрецы должны быть удовлетворены. Вода снова бежит, мои глаза в соответствии с правилами выжжены, у жреческого сословия снова есть дело.

И в-четвертых, в будущем ящеры, наверно, допустят на тех же условия нового ремонтника, если маяк снова выйдет из строя. По крайней мере я не сделал им ничего плохого – если бы я кого-нибудь убил, это настроило бы их против будущих посланцев от предков.

На корабле, стягивая с себя чешуйчатый костюм, я радовался, что в следующий раз сюда придется лететь уже какому-нибудь другому ремонтнику.

СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

У нашего Лемуэля три ноги, и мы прозвали его Неотразимчиком. Когда началась война Севера и Юга, Лемуэль уже подросток, и ему пришлось прятать лишнюю ногу между лопаток, чтобы не возбуждать подозрений и сплетен. Нога под одеждой на спине делала его похожим на верблюда, иногда она дергалась от усталости и била его по позвоночнику, однако все это не очень беспокоило Лемуэля. Ведь его принимали за обыкновенного двуногого! И он был счастлив.

Мы, Хогбены, на своем веку не раз попадали в передряги. Теперь каша заварилась из-за беспечности Неотразимчика. Он ко всему относился спустя рукава.

Не виделись мы с Лемуэлем лет шестьдесят. Он жил в горах на Юге, а вся наша семья – в Северном Кентукки. Вначале мы решили добраться к нему по воздуху, но когда подлетели к Пайпервиллю, собаки на земле невероятно разбрехались, жители высыпали из домов и уставились на небо. Мы вынуждены были вернуться. Папин па сказал, что придется отправиться в гости к родственнику обычным способом, как все люди. Я не люблю путешествовать ни по суше, ни по морю. Когда мы в 1620 году плыли к Плимут-Року, мне вывернуло всю душу. Куда приятнее летать! Но с дедом мы никогда не спорили, папин па у нас глава семьи.

Папин па взял где-то напрокат грузовик и туда уложили все пожитки. Правда, не сразу нашлось место малышу – он

весил около трехсот фунтов, и корыто, в которое его поместили, занимало чудовищно много места. Зато с дедом обошлось без хлопот: мы положили его в старый джутовый мешок и засунули под сиденье. Сборы, конечно, легли на мои плечи. Па выпил пшеничной водки и все только прыгал на голове и напевал: «Летит планета кувырком, кувырком, кувырком...». А дядюшка вообще не захотел ехать. Он улегся под ясли в хлеву и сказал, что погружается лет на десять в спячку.

– И чего вам дома не сидится? – бурчал он. – Полтыщи лет вы ежегодно весной отправляетесь куда-то мотаться! Нет уж, я вам больше не компания...

Так и уехали без него.

Когда наши переселились в Кентукки, рассказывали мне, там было голое место, и пришлось изрядно попотеть, чтобы устроиться. Однако Неотразимчик не захотел корпеть над постройкой дома и улетел на юг. Там он зажил тихой дремотной жизнью, просыпаясь по-настоящему раз в год-два, чтобы как следует выпить. Лишь тогда с ним налаживалась мозговая связь.

Оказалось, Лемуэль устроился на развалившейся мельнице в горах над Пайпервилем. Когда мы подъехали, то первым делом увидели на балконе Лемуэлевых бакенбарды. Сам Неотразимчик похрапывал в опрокинувшемся кресле – очевидно, сон был приятный, и он не проснулся, когда упал. Будить мы Лемуэля не стали. Корыто затащили в дом общими усилиями, а потом па и папин па выгрузили спиртное.

Поначалу у всех было хлопот полон рот – в доме не нашлось ни крошки. Наш Неотразимчик побил все рекорды

сибаритства: даже не варил горячего. Он приноровился гипнотизировать обитавших в окрестных лесах енотов, и те сами являлись к нему на обед. И до чего только может дойти лень! Еноты очень ловко действуют лапками, и Лемуэль заставлял их раскладывать костер и самих себя поджаривать. Интересно, свежевал он зверей или нет? А когда Неотразимчику хотелось пить, он – стыдно сказать! – собирал над головой небольшую тучку и устраивал дождь прямо себе в рот.

Впрочем, сейчас нам было не до Лемуэля. Ма раскладывала вещи, па присосался к кувшину пшеничной, и мне снова пришлось на своей спине таскать тяжести. Все это было бы еще полбеды, но на мельнице не оказалось никакого электрического генератора! А наш малыш жить не мог без электричества, да и папин па пил его как верблюд. Неотразимчик, конечно, пальцем о палец не ударил, чтобы поддерживать воду в запруде на должном уровне, и вместо реки по высохшему руслу тек тощий ручеек. Нам с ма пришлось здорово пораскинуть мозгами, пока мы не соорудили в курятнике печку.

Однако настоящие неприятности начались после того, как о нашем приезде пронюхали местные власти.

В один прекрасный день, когда ма стирала во дворе, появился какой-то плюгавый тип и страшно удивился, завидев нас (я как раз тоже вышел из дому).

– Хороший выдался денек, – сказала ма, – не хотите ли выпить, сударь?

Незнакомец ответил, что не прочь, и я зачерпнул ему ковш нашей пшеничной. От первого глотка он чуть не задохся, затем поблагодарил и допил, однако повторить не

захотел, а сказал, что, если мы так гостеприимны, пусть лучше дадим ему раскаленный гвоздь и он его с удовольствием проглотит.

– Недавно приехали? – спросил он.

– Да, – ответила ма, – в гости к родственнику.

Плюгавый взглянул на балкон, где восседал спавший каменным сном Неотразимчик:

– А он, по-вашему, жив?

– Будьте уверены, – ответила ма, – как огурчик.

– Мы думали, он давно умер, – сказал плюгавый, – даже избирательный налог с него не взымали. Теперь, надеюсь, и вы будете платить, раз поселились здесь. Сколько вас народу?

– Человек шесть.

– Все совершеннолетние?

– У нас, значит, па, да этот – Сонк, да малыш...

– Сколько ребенку?

– Он совсем крошка, ему и четырехсот не будет, правда, ма? – вмешался я.

Но ма вlepила мне затрещину и приказала не перебивать старших. Плюгавый ткнул пальцем в мою сторону и сказал, что не в силах определить мой возраст, и я готов был провалиться сквозь землю, так как сбился со счета еще при Кромвеле и теперь сам не знал, сколько мне лет. В конце концов плюгавый решил взимать избирательный налог со всех, за исключением малыша.

– Но это еще не главное, – сказал он, что-то помечая в своей книжечке. – Вы должны правильно голосовать. У нас в Пайпервиле один босс – Эли Гэнди, и организация у него работает как часы... С вас со всех двадцать долларов.

Ма отправила меня поискать денег. Но у папиного па оказался только один денарий, и он сказал, что стащил его еще у какого-то Юлия Цезаря и денарий дорог ему как сувенир, па опустошил кувшин пшеничной и от него я ничего не добился, а у малыша нашлось всего три доллара. В карманах Неотразимчика я обнаружил лишь старое скворчиное гнездо и в нем два яйца.

– Ничего, утро вечера мудреней, – сказал я и спросил у плюгавого: – А золото вы берете, мистер?

Ма опять влепила мне затрещину, плюгавый же страшно развеселился и сказал, что золотом будет еще лучше. Наконец он вышел и направился в лес и вдруг припустил так, что пятки засверкали: навстречу ему попался енот с пучком веточек в лапках для костра. Значит, наш Лемуэль проголодался.

Я стал искать металлолом, чтобы к завтрашнему дню превратить его в золото, но назавтра мы уже очутились за решеткой.

Мы все могли читать мысли обыкновенных людей и заранее узнали об аресте, но не стали ничего предпринимать. Папин па собрал всех, кроме малыша и Неотразимчика на чердаке и объяснил, что нам надо хранить втайне свои способности и не возбуждать подозрений местных жителей.

Во время его спича я загляделся на паутину в углу, и папин па заставил мои глазные яблоки повернуться в его сторону, а затем продолжал:

– Стыдно мне за здешних мошенников, но нам лучше им не перечить. Инквизиции теперь нет, и нашему здоровью ничто не угрожает.

– Может, лучше спрятать печку? – спросил было я, но получил от ма очередную затрещину за то, что перебиваю старших.

– Только хуже будет, – пояснила она на словах. – Утром здесь шныряли сыщики из Пайпервиля и все высмотрели.

– Вы пещеру под домом сделали? – спросил папин па. – Вот и отлично. Спрячьте нас с малышом в пещере, а сами идите. – И добавил со старинной вычурностью, которую любил: – Сколь жалка судьба человека, засидевшегося на этом грешном свете и дожившего до мрака времен, освещаемых лишь солнцем доллара. Пусть встанут деньги мошенникам поперек горла... Не надо, Сонк, я сказал просто так, не заставляй их глотать доллары. Постараемся, дети, не обращать на себя излишнего внимания. Как-нибудь выкрутимся.

Папин па с малышом залез в пещеру, а нас всех арестовали и отправили в Пайпервилль, где поместили в здание со множеством клеток, похожее на птичник. Похрапывавшего Неотразимчика тоже выволокли, он так и не проснулся.

В птичнике-тюрьме па применил свой любимый трюк и ухитрился напиться. Надо вам сказать, это даже был не трюк и не фокус, а настоящая магия. Сам па не мог его толком объяснить и сбивался на какую-то чертовщину. Он говорил, например, что алкоголь в теле человека превращается в сахар. Но как же он превратится в теле в сахар, если попадает не в тело, а в живот? Тут без колдовства не обойдешься. Мало того, па говорил еще, что с помощью ферментов наострился сахар у себя в крови превращать обратно в алкоголь и оставаться навеселе, сколько хочешь.

Видно, эти его приятели ферменты были форменные чернокнижники! Правда, он чаще отдавал предпочтение натуральному спиртному, но проделки колдунов ферментов не раз сбивали меня с панталыку...

Из тюрьмы меня привели в какое-то помещение, заполненное людьми, предложили стул и начали допрашивать. Я прикинулся дурачком и твердил, что ничего не знаю. Но вдруг один субъект объявил:

— Эти горцы абсолютно первобытные люди, однако у них в курятнике урановый реактор! И они, конечно, не могли построить его сами!

Публику настоящий столбняк хватил.

Затем они снова начали приставать ко мне с вопросами, но ничего не добились и отвели обратно в камеру.

Постель моя кишела клопами. Чтобы их уничтожить, я выпустил из глаз особые лучики и только тогда заметил тщедушного человека с воспаленными небритыми щеками, проснувшегося на верхних нарах. Он изумленно уставился на меня и быстро-быстро моргал.

— Во всяких тюрьмах я гнил и с кем только не скучал у одного рундука, но с дьяволом в одной дыре первый раз. Меня зовут Амбрустер, Стинки Амбрустер, сижу за бродяжничество. А ты за что, приятель? Прикарманивал души по бешеной цене?

— Рад познакомиться, — сказал я. — Вы, наверное, страшно образованный человек, я таких изысканных выражений ни от кого не слыхал... Нас притащили сюда без всяких объяснений, всех взяли, даже спавшего Лемуэля и подвыпившего па.

— Я бы тоже с удовольствием шархнул стакан-

чик-другой, – заметил мистер Амбрустер. – Может, тогда у меня не лезли бы глаза на лоб оттого, что ты ходишь, не касаясь ногами пола.

Я действительно был несколько выбит допросом из колеи и забылся. Получилось, что я на глазах у чужих валяю дурака. Я рассыпался в извинениях.

– Ничего, ничего, я давно всего этого ждал, – заворочался мистер Амбрустер и поскреб щетину на щеках. – Пожил я, покуролесил в свое удовольствие, вот и начал ум за разум заходить... Почему же, однако, вас всех арестовали?

– Они говорят, из-за реактора, где мы расщепляем уран, но это ерунда. Зачем я буду щепать уран? Вот лучину щепать – другое дело...

– Отдай ты им этот реактор, а то не отвяжутся. Здесь идет крупная политическая игра – через неделю выборы. Начали было поговаривать о реформах, да старина Гэнди всем глотки заткнул.

– Все это очень интересно, но нам надо поскорей домой.

– А где вы живете?

Я сказал, и мистер Амбрустер задумался:

– Наверное, ваш дом на той реке, то есть ручье... на Большой Медведице?

– Там даже не ручей, а ручеек.

– Гэнди называет его рекой Большой Медведицы! – рассмеялся мистер Амбрустер. – И заработал на этом названии кучу денег! Ручей пятьдесят лет как высох, но десять лет назад Гэнди построил на нем дамбу ниже вашей мельницы и отхватил жирный куш. Дамба так и называется: Гэнди-дамба.

– Неужели он сумел обратить дамбу в деньги?

– Ага, значит, сам дьявол этого не может? А Гэнди может. У него в руках газеты, а это все равно что открытый банковский счет, хо-хо! Гэнди взял и провел себе ассигнования на строительство... Кажется, за нами.

Вошел человек со связкой ключей и увел мистера Амбрустера. Скоро пришли и за мной. Я очутился в большой ярко освещенной комнате, где были и па, и ма, и Неотразимчик, и мистер Амбрустер, и еще какие-то рослые парни с пистолетами. Кроме них, там сидел тощий сморщенный коротышка с голым черепом и подлыми глазенками. Этого лысого все слушались и называли мистером Гэнди.

– Мальчишка, по-моему, довольно глуповат, – заговорил мистер Амбрустер, когда я вошел. – Если он и сделал что плохое, то не нарочно.

Однако на него прикрикнули и стукнули по голове, а этот мистер Гэнди взглянул из угла на меня по-змеиному и спросил:

– Кто вам помогает, мальчик? Кто построил атомную электростанцию в сарае? Отвечай правду, или тебе сделают больно.

Я так поглядел на него, что меня немедленно тоже стукнули по макушке. Вот чудачки, не знают, какая крепкая у Хогбенов голова. Меня дикари пробовали каменными топорами по голове бить, да все племя до того умурилось, что пикнуть сил не хватило, когда я их стал потом топить. Но мой сосед по камере заволновался.

– Послушайте, мистер Гэнди... Я, конечно, понимаю, какая грандиозная сенсация будет, если вы докопаетесь, кто смастерил реактор, только вы и без того победите на выборах. А вдруг там и нет никакого реактора?

– Я знаю, кто его построил, – сказал мистер Гэнди. – Беглые нацистские преступники или предатели-физики. Я не успокоюсь, пока не найду виновных!

– Ого, значит, вам нужен шум на всю Америку, – сказал мистер Амбрустер. – Наверное, метите в губернаторы или в сенаторы, а то и на самую верхотуру?

– Мальчишка что-нибудь тебе рассказывал? – спросил мистер Гэнди.

Мистер Амбрустер сказал, что я ничего не говорил. Тогда они принялись за Лемуэля, но только зря потеряли время. Наш Неотразимчик любил и умел спать. Вдобавок при его лени он не давал себе труда дышать во сне, и люди мистера Гэнди даже засомневались, жив ли он.

Па тем временем успел связаться со своими приятелями ферментами, и от него тоже ничего нельзя было добиться. Они попробовали вразумить его куском шланга, но он в ответ на удары только глупо хихикал, и мне было ужасно стыдно.

Зато ма не посмели пальцем тронуть. А если кто подходил к ней, она вся бледнела, покрывалась испариной, вздрагивала, и наглец отлетал прочь, словно от здоровенного толчка. Помню, как-то один дока сказал, будто у нее в организме есть орган вроде ультразвукового лазера. Но это вранье и ученая тарабарщина! Ма просто выпускала свист, которого никто не слышал, и направляла его в цель, как охотник пулю в глаз белки. Я и сам так мог.

Наконец мистер Гэнди приказал отправить всех обратно в тюрьму, пригрозив еще взяться за нас всерьез. Неотразимчика выволокли, остальных развели по камерам.

Мистер Амбрустер стонал на нарах, крохотная лам-

почка с утиное яйцо освещала его голову и шишку на ней. Пришлось облучить ему голову невидимыми лучами, действовавшими как припарка (не знаю, что это были за лучи, но я мог пускать и такие из глаз). Шишка исчезла, мистер Амбрустер перестал стонать.

– Ну и в переплет ты попал, Сонк, – проговорил он (еще раньше я называл ему свое имя). – У Гэнди планы: о-го-го! Он уже околпачил Пайпервиль, теперь хочет прибрать к рукам штат или даже целиком страну... А для этого ему нужно сперва прогреметь на всю Америку. Заодно и переизбрание в мэры подмажет, хотя город у него уже в кармане... А может, там у вас все-таки был реактор?

Я вытаращил глаза.

– Ганди уверен на все сто, – продолжал мистер Амбрустер. – Он посылал физиков, и я своими ушами слышал, как они докладывали про обнаруженный у вас уран-235 и графитовые стержни. Мой совет: скажи им, кто вам помогал. А то они напичатют тебя лекарствами, от которых начинаешь говорить правду.

Однако в ответ я лишь посоветовал мистеру Амбрустеру отоспаться – меня уже звал папин па. Я вслушивался в его голос, звучащий в моем мозгу, но перебивал па, успевший опохмелиться.

– А ну-ка, сынок, выпей, промочи горлышко, – веселился па.

– Заткнись, несчастная букашка! – строго перебил его папин па. – Прекрати болтовню и отсоединись. Сонк!

– Да, папин па.

– Надо бы обмозговать план действий...

– А все-таки, почему бы тебе не опохмелиться? – не отставал па.

– Перестань, па! – не выдержал я. – Имей уважение к старшим, к своему отцу. И потом, как ты дашь мне опохмелиться, если мы в разных камерах?!

– Очень просто: свяжу наши жилы, по которым течет кровь, в одно замкнутое кольцо и перекачаю образовавшийся во мне алкоголь к тебе. В науке это называется тепепатической трансфузией. Гляди!

Перед моим мысленным взором возникла посланная па схема. Действительно, все было очень просто. Просто для Хогбенов, разумеется. Но я еще больше разозлился.

– Не заставляй, па, своего любящего сына терять последнее уважение к родителю и называть его старым пнем. Не щеголай этими теперешними словечками, я же знаю, что ты ни разу книги в руках не держал, а просто читаешь чужие мысли и хватаешь верхушки.

– Да ты выпей, выпей! – твердил па.

– Кражи мудрости прямо из чужих голов, – хихикнул папин па. – Я тоже иногда так делал. А еще я могу быстро состряпать у себя в крови возбудителя мигрени и подбросить его тебе, бездонная ты бочка!.. Теперь, Сонк, твой проказник па не будет нас прерывать.

– Слушаю тебя, – ответил я. – Как у вас там?

– Мы отлично устроились.

– А малыш?

– И он тоже. Но, Сонк, тебе придется поработать. Оказывается, все наши нынешние беды от печки, или... как ее теперь называют?.. От ядерного реактора.

– Я тоже догадался.

– Кто бы мог подумать, что они раскусят нашу печку? Такими печками пользовались во времена моего деда, у

него я научился их делать. От этих ядерных печек и мы сами, Хогбены, получились, потому что в них... как же теперь это называется?... Здесь, в Пайпервиле, есть ученые люди, пошарю-ка я у них в головах...

– При моих дедах, – через некоторое время продолжил папин па, – люди научились расщеплять атом. Возникла радиация, подействовала на гены, и в результате доминантных мутаций появилось наше семейство. Все Хогбены – мутанты.

– Про это нам вроде еще Роджер Бэкон¹¹ говорил?

– Ага! Но он был наш приятель и с другими про нас не распространялся. Если бы в его время люди узнали о наших необыкновенных способностях, они бы постарались нас всех сжечь. Даже теперь нам небезопасно являться людям... Со временем, конечно, мы насчет этого что-нибудь предпримем...

– Я знаю, – прервал я. (Мы, Хогбены, не имеем тайн друг от друга.)

– А пока у нас получилась закавыка. Люди снова научились расщеплять атом и догадались, какую такую печку соорудили мы в курятнике. Нужно ее уничтожить, чтобы от нас отстали. Однако малыш и я без электричества не обойдемся, и придется получать его не от ядерной печи, а более сложным путем. Вот что ты устроишь...

Скоро я принялся за работу.

У меня есть способность поворачивать глаза так, что

¹¹ Роджер Бэкон – великий английский ученый XIII века; предполагают, что он изобрел, в частности, очки, микроскоп, телескоп; ему приписывают иногда создание пороха; он сделал немало открытий в химии, физиологии и ряде других областей науки; призывал к внедрению математики во все науки.

становится видна сущность вещей. Глянул я, к примеру, на оконную решетку, и вижу – вся она состоит из крошечных смешных штучек, которые трясутся, бестолково топчутся на одном месте и вообще суеются, будто верующие, собирающиеся к воскресной обедне. Теперь их, слышно, называют атомами. Усыпив предварительно мистера Амбрустера, я начал строить из атомов, как из кирпичиков, нужные мне комбинации. Вначале, правда, я ошибся и превратил железную решетку в золотую, но тут же поправился и растворил ее в воздухе. Очутившись снаружи, я загнал атомы на старые места, и в окне опять возникла решетка.

Камера моя находилась на седьмом этаже здания, половину которого занимала мэрия, а другую – тюрьма. Уже стемнело, и я вылетел незамеченным. Увязавшуюся за мной сову я сбил плевком.

Атомную печку охраняла стража с фонарями, пришлось застыть сверху и все делать на расстоянии. Вначале я испарил черные штуковины – графит, как их окрестил мистер Амбрустер. Потом взялся за дрова, или, по его словам, за уран-235, обратил его в свинец, а свинец – в пыль, и ее быстро сдуло ветром.

Покончив с реактором, я полетел к истокам ручья. Вода бежала по его дну тоненькой струйкой, в горах тоже оказалось сухо, а папин па говорил, воды нам нужно полное русло. Тут как раз он сообщил мне, что малыш хнычет. Надо бы, конечно, сперва отыскать надежный источник энергии и уже потом ломать печку. Оставалось одно – дождь.

Однако раньше я слетал на мельницу, сотворил и поставил электрогенератор.

Поднявшись в облака, я начал охлаждать одно из них, разразилась гроза, и хлынул ливень. Но у подножия гор ручей был по-прежнему сух. После непродолжительных поисков я заметил провал в дне ручья. Вот отчего пятьдесят лет тут и воробей не мог напиться!

Я быстренько заделал дыру, на всякий случай отыскал несколько подземных ключей и вывел их на поверхность, а затем полетел на мельницу.

Дождь лил как из ведра, и стража, очевидно, ушла сушиться, подумал я. Но папин па сказал, что, когда захныкал наш младенец, они позатыкали уши пальцами и с воплями разбежались кто куда. Он приказал мне осмотреть мельничное колесо. Починка требовалась небольшая, да и дерево за несколько веков сделалось мореным. Ну и хитроумная штука было это колесо! Воды в ручье все прибывало, а колесо вертелось, и хоть бы хны! В старину умели строить! Но папин па сказал, что я еще не видел Аппиеву дорогу, сделанную древними римлянами, – мостовая до сих пор как новенькая.

Устроив его с малышом, как птенчиков в гнездышке, я полетел к Пайпервиллю. Занималась заря, и теперь за мной увязался голубь. Пришлось и на него плюнуть, а то нас бы обоих заметили.

В тюрьме-мэрии по всем этажам бегали служители с растерянными физиономиями. А ма сообщила мне, что, обратившись невидимками, они с па и Лемуэлем собрались посоветоваться в большой камере на краю тюремного блока. Да, забыл сказать, что я тоже сделался невидимым, когда проник в свою камеру взглянуть, не проснулся ли мистер Амбрустер.

– Папин па известил нас, что все в порядке, – сказала ма. – Нам, кажется, можно отправляться домой. А дождь сильный?

– Ливень что надо. Чего это они тут так суетсяя?

– Никак не поймут, куда мы подевались и где ты. По-летим на мельницу, когда разойдутся тюремщики.

– Все устроено, как велел папин па, – начал рассказывать я, но вдруг на другом конце коридора раздались изумленные возгласы.

Затем к дверной решетке нашей камеры вперевалку подошел заматерелый жирный енот с пучком веточек, уселся на задние лапки и стал раскладывать костер. Глазки у зверька были удивленные-удивленные. Должно быть, наш Неотразимчик загипнотизировал его, не просыпаясь.

Перед решеткой собралась куча любопытных, но глядели они, разумеется, не на нас – мы оставались невидимы, а на енота. Мне лично уже случалось наблюдать, как еноты разжигают костер, но хотелось поглядеть, не заставляет ли Неотразимчик зверей самих сдирать с себя шкуру. Однако только енот приготовился свежевать себя, один из полицейских сграбастал его в сумку и унес.

К этому времени совсем рассвело. Откуда-то донеслись крики, а потом завопил голос, показавшийся мне знакомым.

– Ма, – сказал я, – мне бы нужно посмотреть, что делают с бедным мистером Амбрустером.

– Нет, нет, пора вытаскивать малыша и деда из пещеры! – приказала она.

– Говоришь, мельничное колесо вертится?

– Еще как вертится! Электричества теперь хватит.

Ма нашарила рядом с собой па и дала ему тычка:

– Вставай, живо!

– Может, сперва выпьем? – заикнулся было па, однако ма поставила его на ноги и сказала, что хватит, надо спешить домой.

Я тем временем уничтожил оконную решетку. Хотя дождь еще не перестал, ма сказала, мы не сахарные, не растаем. Они с па подхватили храпевшего Неотразимчика под мышки и полетели. Все трое оставались невидимыми, так как перед тюрьмой-мэрией зачем-то собралась громадная толпа.

– Марш за нами! – крикнула мне ма. – А то нашлепаю!

– Сейчас! – ответил я, но остался.

Оказалось, что мистера Амбрустера снова отвели на допрос в зал. У окна опять стоял мистер Ганди и сверлил беднягу своими змеиными глазками, а двое типов закатали мистеру Амбрустеру рукав и готовились проткнуть ему руку какой-то стеклянной штукой с тонким наконечником. Ах, подонки! Я вышел из состояния невидимости и крикнул им:

– Не смейте трогать этого человека!

В ответ кто-то завизжал:

– Хогбенский щенок, держите его!

Я позволил им схватить себя и очутился втиснутым в кресло. Рукав мне тоже закатали.

– Нечего с ним церемониться, впрыснуть ему сыворотку правдивости, – хищно усмехнулся мне в лицо мистер Гэнди, – теперь этот бродяга ничего не утаит.

Мистера Амбрустера они порядком отделали, но он стоял на своем и лепетал:

– Не знаю я, куда девался Сонк. Знал бы, так сказал. Не знаю я, куда...

Ударом по голове его заставили замолчать, и мистер Гэнди, чуть не стукнувшись носом о мой нос, прошипел:

– Сейчас мы узнаем, откуда у вас ядерный реактор! Один укол – и у тебя мигом развяжется язык. Понял?

Тут же мне в руку загнали острый конец стеклянной штуки и впрыснули сыворотку. Но на меня она подействовала вроде щекотки, и я опять отвечал, что ничего не знаю. Тогда Гэнди приказал сделать мне еще укол, но я твердил свое, хотя щекотало больше.

Внезапно кто-то вбежал в комнату и заорал:

– Дамба рухнула! Смыло Ганди-дамбу! Половина ферм южной долины в воде!

Мистер Гэнди отпрянул как ужаленный и взвизгнул:

– Вы бредите! Это невозможно! В реке Большой Медведицы сто лет не было воды!

Однако через несколько мгновений все сбились в кучу и зашептались о каких-то образцах грунта и о сборище перед парадной лестницей.

– Вы бы успокоили их, мистер Ганди, – посоветовал кто-то. – Они так и кипят. Ведь как-никак поля затопило...

– Я с ними поговорю и все улажу, тем более что толком еще ничего не известно, а выборы через неделю.

И мистер Ганди исчез в дверях. Остальные кинулись за ним. Тогда я встал и начал чесаться – вся кожа сильно зудела. Ну, погоди, мистер Ганди, я начинаю злиться!

– Давай удерем, – предложил мистер Амбрустер. – Другого такого случая у нас не будет.

Выскочив черным ходом, мы обежали здание и перед

фасадом увидели огромную толпу. Наверху парадной лестницы стоял мистер Ганди, а к нему подступал рослый широкоплечий парень. В руке у парня был здоровенный каменный обломок.

– Я не знаю таких плотин, которые не имели бы предела прочности, – возгласил мистер Ганди.

Но парень потряс обломком над головой и проревел:

– А что такое плохой бетон, ты знаешь? Тут же один песок! Дамбу из этого бетона можно размыть галлоном воды!

– Отвратительно, мерзко! – затряс головой мистер Ганди. – Я возмущаюсь вместе с вами и заверяю всех, что со стороны властей контракт выполнялся добросовестно. И если компания «Аякс» пустила в дело некондиционные материалы, мы выведем ее на чистую воду!

А у меня уже страшно чесалось все тело и стало совсем невтерпеж. Надо было что-то предпринять.

Здоровяк с обломком бетона сделал шаг назад, ткнул пальцем в сторону мистера Ганди и спросил:

– А знаешь, поговаривают, будто в компании «Аякс» хозяйничаешь тоже ты?

Мистер Ганди открыл рот, потом закрыл, затрясся и вдруг сказал:

– Да, «Аякс» принадлежит мне.

Вы бы слышали, что за рев пронесся по толпе! А парень чуть не задохся от возмущения.

– И ты это открыто признаешь?! Значит, ты знал, из какого дерьма построена дамба? Говори, сколько прикарманил.

– Одиннадцать тысяч долларов, – смиренно признался

мистер Гэнди. – Остальное пошло шерифу, членам городского управления и...

Но взбешенная толпа кинулась вверх по лестнице, и больше мы не слышали от мистера Гэнди ни слова.

– Ну и ну! Впервые в жизни вижу такие чудеса, – сказал мистер Амбрустер. – Что это стряслось с Гэнди, Сонк? Уж не рехнулся ли он?.. А черт с ним, зато теперешнюю администрацию разгонят, вышвырнут всех мошенников, и мы заживем в Пайпервиле райской жизнью... Если только я не двину на юг. Зимой я всегда перебиваюсь поближе к солнцу... Нет, сегодня настоящий день чудес: у меня в кармане откуда-то появилось несколько монет! Пошли выпьем по этому случаю.

– Благодарю вас, но как бы ма не стала беспокоиться, – ответил я. – Так вы думаете, мистер Амбрустер, в Пайпервиле отныне все пойдет тихо-мирно?

– Еще бы нет... Хотя, пожалуй, не сразу. Гляди, старину Гэнди волокут в тюрьму. Попался, который кусался... Нет, мы обязательно должны это отпраздновать, Сонк! Куда ты провалился?

А я уже опять сделался невидимым. Зуд прошел, я полетел домой тянуть электропроводку. Вода скоро пошла на убыль, но благодаря заткнутому провалу к открытым в верховьях ключам энергией мы были обеспечены.

С тех пор мы зажили мирной жизнью. Мирная жизнь и безопасность нам, Хогбенам, дороже всего.

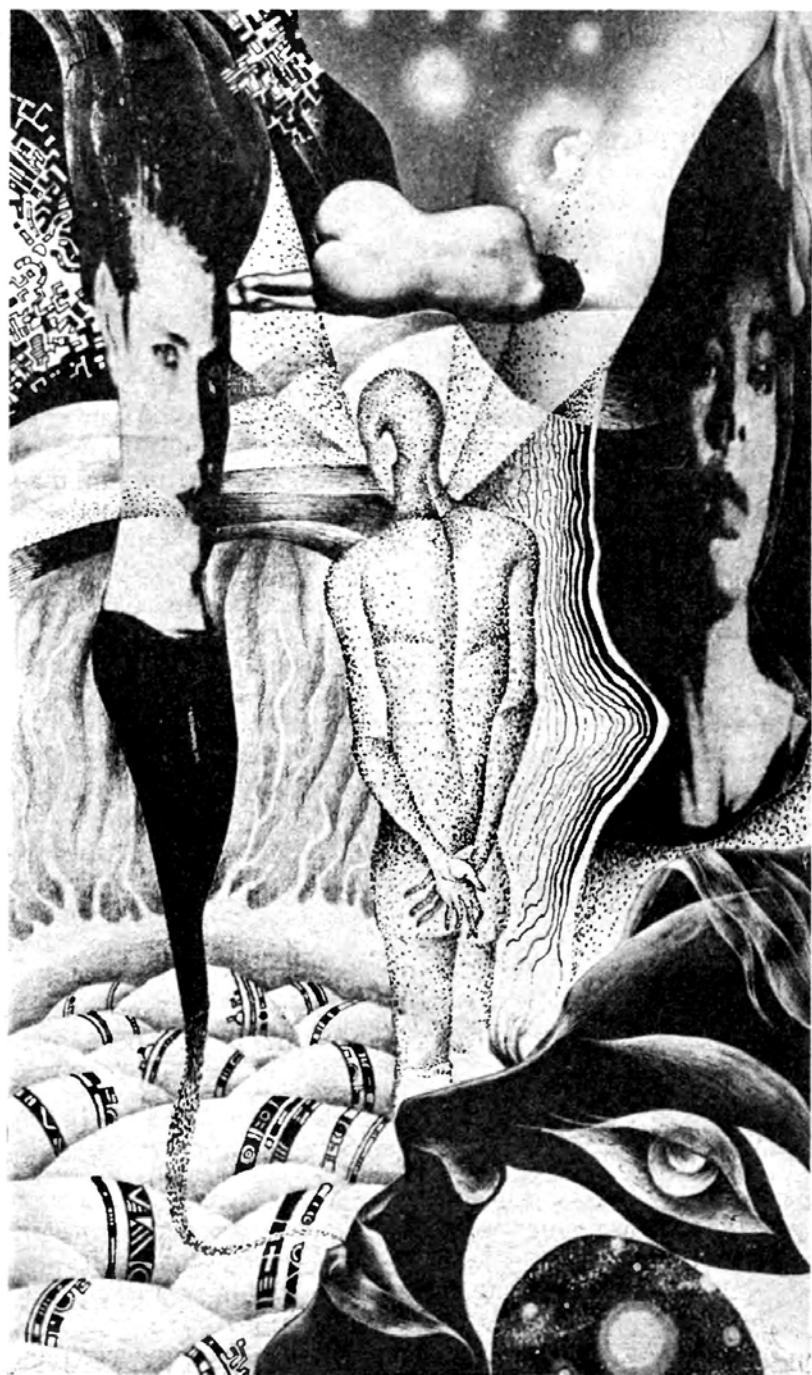
Папин па говорил потом, что наводнение мы устроили неплохое, хотя и поменьше того, про которое ему рассказывал его папин па. В Атлантиде во времена прапапина па тоже умели строить атомные печки. Но эти атланты были

настоящие головотяпы – добыли целые горы урана, и все полетело вверх тормашками, дело кончилось всемирным потопом. Прапапин па еле ноги унес, Атлантида потонула, никто про нее теперь и не помнит.

Хотя мистера Ганди упекли в тюрьму, никто от него не добился, почему он так разоткровенничался перед народом. Говорили, будто бы на него помрачение ума нашло. Но я-то знал, в чем была загвоздка.

Помните колдовской трюк моего па: телепатическую трансфузию алкоголя из его крови в мою? Так вот, когда меня одолела чесотка после введения сыворотки правдивости, я взял и проделал этот папин трюк с мистером Ганди. Он стал резать правду-матку, а у меня зуд как рукой сняло.

Этаких прохвостов только колдовством и можно заставить говорить правду.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Альфред Саймон родился на Казанге IV, небольшой сельскохозяйственной планете неподалеку от Арктура, и здесь он водил свой комбайн по пшеничным полям, а в долгие тихие вечера слушал записи любовных песенок Земли.

Жилось на Казанге неплохо.

Девушки тут были миловидны, веселы, не ломаки, отличные товарищи, верные подруги жизни. Но совершенно неромантичны! Развлекались на Казанге открыто, живо, весело. Однако, кроме веселья, ничего больше не было.

Саймон чувствовал, что в этом спокойном существовании ему чего-то не хватает. И однажды он понял, чего именно.

На Казангу прибыл в своем потрепанном космолете, груженном книгами, какой-то торговец. Он был тощий, белобрысый и немного не в своем уме. В его честь устроили празднество, потому что на дальних мирах любили новинки.

Торговец рассказал все последние слухи: о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, о том, как ловят рыбу на Алане, что носит жена президента на Морации и как смешно разговаривают люди с Дорана V. И наконец кто-то попросил:

— Расскажите нам о Земле.

— О! — сказал торговец, подняв брови. — Вы хотите услышать про планету-мать? Что ж, друзья, нет такого

местечка во Вселенной, как старая Земля, нигде нет. На Земле, друзья, все дозволяется, ни в чем отказа нет.

— Ни в чем? — переспросил Саймон.

— У них там на этот счет закон, — ухмыляясь, пояснил торговец. — И до сих пор никто не нарушал его. На Земле все иначе, друзья. Вы специализируетесь на сельском хозяйстве? Ну а Земля специализируется на всяких несообразностях... таких, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужас и тому подобное, и люди отправляются за десятки световых лет, чтобы попробовать эти продукты.

— И любовь? — спросила одна из женщин.

— Конечно, милая, — ласково сказал торговец. — Земля — единственное место в Галактике, где до сих пор существует любовь! Детройт II и Детройт III попробовали практиковать любовь, но нашли ее слишком дорогим удовольствием. На Алане решили не смущать умы, а импортировать ее на Морацию и Доран V просто не хватило времени. Но, как я уже говорил, Земля специализируется на несообразностях, и они приносят доход.

— Доход? — переспросил толстый фермер.

— Конечно! Земля — старая планета, недра и почва ее истощены. Колонии ее ныне независимы, на них живут трезвые люди вроде вас. Они хотят выгодно продавать свои товары. Так чем же еще может торговать старушка Земля, как не пустяками, ради которых стоит жить!

— А вы любили на Земле? — спросил Саймон.

— Любил, — с какой-то угрюмостью ответил торговец. — Любил, а теперь путешествую. Друзья, эти книги...

За непомерную цену Саймон приобрел сборник древней поэзии и, читая его, мечтал о страсти под сумасшедшей

луной, о телах, прильнувших друг к другу на темном морском берегу, о первых лучах солнца, играющих на запекшихся губах любовников, предающихся безумной любви и оглушенных громом прибоя.

И это возможно было только на Земле! Потому что, как говорил торговец, детям Земли, разбросанным по дальним краям, приходилось слишком много работать, чтобы заставить чужие планеты давать им средства к существованию. На Казанге выращивали пшеницу и кукурузу, а на Детройтах II и III выросли заводы. Добыча рыбы на Алане славилась на весь Южный звездный пояс. На Морации водились опасные звери, а дикие просторы Дорана V еще только предстояло покорить. И все было так, как тому и следовало быть.

На новых мирах жизнь вели суровую, тщательно распланированную, безупречную в своем совершенстве. Но что-то было потеряно в мертвых пространствах космоса. Только Земля знала любовь.

Вот почему Саймон работал, копил и мечтал. И на двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в удобный чемоданчик, надел свой лучший костюм и пару крепких башмаков и оказался на борту лайнера Казанга – Метрополия.

В конце концов он прибыл на Землю, где мечты его должны были непременно осуществиться, ибо это гарантировал закон.

Он быстро прошел таможенный осмотр на нью-йоркском космодроме и пригородной подземкой доехал до Таймс-сквера. Здесь он вышел на поверхность, мигая глазами на ярком солнце и крепко стискивая ручку чемодана.

чика, так как его предупредили о карманниках и иных обитателях города.

Затаив дыхание он с удивлением осматривался.

Первое, что его поразило, – это великое множество заведений с аттракционами в двух, трех, четырех измерениях, на вкус любых зрителей. И каких аттракционов!

Справа от него надпись на огромном шатре возвещала:

**«ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ О СЕКСУАЛЬНОЙ
ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ЗЕЛЕНОГО АДА!
ПОТЯСАЮЩИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ!»**

Ему захотелось войти. Но на другой стороне улицы показывали военные и приключенческие фильмы. Реклама кричала:

**«ПОЖИРАТЕЛИ СОЛНЦ!
ПОСВЯЩАЕТСЯ СОРВИГОЛОВАМ ИЗ КОСМИЧЕСКОГО
ФЛОТА!»**

«ТАРЗАН СРАЖАЕТСЯ С ВАМПИРАМИ САТУРНА!»

Он вспомнил, что в книгах говорилось о Тарзане как о языческом герое Земли.

Все это было удивительно, но впереди его ожидало еще столько необыкновенного! Он увидел небольшие заведения, в которых можно было купить любые кушанья всех миров и различные земные блюда – пиццу, спагетти, горячие сосиски и кныши. Тут же были лавки, в которых продавались излишки обмундирования космических флотов, и другие лавки, в которых ничего не продавали, кроме напитков.

Саймон не знал, с чего начать. Вдруг он услышал позади drobный грохот пулеметной очереди и резко обернулся.

Это был всего-навсего тир — длинное, узкое, весело раскрашенное помещение с высокой стойкой. Управляющий тиром, смуглый толстяк с ямочкой на подбородке, сидел на высоком табурете и улыбался Саймону.

— Попробуйте счастья!

Саймон вошел и увидел, что вместо обычных целей в другом конце тира на изрезанных пулями табуретках сидели четыре весьма легко одетые женщины. На лбу и на груди каждой из них было нарисовано по «яблочку».

— Разве вы стреляете настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Конечно, — сказал управляющий. — На Земле существует закон, запрещающий рекламировать товар, который фирма не может продать. Настоящие пули и настоящие девчонки! Становитесь и хлопните одну!

— Давай, дружище! Держу пари, что тебе в меня не попасть! — крикнула одна из женщин.

— Ему не попасть даже в космолет! — подзадоривала другая.

— Где ему! Давай, дружище!

Саймон провел рукой по лбу и попытался вести себя так, словно в том, что он увидел, не было ничего удивительного. В конце концов это Земля, где все дозволено, когда того требуют интересы коммерции.

— А есть тир, где стреляют в мужчин? — спросил он.

— Конечно, — ответил управляющий. — Но вы не охотник до мужчин, не правда ли?

— Конечно, нет!

— Вы инопланетянин?

— Да. А как вы узнали?

— По костюму. Я всегда узнаю по костюму. — Толстяк закрыл глаза и заговорил нараспев: — Встаньте, встаньте сюда, убейте женщину! Не сдерживайте своих импульсов! Нажмите на спусковой крючок, и вы почувствуете, как застарелый гнев улетучивается! Это лучше массажа! Лучше, чем напиться допьяна! Становитесь, становитесь и убейте женщину!

— А вы так и остаетесь мертвой, когда вас убивают? — спросил Саймон одну из девушек.

— Не говорите глупостей,— сказала девушка.

— Но...

— Бывает и хуже,— добавила девушка, пожав плечами.

Саймон было спросил, что же бывает хуже, но управляющий перегнулся к нему через стойку и сказал доверительно:

— Слушай, парень. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за стойку и увидел небольшой автомат.

— До смешного дешево, — сказал управляющий. — Я тебе дам пострелять из автомата. Стреляй куда хочешь, разнеси вдребезги все оборудование, изрешети стены. Сорок пятый калибр — вот такая дыра от каждой пули. Уж когда стреляешь из автомата, то действительно чувствуешь, что стреляешь. Могу предложить гранату, даже две. Осколочные, конечно. Если ты действительно хочешь...

— Нет!

— За хорошую цену, — сказал управляющий, — ты можешь застрелить меня, если уж у тебя такой вкус, хотя, я думаю, тебя не это интересует.

— Нет! Никогда! Это ужасно!

Управляющий посмотрел ему прямо в глаза.

— Не в настроении сейчас? Ладно. Мое заведение открыто круглые сутки. Увидимся позже, парень.

— Никогда! — сказал Саймон, выходя из тира.

— Мы ждем тебя, милый! — крикнула вслед ему одна из женщин.

Саймон подошел к стойке с напитками и заказал стаканчик кока-колы. Он увидел, что руки у него дрожат. Усилием воли заставив себя успокоиться, он стал потягивать напиток. Саймон напомнил себе, что не следует судить о Земле по нормам поведения на собственной планете. Если людям на Земле нравится убивать и жертвы не возражают, то к чему протестовать?

Или надо?..

— Привет, малый! — донесся сбоку голос, который вывел его из задумчивости.

Саймон обернулся и увидел коротышку с серьезным и многозначительным выражением лица, который стоял рядом, утопая в большом, не по росту плаще.

— Нездешний? — спросил коротышка.

— Да, — ответил Саймон. — А как вы узнали?

— По ботинкам. Я всегда узнаю по ботинкам. Как тебе нравится наша планетка?

— Она... необычна, — осторожно сказал Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал... ну...

— Конечно, — сказал коротышка, — ты идеалист. Стоило мне бросить взгляд на твое честное лицо, и я увидел это, дружище. Ты прибыл на Землю с определенной целью. Я прав?

Саймон кивнул.

— Я знаю твою цель, — продолжал коротышка. — Тебе хочется принять участие в войне, которая для чего-то там спасет мир, и ты прибыл как раз туда, куда надо. У нас во всякое время ведется шесть основных войн, и каждый может в любой момент сыграть важную роль в одной из них.

— Простите, но...

— Как раз сейчас, — внушительно сказал коротышка, — угнетенные рабочие Хилы ведут отчаянную революционную борьбу. Достаточно одного человека, чтобы перетянуть чашу весов! Таким человеком, дружище, можешь стать ты!

Увидев выражение лица Саймона, коротышка быстро поправился:

— Но можно привести немало доводов и в пользу просвещенной аристократии. Мудрый старый правитель Хилы, правитель-философ в глубочайшем, платоновском смысле этого слова, очень нуждается в твоей помощи. Его небольшое окружение — ученые, гуманисты, швейцарская гвардия, дворянство и крестьяне — тяжело страдает от заговора, вдохновленного иностранной державой. Один человек...

— Меня это не интересует, — сказал Саймон.

— Может, тебя влечет к мелким группам вроде феминистов, сторонников сухого закона или обращения серебряной монеты? Мы можем устроить...

— Я не хочу войны, — сказал Саймон.

— Мне понятно твое отвращение, — сказал коротышка, быстро закивав головой. — Война ужасна. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Как вы это узнали? — спросил Саймон.

Коротышка скромно улыбнулся.

— Любовь и война, — сказал он, — вот основные предметы земной торговли. Испокон веков они приносят нам отличный доход.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Ступай по Бродвею — это в двух кварталах отсюда, — живо ответил коротышка. — Мимо не пройдешь. Скажи там, что тебя прислал Джо.

— Но это невозможно! Нельзя же так, выйти и...

— Что ты знаешь о любви? — спросил Джо.

— Ничего.

— Ну а мы знатоки в этом деле.

— Я знаю то, что говорят книги, — сказал Саймон. — Страсть под сумасшедшей луной...

— Конечно, и тела, прильнувшие друг к другу на морском берегу, предающиеся безумной любви и оглушенные громом прибоя.

— Вы читали эту книгу?

— Это обыкновенная рекламная брошюрка. Мне надо идти. В двух кварталах отсюда. Не пропустишь.

И, вежливо поклонившись, Джо исчез в толпе.

Саймон допил кока-колу и побрел по Бродвею.

Он крепко задумался, но потом решил не делать преждевременных выводов.

Дойдя до 44-й улицы, он увидел колоссальную, ярко сверкавшую неоновую вывеску. На ней значилось:

«ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД»

Более мелкие неоновые буквы гласили:

«ОТКРЫТО КРУГЛОСУТОЧНО!»

И еще ниже:

«НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ»

Саймон нахмурился, страшное подозрение пришло ему в голову. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда его послали в длинный коридор, сказав номер нужной комнаты.

В комнате за внушительным письменным столом сидел красивый седовласый человек. Он встал, протянул Саймону руку и сказал:

— Здравствуйте! Как дела на Казанге?

— А как вы узнали, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда узнаю по рубашкам. Меня зовут мистер Тейт, и я здесь, чтобы сделать для вас все, что в моих силах. Вы...

— Саймон, Альфред Саймон.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Саймон. Хотите сигарету? Выпить что-нибудь? Вы не пожалеете, что обратились к нам, сэр. Мы старейшая фирма в области любовного бизнеса и гораздо более крупная, чем наш ближайший конкурент — акционерное общество «Страсть». Более того, стоимость услуг у нас более умеренная, и товар вы получите высококачественный. Позвольте спросить, как вы узнали о нас? Вы видели нашу большую рекламу в «Таймсе»? Или...

— Меня прислал Джо,— сказал Саймон.

— А, энергичный человек, — сказал мистер Тейт, весело покрутив головой. — Ну, сэр, нет причин откладывать дело. Вы проделали большой путь ради любви, и вы будете иметь любовь.

Он потянулся к кнопке, вделанной в стол, но Саймон остановил его, сказав:

— Я не хочу быть невежливым, но...

— Я вас слушаю, — сказал мистер Тейт с ободряющей улыбкой.

— Я не понимаю этого, — выпалил Саймон, сильно покраснев. На лбу его выступили капельки пота. — Кажется, я попал не туда. Я не для того проделал путь на Землю, чтобы... Я хочу сказать, что на самом деле вы не можете продавать любовь. Ведь не можете? Что угодно, но только не любовь! Я хочу сказать, что это не настоящая любовь.

— Что вы! Конечно, настоящая! — приподнявшись от удивления со стула, сказал мистер Тейт. — В этом-то все и дело! Сексуальные удовольствия доступны всякому. Бог мой, это же самая дешевая штука во всей Вселенной после человеческой жизни. Но любовь — редкость, любовь — особый товар, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— «Тела на темном морском берегу»? — спросил Саймон.

— Да, она самая. Я написал ее. В ней говорится о чувстве, не правда ли? Это чувство нельзя испытывать к кому угодно, мистер Саймон. Это чувство можно испытать только по отношению к тому, кто любит вас.

— И все же, разве вы предлагаете настоящую любовь? — задумчиво произнес Саймон.

— Конечно, настоящую! Если бы мы продавали поддельную любовь, мы бы так ее и называли. Законы в отношении рекламы на Земле очень строги, уверяю вас. Можно продавать что угодно, но не обманывать потребителей. Это вопрос этики, мистер Саймон!

Тейт перевел дух и продолжал более спокойно:

— Нет, сэр, здесь нет никакой ошибки. Мы не предлагаем заменителей. Это то самое чувство, которое воспевали поэты на протяжении тысячелетий. С помощью чудес современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше распоряжение, когда ему будет угодно, в приятной упаковке и за смехотворно низкую цену.

— Я думал, что оно более... неожиданное.

— В неожиданности есть своя прелесть, — согласился мистер Тейт. — Наши исследовательские лаборатории работают над этой проблемой. Поверьте мне, нет ничего такого, что наука не могла бы создать, пока существует спрос.

— Мне все это не нравится, — сказал Саймон, встав со стула. — Лучше я пойду посмотрю кино.

— Погодите! — закричал мистер Тейт. — Вы думаете, что мы пытаемся навязать вам что-то. Вы думаете, что мы познакомим вас с девушкой, которая будет вести себя так, словно любит вас, а на самом деле притворяться. Так?

— Возможно, что и так.

— А вот как раз и не так! Во-первых, это было бы слишком дорого. Во-вторых, амортизация девушки была бы колоссальной. Жизнь, исполненная лжи такого масштаба, привела бы ее к тяжелому психическому расстройству.

— Тогда как же вы делаете это?

— Мы используем наши научные знания законов человеческого мышления.

Для Саймона это было китайской грамотой. Он двинулся к двери.

— Одно слово, — сказал мистер Тейт. — На вид вы

смышленный молодой человек. Неужели вы не сможете отличить настоящую любовь от подделки?

— Конечно, смогу.

— Вот вам и гарантия! Если вы будете не удовлетворены, не платите нам ни цента.

— Я подумаю.

— Зачем откладывать? Ведущие психологи говорят, что настоящая любовь укрепляет нервную систему и восстанавливает душевное здоровье, успокаивает ущемленное самолюбие, уравнивает действие гормонов и улучшает цвет лица. В любви, которую мы продаем вам, есть все: глубокая и постоянная привязанность, несдерживаемая страсть, полная преданность, почти мистическое обожание как ваших недостатков, так и достоинств, искреннее желание делать приятное. И в дополнение ко всему этому только «Любовь инкорпорейтед» может продать вам неудержимую первую искорку, ослепительный миг любви с первого взгляда!

Мистер Тейт нажал кнопку. Еще колебавшийся Саймон нахмурился. Дверь открылась, в комнату вошла девушка, и Саймон перестал думать.

Она была высокая и стройная. У нее были каштановые волосы с рыжеватым отливом. Саймон не мог бы ничего сказать о ее лице: глаза его застлали слезы. И если бы его спросили о ее фигуре, он убил бы спрашивающего.

— Мисс Пенни Брайт, — сказал мистер Тейт, — познакомьтесь с мистером Альфредом Саймоном.

Девушка пыталась заговорить, но не могла произнести ни слова. И Саймон тоже лишился дара речи. Стоило ему

взглянуть на нее, и он понял все. Он сердцем чувствовал, что любим по-настоящему, беззаветно.

Они сразу же рука об руку вышли, сели в реактивный вертолет и приземлились у маленького белого коттеджа, который стоял в сосновой роще и глядел окнами на море. Они разговаривали, смеялись и ласкали друг друга, а позже в зареве лучей заходящего солнца Пенни показалась Саймону богиней огня. А в голубоватых сумерках она взглянула на него своими огромными темными глазами, и ее знакомое тело снова стало загадочным. Взошла луна, яркая и сумасшедшая, превратившая плоть в тень, и девушка, рыдая, била его по груди маленькими кулачками, и Саймон тоже рыдал, сам не зная почему. И наконец наступил рассвет, слабые и тревожные лучи солнца играли на запекшихся губах и телах, прильнувших друг к другу, а рядом гром прибоя оглушал, разжигал, доводил их до безумия.

* * *

В полдень они вернулись в контору фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни стиснула его руку и исчезла за дверью.

— Это была настоящая любовь? — спросил мистер Тейт.

— Да!

— И вы полностью удовлетворены?

— Да! Это была любовь, самая настоящая любовь! Но почему она настаивала на том, чтобы мы вернулись?

— Наступило постгипнотическое состояние,— сказал мистер Тейт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Всякий хочет любви, но многие могут заплатить за нее. Пожалуйста, вот ваш счет, сэр.

Саймон раздраженно отсчитал деньги.

— В этом не было необходимости, — сказал он. — Я, безусловно, заплатил бы за то, что нас познакомили. Где она теперь? Что вы с ней сделали?

— Пожалуйста, попытайтесь успокоиться, — уговаривал мистер Тейт.

— Я не хочу успокаиваться! — кричал Саймон. — Я хочу видеть Пенни!

— Это невозможно, — ледяным тоном произнес мистер Тейт. — Будьте любезны, прекратите эту сцену.

— Вы хотите выкачать из меня побольше денег? — вопил Саймон. — Ладно, я плачу. Сколько я должен заплатить, чтобы вырвать ее из ваших лап?

И Саймон выхватил бумажник и швырнул его на стол.

Мистер Тейт ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите это к себе в карман, — сказал он. — Мы старая и уважаемая фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден удалить вас отсюда.

Саймон с трудом подавил гнев, сунул бумажник в карман и сел. Глубоко вздохнув, он спокойно сказал:

— Простите.

— Так-то лучше. Я не позволю кричать на себя. Но если вы будете благоразумны, я могу выслушать вас. Ну, в чем дело?

— Дело? — снова повысил голос Саймон. Потом постарался взять себя в руки и сказал: — Она любит меня.

— Конечно.

— Тогда как же вы могли разлучить нас?

— А какое отношение имеет одно к другому? — спросил мистер Тейт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдохновение, полезное для интеллекта, для вашего «я», для баланса гормонов, для кожи лица. Но вряд ли бы кто пожелал продолжать любовь, не так ли?

— Я пожелал бы, — сказал Саймон. — Эта страсть необыкновенная, единственная...

— Все они такие, — перебил его мистер Тейт. — И как вам известно, они все производятся одним и тем же способом.

— Что?

— Вы, конечно, знаете о механике производства любви?

— Нет, — сказал Саймон. — Я думал, эта была... единственная.

Мистер Тейт покачал головой.

— Мы отказались от процесса естественного выбора много веков тому назад, вскоре после технической революции. Он слишком медлен и для коммерции непригоден. К чему он, если мы можем производить любое чувство путем тренировки и стимулирования определенных мозговых центров? И каков результат? Пенни влюбляется в вас по уши! Ваша собственная склонность, как мы прикинули, именно к ее соматическому типу сделала чувство полным. Мы всегда пускаем в ход темный морской берег, сумасшедшую луну, бледный рассвет...

— И ее можно заставить полюбить кого угодно, — медленно произнес Саймон.

— Можно убедить полюбить кого угодно, — поправил мистер Тейт.

— Господи, как же она взялась за эту ужасную работу?
— спросил Саймон.

— Как обычно. Она пришла и подписала контракт. Работа очень хорошо оплачивается. И по истечении срока контракта мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность. Неизменившуюся! Но почему вы называете эту работу ужасной? В любви нет ничего предосудительного.

— Это была не любовь!

— Нет, любовь! Товар без подделки! Незаинтересованные научные фирмы провели качественный анализ, сравнив ее с естественным чувством. Все проверки показали, что наша любовь более глубокая, страстная, пылкая, полная.

Саймон зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Послушайте. Мне наплевать на ваш научный анализ. Я люблю ее, она любит меня, а все остальное не имеет значения. Позвольте мне поговорить с ней! Я хочу жениться на ней!

От отвращения у мистера Тейта сморщился нос.

— Полноте, молодой человек! Вы хотите жениться на такой девушке! Если ваша цель — брак, то такими делами мы тоже занимаемся. Я могу устроить вам идиллическую женитьбу по любви почти с первого взгляда, на девственнице, обследованной чиновником правительственного надзора...

— Нет! Я люблю Пенни! Позвольте хоть поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно, — сказал мистер Тейт.

— Почему?

Мистер Тейт нажал кнопку на своем столе.

— Что вы еще выдумали? Мы уже стерли предыдущее внушение. Пенни теперь любит другого.

И тогда Саймон понял. Может быть, даже сейчас, в этот момент, Пенни глядит на другого мужчину с той страстью, которую познал он сам, испытывает к другому мужчине ту полную и безбрежную любовь, которую незаинтересованные научные фирмы сочли более сильной, нежели старомодный, коммерчески невыгодный естественный выбор, и проводит время на том темном морском берегу, который упомянут в рекламной брошюре...

Он бросился вперед, чтобы задушить мистера Тейта, но два дюжих служителя, ворвавшись в комнату, схватили его и повели к двери.

— Помните! — крикнул ему вслед Тейт. — Это ни в коем случае не обесценивает того, что вы пережили.

При всей своей озлобленности Саймон понимал, что Тейт сказал правду.

И потом он очутился на улице.

Сначала у него было одно желание — бежать с Земли, где коммерческих несообразностей больше, чем может позволить себе нормальный человек. Он шел очень быстро, но Пенни шла рядом, и ее лицо было удивительно красивым от любви к нему, и к другому, и вон к тому, и к тому, и к тому...

И конечно, он пришел в тир.

— Попытаете счастья? — спросил управляющий.

— А ну, поставьте их, — сказал Альфред Саймон.

ХЕМИНГУЭЙ В КОСМОСЕ

Женщина смотрела на него, и он проделал еще один поиск. Снова ничего не вышло, но он знал, что один из них был где-то неподалеку. Так уж получается, что вы всегда это знаете. Через двадцать лет вы всегда знаете, когда один из них где-то неподалеку.

– Есть что-нибудь?

– Пока нет.

– Я думала, вы сразу сможете сказать, где найти этих тварей, – сказала она. – Я думала, мы наняли вас потому, что вы сразу наведете нас на одну из этих тварей. Я думала, для этого мы вас и наняли.

– Ну, ну, Марта, – сказал молодой человек. – Никому не дано найти ксиба там, где его нет. Даже мистеру Хардакру. Мы можем наткнуться на них в любую минуту.

Она отошла от них троих у пульта управления, и ее бедра, обтянутые облегающими брюками, вызывающе покачивались. «Сука ты, – подумал вдруг Филипп Хардакр. – Проклятая, капризная, нудная, безмозглая сука». Ему стало жаль молодого человека. Он был симпатичный парень, и он был женат на этой проклятой, безмозглой суке, и он слишком боялся ее, чтобы послать ее отсюда к чертовой матери, хотя видно было, как ему этого хочется.

– Он где-то поблизости, – сказал старый марсианин, поворачивая к Филиппу Хардакру более крупную и более седую из своих двух голов. – Мы скоро увидим его.

Женщина прислонилась к борту корабля и посмотрела в иллюминатор.

– Не понимаю, для чего тебе понадобилось охотиться на этих чудовищ. Эти два дня мы могли бы прекрасно провести в Венуспорте, а мы томимся в этой стальной лоханке в двух световых годах от цивилизации. Ну что хорошего в ксибе, если ты даже его добудешь? Что ты этим докажешь?

– Ксиб является крупнейшей формой жизни в этой области галактики. – Молодой человек был школьным профессором или чем-то в этом роде, и вы могли догадаться об этом по его манере разговаривать. – Более того, здесь, в свободном пространстве, это единственное существо, наделенное способностью ощущать, и оно необычайно свирепо. Известны случаи, когда ксибы нападали на разведывательные корабли. Это самая жестокая из всех проклятых тварей, какие есть на свете, не правда ли?

– Да, пожалуй, – сказал Филипп Хардакр. – Так оно и было, хотя было еще и многое другое: свобода, и звезды во мраке, и люди, крошечные в своих скафандрах и испуганные, и все же смелые, и ксибы, тоже крошечные перед лицом бесконечности, и холодная радость, если ксиб попался подходящий.

– Вот он, – сказал старый марсианин своим свистящим голосом, склоняясь к экрану меньшей головой. – Смотрите, леди.

– Не желаю, – сказала она, поворачиваясь спиной. По древним марсианским понятиям о чести это было смертельным оскорблением, и она знала это, и Филипп Хардакр знал, что она знала это, и в его горле была ненависть, но для ненависти не было времени.

Он поднялся от пульта. Сомнений не было. Новичок

мог бы принять этот всплеск на экране за астероид или другой корабль, но через двадцать лет вы распознаете сразу.

– Надеть скафандры! – сказал он. – Выход за борт через три минуты.

Он помог молодому человеку надеть шлем, и случилось то, чего он опасался, – марсианин тоже достал свой скафандр и решительно втискивал в него заднюю пару своих ног. Он подошел к нему и традиционным жестом просьбы положил руку между двумя его шеями.

– Сейчас не твоя охота, Гхмлу, – сказал он на архаическом и церемонном марсианском языке.

– Я еще силен, а он большой и двигается быстро.

– Я знаю, но сейчас не твоя охота. Старики чаще бьют дичью, чем охотниками.

– Все мои глаза по-прежнему зорки, и все мои руки по-прежнему сильны.

– Но они медлительны, а должны быть быстры. Когда-то были быстры, но теперь медлительны.

– Хар-даша, твой друг просит тебя.

– Кровь моя – твоя кровь, как всегда. Только мысль моя кажется злою, старик. Я буду охотиться без тебя.

– Тогда доброй охоты, Хар-даша. Я жду тебя всегда, – сказала старое существо, применив ритуальную формулу покорности.

– Будем мы стрелять в этого проклятого кита или нет? – Голос женщины был резок. – Или вы с ним собираетесь свистеть друг другу всю ночь?

Он свирепо повернулся к ней.

– А вы вообще не суйтесь в это дело. Вы остаетесь на

борту. Поставьте этот бластер обратно на подставку, снимите этот скафандр, – в горле у него пересохло. – Если вы попытаетесь пролезть за нами в тамбур, я немедленно поворачиваю на Венеру.

– Мне очень жаль, Марта, но ты должна слушаться, – сказал молодой человек.

Два тяжелых бластера системы Уиндэма-Кларка были уже заряжены, и пока они стояли в тамбуре и ждали, он перевел оба на максимум. Затем наружный люк скользнул в стену, и они оказались снаружи, охваченные ощущением свободы, и бесконечности, и страха, который не был страхом. Звезды были очень холодными, и между звездами зиял мрак. Звезд было не очень много, и там, где звезд не было, мрак был бесконечен. Звезды и мрак вместе – вот что давало ощущение свободы. Без звезд или без мрака не было бы ощущения свободы, только бесконечность, но со звездами и с мраком у вас была и свобода и бесконечность. Звезд было мало, и свет их был мал и холоден, и вокруг них был мрак.

Он сказал молодому человеку по радио:

– Вы видите его? Вон там, в направлении той большой звезды с маленьким спутником?

– Где?

– Смотрите, куда я показываю. Он нас еще не заметил.

– А как он нас заметит?

– Это неважно. Теперь слушайте. Когда он бросится, вы успеете сделать один выстрел. Всего один выстрел. Затем включайте ракеты на скафандре и летите вперед со всей быстротой, на которую вы способны. Это сбивает его с толку сильнее, чем движение вбок.

– Вы мне уже говорили.

– Я говорю вам еще раз. Один выстрел. У вас будет всего один выстрел. Приготовьтесь, он увидел нас, он поворачивает.

Гигантская прекрасная светящаяся масса сделалась узкой, когда устремилась на них, затем стала разбухать. Ксиб надвигался быстро, как все другие, которых он знал. Это был огромный быстрый ксиб и, видимо, достаточно подходящий. Наверняка можно будет сказать после первого броска. Ему хотелось, чтобы ксиб оказался подходящим ради молодого человека. Ему хотелось, чтобы молодой человек поохотился на славу на подходящего огромного быстрого ксиба.

– Стреляйте через пятнадцать секунд, затем включайте ракеты, – сказал Филипп Хардакр. – И сразу готовьтесь снова, у вас не будет много времени перед следующим броском.

Ксиб надвинулся, и молодой человек выстрелил. Он выстрелил слишком рано и слегка задел кончик хвоста. Филипп Хардакр подождал столько, сколько у него хватило смелости, и выстрелил в горб, где находились главные ганглии, и включил ракеты, не успев даже взглянуть, куда он попал.

Да, это был подходящий ксиб. По тому, как стало пульсировать его свечение, можно было сказать, что он ранен в нервный узел, или что там у него есть, но через несколько секунд он развернулся и начал новый огромный прекрасный грациозный прыжок на охотников. На этот раз молодой человек выждал намного дольше и попал куда-то возле горба, и включил ракеты, как ему было сказано. Но

тут ксиб вдруг снизился, что бывает только раз в ста случаях, и ксиб и человек оказались почти друг на друге. Единственное, что мог сделать Филипп Хардакр, это выпустить из своего Уиндэма-Кларка все заряды в надежде, что потеря такого количества энергии заставит ксиба изменить направление и броситься на него. Затем он ринулся вперед на предельной скорости и приказал по радио немедленно отступать к кораблю.

— Он чем-то обдал меня, и я потерял мой бластер, — послышался голос молодого человека.

— Возвращайтесь к кораблю.

— А мы успеем?

— Мы попробуем. Видно, ваш последний выстрел повредил его достаточно, чтобы он потерял скорость или чувство ориентировки, — сказал Филипп Хардакр. Он уже знал, что они пропали.

Ксиб был всего в нескольких милях над ними и начинал разворот для нового броска, двигаясь медленнее, чем раньше, но все же недостаточно медленно. Вот что грозит вам каждый раз, когда вы охотитесь на ксиба, и когда это в конце концов случается, это и есть конец охоты и конец свободы и бесконечности, но ведь должны они когда-нибудь кончиться.

Длинная струя света брызнула из корабля, и неожиданно ксиб засветился ярче, чем когда бы то ни было, и затем свечение его исчезло, и на его месте ничего не осталось.

Марсианин, скорчившись, лежал в тамбуре, и его клешни все еще сжимали третий Уиндэм-Кларк. Оба охотника ждали, пока захлопнется внешний люк и тамбур наполнится воздухом.

– Почему он не надел скафандр? – сказал молодой человек.

– Не было времени. Чтобы спасти нас, у него оставались лишь мгновения. Этого слишком мало, чтобы надеть скафандр.

– Пустота. Они быстро задыхаются без воздуха. Самое большее пять секунд. Как раз достаточно, чтобы прицелиться и выстрелить.

«Да, он не был медлителен», – подумал Филипп Хардакр.

В корабле их ждала женщина.

– Что случилось?

– Он погиб, разумеется. Он убил ксиба.

– Неужели для этого ему понадобилось умереть?

– На борту оставался только один бластер и только одно место, откуда можно было стрелять, – сказал Филипп Хардакр. Затем голос его стал тихим. – А ты все еще в скафандре?

– Мне хотелось узнать, как в нем себя чувствуют. Но вы сказали, чтобы я сняла его.

– Почему же вы не вышли с бластером в тамбур?

Ее глаза потускнели.

– Я не знала, как отпирается замок.

– Это знал Гхмлу. Он мог отпереть его отсюда. И вы умеете стрелять, так, во всяком случае, вы говорили.

– Мне очень жаль.

– Эти слова мне нравятся, – сказал молодой человек. Теперь он не был больше похож на школьного профессора, и он больше не боялся ее. – Это самые лучшие слова, которые мне приходилось слышать. И в этих словах есть еще

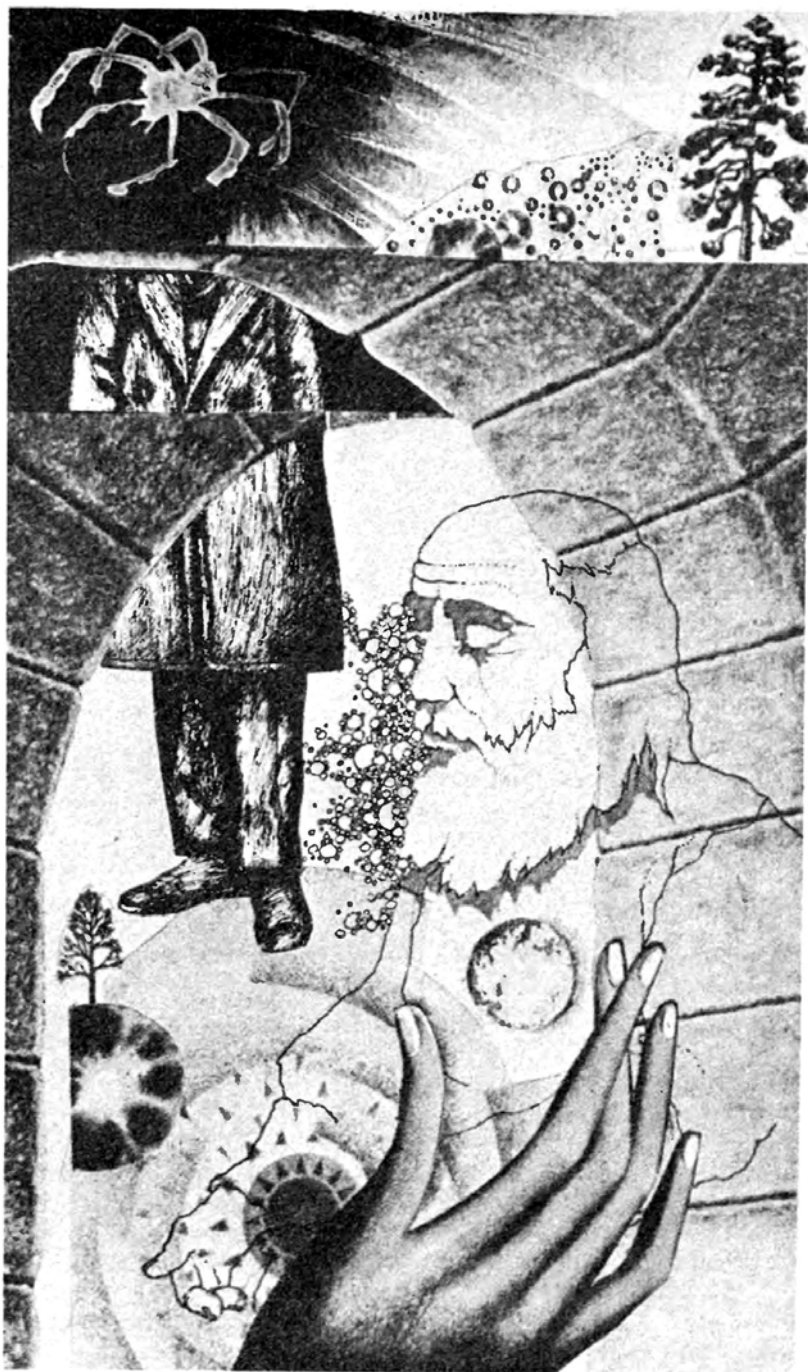
кое-что. Мне очень жаль, вот что я тебе скажу, черт тебя подери, когда брошу тебя в Венуспорте и улечу на Землю один. Тебе ведь нравится Венуспорт, правда? Ну вот, я дам тебе шанс затеряться в нем.

Филипп Хардакр кончил складывать щупальца и руки на груди старого марсианина и пробормотал все, что помнил из прощального приветствия.

– Прости меня, – сказал он.

– Давай ужин, – сказал молодой человек женщине. – Да поживее.

– Это была твоя охота, – сказал Филип Хардакр труп своего друга.

ХРОНОПОЛИС

Суд над ним был назначен на следующий день. В котором часу он состоится, Ньюмен Конрад, конечно, не знал. Да и никто не знал. Наверно, судебное заседание начнется после полудня, когда все главные действующие лица – судья, заседатели, прокурор – сойдутся в здание суда. Было бы хорошо, если бы в нужный момент появился адвокат, хотя исход дела был настолько предreshен, что он вряд ли станет утруждать себя, тем более, что добираться до здания суда и тюрьмы, как это всякому известно, сложно необыкновенно, да и после придется до бесконечности ждать транспорта на мрачной станции под тюремными стенами.

В тюрьме Ньюмен времени не терял. К счастью, его камера была обращена окном на юг, и солнце не уходило из нее почти весь день. Он разделил дугу, по которой путешествовало солнце, на десять равных отрезков – дневных часов, отметив их куском известки, потом разделил на двенадцать маленьких.

И так под рукой у него оказались действующие часы, показывающие время с точностью до одной минуты (маленькие отрезки на пять частей он делил в уме). Дуга белых отметок начиналась на стене, проходила по полу, по железной койке, и поднималась вверх по другой стене. Ее можно было увидеть, став спиной к окну, но этого никто не делал. Во всяком случае, тюремщики были слишком глупы, чтобы разобраться, что к чему, и солнечные часы давали Ньюмену колоссальное превосходство над ними.

Большую часть времени он либо выверял циферблат, либо стоял, прижавшись спиной к решетке и не спуская глаз со своей опрятной камеры.

— Брокен! — кричал он обычно четверть восьмого, когда край тени касался первой отметки. — Утренняя проверка! Подъем, дружище!

Сержант вскакивал со своей койки, а когда раздавался оглушительный сигнал побудки, уже вовсю ругал других тюремщиков.

Потом Ньюмен выкликал в соответствующее время все прочие пункты распорядка дня: утреннюю перекличку, приборку камер, завтрак, прогулку и так далее вплоть до вечерней проверки. Начальство корпуса регулярно отличало Брокена как лучшего старшего по этажу, и он полагался на Ньюмена, который распределял его день, подсказывал очередные пункты распорядка дня и предупреждал, если выполнение какого-нибудь из них затягивалось.

В других корпусах приборку обычно кончали в три минуты, а прогулка могла продолжаться часами, так как заключенные, пользуясь тем, что никто из тюремщиков не знал, когда ее надо заканчивать, делали вид, будто она только-только началась.

Брокен никогда не спрашивал Ньюмена, как тому удалось все так искусно организовать; раз или два в неделю, в дождливые и пасмурные дни, Ньюмен бывал отчужденно молчалив, и всякий раз возникавший беспорядок не давал сержанту забывать о выгодах сотрудничества. Ньюмена держали в лучшей камере, а сигарет он получал, сколько хотел. К сожалению Брокена, день суда все-таки назначен.

Ньюмен тоже жалел об этом. Большая часть исследо-

ваний еще не завершена. Он боялся, что если его заставят отсиживать срок в камере с окном на север, то он не сможет определять время. По положению теней на прогулочном дворе или на башнях и стенах узнать, который час, будет трудно чрезвычайно. Деление на отрезки пришлось бы производить на глазок, отметки же были бы тотчас обнаружены.

Ему самому надо было уподобиться часам, сделать свое тело бессознательно работающим механизмом, регулируемым, скажем, пульсом или ритмом дыхания. Он пытался развить у себя чувство времени, проводя серию сложных тестов, чтобы свести до минимума ошибки, которые были разочаровывающе большими. Шансов улучшить рефлекс было, по-видимому, маловато.

Но он знал, что сойдет с ума, если не сможет точно определять время каждого данного момента.

* * *

Одержимость, которая привела его к обвинению в убийстве, брала свое начало в довольно невинном увлечении.

Как и все дети, ребенком он замечал немногочисленные древние башни, на которых был один и тот же круг с двенадцатью делениями. В более старых кварталах города характерные круглые циферблаты, проржавевшие и облупленные, висели над магазинами дешевых украшений.

— Это просто так, — объясняла его мать. — Они ничего не означают. Как звездочки или круги.

«Ненужные украшения», — подумал он.

Однажды в старом мебельном магазине они увидели в ящике, набитом каминными приборами и прочим хламом, часы со стрелками.

— Одиннадцать и двенадцать. Что это значит?

Мать поспешила увести сына, давая зарок не приходить больше на эту улицу. Служащие Полиции Времени, наверно, по-прежнему вертятся где-нибудь поблизости.

— Ничего, — резко ответила она. — Со всем этим покончено.

А про себя припомнила: «Без пяти двенадцать. Точно».

Шаг времени, как обычно, был неторопливым. Семья Ньюмена жила в ветхом доме в одном из аморфных предместий, в зоне бесконечного безделья. Иногда мальчик ходил в школу, а до десяти лет большую часть времени проводил с матерью в очередях у закрытых продуктовых лавок. По вечерам вместе с соседней детворой он играл возле заброшенной железнодорожной станции, гоня по заросшим путям самодельную платформу или взламывая двери пустующих домов и устраивая в них командные пункты.

Он не спешил вырасти: мир взрослых был беспорядочным и лишенным честолюбия. После смерти матери он целые дни проводил на чердаке, исследуя ее чемоданы и старую одежду, играя со шляпами, бусами и прочими безделушками, предаваясь воспоминаниям о ней.

В нижнем отделении ее шкатулки с украшениями он нашел маленький плоский золотой предмет, снабженный ремешком. Стрелок не было, но циферблат заинтересовал его, и он надел предмет на руку.

Отец чуть не подавился супом, когда взглянул вечером на его руку.

— Конрад, где ты раскопал это?

— В маминой шкатулке. Можно, я возьму это себе?

— Нет. Дай сюда, Конрад! Прости сын, — и добавил задумчиво: — Погоди до четырнадцати лет. Послушай, Конрад, я все объясню тебе через несколько лет.

Новое запрещение побудило его не дожидаться отцовских откровений. И вскоре он уже все знал. Однако его постигло разочарование, рассказ старших мальчиков оказался скучным.

— И это все? — спрашивал он вновь и вновь. — Не понимаю. Зачем так беспокоиться из-за часов? Разве у нас нет календарей?

Подозревая, что ему рассказали не все, он рыскал по улицам и в поисках ключа к секрету изучал все заброшенные часы. Большинство циферблатов было изувечено, стрелки и цифры оторваны, минутные деления соскоблены, на все словно тень лег налет ржавчины. Трудно было догадаться об истинном назначении часов, разбросанных явно наугад по всему городу, висящих на зданиях банков, магазинов, учреждений. Ясно было, что они предназначены для измерения времени с помощью двенадцати произвольных делений, но это казалось совершенно недостаточным для того, чтобы сделать незаконным пользование ими.

В конце концов, все пользовались самыми различными таймерами — автоматическими приборами, регулирующими продолжительность операций: на кухнях, фабриках, в больницах — всюду, где было необходимо придерживаться определенного периода времени. У постели его отца тоже стоял таймер. Упакованный в небольшой стандартный

черный ящик, он приводился в действие миниатюрными батарейками и, будя отца, издавал тонкий пронзительный свист перед завтраком. Часы были всего-навсего градуированным таймером и гораздо менее полезными, так как они давали сплошной поток ненужной информации.

Формулируя свои вопросы по возможности наивно, Ньюмен проводил долгий тщательный опрос. Из тех, кому не исполнилось пятидесяти, никто, по-видимому, не знал ничего об истории вопроса. И даже старики начинали все забывать. Он также заметил, что чем менее образованные люди, тем охотнее они рассказывали. Это значило, что занимавшиеся физическим трудом не играли роли в перевороте и впоследствии воспоминания не вызывали у них ощущения вины, которое бы приходилось подавлять. Старый мистер Кричтон, водопроводчик, живший в подвале, предался воспоминаниям без подсказываний, но все, что он говорил, немного прояснило.

— Конечно, тогда были тысячи, миллионы часов, у каждого они были.

— Но для чего они были вам нужны, мистер Кричтон? — настаивал Конрад.

— Ну, мы просто... смотрели на них и знали, который час. Два часа или половина восьмого... в это время я уходил на работу.

— Но теперь вы ходите на работу после завтрака. И если вы запаздываете, гудит таймер.

Кричтон покачал головой.

— Не могу я тебе этого объяснить, паренек. Спроси отца.

Но и от мистера Ньюмена добиться толком чего-либо

было невозможно. Обещание разъяснить все не было выполнено, когда Конраду исполнилось и шестнадцать. Устав уклоняться от прямых ответов на настойчиво сыпавшиеся вопросы, мистер Ньюмен, наконец, грубо сказал:

— Перестань об этом думать, понимаешь! Ты и себе и всем нам доставишь одни неприятности.

У Стэси, молодого преподавателя английского языка, было искаженное представление о чувстве юмора. Он любил ошеломлять мальчиков, высказывая неортодоксальные суждения о браке и экономике. Конрад написал сочинение, в котором описывалось воображаемое общество, занятое сложным ритуалом наблюдения за тем, как минута за минутой течет время.

Стэси сделал вид, что ничего не заметил, однако ребята стали расспрашивать Конрада, чем подсказана такая фантазия. Сначала Конрад пытался уклониться от ответа, но потом сам задал вопрос о главном:

— Почему закон запрещает иметь часы?

Стэси перебрасывал кусочек мела из руки в руку.

— А разве есть такой закон?

— В полицейском участке висит старое объявление, в котором обещается награда в сто фунтов стерлингов за каждые принесенные часы. Я видел его вчера. Сержант сказал, что оно все еще в силе.

Стэси насмешливо поднял брови:

— Вы заработаете на этом миллион. Думаете взяться за дело?

Конрад не обратил внимания на насмешку.

— Закон запрещает иметь оружие, потому что можно

кого-нибудь застрелить. Но как можно причинить ущерб часами?

— Разве это неясно? Можно засечь время и узнать, сколько его человек тратит на какую-нибудь работу.

— Ну, и что?

— А потом можно заставить его работать быстрее.

В семнадцать лет, повинаясь какому-то внезапному импульсу, он сделал свои первые часы. Одержимость временем уже давала ему заметные преимущества перед школьными товарищами. Некоторые из них были более умны, другие – более добросовестны, но способность Конрада организовать свой досуг и выполнение домашних заданий позволяла ему ярче проявлять свои таланты. Пока другие еще бездельничали на железнодорожных путях и только собирались домой, Конрад уже наполовину выполнял домашние задания, точно распределяя время на каждое из них.

Покончив с уроками, он поднимался на чердак, который стал теперь его мастерской. Здесь, в старых шкафах и сундуках, он создал свои первые опытные конструкции: градуированные свечи, подобие солнечных часов, песочные часы и сложный часовой механизм мощностью в половину лошадиной силы, который двигал стрелки со скоростью, увеличивающейся в прогрессии, как бы ненамеренно пародируя самого Конрада с его одержимостью.

Первые настоящие часы, которые он сделал, были водяными. Вода медленно вытекала из бака, а опускавшийся вместе с уровнем воды деревянный поплавок двигал стрелки. Устройство было простое, но точное. Несколько

месяцев оно удовлетворяло Конрада, который тем временем все расширял свои поиски настоящего часового механизма. Он очень скоро обнаружил, что хотя в лавках старьевщиков и в заброшенных шкафах большинства домов ржавели бесчисленные настольные, золотые карманные и прочие часы, из них были вынуты механизмы вместе со стрелками, а иногда – и с циферблатами. Его собственные попытки создать устройство, которое бы регулировало ход обыкновенного часового механизма, не увенчались успехом. Все рассказы о том, как ходили часы, подтверждали одно – они были инструментами, очень точными по конструкции и отделке каждой детали. Юноша лелеял надежду, что найдет где-нибудь компактные исправные часы, лучше – ручные.

Наконец, он неожиданно стал обладателем часов. Однажды в кино пожилому человеку, сидевшему рядом с Конрадом, стало плохо с сердцем. Конрад с двумя другими зрителями понес его к кабинету директора и вдруг заметил при тусклом свете блеск металла в рукаве мужчины. Он быстро ощупал запястье пальцами и безошибочно узнал линзообразный диск ручных часов.

По дороге домой тиканье часов казалось ему громким, как трубный глас. Он сжимал часы в руке, ожидая, что все прохожие сейчас станут укоризненно показывать на него пальцами, и Полиция Времени арестует его.

На чердаке он достал часы и, затаив дыхание, осмотрел их, пряча под подушку всякий раз, когда доносился шорох снизу, из отцовской спальни. Позже он понял, что звука часов почти не слышно. Часы были такие же, как и его матери, только не с красным, а с желтым циферблатом.

Золотой футляр поцарапался и облупился, но ходили часы прекрасно. Он снимал заднюю крышку и зачарованно смотрел на неистово мелькающий мир миниатюрных зубчиков и колесиков. Он заворачивал часы в вату и, боясь сломать главную пружину, заводил их только наполовину.

Он не собирался красть часы, когда взял их у пожилого человека в кино; первым его побуждением было спрятать часы, прежде чем врач обнаружит их, нащупывая пульс больного. Но раз уж часы попали ему в руки, он и не подумал вернуть вещь.

Конрад провел на чердаке немало часов, вглядываясь в желтый циферблат, наблюдая, как медленно вращается минутная стрелка, как незаметно движется часовая – компас, прокладывающий его путь через будущее. Без часов он чувствовал себя так, словно без руля бесцельно дрейфовал по кругу вечных забот. И отец стал казаться ему глупым бездельником, который сидит себе и не знает, когда что случится.

Вскоре он уже не снимал часов весь день. Он ушил рукав, а для того чтобы можно было тайком смотреть на циферблат, прорезал в рукаве узенькую щель. Он отмечал по часам длительность всего: уроков, футбольных игр, перерывов на обед, дня и ночи, сна и бодрствования.

А потом он выдал себя.

Конрад заметил, что уроки английского языка, которые вел Стэси, продолжались ровно сорок пять минут, и постепенно привык убирать свою парту за минуту до того, как гудел таймер Стэси. Несколько раз он замечал, что Стэси с любопытством смотрит на него, но очень уж сильным было искушение первым продефилировать к двери перед изумленным учителем.

Однажды он сложил стопкой книги и закрыл перо, как вдруг Стэси многозначительно попросил Конрада прочесть записи, которые тот делал на уроке. Конрад знал, что таймер загудит через десять секунд, и решил продержаться, пока общее бегство из класса не избавит его от неприятности.

Стэси сошел с возвышения и тоже терпеливо ждал. Несколько мальчиков обернулись и хмуро посмотрели на Конрада, который отсчитывал последние секунды.

Он был поражен, он вдруг понял, что таймер вовремя не прогудел! В панике он подумал, что его часы сломались, и еле сдержался, чтобы не посмотреть на них.

— Торопитесь, Ньюмен? — сухо спросил Стэси. Сардонически улыбаясь, он медленно пошел по проходу между партами к Конраду. Сбитый с толку, покрасневший от смущения, Конрад перелистал тетрадь и прочитал записи. Через несколько минут, не ожидая сигнала таймера, Стэси отпустил класс.

— Ньюмен, — позвал он. — Погодите.

Когда Конрад подходил к Стэси, тот рылся у себя в кафедре.

— Что же случилось? — спросил он. — Забыли сегодня утром завести свои часы?

Конрад ничего не сказал. Стэси взял таймер, выключил глушитель, и послышался гудок.

— Где вы достали часы? У родителей? Не бойтесь, Полиция Времени давно распущена.

Конрад внимательно смотрел в глаза Стэси.

— Это часы моей матери, — солгал он. — Я нашел их среди ее вещей.

Стэси протянул руку, и Конрад, нервничая, отстегнул часы и отдал их учителю.

Стэси взглянул на желтый циферблат.

— Вашей матери, говорите? Гм.

— Вы хотите сообщить обо мне?

— Чтобы отнять время у психиатра, и без того перегруженного работой.

— А разве носить часы не противопоказано?

— Ну, вы не представляете собой единственную и самую грозную опасность для общественного порядка.

Стэси пошел к двери, махнув рукой, чтобы Конрад следовал за ним. Он вернул часы.

— В субботу днем отложите все свои дела. Мы с вами совершим поездку.

— Куда?

— В прошлое, — весело сказал Стэси. — В Хронополис, в Город Времени.

Стэси взял напрокат машину, громадного мастодонта с помятыми, но блестящими боками. У публичной библиотеки он остановился и радостно помахал Конраду рукой.

— Садитесь, — крикнул он и показал на пузатый портфель, который Конрад швырнул на сиденье. — Вы уже посмотрели это?

Конрад кивнул. Когда они ехали по пустынной площади, он открыл портфель и вытащил толстую пачку дорожных карт.

— Я только сейчас узнал, что город занимает пятьсот квадратных миль. Никогда не думал, что он так велик. А где же люди?

Стэси рассмеялся. Они пересекли магистраль и выехали на длинную улицу, обсаженную деревьями и тесно застроенную домами. Половина из них пустовала, окна были выбиты, крыши провисли. Даже обитаемые дома имели вид временных жилищ, к их печным трубам жались поддерживаемые лесами самодельные водонапорные башни, в заросших палисадниках громоздились кладки дров.

— Когда-то в этом городе было тридцать миллионов жителей, — заметил Стэси. — Теперь население едва превышает два миллиона и продолжает уменьшаться. Мы, оставшиеся, живем в бывших окраинных районах, и город сегодня представляет собой колоссальное кольцо шириной в пять миль, опоясывающее обширный мертвый центр, который имеет сорок — пятьдесят миль в диаметре.

Они плутали по различным переулкам, проехали мимо небольшой фабрики, еще продолжавшей работать, хотя работа должна была к полудню закончиться, и, наконец, выехали на длинный прямой бульвар, который вел прямо в западном направлении. Конрад прослеживал путь, доставая все новые листы карт. Они уже приближались к краю кольца, которое описал Стэси. На карте оно было отпечатано зеленой краской, а весь центр — невыразительной серой, он казался огромной *Terra incognita*¹².

Они проехали последнюю из оживленных торговых улочек, которая запомнилась Конраду как своеобразный пограничный пост, и, миновав ряды ветхих домов, опоясанных балконами, понеслись по мрачным улицам под массивными стальными виадуками. Стэси показал на один из них.

¹² Неведомая земля (лат.).

— Это входило в сложную железнодорожную систему, которая когда-то существовала, в громадную сеть станций и узлов, доставлявшую ежедневно пятнадцать миллионов людей на дюжину больших вокзалов.

В течение получаса Конрад не отрывался от окна, а Стэси наблюдал за ним в зеркало. Постепенно пейзаж начал меняться. Дома стали выше, тротуары были огорожены от проезжей части, появились светофоры для пешеходов и турникеты. Машина была уже на подступах к центру, на совершенно безлюдных улицах высились многоэтажные магазины самообслуживания, кинотеатры и универмаги.

Не имея средств передвижения, Конрад никогда не осмеливался отправиться в ненаселенную часть города. Как и другие дети, он всегда совершал походы в противоположном направлении, за пределы города. Здесь же улицы умерли лет двадцать — тридцать тому назад; зеркальные стекла витрин вывалились и разбились об асфальт, старые неоновые знаки, оконные рамы, провода свешивались с каждого карниза, на тротуарах валялись кучи ломаного металла.

Конрад, вытягивая шею, заглядывал в пустые окна, в узкие переулки, но теперь чувство страха и ожидания чего-то необычного оставило его. Эти улицы были просто покинуты людьми и напоминали наполовину пустой мусорный ящик.

Районы предместий следовали один за другим, изредка перемежаясь населенными кварталами. Миля за милей менялся характер архитектуры, стали попадаться громадные десяти-пятнадцатизэтажные дома, облицованные зеле-

ными и синими плитками, со стеклянной и медной отделкой. Конрад ожидал, что увидит прошлое ископаемого города, но они со Стэси скорее совершали поступательное движение во времени.

Через путаницу переулков Стэси направил автомобиль к широкой автостраде, возвышавшейся на железобетонных опорах над крышами домов. Они нашли поднимающийся винтом въезд, выехали на не загроможденную ничем автостраду и быстро помчались по ней.

Конрад напряженно смотрел вперед. Там, милях в двух или трех, были видны высокие, четко очерченные прямоугольники громадных жилых корпусов. Сотни тридцати- и сорокаэтажных домов выстроились в бесконечные ряды, напоминая гигантские костяшки домино.

— Мы въезжаем в центральные рабочие кварталы, — сказал Стэси.

Здания возвышались по обе стороны шоссе, некоторые прилегли вплотную к его бетонной балюстраде.

Через несколько минут они проехали первый из жилых комплексов: тысячи одинаковых зданий с покосившимися балконами врезались в небо, алюминиевые переплеты с вывалившимися стеклами поблескивали на солнце. Исчезли небольшие дома и магазины, характерные для дальних предместий. На земле не было незастроенного места. В узких интервалах между зданиями теснились небольшие бетонные площадки, торговые комплексы, съезды в громадные подземные гаражи.

И всюду виднелись часы. Конрад тотчас замечал их — на каждом углу, под каждой аркой, просто на стенах зданий. Где бы ни находился человек, с любой точки он мог видеть

часы. Большинство из них висело так высоко над землей, что достать их можно было бы только с помощью пожарной лестницы, и поэтому на них еще оставались стрелки. Все они показывали одно и то же время – одну минуту первого.

Конрад взглянул на свои ручные часы и отметил, что на них было без четверти три.

— Их ход зависел от главных часов, — сказал Стэси. — Когда главные часы остановились, то одновременно остановились и все другие часы. Это случилось в первую минуту первого часа ночи. Тридцать семь лет назад.

Становилось все темнее, так как высокие утесы зданий заслоняли солнце; небо виднелось изредка и только в узкие вертикальные просветы между домами. На дне каньона было уныло, джунгли бетона и матового стекла угнетали. Автострада разветвлялась, но они продолжали ехать в западном направлении. Еще через несколько миль кончились жилые кварталы и начались первые здания учреждений центральной зоны. Они были еще более высокими, шестидесяти- и семидесятиэтажными, связанными между собой спиральными съездами и галереями. Автострада проходила на высоте пятнадцати метров, и только здесь начинались первые этажи зданий, которые на массивных ходулях шагали через одетые в стекло входные помещения лифтов и эскалаторов. Улицы были широки, но ничем не примечательны. Тротуары параллельных улиц сливались под зданиями, образуя широчайшие и длиннейшие бетонные площадки. Повсюду виднелись остатки табачных киосков, ржавеющие лестницы, ведущие к ресторанам, и торговые пассажи, построенные на платформах на десятиметровой высоте.

Но Конрада интересовали только часы. Он не представлял себе, что их может быть так много; местами они были повешены так густо, что заслоняли друг друга. Циферблаты их были разных цветов – красные, синие, желтые, зеленые. Большинство часов имело по четыре-пять стрелок. Главные стрелки стояли на одной минуте первого, а дополнительные – в самых различных положениях.

— А для чего дополнительные стрелки? – спросил Конрад. – И почему часы разных цветов?

— Это временные зоны, – ответил Стэси. – Для разных профессиональных категорий и потребительских смен. Однако поспешим, мы почти у цели.

Они свернули с автострады и поехали по пандусу, который привел их на северо-восточный угол широкой площади, имевшей в длину ярдов восемьсот и ярдов четыреста, в ширину. В центре ее был разбит газон, ныне запущенный и заросший сорными травами. Площадь была пуста. Этот неожиданно свободный участок окружали высокие застекленные скалы, которые, казалось, держали на себе небо.

Стэси остановил автомобиль, и они с Конрадом вылезли и немного размялись. Потом они зашагали к зеленой полосе бывшего газона. Взглянув на улицы, расходившиеся от площади, Конрад впервые понял, как же велик город – эти гигантские геометрические джунгли.

Стэси поставил одну ногу на ограду газона и показал на дальний конец площади, где Конрад увидел кучку невысоких зданий необычной архитектуры, характерной для девятнадцатого века. Они пришли в ветхость от непогоды и были сильно повреждены взрывами. Но снова его внима-

ние привлекли часы на высокой железобетонной башне, стоявшей немного позади старых зданий. Таких больших часов он еще не видел – метров тридцать в диаметре, они тоже стояли на одной минуте первого. Циферблат у них был белый, первый встреченный Конрадом и Стэси белый циферблат. Под большими часами на широких полукруглых крыльях, встроенных в башню, видна была дюжина расцвеченных всеми цветами радуги циферблатов меньшего размера, не больше шести метров в диаметре. Все часы имели по пять стрелок, остановившихся в разных положениях.

— Пятьдесят лет тому, – пояснил Стэси, показывая на руины перед башней, – эта коллекция древних зданий была одним из величайших в мире законодательных собраний. – Спокойно рассмотрев здания, он обернулся к Конраду. – Нравится поездка?

Конрад горячо закивал.

— Это поражает воображение. Люди, которые жили здесь, по-видимому, были гигантами. И удивительно то, что все выглядит так, будто они ушли только вчера. Почему мы не возвращаемся в город?

— Ну, не говоря уже о том, что нас сейчас мало, мы бы просто не управились. В пору своего расцвета город был фантастически сложным социальным организмом. Глядя на эти пустые дома, трудно представить себе, какие трудности возникали, например, при решении проблемы средств сообщения.

— И проблемы эти были решены?

— Да, конечно. Но люди города сами оказались вне уравнения. Подумай о проблемах. Перевозка пятнадцати

миллионов служащих в центр и из центра, разработка маршрутов для бесконечного потока легковых автомобилей, автобусов, поездов, вертолетов, обеспечение связи между каждым учреждением, почти каждым кабинетом с помощью видеофона, обеспечение каждой квартиры телевидением, радио, электричеством, водой, забота о питании и развлечениях колоссального числа людей, работа вспомогательных служб, пожарных команд, полиции, медицинских учреждений – все это зависело от одного фактора. – Стэси ткнул кулаком в сторону большой башни с часами.

— Пятьдесят лет назад, – продолжал Стэси, – когда в городе было всего десять миллионов жителей, часы пик еще не были страшны, но даже тогда забастовка в какой-нибудь одной важной отрасли парализовала большинство других; у людей уходило два-три часа на то, чтобы постоять в очереди за обедом или доехать до дому. По мере того как население росло, предпринимались серьезные попытки регулировать часы работы; в некоторых районах работа начиналась на час раньше, чем в других. Соответственно они получили пропуска для проезда и автомобильные номера другого цвета. Если они пытались проехать не в положенное время, их заворачивали обратно. Вскоре эта практика получила широкое распространение; каждый мог включить стиральную машину только в определенное время, отправить письмо или принять ванну только в отведенный для этого период времени.

— Такой порядок кажется вполне осуществимым, – заметил Конрад, слушавший со все возрастающим интересом. – Но как это все было введено?

— Благодаря системе цветных пропусков, цветных денег, благодаря сложному набору расписаний, публикуемых каждый день, как публикуются телевизионные и радиопрограммы. И, конечно, благодаря тысячам часов, которые вы видите вокруг. Дополнительные стрелки показывали число минут, оставшихся для какой-либо деятельности людям, принадлежавшим к определенной цветовой категории и пользовавшимся часами с циферблатами только определенного цвета.

Стэси замолчал и показал рукой на часы с синим циферблатом на одном из зданий, выходивших на площадь.

— Скажем, например, мелкий административный служащий, выходящий из своего учреждения в определенное время, в двенадцать часов, хочет пообедать, обменять в библиотеке книгу, купить аспирин и позвонить жене. Как и у всех служащих администрации, его опознавательная зона — синяя. Он берет свое расписание на неделю или просматривает синие временные колонки в газете и отмечает, что сегодня он может пообедать с четверти первого до половины первого. Пятнадцать минут надо на что-то убить. Тогда он смотрит, когда ему можно пойти в библиотеку. Временный код на сегодня дает цифру 3, что означает третью стрелку на часах.

Он смотрит на ближайшие синие часы. Третья стрелка говорит, что прошло тридцать семь минут, и у него остается двадцать три минуты — вполне достаточное время, чтобы дойти до библиотеки. Он идет по улице, но на первом же перекрестке обнаруживает, что семафоры для пешеходов разрешают идти только красным и зеленым цветом, и он не может пересечь улицу. Этот район временно

предоставлен в распоряжение мелким служащим – женщинам (красный цвет) и работникам физического труда (зеленый цвет).

— А что было бы, если бы он не обращал внимания на огни светофоров? – спросил Конрад.

— Ничего особенного, но так как стрелки всех синих часов в данном районе переведены в нулевое положение, то ни в одном магазине, ни в одной библиотеке его не обслужили бы, если бы только он не достал красных или зеленых денег и не подделал бы библиотечный билет. Во всяком случае, рисковать не стоило, да и вся система была изобретена для его удобств. Итак, он не может попасть в библиотеку и решает пойти в аптеку. Временной код для аптеки – 5, то есть пятая, самая маленькая стрелка. Часы показывают что прошло 54 минуты: за шесть минут он должен найти аптеку и сделать покупку. Сделав это, он имеет в запасе пять минут до обеда и решает позвонить жене. Посмотрев телефонный код, он видит, что в этот день на личные телефонные разговоры ему времени не отводится.

— А если бы он все-таки позвонил?

— Он не смог бы всунуть монетку в щель автомата, а если бы и смог, то его жена, предположим, секретарша, была бы в красной временной зоне и ее не было бы в учреждении в это время. Вот так действовало запрещение вести телефонные разговоры.

Тут все цеплялось одно за другое. Программа использования времени говорила, когда включать телевизор и когда выключать его. Все электрические приборы были с плавкими предохранителями, и если их включали не во-

время, то приходилось платить большой штраф, да и ремонт приборов стоил немало. Экономическое положение потребителя определяло выбор программы и наоборот, так что никакого принуждения не было. В программе на каждый день перечислялось то, что можно делать: можно было пойти в парикмахерскую, банк, кино, коктейль-бар в определенное время, и если вы приходили когда надо, то вас наверняка обслуживали быстро и хорошо.

Стэси и Конрад почти дошли до края площади. Прямо перед ними была башня с громадными часами, возвышавшимися над созвездием своих двенадцати неподвижных помощников.

— Все население делилось на двенадцать социально-экономических категорий: синий цвет был для администраторов, золотой — для врачей, адвокатов, учителей, желтый — для военных и государственных служащих... Между прочим, странно, что у твоих родителей могли оказаться эти часы, в вашей семье никто никогда не был на государственной службе... Зеленый — для работников физического труда и так далее. Но, естественно, были и еще более мелкие деления. Мелкий административный служащий, о котором я упоминал, выходил из учреждения в двенадцать, а крупный служащий с точно таким же временным кодом выходил без четверти двенадцать и, имея пятнадцать дополнительных минут, шел по улице спокойно, а не в толпе спешивших на обед канцелярских работников.

Стэси показал рукой на башню.

— Это были Главные Часы, по которым ставились все остальные. Контроль Центрального Времени, своего рода

министерство времени, постепенно занял старые парламентские здания, так как функции законодательного собрания уменьшались. На деле абсолютными правителями города были программисты.

Как и Стэси, Конрад не спускал глаз с батареи часов, беспомощно остановившихся на одной минуте первого. Казалось, остановилось само время, а большие служебные здания вокруг площади повисли в безвременье между вчера и завтра. Конрад подумал, что если бы только кто-нибудь мог пустить в ход главные часы, то весь город вдруг ожил бы, в мгновение его улицы заполнились бы энергичной толпой людей.

Они пошли обратно к автомобилю. Конрад оглянулся на часы, их гигантские стрелки-руки были подняты вверх.

— Почему они остановились? — спросил он.

Стэси с любопытством посмотрел на него.

— Неужели это не ясно из того, что я рассказал?

Конрад оторвал взгляд от десятков часов, окаймлявших площадь, и хмуро взглянул на Стэси.

— Представляете себе, что это была за жизнь для подавляющего большинства тридцатимиллионного населения города?

Конрад пожал плечами. Синих и желтых часов, как он заметил, было больше, чем других; очевидно, главные правительственные учреждения находились в районе площади.

— Это была высокоорганизованная жизнь, и она лучше той, которую ведем мы, — ответил он, наконец, продолжая с интересом рассматривать все вокруг. — Я предпочитаю пользоваться телефоном всего один час в день, чем не

иметь его совсем. На то, что дефицитно, всегда устанавливаются нормы, не так ли?

— Но это был такой образ жизни, когда все было дефицитно. Не думаете ли вы, что есть предел унижению человеческого достоинства?

Конрад фыркнул:

— Мне кажется, что здесь все — само достоинство. Поглядите на эти здания, они простоят тысячи лет. И сравните с ними дом моего отца. А подумайте о красоте системы, работающей точно, как часы.

— Только и всего, — строго сказал Стэси. — Человек был лишь винтиком в большом механизме. Все твоё существование расписывалось и публиковалось в газетах, раз в месяц тебе его присылали почтой из Министерства Времени.

Конрад смотрел в сторону, и Стэси заговорил настойчивей и громче:

— И в конце концов вспыхнуло восстание. Интересно, что в любом промышленном обществе раз в век происходят социальные перевороты, и начинают их каждый раз люди все более высоких социальных слоев. В восемнадцатом веке начала городская беднота, в девятнадцатом веке все началось с выступлений мастеровых, а это восстание подняли служащие, жившие в крошечных, так называемых «модерных» квартирках, поддерживавшие с помощью кредитной пирамиды экономическую систему, которая отказывала им в какой бы то ни было свободе волеизъявления личности, приковывала их к тысячам часов...

Конрад вглядывался в одну из боковых улиц. Поколебавшись, он спросил нарочито равнодушным тоном:

— Что приводило в движение эти часы? Электричество?

— Большинство часов были электрические. Некоторые часы имели механизмы. А что?

— Мне просто интересно знать, каким образом все они работали.

Он немного отстал от Стэси и, бросив взгляд налево, посмотрел на свои часы. В переулке на зданиях висело около тридцати часов, ничем не отличавшихся от всех тех, что он уже видел сегодня.

Но там было и нечто примечательное. В центре портика, крытого черным стеклом, над входом в здание, в пятидесяти ярдах от площади, по правой стороне висели часы. Их синий выгоревший циферблат имел дюймов восемнадцать в диаметре. Их стрелки показывали четверть четвертого — точное время! Конрад чуть было не сказал об этом явном совпадении, когда вдруг увидел, что минутная стрелка подвинулась на одно деление. Несомненно, кто-то вновь пустил часы; даже если у них была неистощимая электрическая батарейка, через тридцать семь лет они бы не показывали такое точное время.

Конрад плелся позади Стэси, который говорил:

— Всякий переворот кому-нибудь несет притеснение...

Ярдах в десяти от машины Конрад повернулся и быстро побежал через дорогу к ближайшему зданию.

— Ньюмен! — услышал он крик Стэси. — Вернитесь!

Он добежал до тротуара, проскочил между толстыми бетонными колоннами, поддерживавшими здание. На мгновение он остановился позади шахты лифта и увидел, как Стэси торопливо садится в машину. Двигатель закаш-

лял и заревел, и Конрад помчался под зданием по проходу, который вел к другой улице. Позади он услышал нараставший рев двигателя, машина рванулась, и дверца ее захлопнулась.

Когда Конрад выбежал на улицу, в нее из-за поворота с площади в тридцати ярдах от него ворвался автомобиль. Стэси свернул с мостовой, въехал, подпрыгнув, на тротуар и погнал машину к Конраду, визжа тормозами и гудя, чтобы испугать его. Конрад отскочил в сторону, чуть не упал на капот, потом бросился вверх по узкой лестнице и выскочил на небольшую лестничную площадку с высокими застекленными дверями. Сквозь них он увидел широкий балкон, опоясывавший здание. До самой крыши вверх поднималась зигзагом пожарная лестница, прерывавшаяся на пятом этаже кафетерием, который перекинулся через улицу к зданию напротив.

Конрад слышал внизу на тротуаре шаги бегущего Стэси. Застекленная дверь была заперта. Конрад схватил висевший на стене огнетушитель и швырнул тяжелый цилиндр в дверь. Стекло осыпалось, разбилось о плиточный пол и каскадом брызнуло вниз по лестнице. Конрад вылез на балкон и стал взбираться по пожарной лестнице. Добравшись до третьего этажа, он увидел внизу Стэси, который, задрав голову, следил за ним. Перебирая руками, Конрад одолел еще два пролета, перевалился через запертую металлическую дверцу на открытую площадку кафетерия. Столы и стулья были опрокинуты, тут же валялись расщепленные остатки письменных столов, которые сбрасывались с верхних этажей.

Двери в крытый ресторан были распахнуты, на полу

растекалась большая лужа воды. Зашлепав прямо по ней, Конрад подбежал к окну и выглянул из-за дряхлой плаستيковой имитации какого-то растения на улицу. Стэси, по-видимому, отказался от преследования. Конрад направился в глубь ресторана, перелез через стойку и выкарабкался в окно на открытый переход, пересекавший улицу. Сверху была видна площадь и двойной след шин, ведущий в улицу.

Он было совсем уже перебрался на балкон дома напротив, как в воздухе прогрехотал выстрел. Зазвенели падающие осколки стекла, прогремело эхо выстрела в пустых каньонах улиц.

На несколько секунд Конрад пришел в смятение. Он отскочил от края перехода, в ушах стоял звон, отовсюду на него смотрели бесконечные ряды окон, похожие на фасеточные глаза гигантских насекомых. Значит, Стэси был вооружен! Вероятней всего, он служит в Полиции Времени!

Конрад на четвереньках побежал к балкону, протиснулся сквозь турникет и направился к полуоткрытому окну. Потом он влез в окно и затерялся в здании.

Наконец он обосновался в угловом кабинете на шестом этаже, кафетерий был внизу, справа, пожарная лестница — как раз напротив.

До самого вечера Стэси разъезжал по соседним улицам, иногда катил по инерции, выключив мотор, иногда летел во весь опор. Дважды он выстрелил, кричал, остановив автомобиль, но слова его терялись в эхо, катившемся по улицам.

Наконец, он, по-видимому, убрался восвояси, и Конрад

сосредоточил внимание на часах, висевших в центре портика. На них уже было без пятнадцати семь – почти столько же, сколько на часах Конрада. Он перевел свои часы, считая, что большие часы более верны, и стал ждать того, кто их заводит. Остальные тридцать – сорок циферблатов, которые были видны с шестого этажа, по-прежнему показывали одну минуту первого.

На пять минут он покинул свой пост и попил из лужи в кафетерии. Подавляя ощущение голода, вскоре после полуночи он лег спать в углу за письменным столом.

На следующее утро его разбудил яркий солнечный свет, заливавший кабинет. Встав, Конрад отряхнул одежду, обернулся и увидел невысокого седовласого человека в заплатанном грубошерстном костюме, внимательно разглядывавшего его зоркими глазами. На полусогнутой руке его лежало большое черное ружье с угрожающе взведенными курками.

Человек ждал, когда Конрад придет в себя.

— Что вы здесь делаете? — раздраженно спросил он. Конрад заметил, что его карманы оттопыривались угловатыми предметами.

— Я... э... — Конрад не знал, что сказать. Что-то в пожилом человеке говорило за то, что именно он заводил часы. Конрад решил, что ничего не потеряет, сказав правду, и проговорил: — Я увидел идущие часы. Там внизу, слева. Я хотел помочь завести все часы.

Старик пристально наблюдал за ним. У него было настороженное птичье лицо, двойной подбородок придавал ему сходство с петушком.

— Как же вы предполагаете это сделать? — спросил он. Сбитый с толку этим вопросом, Конрад неуверенно сказал:

— Найду где-нибудь ключ.

Старик нахмурился.

— Один ключ? Пользы от этого будет немного.

Настороженность его, по-видимому, проходила. Он похлопал себя по карманам, в которых что-то глухо звякнуло.

Несколько минут оба молчали. Потом Конрад словно по наитию засучил рукава.

— У меня есть часы,— сказал он. — Сейчас без четверти восемь.

— Дайте посмотреть, — старик шагнул вперед, схватил руку Конрада и впился взглядом в желтый циферблат. Потом, отступив, он опустил ружье и, казалось, подвел итог своим впечатлениям. — Хорошо. Посмотрим. Вы, наверно, хотите позавтракать.

Они спустились вниз и быстро пошли по улице.

— Иногда сюда приходят люди, — сказал старик, — Любопытствующие и полиция. Я видел, как вы вчера убежали. Вам повезло, что вас не убили.

Они сворачивали то влево, то вправо, пересекали пустые улицы, старик быстро шмыгал между лестницами и колоннами. На ходу он придерживал руками карманы, чтобы они не звенели. Заглянув в один из карманов, Конрад увидел, что он полон ключей, больших и ржавых, самых разных по устройству.

— Наверно, это часы вашего отца, — заметил старик.

— Дедушки, — поправил Конрад. Он вспомнил лекцию Стэси и добавил: — Он был убит на площади.

Старик сочувственно нахмурился и коснулся руки Конрада.

Они остановились под зданием бывшего банка, сейчас ничем не отличающегося от прочих зданий. Старик внимательно посмотрел по сторонам, а потом повел Конрада вверх по застывшему эскалатору.

Он жил на третьем этаже, за лабиринтом решеток и стальных дверей. В центре его большой мастерской стояла печка и висел гамак. Примерно на сорока столах того, что когда-то было машинописным бюро, была разложена огромная коллекция часов, которые все одновременно ремонтировались. Вокруг стояли высокие шкафы, набитые тысячами запасных частей, разложенных по аккуратно пронумерованным ящичкам. Регуляторы хода, храповики, зубчатые колесики трудно было узнать из-за покрывавшего их слоя ржавчины.

Старик подвел Конрада к висевшей на стене схеме и показал на итог, выписанный под колонкой дат.

— Посмотрите на это. Теперь уже ходят 278 часов. На то, чтобы заводить их, у меня уходит половина времени.

Он приготовил Конраду завтрак и рассказал о себе. Звали его Маршалл. Когда-то он работал программистом в Контроле Центрального Времени, пережил восстание и преследования Полиции Времени и десять лет назад вернулся в город. В начале каждого месяца он уходит в один из окраинных городов, получает пенсию и покупает припасы. Остальное время он заводит все растущее число функционирующих часов и ищет такие, которые можно было бы снять и починить.

— Пребывание все эти годы под дождем не пошло им на

пользу, — пояснил он. — И я ничего не могу поделать с электрическими часами.

Конрад бродил между столами, весело ощупывая разбросанные часы, которые были похожи на нервные клетки какого-нибудь невообразимо громадного робота. Он был взволнован и вместе с тем удивительно спокоен, он казался себе человеком, который поставил на карту жизнь и теперь ждет решения судьбы.

— А как вы удостоверяетесь, что все они показывают одно и то же время? — спросил он Маршалла, сам удивляясь тому, что этот вопрос кажется ему важным.

Маршалл раздраженно пожал плечами.

— Никак, но разве в этом дело? Такой вещи, как абсолютно точные часы, не существует. Самые точные часы — это те, которые стоят. Они показывают абсолютно точное время дважды в сутки, хотя вы не знаете, когда.

Конрад подошел к окну и показал на большие часы, видневшиеся в просвете между зданиями.

— Если бы мы только могли пустить те, а от них уже все остальные.

— Это невозможно. Весь механизм взорван динамитом. Не тронуты только колокола. Да и электропроводка давным-давно уже пришла в негодность. Нужна целая армия специалистов, чтобы пустить их в ход.

Конрад кивнул и посмотрел на схему. Он заметил, что Маршалл, кажется, запутался в годах — ставя даты пуска часов, он ошибался на семь с половиной лет. Нехотя поразмыслив над ироничным смыслом этой ошибки, он решил ничего не говорить Маршаллу.

Три месяца Конрад жил со стариком, сопровождая его в

пеших походах по кругу, нося лестницу и полный ранец ключей, которыми Маршалл заводил часы, помогая ему снимать те из них, которые еще можно было починить, и оттаскивая их в мастерскую. Весь день, а иногда и половину ночи они работали вместе, починяли часы, заводили их и относили на место.

Однако Конрад все время думал о больших часах на башне, возвышавшейся над площадью. Раз в день он тайком отправлялся в разрушенные здания, где когда-то обитало Время.

Как Маршалл и говорил, и большие часы, и их двенадцать сателлитов остановились навсегда. Дом, в котором помещался часовой механизм, напоминал машинное отделение затонувшего судна, это была груда искореженных взрывами двигателей и колес. Каждую неделю он поднимался по длинной лестнице на самую верхнюю площадку, находившуюся на высоте шестидесяти метров, и из башни с колоколами смотрел на плоские крыши зданий, тянувшиеся до самого горизонта. Длинные ряды молотков лежали перед ним защелкнутые в своих гнездах. Однажды он, играючи, пнул защелку дискантового молотка и... над площадью поплыл звон. Звук его оказал на Конрада странное воздействие...

Постепенно он стал ремонтировать механизм, заставлявший звучать колокола: скреплял проволокой молотки и систему шкивов, протянул на верх башни новые тросы, перетащил уцелевшие лебедки из зала с часовым механизмом, переделал защелки.

Они с Маршаллом никогда не обсуждали те задачи, которые поставили перед собой. словно животные, они

подчинялись инстинкту и работали неумоимо, вряд ли задумываясь над побудительными мотивами. И когда однажды Конрад сказал Маршаллу, что он собирается уйти и продолжить работу в другом районе города, Маршалл тотчас согласился, поделился с Конрадом по мере возможности инструментами и попрощался.

Ровно шесть месяцев спустя звон колоколов большой башни поплыл над крышами домов. Они звонили каждый час, полчаса и четверть часа, постоянно возвещаая о том, что день проходит. В тридцати милях от башни, в городах, расположенных по периметру большого города, люди останавливались на улицах и в дверях, прислушивались к тусклому эху, блуждавшему по длинным ущельям жилых кварталов, видных на горизонте, и невольно считали медленные удары, сообщавшие, который теперь час. Старики шептали друг другу: «Четыре часа или пять? Часы опять пошли. Странно, прошло столько лет».

И весь день они останавливались, когда за многие мили доносился бой часов каждые четверть часа и полчаса — голос их детства, напоминавший об упорядоченном мире прошлого. Они начали ставить свои таймеры по бою часов; ночью, перед сном, они прислушивались к долгому полному перезвону колоколов, а просыпаясь, слышали его снова в прозрачном чистом утреннем воздухе.

Иные отправлялись в полицейские участки и спрашивали, не могут ли они получить свои часы обратно.

После объявления приговора (двадцать лет за убийство Стэси и пять за четырнадцать нарушений законов о вре-

мени, но общий срок не превышал двадцати лет) Ньюмена увели в камеру, находившуюся в подвале суда. Он ждал этого приговора и отказался выступить, когда судья предоставил ему последнее слово. После года ожидания суда день, проведенный на заседании, показался очень короткой передышкой.

Он не пытался защищаться против обвинения в убийстве Стэси. Отчасти потому, что хотел выгородить Маршалла и дать ему возможность продолжать работу без помех, а отчасти и потому, что чувствовал себя косвенно виновным в смерти полицейского. Тело Стэси с черепом, разможенным от падения с тринадцатого этажа, было найдено на заднем сиденье автомобиля, спрятанного в подземном гараже неподалеку от площади. Очевидно, Маршалл обнаружил, что тот бродит повсюду, и расправился с ним голыми руками. Ньюмен припомнил, как однажды Маршалл вдруг исчез, а потом был странно раздражителен до конца недели.

В последний раз он видел старика за три дня до того, как приехала полиция. Как и каждое утро, когда раздавался бой колоколов, он без шапки быстро шагал через площадь, чтобы приветственно помахать башне рукой.

...Теперь Ньюмен должен был решить проблему, как создать часы, которые помогли бы ему скоротать двадцать лет отсидки. Он стал еще больше беспокоиться, когда его перевели в корпус, где сидели осужденные на длительные сроки. Проходя мимо своей камеры по пути к начальнику тюрьмы, он заметил, что ее окно выходит в узкий колодец. Вытянувшись перед начальником и выслушав его поучения, Конрад отчаянно старался придумать хоть что-нибудь

и удивлялся, как это разум еще не покинул его. Кроме отсчета секунд, по 86400 каждый день, он не видел иного пути определять время.

Запертый в камере, он вяло опустился на узкую койку. Он слишком устал, чтобы распаковать даже небольшой узелок своих пожитков. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в бесполезности колодца. Внизу него горел мощный фонарь, делавший невидимым солнечный свет, который проникал сквозь стальную решетку, расположенную на высоте пятидесяти футов.

Конрад вытянулся на койке и осмотрел потолок. В центре его в углублении была лампочка, но, к своему удивлению, он увидел и вторую лампочку в камере. Она была вделана в стену в пяти футах над его головой. Он видел защитный плафон, достигавший десяти дюймов в диаметре.

Сначала он подумал, что это ночник, но нигде не увидел выключателя. Повернувшись, он встал, осмотрел плафон и вдруг подскочил от изумления.

Это были часы! Он прижал обе ладони к стеклу, прочел цифры, отметил расположение стрелок. Без тринадцати минут пять. Так сейчас и это зловещая шутка или какая-нибудь ошибка?

На стук в дверь пришел надзиратель.

— Чего шумите? Часы? Что с ними?

Он отпер дверь и вошел в камеру, оттолкнув Ньюмена от порога.

— Ничего. Но почему они здесь? Это же противозаконно.

— Ах, так вот что вас беспокоит. — Надзиратель пожал

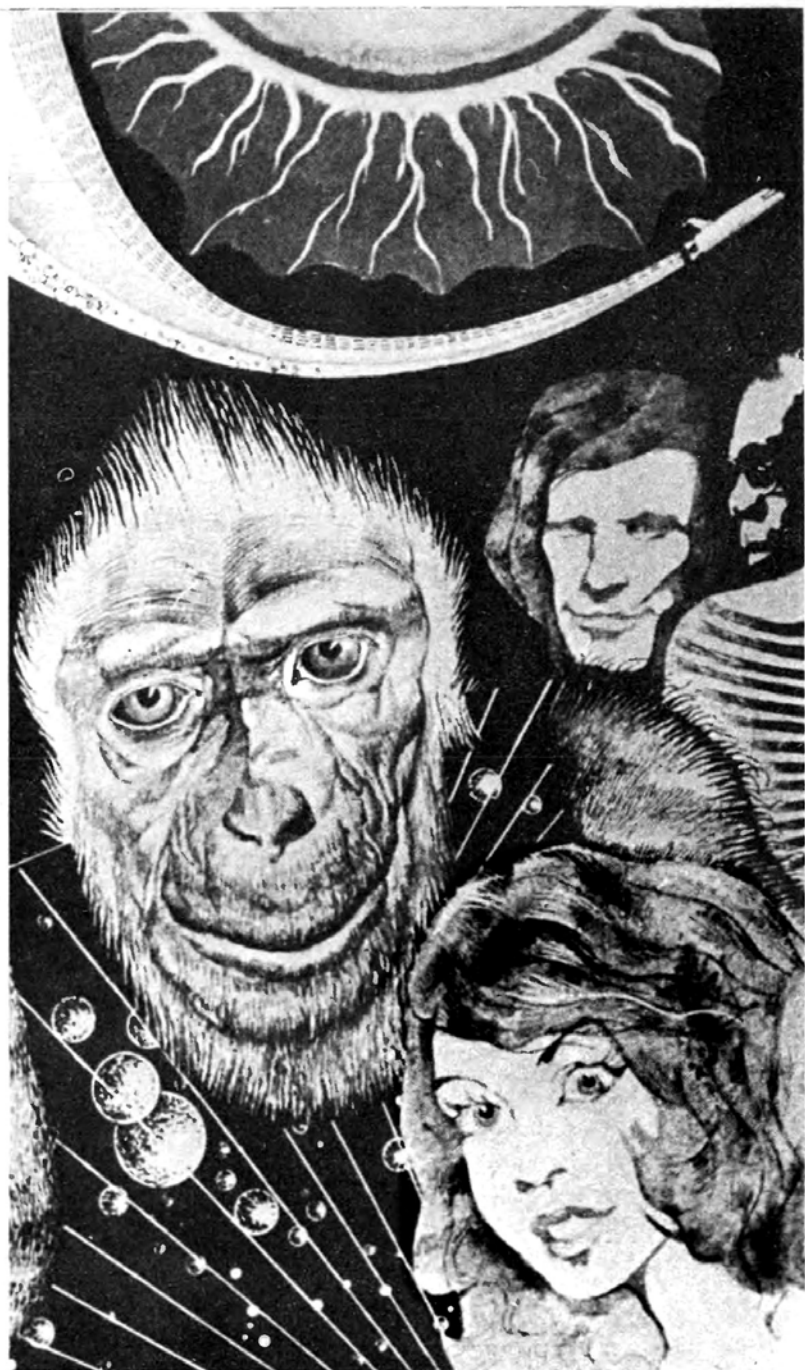
плечами. – Видите ли, здесь правила немного другие. У вас тут, ребята, слишком много времени впереди, и было бы жестоко лишать вас возможности узнать, сколько его прошло. Вы знаете, как ими пользоваться? Отлично.

Он захлопнул дверь, закрыл засовы и улыбнулся Ньюмену через решетку.

— Здесь день длинный, сынок. Это ты узнаешь. А часы помогут тебе справиться.

Радостный Ньюмен лег на койку и, положив голову на свернутое одеяло, уставился на часы. Кажется, они в прекрасном состоянии. Целый час после ухода надзирателя он неотрывно наблюдал за часами, а потом стал подметать камеру, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что часы все еще здесь и идут. Ирония положения, полностью извращенная справедливость восхитили его.

Он все еще хихикал при мысли об абсурдности всего этого и две недели спустя, когда вдруг впервые заметил, что тиканье часов безумно раздражает...

Ричард Уормсер

ПАН САТИРУС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В настоящее время существует два вида человекоподобных – малые и большие человекообразные обезьяны.

**Ливан Т. Сэндерсон.
Обезьянье царство, 1956**

«Внимание! Говорит и показывает Билл Данхэм с мыса Канаверал. До старта остается девяносто секунд, и обратный отсчет продолжается. Все будет в ажуре, как только что сказал представитель НАСА генерал Билли Магуайр... До старта остается восемьдесят шесть секунд.

Смотрите, какая суматоха, а ведь сегодня провожают не астронавта. Насколько нам известно, у Мема на Земле не остается ни родных, ни близких, так что волноваться за него некому. Восемьдесят секунд, и отсчет продолжается...

Да, Мем холостяк. Но сегодня он весьма именитый холостяк, тринадцатый шимпанзе, которого запускает на орбиту Америка страна свободы, равенства и... Семьдесят две секунды, и все будет в ажуре. Имя Мему дала миссис Билли Магуайр. Изучение древнееврейского и арабского языков – ее конек... Пройдет шестьдесят секунд и... Мем отправится в испытательный полет. Мем в полном ажуре, как сказал генерал Магуайр.

А полет этот – дело не шуточное... Остается пятьдесят секунд... Двадцать четыре часа на орбите, и все это время

датчики будут сообщать на Землю обо всех процессах, происходящих в организме Мема... Остается сорок пять секунд... Радио передаст показания датчиков о биении его пульса, о нервной дрожи, о количестве адреналина и... Остается всего тридцать секунд, да, всего полминуты, и двигатели взревут...

Прекрасный экземпляр шимпанзе этот наш Мем. Вы видели на ваших экранах, как, направляясь к космической капсуле, он остановился, чтобы пожать руку врачу, доктору Араму Бедояну, который привез его из Уайт Сэндс и неотлучно находился при нем... До старта остается пятнадцать секунд... Не думайте, что волнуетесь только вы – вот сейчас на ваших экранах крупным планом мои руки, видите, как они дрожат?.. Десять секунд... Кажется, не проявляет нервозности только один Мем, он не знает, что ему предстоит... Девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... ноль.

Пошел! Старт что надо! Ракета медленно ползет вверх. Через несколько секунд мы увидим, как первая ступень отделится и упадет в море... Вот она отваливается... еще секунда, и „Мем-саиб“ – название корабля тоже придумала миссис Магуайр – полетит над Атлантическим океаном, и через полчаса старина Мем сможет взглянуть вниз и увидеть Африку, откуда привозят его сородичей, всех этих славных шимпанзе... Или, может, их привозят из Азии? И... Что это? Вторая ступень отделилась, но КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ПОВОРАЧИВАЕТ НЕ НА ВОСТОК, А НА ЗАПАД... он летит над Соединенными Штатами... ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ЛЕТЕТЬ В ЭТУ СТОРОНУ!.. Последняя новость... только что получено сообщение от генерала

Билли Магуайра – „Мем-саиб“ на орбите... Я на минуту прекращаю передачу для наших нью-йоркских телезрителей, чтобы разыскать генерала Билли и попытаться получить у него объяснение, почему заблудился шимпанзе!»

* * *

«УАЙТ СЭНДС вызывает ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ НАСА... Вы меня слышите, НАСА? О'кэй. Сигналы с „Мем-сайба“ были громкие и четкие, когда он взлетел. Но как только корабль оказался точно над нами, передача сигналов с автоматической станции прекратилась и началась морзянка... Ну да, морзянка, та самая – точки-тире... Я не пью на дежурстве и вообще никогда не пью, потому что заработал себе язву желудка, разговаривая с такими вот болванами, как ты... Простите, сэр. Да, да, азбука Морзе, я же именно это сказал... Ну вот, я так и думал, что в конце концов вы поймете... Оттуда передали... Почему я знаю кто? Читаю: „Солнце слепило глаза, и я повернул на запад“. Открытым текстом. Похоже, он разрывал и замыкал цепь. У него такая сноровка, словно он служил на флоте радиостом, как я когда-то... Повторяю, сэр: „Солнце слепило глаза, и я повернул на запад“».

«САН-ДИЕГО вызывает ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ НАСА. С „Мем-сайба“ только что сообщили, что он делает всего один виток. Читаю:

„Облетел Землю один раз, смотреть больше не на что. Через час приземлюсь неподалеку от Грэнд Инагуа. Распорядитесь насчет обеда“.

Конец радиোগраммы... Я просто передаю сообщение, я не комментирую».

В районе Карибского моря была прекрасная погода. Американский военный корабль «Кук», миноносец-авианосец (МА), без особого труда выловил в море космическую капсулу и втащил ее на палубу. Команда выстроилась в очередь, и старший писарь фотографировал всех подряд на фоне надписи «Мем-саиб». С матросов он брал по доллару с головы, а с офицеров – по два.

Но не успел командир «Кука» (старший лейтенант¹³) принять позу, как крышка бокового люка откинулась и на палубу ступил Мем.

Это был высокий, довольно худощавый шимпанзе, весивший всего фунтов сто двадцать; впрочем, для своих семи с половиной лет он был даже тяжеловат. В космическом костюме и шлеме он мало чем отличался от человека.

Прежде всего он потребовал:

– Помогите мне выбраться из этого костюма. Кажется, я подцепил блоху на мысе Канаверал.

Моряки с готовностью пришли ему на помощь.

Пока бравая команда сдирала с шимпанзе замысловатое одеяние, командир удалился на капитанский мостик. Туда же пришел и его старший помощник, лейтенант.

– Вы слышали, что он говорит? – спросил командир.

– Я бы сказал то же самое, – задумчиво произнес старший помощник. – Черт побери, заставили бы меня

¹³ Все воинские звания даются приблизительно к званиям, известным советскому читателю. В вооруженных силах США шкала званий более сложная.

провести двадцать четыре часа на орбите с блохой под скафандром!

Он содрогнулся.

– Но, Джонни, он же говорит! Я слышал собственными ушами. Обезьяны ведь не говорят?

– Да, сэр. Но позволю себе заметить, что именно эта обезьяна действительно говорит. Черт возьми, пехота и та говорит... так почему бы не говорить шимпанзе?

– Перед нами встает проблема этикета. Куда ему подать ленч?

Старший помощник чуть было не сказал: «Что, что?», но вовремя спохватился и трансформировал свой вопрос в «Простите, сэр?».

– Я хочу сказать, – пояснил командир, – что это всемирно известный шимпанзе. Много ли обезьян или людей летало в космос? Он знаменитость, хотя и обезьяна. Мы не можем кормить его вместе с рядовым составом.

– Никак нет, сэр.

Старший помощник не мог оторвать глаз от синей поверхности моря.

– А я не знаю, что скажет начальство, если мы будем кормить обезьяну в офицерской кают-компании.

– Так точно, сэр.

– Я не хочу, чтобы мне задержали присвоение звания капитан-лейтенанта. У меня уже подходит срок.

– Так точно, сэр.

– К черту официальности, Джонни. Я же прошу совета.

Старший помощник вздохнул. Срок присвоения ему очередного звания еще не подходил, но он не хотел, чтобы в его личном деле появилась характеристика «неуживчив».

Пусть уж пишут «несообразителен», но «неуживчив» – ни в коем случае.

– Посадим его с мичманами, – сказал он. – И объявите им, что они удостоиваются этой чести, потому что мичмана – это костяк флота.

– Ну, Джонни, плавать вам под собственным флагом еще до того, как уйдете в отставку.

– Благодарю вас, сэр.

* * *

Мичманская кают-компания на «Куке» была небольшой – за столом сидело четверо мичманов и восемь главных старшин. С Мемом их стало тринадцать, но шимпанзе их успокоил:

– В конце концов, я тринадцатая обезьяна, слетавшая в космос, и все обошлось благополучно.

Радист первого класса Бронстейн по прозвищу Счастливчик заметил:

– Так точно, сэр. Раз вы не придаете значения суевериям, то и нам не следует.

– Джентльмены, не называйте меня сэром.

– Ну, тогда и вы не называйте нас джентльменами, – сказал Счастливчик. – Мы не офицеры.

– Горилла... простите, я хотел сказать, мичман-минер Бейтс здесь старший. Тридцать пять лет на флоте.

Шимпанзе Мем рассмеялся.

– Горилла – это ваше прозвище, мичман?

Произошло событие, достойное быть отмеченным в истории военно-морского флота США: мичман Бейтс покраснел.

– Так точно, сэр, – сказал он.

Мем снова захохотал и с наслаждением почесался.

– Не стыдитесь своего прозвища, мичман. Я предпочел бы, чтобы меня называли Обезьяной, но только не Мемом. Эта дурища – супруга генерала – собиралась даже окропить мою голову шампанским, когда дала мне это имя. Доктор Бедоян отговорил ее. Кстати, мне сейчас пришло в голову... – Тяжелое морщинистое веко чуть поднялось, приоткрыв левый глаз. Шимпанзе оглядел стол. – Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

Счастливчик Бронстейн уныло покачал головой.

– А у нас нет даже денатурата, Мем, простите, Обезьяна.

– Зовите меня Паном, – сказал шимпанзе. – Пан Сатирус – это видовое название чернолицых шимпанзе по-латыни. – Он улыбнулся задумчиво и немного грустно. – Так было написано на металлической табличке, прикрепленной к клетке моей матери. Когда я был еще маленькой обезьянкой, я думал, что ее так зовут.

– А, ладно, пропади оно все пропадом, – сказал Горилла Бейтс. – Я человек простой, грубый, мистер Сатирус. Простой и грубый. Уже двадцать пять лет как минер. Я и хочу знать: где это вы научились говорить?

Пан Сатирус рассмеялся.

– Прямо поставленный вопрос – это не грубость, мичман. Что ж, отвечу. Я научился говорить... да и читать, если на то пошло... в два года. Просто я не видел необходимости в применении своих знаний, пока не очутился с блохой под скафандром в этом космическом корабле с идиотским названием.

– Черт побери! – сказал старший писарь Диллинг. – А ваши все могут говорить, если захотят?

– Наверно. Я никогда над этим не задумывался.

– Ладно, – сказал Счастливчик Бронштейн. – Ладно. Но вот, чтобы все шимпанзе... то есть Паны Сатирики или как вас там... могли шпарить хорошей морзянкой да еще без ключа это у меня в котелке никак не укладывается.

– А хороший у меня радиопочерк? – спросил Пан. – Я давно не практиковался. Еще когда я жил с матерью, наш ночной сторож, бывало, все стучал ключом. Он хотел получить работу в торговом флоте. А я стучал по полу клетки ему в такт.

Вестовые, посовещавшись шепотом в камбузе, стали подавать. Пан Сатирус разломил французскую булку и принялся попеременно откусывать от обеих половинок.

– Свежих фруктов, поди, нет, – сказал он. – Ну, да все равно. Живя с людьми с самого рождения, я привык к любой пище. Я умираю от голода; мне не дали позавтракать – боялись, что наблюю в шлем.

– Принесите джентльмену банки персиковых консервов, – распорядился Горилла. Вестовые засуетились. – Пан, ты мне нравишься. А теперь ты всегда будешь говорить?

Пан Сатирус оторвался от клубничного джема, который он уплетал столовой ложкой.

– Горилла, – медленно произнес он, – это очень уместный вопрос. Кажется, я уже не смогу остановиться. Сдается мне, что я совершил ошибку, облетев вокруг Земли с такой скоростью и в том направлении, как я это сделал. Надо было мне придерживаться естественного направления, то есть летать с запада на восток. Кажется, я регрессировал!

– Что ты сделал? – спросил Счастливчик Бронстейн.

– Должно быть, я употребил не то слово, – сказал Пан. Черные глаза его погрузнели. – В общем, совершил эволюцию наоборот, как бы это ни называлось.

– У меня в столе есть толковый словарь, – сказал писарь, но никто его не слушал.

– Видите ли, шимпанзе более развиты, чем люди, – продолжал Пан Сатирус. – Не очень-то вежливо говорить это, находясь у вас в гостях, но от правды не скроешься. Впрочем, один человек... я прочел об этом через плечо доктора Бедояна, когда был болен и он выхаживал меня... один человек создал теорию об очень быстром путешествии, о путешествии со скоростью, превышающей скорость света, и о том, что в результате получается с путешественниками.

– Летать быстрее света невозможно, – сказал Бронстейн.

– Тем не менее я летал, – возразил Пан Сатирус. – Меня то и дело сажали в эту капсулу, или космический корабль, или как его там. – Он содрогнулся на обезьяний манер – шерсть его стала дыбом. – Ради тренировки... Имитировали полет на земле. Делать там было нечего, и я изучал устройство корабля. Как только меня запустили, я все в нем переиначил.

– Это до меня не доходит, – сказал Горилла.

– Я регрессировал, – сказал Пан Сатирус. Без всякой видимой причины он добродушно похлопал Гориллу Бейтса по руке. – Да, я уверен, что говорить надо именно так. «Деэволюционировал» не годится. Видите ли, я чувствую непреодолимое желание говорить. Я всегда считал дар речи проклятием Адама.

Он вздохнул.

Кроме Гориллы Бейтса, никто, по-видимому, не понимал его.

– Ты можешь пойти служить на флот, – сказал старый мичман. – В море не так уж плохо. Если верить Бронштейну, из тебя получился бы радист второго класса, а может, и первого.

– Мне всего семь с половиной лет, – сказал шимпанзе. Меня не возьмут.

– Не возьмут, даже с согласия родителей не возьмут, – вставил писарь, хотя его никто не слушал.

– Во всяком случае, – сказал Пан Сатирус, – матросская форма – это не для шимпанзе.

– А, понимаю, – догадался Бронштейн. – Я видел фотографию Бейтса, снятую еще до того, как он стал мичманом.

Послышались свистки, звонки, а затем властная команда:

– Все наверх! По местам стоять!

– Как стоять? – спросил Пан.

Но в кают-компании уже никого не было; все побежали на взлетную палубу и к своим боевым постам.

Пан Сатирус прикончил последние персики и побрел следом, сопровождая каждый шаг постукиванием костяшек пальцев о стальную палубу.

Команда корабля построилась и стояла «вольно», когда он добрался до взлетной палубы. Моряки стояли в строю по подразделениям, или поротно, или как уж они там строятся в военно-морском флоте; ни один из сторожей Пана никогда не читал морских рассказов, и поэтому по части знания морских порядков Пан был нетверд.

«Мем-саиб» оттащили на край палубы. Шимпанзе вразвалку подошел к капсуле, прислонился к ней и стал наблюдать, как моряки совершают перестроения, свистят в дудочки, что-то принайтовывают или, бог его знает, что они там еще делают. К «Куку» приближался вертолет.

Наблюдая, Пан Сатирус усердно почесывался и с наслаждением ощущал, как под порывами тропического ветерка шевелится шерсть на спине. Ловким привычным движением он наконец прижал ногтем блоху, которая заставила его прервать полет, и с торжеством раздавил ее. Он был бы рад вернуться в Уайт Сэндс: Флорида определенно была проблошиной и антиобезьяньей стороной.

Позевывая, он чуть скептически наблюдал за вертолетом. За последние пять с половиной лет он побывал не в одном исследовательском центре военно-воздушных сил и НАСА. Он даже немного поработал на Комиссию по атомной энергии в Лос-Аламосе, где был превосходный врач и прескверное питание; там, по-видимому, считали, что шимпанзе любят только замороженные бананы.

Да, с тех пор как он расстался с матерью, ему пришлось повидать чертову уйму мест, где садились вертолеты. Шумные махины. Притом сконструированные скверно и неизвестно для чего. Большая часть поездок осуществлялась так: вертолет брал на борт какого-нибудь бездельника в одном месте и поспешно доставлял его бить баклуши в другое. Хождение, карабканье, покачивание – все создавало приятное ощущение осмысленной деятельности.

Есть! Вертолет благополучно сел на палубу. Пилот заглушил двигатели, и люди в нелепо раскрашенных комбинезонах подбежали к вертолету, закрепили его и ушли.

Так, значит, вертолету обеспечена безопасность. У Пана Сатируса в Холломэне был врач, моряк. Если он говорил, что надо обеспечить безопасность, это, по-видимому, означало, что надо кого-то или что-то оставить в покое.

Офицеры отдали честь. Пан Сатирус знал все о воинских порядках, установленных формах одежды, рангах, денежном содержании. Он был весьма наслышан о государственной службе, как гражданской, так и военной. Отдавали честь старший лейтенант и лейтенант. А это адмирал... скажи на милость, АДМИРАЛ... выходил из вертолета. И врач – капитан третьего ранга. И двое гражданских, которые очень смахивали на сторожей. Сторожа теперь хотят именоваться служителями (обезьяньими), но для него они все равно сторожа, а знал он их всяких – и мерзких, и очень даже приятных в обращении...

Писарь, которого никто не слушал, теперь фотографировал адмирала.

Пан Сатирус пригладил шерсть и заковылял вперед, постукивая костяшками пальцев о палубу.

Первым его увидел адмирал. Он перестал позировать перед аппаратом и показал пальцем:

– Обезьяна! Почему не обеспечена безопасность?

Врач обернулся и что-то сказал одному из сторожей, который торопливо полез в вертолет.

– Не надо обеспечивать мне безопасность, адмирал, – сказал Пан Сатирус. – Мне очень нравится говорить с людьми. У нас был такой славный ленч в мичманской столовой.

– У мичманов не бывает ленча, – сказал адмирал. – Они обедают и ужинают. Ленч бывает только у офицеров.

Пан Сатирус пожал плечами и отвернулся. Спорить с этим человеком было совершенно бесполезно. Спор продолжался бы годами, а толку не было бы никакого. Как от самолетов и вертолетов... и космических кораблей под названием «Мем-саиб».

Штатский вернулся, и, заметив его, Пан Сатирус, собиравшийся уйти, тотчас повернулся к нему лицом. Он знал, что было в руках у этого человека: смирительная рубашка и пистолет, стреляющий зарядом успокоительного лекарства.

– Уберите эти штуки, – сказал он. – Я не хочу их видеть.

– Стреляйте, стреляйте, – рявкнул адмирал. – Я не собираюсь лететь вместе с обезьяной, пока ее не свяжут!

Сторож колебался.

– Это просто успокоительное, сэр, – сказал он. – Оно его с ног не свалит.

Пан Сатирус решил, что ему пора зарычать. Затем он немного поколотил себя в грудь кулаком, подражая человеку, который играл гориллу в какой-то телевизионной постановке.

– Осторожней с пистолетом, Нельсон, – сказал врач. Обеспечьте безопасность.

– Взять обезьяну! – командовал адмирал. – Обеспечить безопасность.

Тут что-то было неладно. «Обеспечить безопасность» могло, оказывается, означать и «оставить в покое», и, наоборот, «что-то предпринять». Пан пожалел, что ему пришлось мало читать морских рассказов, рассказов о военно-морском флоте. Интересно, что теперь с тем сторожем, который хотел поступить в торговый флот радистом?

Адмирал адмиральствовал всюду.

– Вы командир этого корабля? – спросил он старшего лейтенанта. – Выделите несколько человек, пусть займутся этой обезьяной и обеспечат безопасность!

– Я бы вас попросил не подчеркивать мою принадлежность к обезьянам, адмирал, – сказал Пан Сатирус. – Я не люблю, когда меня сваливают в одну кучу с гориллами, орангутангами и гиббонами. Я шимпанзе, Пан Сатирус, для краткости меня можно называть просто Пан. – Он почесал голову и добавил: – Сэр.

– Он еще разговаривает! – возмутился адмирал.

Пан Сатирус ответил вполне резонно, как он полагал:

– Как и вы, адмирал.

Адмирал побагровел.

– Старший лейтенант, вы слышали, что я сказал? Выделите несколько человек и...

Командир вытянулся в струнку.

– Сэр, для этого мне придется вызвать добровольцев.

– Действуйте.

Пан Сатирус завопил. На этот раз он бил не в грудь, а по палубе. Шум получался изрядный.

Служитель, державший смиренную рубашку, вытирал ею лицо.

– Вряд ли вы найдете добровольцев, – сказал Пан.

– Старший лейтенант, прикажите главному старшине корабельной полиции пристрелить это животное, – распорядился адмирал.

Пан шагнул к адмиралу.

Но тут произошла заминка. Моряк с такими же почти знаками различия, как у Счастливого Бронштейна, но

только с меньшим числом нашивок, подбежал к адмиралу, отдал честь и вручил листок бумаги. Радиограмму.

Адмирал прочитал ее и перечитал снова. Он отер пот с лица, хотя в руках у него не было для этого смиренной рубашки.

— Старший лейтенант, — сказал он. — Отмените последний приказ. Пусть ваш главный старшина корабельной полиции поставит у космического корабля часовых. Никто не должен заходить в корабль. Повторяю, никто. И никто не должен говорить с... с пилотом.

Подбежавшие моряки построились вокруг «Мем-саиба».

Горилла Бейтс, стоявший во главе своих минеров, печатая шаг, подошел к адмиралу и отдал честь.

— Сэр, — сказал он. — Я вызываюсь охранять мистера Сатируса.

Адмирал внимательно поглядел на Гориллу. Казалось, он считает нашивки на его рукаве.

— Мичман, вас зовут Бейтс? — спросил адмирал. — Мы вместе служили на «Хауленде».

— Так точно, сэр. Вы были тогда лейтенантом. Я вызываюсь охранять мистера Сатируса.

— Кого?

— Пана Сатируса, сэр, шимпанзе. Он любит, чтобы его называли Паном Сатирусом, мистером Сатирусом.

— Не называйте его мистером.

— Но он же пилот? Я буду стоять на часах и следить, чтобы никто не говорил с ним, пока не придут с берега ребята из службы обеспечения безопасности.

Пан Сатирус раскачивался на руках. Его уже не бес-

покоило, сколько он здесь пробудет. Тут было гораздо приятнее, чем на мысе Канаверал.

– Откуда вы знаете, что прибывают люди из службы обеспечения безопасности, мичман? – спросил адмирал.

Пан посочувствовал Горилле Бейтсу, у которого был такой вид, будто ему хотелось почесать в затылке – ощущение, весьма знакомое Пану и особенно острое, когда тебя привязывают в космической капсуле, в барокамере или в реактивной тележке. Мичман с трудом нашелся что ответить.

– Ну, за де... обедом Пан сказал, будто он переделал свой космический корабль так, что тот полетел быстрее света. Вот я и прикинул... Телеграмму вы насчет этого получили, ребят к космическому кораблю пускать не ведено и разговаривать с мистером Сатирусом тоже никому не разрешается... Полет быстрее света – это, видно, очень хорошее секретное оружие.

Адмирал кивнул. Теперь его лицо было уже не краснее обычного.

– Старый верный служака, – сказал он. И, взволнованно откашлявшись, бросил старшему лейтенанту: – Вы здесь командир, распорядитесь!

– Возьмите себе в помощь еще одного добровольца, мичман, – тотчас распорядился старший лейтенант. – Господин адмирал, кофе подадут в кают-компании.

– Вызвался еще радист первого класса Бронштейн, – сказал мичман Бейтс.

Счастличик и Горилла с серьезными физиономиями подошли к Пану Сатирусу, а адмирал, капитан и врач направились вниз, или внутрь, или куда там ходят на корабле.

Лейтенант распустил строй. Оба сторожа, бросив смирительную рубашку в вертолет, полезли туда же и заперлись изнутри.

– Пошли вниз, в каюту Гориллы, Пан, – сказал Счастливчик. – Я не могу сообразить никакой выпивки, но у меня в радиорубке есть немного лимонада и печенья.

– Это будет совсем неплохо, – сказал Пан. – У этого адмирала не все дома, что ли, Горилла?

– Прежде было незаметно, а теперь, похоже, идет к тому. А здорово я ему выдал, когда сказал, что тебя нужно называть мистером, раз ты пилот? Водить эту космическую штуковину можно только с высшим образованием.

– Правду сказать, этот адмирал мне совсем не понравился.

– Не обращай внимания, дружище. Флот держится на мичманах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обеспечение: (3) ...гарантия, дающая ее владельцу право требовать и получать собственность, не находящуюся в его владении...

**Новый международный
словарь Уэбстера, 1920**

В каюте мичмана Бейтса им было очень неплохо. «Чудное дело, – думал Пан, – стоит увлечься разговором с человеком, и постепенно забываешь, как странно, совсем не так, как мы, выглядят люди, и даже на вид они начинают казаться настоящими шимпанзе».

Конечно, Горилла Бейтс уже далеко ушел от человека, он и в самом деле был скорее похож на гориллу, на очень молодую гориллу.

О космическом корабле и о том, как Пан его реконструировал, они не говорили. Они держались подальше и от проблем, волновавших службу обеспечения безопасности. Горилла рассказал, как он однажды напился в Китае, Счастливчик – о знакомой девушке из Виллафранки, а Пан – о том, как в зоопарке макаки-резусы стащили у сторожа бутылку виски.

– Вы бы видели, что вытворяли эти макаки, когда перепились. Бог мой!

– Как моряки в Сан-Диего после долгого плавания, – сказал Счастливчик Бронстейн.

– Вот этого я никогда не видел, – признался Пан. – Может быть, увижу, если удастся уйти с государственной службы. В Сан-Диего прекрасный зоопарк.

– Я там дальше четырех кварталов от набережной никогда не бывал, – сказал Горилла. – Много чего я в жизни упустил.

– И всегда будешь упускать, – вставил Счастливчик Бронстейн. – Ты слишком долго был моряком. В любом порту мира тебе не уйти от родной деревни дальше чем на три квартала. Так мы называем набережную у пристани, – добавил он, обращаясь к Пану.

– Ну что за жизнь у мичманов, – сказал Горилла, – подчиняйся любому офицеришке... И знаете, хоть я никогда раньше не встречал шимпанзе, но не раз думал о них, хотите верьте, хотите нет. Я хочу сказать, что это последнее дело – привязывать хорошего малого к реактивной те-

лежке и гонять, пока у него сосуды не полопаются. Или устраивать такое, что с тобой сделали сегодня утром. Глядеть тошно.

Счастливчик Бронстейн открыл дверь каюты Гориллы Бейтса и заорал:

– Позовите писаря!

Эхо его голоса замерло где-то в недрах корабля.

– Я кое-что придумал, – добавил он.

Писарь первого класса Диллинг, должно быть, бежал всю дорогу. Другие старшины очень редко удостаивали его разговором, и он несся так, словно его самого запустили на орбиту. Он ворвался в каюту.

– Что вам, Счастливчик Горилла?

– Что говорится в уставе насчет талисманов? – спросил Счастливчик.

– На усмотрение капитана, – ответил Диллинг и прирос к месту.

– Спасибо, – сказал Горилла. И так как больше никто ничего не говорил, лицо писаря вытянулось, и он покинул каюту. Когда дверь за ним закрылась, Горилла добавил: – Может, что-нибудь выйдет.

– Ты прав, черт побери, – сказал Счастливчик. – Видел ты когда-нибудь капитана, который бы отказался выполнить справедливую просьбу мичманов и главстаршин? – Он откашлялся. – Ты будешь нашим талисманом, Пан, но это только так, для виду. Тебе же нельзя завербоваться во флот. Принять тебя, так весь флот будет кишмя кишеть семилетними ребятишками.

– Тогда Кэролайн Кеннеди была бы ДЖО¹⁴, – сказал Горилла.

– Славная девчушка, – сказал Пан. – Я видел ее как-то раз.

– Кроме шуток, – сказал Горилла. – Слушай, я думаю, такому малому, как ты, приходится встречаться со всякими знаменитостями. Ты не стал бы плавать на МА.

– Ты говоришь об этом корабле? – спросил Пан.

– О, господи, – сказал Счастливчик.

Пан и Горилла посмотрели на него.

– МА – секретный корабль, – пояснил Счастливчик. – Это прототип опытного образца. Пану никогда не разрешили бы находиться здесь, знай кто-нибудь, что он умеет говорить. А может, у тебя есть допуск и ты дал подписку о неразглашении и все такое прочее?

Шимпанзе покачал головой.

– Нет, мне никогда не представлялось такой возможности.

– М-да, – сказал Горилла. – Оно и видно.

Послышался дробный топот – кто-то спускался по стальным ступеням трапа. В дверь властно постучали.

– Полундра! Облава, – сказал Счастливчик. – Запах легавых я чую даже сквозь стальную переборку.

– Вот что значит образованный человек, – заметил Горилла. Он встал с койки (два стула, которые ему полагалось как старшему среди старшинского состава корабля, он предложил гостям) и направился к двери.

– В эту каюту вход воспрещен, – сказал он.

¹⁴ Добровольная женская организация обслуживания ВМФ.

– ФБР, – послышалось в ответ.

Горилла осторожно приоткрыл дверь.

В щель просунулась рука с удостоверением! Горилла наклонился, прочел и отворил дверь.

Вошел не один полицейский, а целых три. У каждого в левой руке было удостоверение, в правой – пистолет. Каждый был в летнем синем костюме. У каждого был весьма глупый вид.

– Я Макмагон, – сказал агент ФБР. – Это мистер Кроуфорд из службы безопасности НАСА, а это старший лейтенант Пикин из морской контрразведки. Не могли бы вы нас оставить, нам надо задать несколько вопросов этому... этому... Вы не возражаете, если я буду называть вас шимпанзе?

– Разумеется, нет, – сказал Пан Сатирус.

– Если вы предпочитаете называться человеком...

– Ни в коем случае.

Специальный агент ФБР Макмагон слегка зарумянился. Он поглядел на Счастливого, потом на Гориллу, потом снова на Счастливого.

– Простите, мистер, – сказал Горилла, – но командир приказал не подпускать к мистеру Сатирусу никого, а на корабле слово командира – закон.

– Вы правы, – сказал старший лейтенант Пикин, в своем тропическом костюме имевший весьма внушительный вид.

Работник службы безопасности НАСА Кроуфорд при-
совокупил:

– В таком случае, Пикин, сходите к капитану и попросите его отменить приказ. Дело государственной важности.

– Это не только мои стражи, но и друзья, – сказал Пан. – Во всяком случае, у меня нет особой охоты разговаривать с полицейскими. Я не очень жалую блюстителей закона. Когда я был совсем маленьким, еще годовалым шимпанзе, полицейские как-то увели одного из моих любимых сторожей. Он учил макак-резусов отвлекать внимание публики по воскресеньям, чтобы ему было легче очищать чужие карманы.

– Пусть этот зоопарк будет хоть у черта на куличках, резусов я все равно пойду и погляжу, – сказал Горилла.

Хотя Пикин ушел, в каюте все еще было очень тесно.

– Я плохо разбираюсь в огнестрельном оружии, джентльмены, – сказал Пан, – и все же мне бы хотелось, чтобы вы перестали им размахивать. Хотя бы потому, что, если бы вы засунули руки в карманы, у нас было бы больше свободного места. – Он улыбнулся и добавил: – Впрочем, я могу запрыгнуть вон на ту трубу под потолком и освободить для вас место на полу.

– Не советую, мистер Сатирус, – сказал Счастливчик. – По трубе идет горячий пар.

– Благодарю вас, радист первого класса!

Счастливчик Бронстейн улыбнулся. И не он один. Но улыбка Пана Сатируса встревожила агентов службы безопасности куда больше.

– Мичман, – сказал Пан, – почему вы не предложите вашим гостям присесть?

Макмагон и Кроуфорд спрятали пистолеты и сели на койку.

Вернулся Пикин.

– Командир возложил обязанности на меня. С согласия адмирала.

– Обязанности? – спросил Кроуфорд.

– Обязанности по охране обезьяны, – пояснил Пикин.

– Шимпанзе, – мягко поправил его Пан Сатирус. – Как бы вам понравилось, если бы вас называли млекопитающим или позвоночным? Мне бы не понравилось, хотя все мы и млекопитающие и позвоночные.

– Все в порядке, мичман, – сказал Пикин. – Вы и радист свободны. Занимайтесь своими делами.

Пан Сатирус решил, что пора завопить. Он вопил так, как это делают люди, играющие горилл в телевизионных постановках.

Кроуфорд отскочил к двери и хотел распахнуть ее, но ему это не удалось – в каюте было слишком тесно, Пан Сатирус сгрел Кроуфорда, слегка приподнял его кверху, и летний синий пиджак сыщика лопнул на спине.

– Видите ли, джентльмены, я шимпанзе, а вы всего-навсего люди, – сказал Пан. – Я могу придушить вас одной левой.

– У нас пистолеты, – сказал Пикин.

Не успел он произнести эти слова, как Пан Сатирус, который все еще одной рукой держал Кроуфорда за шиворот, другой рукой выхватил его пистолет из кобуры. Прodelал он это грубовато: пояс Кроуфорда лопнул, и брюки его треснули сзади точно так же, как и пиджак. Казалось, охранник из НАСА вот-вот расплачется.

Пан Сатирус держал пистолет правильно – он видел немало телевизионных передач, коротая со сторожами ночные дежурства. Затем он швырнул пистолет в открытый иллюминатор и сказал:

– Вы меня не застрелите, джентльмены. Во всяком

случае, пока я не расскажу, как заставил космический корабль лететь быстрее света.

В каюте наступила тишина. Волны тропического моря мягко бились о борт корабля.

– Вы намерены делать то, что я вам скажу, – добавил Пан Сатирус, – так или нет?

Все молчали.

– Разве вы не за этим пришли? – спросил Пан Сатирус. – Вот вы, Кроуфорд. Ответьте мне и перестаньте держаться за штаны. Я голый, и ничего. Чего же вам стыдиться?

– У вас побольше шерсти, – сказал Кроуфорд.

Счастливчик Бронстейн чуть не подавился. Он не прослужил столько лет матросом и старшиной, как Горилла Бейтс, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

– Я вас не об этом спрашиваю, – сказал Пан Сатирус. – Впрочем, я действительно спросил, но это был чисто риторический вопрос. Так что же вам здесь надо, Кроуфорд?

– Нам надо узнать, как получилось, что «Мем-саиб» полетел в другом направлении и с такой скоростью, – ответил Кроуфорд, запинаясь на каждом слове. – Когда вы открыли боковой люк, то порвали провода.

– Нет, – сказал Пан, – я не мог положиться на случайность. Перед тем как нажать кнопку и выйти, я привел все системы в прежний вид.

– Зачем? – тонким голосом завопил Пикин.

– Видите ли, – сказал Пан, – если бы люди полетели так же быстро, как я, но в другую сторону, они бы развились до уровня шимпанзе или, по крайней мере, горилл. А это не такое уж счастье, джентльмены. Совсем несладко жить в обезьяньем питомнике... Зоопарк, в котором я родился,

продал мою мать и меня, когда мне было два с половиной года. Продал государству, джентльмены, которому вы служите с таким рвением.

– Мы здесь не для того, чтобы знакомиться с вашей биографией, – сказал Макмагон. – Уж не думаете ли вы, что обезьяна может шантажировать правительство Соединенных Штатов?

– Как сказал бы мой друг Счастливчик, вы правы, черт побери!

– Кто этот Счастливчик? – спросил Пикин, доставая записную книжку. – Тоже шимпанзе?

– Это как сказать, – тихо молвил Счастливчик.

– Джентльмены, простите меня, – сказал Горилла. – Пан, где теперь твоя матушка?

– Она умерла на реактивной тележке в Нью-Мехико, – сказал Пан и взглянул на Кроуфорда. – Работая на НАСА.

Кроуфорд выпустил из рук свои разорванные штаны и не посмел натянуть их снова.

Все услышали, как волны лижут патентованную краску на борту «Кука».

Молчанье нарушил Макмагон.

– Давайте начнем с другого конца... мистер Сатирус. Позвольте задать вам вопрос. Вы, по-видимому, знаете многое. И слышали о «холодной войне». Может быть, вы питаете симпатию к русским?

– О, нет, – ответил Пан Сатирус. – Я не питаю симпатии к людям вообще. Впрочем, Горилла и Счастливчик, по-видимому, очень хорошие ребята, да и доктор Бедоян не хуже. Но я приглядываюсь к людям с осторожностью. А как бы поступили на моем месте вы?

Пикин спрятал записную книжку.

– Мне хотелось бы попасть на берег, – продолжал Пан Сатирус. – Даю вам слово шимпанзе, что буду вести себя тихо, если мои друзья Счастливчик и Горилла отправятся на вертолете вместе со мной. И никаких смиренных рубашек, никаких успокоительных пилюль.

– А где вы найдете пилота? – спросил Пикин.

– Может быть, один из этих моряков умеет управлять вертолетом? – спросил Макмагон.

– Нет, – сказал Горилла, – мы не пилоты, мы нижние чины.

Пан Сатирус пожал плечами. Его мускулы, вздувавшиеся при любом движении, внушали страх. Он вздохнул, и в переполненной каюте это тоже ощутилось весьма внушительно.

– В таком случае отвезите меня на этом МА, – сказал он.

Пикин ожил.

– Откуда вы знаете, что это МА? МА – совершенно секретный корабль.

– Хотя вы и не шимпанзе, – сказал Пан Сатирус, – и даже не горилла, сделайте все же попытку воспользоваться мозгом, который дала вам эволюция.

Пикин покраснел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Различные виды проявляют аналогичную изменчивость.

**Чарлз Дарвин.
Происхождение видов, 1859**

На набережной во Флоридавилле было полно народу. Три часа «Кук» маневрировал, беря курс то на Майами, то на Ки-Уэст, и в этих городах репортеры Эн-би-си, Эй-би-си и Си-би-эс¹⁵ бесились и бросались от одной пристани к другой, но меня, Билла Данхэма, на мякине не проведешь – на сэкономленные проездные деньги я нанял вертолет, и вот я уже во Флоридавилле, единственный представитель телевидения, оказавшийся на месте событий вместе со всеми своими помощниками и готовый начать передачу.

Правда, здесь, помимо меня, оказались еще двое газетчиков – один из местных и один из Ассошиэйтед Пресс, – ну, пусть уж и они попользуются... Если повезет, я буду первым человеком, который проинтервьюирует шимпанзе у микрофона, а это значит, денежки, считай, у меня уже в кармане. Пусть другим идут дамы да короли, а мне подавай сразу два туза.

У одного моего помощника был приемник, работающий на ультракоротких волнах, у другого – обыкновенный приемник, так что мы могли слышать, как идут дела у наших соперников. Эн-би-си забила гол – ее ребята подцепили адмирала, который летал на переговоры с обезья-

¹⁵ «Нэшнл бродкастинг корпорейшн», «Америкэн бродкастинг корпорейнш» и «Коламбия бродкастинг систем» – три крупнейшие радиовещательные и телевизионные компании в США.

ной. У Си-би-эс плохой улов: там поймали всего-навсего бригадного генерала Билли Магуайра, который ничего не мог сказать, потому что сам ничего не знал с тех пор, как взлетела ракета. Эй-би-си сделала хорошую радиопередачу, ее репортер оказался на борту самолета, который доставил доктора Арама Бедояна к его любимому пациенту во Флоридавилль, но по телевидению показывать им было нечего.

Итак, теперь наши соперники узнали, где собака зарыта. Не иначе, пронюхали и где я, потому что один наш маленький, Том Лейберг, брал интервью у пилота вертолета, которого я нанял. Пилот вернулся в Майами после того, как отвез меня. Он сказал, что видел блеск пушечных стволов, когда пролетал над «Куком», но по нему никто не стрелял. А что же еще он хотел увидеть на палубе военного корабля – пишущие машинки, что ли?

«Кук» застопорил машину на виду у Флоридавилля. Я велел оператору показать корабль во всех ракурсах, а сам взял микрофон, прервав интервью Тома Лейберга, который, признаться, имел бледный вид – ведь этот пилот даже не видел обезьяны.

Я описал корабль, а затем стал рассказывать, как с борта спускают моторную лодку. Тут мне подвернулся какой-то всезнайка из Флоридавилля (весь город собрался на берегу, куда подкатил наш автобус с оборудованием), который служил на флоте и объяснил мне, что на воду спускали вельбот, или китобойный бот. Выходит, мы платим налоги, чтобы военно-морской флот имел возможность охотиться на китов?

«Три человека спускаются за борт в вельбот по вере-

вочной лестнице, – сообщил я своей затаившей дыхание аудитории. Нет, нет, друзья, я ошибся. Два человека и... Как бы вы думали, кто? Наш старина Мем, сам шимпонавт направляется к берегу».

«Шимпонавт» – это, скажем прямо, я неплохо придумал. С тех пор я не раз слышал, как употребляли это слово, и горжусь тем, что обогатил английский язык такой удачной находкой.

Пока я говорил, оператор направлял свой телеобъектив на китобойный бот, который шел весьма ходко. Стали спускать еще одну лодку (местный Нептун разъяснил, что это рабочая шлюпка, и, с точки зрения налогоплательщиков, это звучало уже лучше); в нее сели двое матросов, двое штатских и еще один человек, о котором я ничего сказать не могу. А не мог я ничего сказать об этом малом потому, что он был в синей морской робе, но без шапки. А военных только по шапкам и можно различать.

Вельбот приблизился, развернулся к нам бортом и замедлил ход. У нас получились превосходные кадры – шимпонавт сидел, задумчиво опустив в воду руку. Ну, прямо как на старинных картинах – дама в лодке.

Первой пристала рабочая шлюпка, и один из матросов забросил веревку с петлей на какую-то штуковину, торчавшую из пристани. Затем он выпрыгнул на пристань сам и помог выйти трем пассажирам. Все они вытащили пистолеты, и один из них заорал: «Есть тут кто-нибудь из местной полиции?»

Мы эту сцену не упустили, и в кадр попал толстощекий южанин, который показал значок, приколотый к выгоревшей рубашке, и сказал: «Я полиция», а тот малый, что

кричал, предъявил ему свое удостоверение и потребовал: «Всю эту публику отсюда убрать».

Рабочая шлюпка вернулась на корабль.

Шимпанзе поднял руку и стал стряхивать соленую воду с шерсти у себя на груди. Средним планом его еще нельзя было показать, а тем более крупным, но я уже показывал его на мысе Канаверал в то утро, когда он направлялся к ракете и прощался с доктором (кстати сказать, все эти обезьяны – никудышные актеры), и знаю, как он выглядит. Смотреть, я считаю, особенно не на что – у шимпанзе недостаточно выразительные черты лица, и поэтому, на мой взгляд, они не фотогеничны.

Правда, в Голливуде они снимаются, но держу пари, что их предварительно гримируют. Будь здесь этот доктор Бедоян, я попросил бы его положить немного грима на физиономию старины Мема. Сам я этого делать не собирался. Я-то видел его руки и зубы.

Мы показали начальника местной полиции и федеральных агентов, которые препирались между собой; начальник полиции не хотел разгонять местных налогоплательщиков, угрожая им пистолетом, да и ребята из ФБР, как мне кажется, тоже не очень-то стремились открыть пальбу по мирным гражданам... И тут Игги Наполи потянул меня за рукав: «Гляди, Билл. Этот военный корабль уходит без своего вельбота».

И точно, «Кук» направлялся в открытое море. Рабочую шлюпку поднимали на лифте, впрочем, я, вероятно, должен сказать: на шлюп-балке, а китобойный бот все еще стоял у причала.

– Они будут кусать себе локти, если повстречают кита,
– сказал я, но, разумеется, не в микрофон.

У блюстителей порядка на пристани дело не двигалось с места. Публику они разогнать не могли, а главный агент ФБР говорил, что шимпанзе высаживать нельзя, пока они этого не сделают, и напирал на то, что обезьяна – государственное имущество, а с людьми, подвергающимися опасности государственное имущество, всякое бывает.

Но Флориду и даже Флоридавилль этим не запугаешь.

И тут этот малый, что сидел за рулем вельбота, испустил такой вопль, будто ему в глотку вмонтировали мегафон.

– Эй, мистер Макмагон, – заорал он, – мистера Сатируса укачивает.

Я щелкнул пальцами, и Игги подал мне бинокль. Я посмотрел. И точно, вельбот раскачивало на волне, поднятой уходящим «Куком», а шимпанзе перегнулся через борт. Мистер Сатирус – это и был шимпанзе, но почему его так называли, я узнал позже.

Тут этот плешивый, по имени Макмагон, умыл руки – не по-настоящему, а сделал такой вид – и пошел на попятный.

– Ладно, ладно, – сказал он. – Пикин, дайте им знак, чтобы подошли. А вы, ребята, сдайте назад. Помните, что этот человек... этот шимпанзе облетел вокруг Земли и находился в космосе с самого утра. Не напирайте.

Здорово, что мне удалось показать эту сцену. Я знал, что начальники из службы безопасности считают всех нас обезьянами, но не подозревал, что они считают обезьян людьми.

Итак, китобойный бот подошел и привязался там, где прежде стояла рабочая шлюпка (если я еще не запутался во

всех этих лодках), оператор сменил телеобъектив на широкоугольный, и я продолжал травить, пока мы не наладили первый крупный план.

Я махнул рукой, чтобы машина подъехала поближе ко мне. Крупный план для меня все равно что деньга в кармане.

Если бы мы не сделали этого тотчас же, нам, быть может, так и не удалось бы ничего показать, потому что эти три агента и местный полицейский могли сомкнуться и закрыть от нас шимпанзе. Для обезьяны он был довольно высок, но до Джона Уэйна¹⁶ ему, разумеется, далеко.

Моряк, который швырнул веревку с лодки, а потом прыгнул на пристань, был для матроса староват. Тот, который сидел у руля, был еще старше, но на нем была не матросская, а вроде бы офицерская форма, и я спросил Игги, как называть такого. Он сказал, что это мичман.

Обезьяна по-обезьянски вскарабкалась по канату на пристань и уселась на деревянную тумбу, к которой была привязана лодка. Сначала она вытирала рот рукой, потом ногой, и мне пришлось приказать оператору быстро перевести объектив на лодку по той причине, что шимпанзе, вытирающий рот ногой – крупным планом, – зрелище, пригодное далеко не для всех членов семей, собравшихся у телевизоров.

Малый постарше, которого я теперь буду называть мичманом, вскарабкался на пристань и спросил:

– Тебе лучше, Пан?

Обезьяна кивнула. Тогда старый мичман обернулся к матросу и сказал:

¹⁶ Популярный американский киноактер.

– «Кук» ушел без нас, Счастличик.

– Мы теперь в бессрочном береговом отпуску, Горилла,
– сказал Счастличик. – Командиру разрешили швартоваться только на военно-морских базах.

Тут я протолкался вперед, сунул микрофон шимпанзе под нос и спросил:

– Это правда, что вы умеете говорить, Мем?

Целую минуту я думал, что он мне не ответит.

В сущности, я думал, что он отберет у меня микрофон и заставит его съесть. Пожалуй, это единственное, что я еще не пробовал проделывать с микрофоном.

Но он вдруг улыбнулся (так мне показалось) и сказал:

– Вы, разумеется, не нашли ничего лучшего, как называть меня Мемом. Меня зовут Пан Сатирус, сэр. А вас?

Я назвался. Произносить свое имя в микрофон как можно чаще никогда не повредит. После соответствующей паузы я спросил:

– Как случилось, что вы заговорили?

Он задумался.

– Очень уместный вопрос, мистер Данхэм. А если б я задал его вам, как бы ответили вы?

Того, кто шестнадцать лет не расстается с микрофоном, не так-то легко сбить с панталыку.

– У меня вся семья умела говорить, и не один десяток лет. А ваша?

Он снова одарил меня улыбкой. Я совершенно уверен, что это была улыбка.

– Ну а моя, скажем, этим пренебрегала. Вам ясно?

И он пожал плечами. Лучше бы он этого не делал: когда его руки и плечи пришли в движение, я вспомнил, что на нем нет даже цепи.

Мичман, которого называли Гориллой (ну и имечко!), сказал:

– Чего этот малый пристаёт к тебе, Пан? Счастливчик, макни его в воду.

– Не надо, – сказала обезьяна. Чудно было как-то разговаривать с обезьяной. У нее такой же выговор, как, помнится, был у Рузвельта. Помимо того, еще чувствовался акцент уроженца Бронкса. – Должен же он зарабатывать себе на хлеб. Спрашивайте все, что хотите, мистер Данхэм.

Макмагон, старший из агентов ФБР (наверно, специальный агент), тут же затыкал:

– Никаких вопросов, касающихся государственных секретов. Ни слова о космическом корабле или... «Куке».

Шимпанзе снова ухмыльнулся: у коня – победителя дерби, который однажды лягнул меня прямехонько в одно место, зубы были и то меньше.

– Вы не бросите говорить? Я хочу сказать, раз уж вы начали.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – ответил шимпанзе. – Нет, к сожалению, не брошу.

И тут я заколебался, я, Билл Данхэм. Но всего лишь на секунду, разумеется.

– Скажите мне, Пан... вы не возражаете, что я вас так, попросту, по имени... Скажите мне, все ли обезьяны разговаривают друг с другом? Я хочу сказать, существует ли язык шимпанзе?

Он посмотрел мне прямо в глаза, и на минуту я забыл о его зубах и могучих плечах. В эту минуту я почувствовал себя снова мальчишкой – выпускником журналистских курсов, начиненным хорошим английским языком и идеалами. У шимпанзе были ужасно грустные глаза.

– У вас не найдется кусочка жевательной резинки, мистер Данхэм? – спросил он. – У меня мерзкий вкус во рту.

Игги за кадром сунул мне в руку пакетик жевательной резинки. Продувной малый, этот Игги. Слишком продувной, чтобы долго ходить в помощниках. Надо смотреть за ним в оба. Камера придвинулась, чтобы показать крупным планом голову шимпанзе, который положил резинку в рот, пожевал ее, немного и проглотил. Затем он сказал: «Спасибо», и камера отодвинулась, чтобы в кадр опять вошли двое, он и я.

– Что вы думаете об американских женщинах, Пан?

– Ну, как вы понимаете, до наших, до шимпанзе, им далеко. Но я полагаю, что для американских мужчин они достаточно хороши.

Маклински, парень, что водит наш автобус, все оттирал репортера из Ассошиэйтед Пресс, но теперь тот прорвался и вошел в кадр. Я не возражал: люди любят смотреть интервью, а показывали его только мы.

– Я Джерри Леффингуэлл из Ассошиэйтед Пресс, – сказал репортер. У него был такой тягучий южный акцент – прямо хоть мажь на олады. Местный пижон. – Какой вид был сверху, с космического корабля?

– Однообразный. Я видел всю Флориду сразу.

– Никаких вопросов о космическом корабле! – заорал Макмагон.

Кажется, шимпанзе рассмеялся. Но я не уверен. Кого уж я только не интервьюировал, но такого не выделял никто.

Тут я снова взялся за дело и рубанул вопрос, который считал особенно удачным:

– А не скажете ли вы нам что-нибудь на обезьяньем языке?

И пожалел. Шимпанзе посмотрел на меня так, что мне захотелось, чтобы между нами была решетка, а кто из нас сидел бы в клетке – я или он, – не имело значения. Шимпанзе молчал почти целую минуту, а потом спросил:

– На языке долгопатов, мандриллов, мартышек, резусов?

– Ну, на вашем родном языке.

– Я не больше обезьяна, чем вы сами, сэр.

Дело было швах, а передача продолжалась. Оба моряка потешались надо мной, и я не уверен, что операторы держали их за кадром. Тот, что постарше, мичман, сказал:

– Спросите его об этих самых резусах, мистер.

В его тоне было что-то подозрительное, и я решил не задавать этого вопроса. Но тут же меня осенила новая блестящая мысль.

– А вы, шимпанзе с мыса Канаверал и из Уайт Сэндс... Вы ведь постоянно живете в Уайт Сэндс?.. Гордитесь ли вы своим вкладом в науку?

И снова он ответил не сразу.

– Я могу говорить только от своего имени. Пожалуй, нет, не горжусь.

– Разве вы не испытываете патриотических чувств, зная, что идет «холодная война»?

На этот раз его взгляд стал добрее.

– Знаете, когда вы перестаете слишком усердствовать, мистер Данхэм, то начинаете говорить почти как образованный человек... Видите ли, не вся работа, которую мы выполняем... которую я выполнял... осуществляется в

интересах войны. Меня использовали... а это всегда неприятно, когда тебя используют без твоего согласия... для медицинских, лечебных целей. А брат милосердия, представленный ко мне, читал в это время статью о катастрофическом кризисе перенаселения. Вы не усматриваете в этом иронии?

Не говорите об этом моим телезрителям, но в свое время я учился в колледже. С тех пор меня никто не щелкал по носу так больно; но тогда это сделал профессор философии, а не шимпанзе.

— Я думаю, наши хотят сначала справиться с различными болезнями, а потом человечество найдет способ, как накормить всех.

— Довольно рискованно, — сказал шимпанзе.

Как только разговор стал интересным, репортер из Ассошиэйтед Пресс снова протиснулся вперед.

— Есть ли на мысе Канаверал или в Уайт Сэндс какая-нибудь дама-шимпанзе, к которой вы неравнодушны?

Пан Сатирус взглянул на южанина.

— А знаете ли вы, мистер Леффингуэлл, что из всех млекопитающих, не культивируемых человеком, пигмент кожи достигает наибольшего разнообразия у шимпанзе?

— А ну вас... — сказал репортер.

Блестящий ответ. Так бы и я мог ответить.

— Поэтому, пока я во Флориде, мне следует остерегаться любви, или, как сказали бы вы, страсти, — продолжал мистер Сатирус. — Поскольку я чернолицый шимпанзе, что было бы со мной, если бы я влюбился в белокожую самку? Меня следовало бы арестовать.

— Этот закон не относится к обезьянам, — сказал Леффингуэлл.

– Речь идет не об обезьянах, сэр, – возразил мистер Сатирус и обернулся ко мне: – Я так и не ответил на ваш вопрос, мистер Данхэм. Насчет «холодной войны». Я общался с ограниченным кругом лиц – со сторожами, учеными, врачами, другими шимпанзе, иногда с гориллами. Возможно, война была бы неплохой штукой, если бы ее цель заключалась в том, чтобы уничтожить противника и воспользоваться его жизненным пространством и ресурсами. Как человек, умудренный опытом, скажите, случилось ли это когда-либо?

Впервые за многие годы я позабыл, что стою перед телевизионной камерой. Некоторое время я как в рот воды набрал, обдумывая ответ, а в Радио-сити за такое дело значок с изображением микрофона сорвали бы с лацкана моего пиджака среди бела дня.

– Это бывало только в средние века, – сказал я наконец. – В наш век победитель вовремя прекращает сводить счеты и помогает побежденному снова войти в силу.

– Вот вы и ответили на собственный вопрос, – сказал мистер Сатирус. Потом он вдруг сел на пристань, прикрыл большими руками голову и продолжал: – Шимпанзе, если мне будет позволено процитировать Айвана Сэндersona (а всякий шимпанзе читал его хотя бы раз через чье-нибудь плечо), обитают только в высоком густом лесу. Другими словами, джентльмены, я хочу в тень.

Он поднялся на ноги в той мере, в какой поднимаются на ноги все шимпанзе, то есть касаясь земли костяшками пальцев, и, шаркая, двинулся вперед. Оба моряка припустились за ним.

Я было подумал, что он хочет попытаться спихнуть наш

пятитонный автобус с аппаратурой в море, но шимпанзе обогнул его. Тут его догнали моряки. Тот, что помоложе, снял свою белую шапочку и нахлобучил ее на голову мистера Сатируса, а шимпанзе протянул руку и похлопал его по плечу.

Моряк пошатнулся, но устоял и зашагал дальше.

Сыщики во главе с Макмагоном пошли следом, соблюдая приличную безопасную дистанцию, и на этом интервью закончилось.

Пижон Леффингуэлл, местный репортер Ассошиэтед Пресс, смотрел им вслед.

– Че-е-е-рт побери-и-и, – сказал он. – Эта обезьяна – интеграционист.

– Совсем наоборот, – отозвался я. – Он решительно возражает против того, чтобы его причисляли к обезьянам. Это худший сорт расиста.

– Выпить бы, – сказал Леффингуэлл.

– Я угощаю, – сказал я.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Все мифы о нем связаны с любовными приключениями.

Энциклопедия, статья о Пане, издательство «Коламбия викинг деск». 1953

Во Флоридавилле всего один отель, и тот не лучший в мире. Но у него есть одно достоинство: для коммивояжеров в нем имеется специальный номер, в спальню которого можно пройти только через парадную комнату размерами побольше, где устраиваются выставки образцов товара.

Пан Сатирус, Горилла Бейтс и Счастличик Бронштейн расположились в спальне. Макмагон, Пикин и Кроуфорд караулили их в парадной комнате. Кроуфорд был теперь в костюме из белой в синюю полоску индийской льняной ткани, скроенном по моде начала тридцатых годов.

У всех агентов был несчастный вид.

В спальне же царила сдержанная радость. Счастличик Бронштейн получил у караульных разрешение спуститься вниз и принести для Пана Сатируса корзину с фруктами. Когда он вернулся, то под бананами, апельсинами, грейпфрутами и плодами манго оказалась бутылка не самого первосортного виски и бутылка джина.

Счастличик и Горилла не были на берегу целых три месяца; среди команды МА в ходу была даже невеселая шутка, что, дескать, какой там берег – нельзя разве подождать конца срока службы?

Что же касается Пана Сатируса, то ему еще ни разу не представлялось случая как следует напиться; изредка, когда его беспокоили бронхи (слабые, как у всех обезьян), ему давали лечебную дозу разбавленного спирта – и все.

Нисколько не заботясь о том, какое впечатление он производит на окружающих, Пан Сатирус лежал на полу на спине, размахивая бутылкой, которую держал в руке; ногами же он чистил бананы, забрасывая шкурки на старомодную люстру.

– Ловко получается, – сказал Горилла. – Как ты думаешь, если бы я никогда не носил ботинок, мог бы тоже так?

– Вряд ли, – ответил Пан Сатирус. – Противопоставленный большой палец ноги не характерен для гомо сапиенс.

– Гомо... что? – спросил Горилла.

– Научное наименование чернотицых шимпанзе – пан сатирус, а человека – гомо сапиенс. Нынешний гомо и есть единственный представитель вида.

– Гориллу в свое время как только не обзывали, но чтоб гомо... никогда! – сказал Счастливчик и затянул непристойную песенку про старого дьякона Келли.

Горилла глотнул джина и сунул бутылку Счастливчику, чтобы тот заткнулся. А сам стал петь «Ублюдок – Англии король...».

Пан удачно навесил на люстру три банановые шкурки подряд.

– Нам не хватает только девочек, – сказал Счастливчик. Горилла перестал петь и взглянул на Пана Сатируса.

– Не выйдет, – сказал Пан. – Эти чинуши, эти подонки, что сидят в той комнате, не поймут нас.

– Хоть с виду ты и не похож на моряка, а говоришь и думаешь как настоящий моряк, – сказал Счастливчик.

– В сущности, – заметил Пан, – мне это ни к чему. Скажем прямо, такая особа, которая согласилась бы иметь дело с шимпанзе, меня не привлекла бы.

– Не знаю, – подумав, сказал Горилла. – Ты теперь знаменитость. Они на это клюют. Погляди на этих голливудских актеров, на кинозвезд.

– В жизни не видел ни одного фильма, – сказал Пан. – Но если там играют те же актрисы, что и на телевидении, ты мне не польстил.

Ему надоело возиться с бананами. Он взял бутылку виски ногой, а руками стал потчевать себя апельсинами, плюя, когда ему попадалась косточка, в люстру, чтобы у нее не возникло ощущения, будто ею пренебрегают.

В этот момент вошел худощавый человек. Он осторожно притворил за собой дверь и сказал:

– Сэмми, ты пьян.

Счастличик, и Горилла встали, чтобы, дружно взявшись, выкинуть его за дверь.

Пан небрежно махнул ногой, в которой была бутылка виски, и сказал:

– Пусть остается, ребята. Это мой врач. Его зовут Бедоян. Меня когда-то звали Сэмми, еще до того, как эта непотребная баба – жена Магуайра – назвала меня Мемом. Хотите выпить, Арам?

Доктор Бедоян оглядел комнату.

– В чужой монастырь со своим уставом не суйся, – сказал он, взял у Счастличика бутылку с джином и отхлебнул. – Мне надо осмотреть тебя, Сэмми.

– Меня зовут Пан Сатирус. Я переменил имя.

– Ты многое переменил, – сказал доктор Бедоян и вынул из кармана стетоскоп. – С каких это пор ты решил заговорить?

– Я не мог не заговорить, – ответил Пан. – Я летел быстрее света...

– В этом я не разбираюсь. Я терапевт. Ты здоров, Сэмми. То есть Пан. – Врач посмотрел на шимпанзе, а потом на обоих моряков и улыбнулся. Затем он подошел к двери, чуть приоткрыл ее и сказал: – Мистер Макмагон, можете подготовить заявление для прессы. Космический полет не имел вредных последствий. Однако, между нами, я был бы вам весьма признателен, если бы вы достали нам бутылку марочного виски. У моего пациента подавленное состояние.

Из соседней комнаты донесся голос одного из агентов:

– Не хотелось бы мне увидеть его в приподнятом...

Но тут врач закрыл дверь.

– Марочное виски! – сказал Горилла Бейтс.

– Правительство заплатит, – заметил доктор Бедоян. Пан... нечестивец, это имя идет тебе... ты хотел сказать что-то умное относительно дара речи...

– Только то, что я регрессировал. Я испытываю неодолимую потребность говорить как человек. Я не удивлюсь, если у меня выпадет шерсть, а большие пальцы ног перестанут гнуться. Я регрессировал оттого, что превысил скорость света.

– Наверно, надо говорить «деградировал», но в общем это не играет роли, – сказал доктор Бедоян. – А может быть, ты, наоборот, развился?

– Эволюционировал? Вряд ли. Общеизвестно, что шимпанзе более развиты, чем люди.

Доктор Бедоян удовлетворенно хмыкнул.

– Пан Сатирус баллотируется в президенты.

– Вот уж нет, – сказал Пан. – Ответственность большая, а толку никакого. Кстати, мне понравились волосы его жены.

– Постой-ка, – сказал доктор Бедоян. – Ты не представил меня своим друзьям.

– Мичман Бейтс, радист Бронстейн, доктор Бедоян... Сколько чинов-званий! Чем мы теперь займемся, доктор?

– Зови меня Арам, – сказал врач. – Я не знаю, как нам теперь быть. Меня послали обследовать тебя и...

Бедоян замолчал.

– Обследовать здоровье тела или... духа? – мягко спросил Пан.

– И то и другое, – сказал врач. – Ты, по-видимому, нахватал столько государственных тайн, что представляешь серьезную опасность для США.

– Как заставить космический корабль лететь быстрее света?

Доктор Бедоян кивнул.

– Вот именно, – сказал он. – И корабль, который тебя выловил, тоже совершенно секретный.

– Вот вы зубоскалите, – сказал Горилла Бейтс, – а у нас из-за этого ребят никогда на берег не пускают. Офицерам-то еще ничего, а матросам иногда позарез надо вот этого. – Он взмахнул бутылкой. – И еще кое-чего, – добавил он. – У вас есть жена, доктор?

Доктор Бедоян покачал головой. Он подошел к окну и выглянул наружу. Флоридавилль во всей своей немудреной красе разлегся от отеля до сверкающего моря.

– Пан, – сказал врач, – лучшего местечка для посадки ты, разумеется, выбрать не мог.

– Я его не выбирал; мы здесь сошли на берег с МА.

Врач вздохнул.

– Тебе и знать-то не положено, что «Кук» – это МА. И вообще, что существует МА. Им пришлось сказать мне об этом, чтобы я мог явиться сюда и разузнать, что тебе известно и кому ты собираешься это сообщить.

Счастливчик Бронстейн рассмеялся.

– Он говорит МА, потому что мы так говорим, док. Он не знает, что это означает.

– Это должно означать «МИНОНО-СЕЦ-АВИАНОСЕЦ», – сказал Пан. – Потому что на нем есть несколько самолетов, и еще потому, что у него длина и

скорость как у миноносца. Но если переставить буквы, то это уже будут «Атомные мины».

Мичман-минер Бейтс вскочил с кровати, на которой он разлегся.

– Что за черт, кто тебе это сказал? – спросил он. – Даже Счастливчик ничего не знает об...

Он запнулся.

– Это точно, – подтвердил Счастливчик.

– Я регрессировал, – сказал Пан Сатирус, – но не до конца. Я еще могу пользоваться зрением и мозгом, который унаследовал от предков. Даже если я и треплюсь целый день, и, признаться, устаю от собственного голоса. Горилла, ведь на палубе лежали мины! А тому, кого пять с половиной лет мотали по всяким атомным лабораториям и ракетным базам, определить, что они предназначены для атомных зарядов, проще простого. Там есть еще такие...

– Заткнись, Пан! – сказал Горилла Бейтс. – Тебя поставят к стенке и расстреляют.

– Горилла, ты рассуждаешь как бесхвостый макак, – сказал Пан. – Если от меня узнают, как летать со сверхсветовой скоростью, русские будут выглядеть как мартышки. Как макаки-резусы.

– Иногда мне кажется, что у тебя расовые предубеждения против этих резусов, – сказал Счастливчик.

– Гигантский резус почти так же умен, как любое другое известное мне животное, – заметил доктор Бедоян. – Впрочем, с бабуинами мне не приходилось иметь дела.

– Это две самые глупые ветви среди множества приматов, сказал Пан. У него был слегка рассерженный вид. – Я полагаю, доктор, что, как всякий человек, вы по простоте приняли послушание и покорность за ум.

– Пусть будет по-твоему, приятель, – согласился доктор Бедоян. – Ладно. Я выполню свой долг перед родиной. Если ты согласен выдать свой великий секрет... что такое ты там сделал с космическим кораблем... я уполномочен предложить тебе все, что пожелаешь.

– Кем?

– Генералом Магуайром.

– Этим гигантом с мозгом мартышки? Берите выше, доктор.

Доктор Бедоян развел руками.

– Пан, мне и так быть козлом отпущения, если ты только знаешь, что это такое. Прими мой совет – держи язык за зубами.

– Хорошо, что вы так заговорили, док, а то мы уже собирались дать вам прикурить, – сказал Горилла Бейтс. – Точно, послушайся доктора, Пан. Ничего им не говори.

– А удержится ли он? – с сомнением спросил Счастличик Бронстейн. – Ведь если с ним что неладно – так это то, что он не может не болтать.

Пан Сатирус закрыл лицо руками и стал издавать странные звуки. Оба моряка в тревоге вскочили, но врач успокоил их:

– Это он смеется.

Справившись с собой, Пан пояснил:

– Едва ли я смогу раскрыть свой секрет без чертежа. А я регрессировал только до такой степени, чтобы говорить, но не до такой, чтобы рисовать и чертить схемы. Я все еще немного лучше людей.

– Я, между прочим, никогда в жизни не писал на стенах гальяна, – сказал Горилла Бейтс.

– Я тоже не писал, – сказал Счастливчик Бронстейн. – Но я еще не видел ни одного гальюна в Штатах, чтобы там не было чего-нибудь намалевано. Хорошо еще, что там не побывал ни один шимпанзе.

– У меня есть идея, – сказал доктор Бедоян.

Он подошел к двери и открыл ее.

К трем агентам службы безопасности присоединились еще два, отличавшиеся от них ростом и цветом одежды, но не манерой поведения.

– Джентльмены, я не мог уговорить Пана Сатируса сообщить нам нужные сведения. Судя по всему, он очень нервничает. Он недоволен тем, что вы сторожите у дверей его комнаты.

Пан Сатирус тотчас прыгнул, ухватился одной рукой за люстру и повис, раскачиваясь, а другой рукой стал бить себя в грудь. Счастливчик Бронстейн испуганно ретировался к окну.

– Простите, доктор, но мы получили приказ, – сказал Макмагон. – И вы тоже. Заставьте шимпанзе говорить.

– Как? – спросил доктор Бедоян.

– Есть же такая штука под названием «сыворотка правды»?

– Разве я вас учу, как производить проверку на благонадежность? Я врач, мистер Макмагон, и как таковой не принимаю врачебных советов от неспециалистов.

Один из вновь прибывших агентов встал.

– Так вы не ветеринар? – спросил он.

– До окончания колледжа и до работы с приматами я семь лет изучал человека, гомо сапиенс...

В этот момент люстра сорвалась с потолка: архитектор,

электромонтажники и штукатуры, создавшие отель во Флоридавилле, никак не предполагали, что в номере для коммивояжеров будет резвиться шимпанзе. Пятеро тайных агентов выхватили пистолеты. Пан Сатирус проворно приземлился, не выпуская из руки люстры, – оборванные провода торчали из нее, как щетинки на рыле у хряка.

Тут Гориллу Бейтса осенило, и он заорал:

– Убрать пистолеты! Не раздражайте мистера Сатируса!

Он ходил в старшинах гораздо дольше, чем любой из молодых людей в агентах, и они убрали пистолеты.

Зазвонил телефон. Счастливчик Бронштейн поднял трубку. Время от времени он произносил «да!», «нет!», потом повесил трубку.

– Управляющий отелем. Хочет знать, что случилось. Во всем доме нет тока.

– Поскольку я здесь единственный специалист по человекообразным, – сказал доктор Бедоян, – то могу заверить вас, что в государственных научных учреждениях шимпанзе живут не в таких шатких сооружениях, как это. Я предлагаю вам удовлетворить просьбу моего пациента и предоставить ему возможность успокоить свои нервы.

Пан Сатирус счел это призывом к действию, надвинулся на Макмагона и стал размахивать щетинистым концом люстры перед самым носом агента ФБР. Макмагон не дрогнул и не отступил, пока Пан Сатирус не запел то, что застряло у него в памяти от песенки «Ублюдок – Англии король»... Шимпанзе не отличался музыкальностью.

Все же Макмагон был храбрым человеком. Он выхва-

тил из кармана блокнот, взглянул на наручные часы и стал писать. Затем он вручил шариковую ручку (золотую) и блокнот доктору Бедояну.

– Под вашу ответственность, доктор. Генерал Магуайр сказал, что вы берете на себя эту... гм, пациента, и мы должны оказывать вам содействие.

Доктор Бедоян поставил свою подпись. Пять пар полицейских ног простучали четкую дробь по скрипучей лестнице.

– Я подозреваю, что предаю свою родину, – сказал доктор.

Пан Сатирус швырнул люстру в угол. Раздался звон стекла.

– Порядок, – сказал Горилла Бейтс. – Свистать всех наверх, Счастливчик.

– Для чего? – спросил Счастливчик.

– Ты забыл о дамах? – сказал Горилла. – Скажи там этим из отеля, пусть пришлют нам четырех. Как ты думаешь, зачем док отделался от агентов? Он себе места не находил с тех пор, как мы об этом заговорили.

– Я не находил? – переспросил доктор Бедоян. – Да, вероятно, так оно и было. Ну, конечно, иначе зачем бы мне отсылать этих агентов. Просто я не осознавал, что делаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У человекообразных обезьян, как и у людей, нет хвостов.

Хилари Стеббинг.

Современные животные...

Лондон, год издания не установлен.

Не вызывало сомнения, что коридорный, откликнувшийся на телефонный звонок Счастливого, был не первым коридорным, с которым тот имел дело. Не вызывало сомнения и то, что Счастливчик, в свою очередь, был не первым моряком, с которым коридорный обдeldывал делишки. Он понял радиста с полуслова.

Все перешли в парадную комнату, теперь уже не забитую блюстителами порядка.

Коридорный ушел, а Пан Сатирус, посидев немного в задумчивости, направился в спальню. Доктор Бедоян пошел следом и увидел, что Пан рассматривает обрывки проводов, торчащие из розетки люстры.

— Что случилось, Пан?

Пан покачал головой, подошел к окну и стал глядеть на безотрадный пейзаж Флоридавилля.

— Абсолютно ничего, доктор. Я чувствую себя прекрасно.

— Я и не думаю, что ты болен. Я был твоим личным врачом достаточно долго и могу сказать, когда тебе станет плохо, еще задолго до того, как ты почувствуешь это сам. Но ты чем-то расстроен. Что за причина?

Пан уперся костяшками пальцев рук в пол и стал вращаться вокруг этой оси.

– Счастливчик заказал девушку и для меня.

Доктор Бедоян улыбнулся.

– Наши друзья, кажется, совсем забыли, что ты не моряк.

– Я должен радоваться. Они люди, но очень хорошие.

Доктор Бедоян медленно обходил пациента, пока окно не оказалось у него за спиной, а свет не ударил Пану в глаза.

– Ну и что же? – спросил врач.

Пан Сатирус опустил глаза. Он шаркал громадными ступнями и легонько стучал костяшками пальцев по паркетному полу.

– Мне не нравятся девушки, – сказал он наконец.

– А откуда тебе знать? Ты же ни с одной не был знаком, верно?

Глаза примата блеснули.

– Разумеется, не был. – Пан Сатирус осклабился. – Это не очень лестно для вашего вида?

– Не смущайся, Пан. А мне не нравятся девушки-шимпанзе, и, чтобы предупредить твой вопрос, скажу сразу, что я знаком с ними только как с пациентками. А если ты ничего не знаешь о гиппократовой клятве, то сейчас не время для подробных объяснений.

Пан сел на пол и стал рассеянно почесывать шею большими пальцами ног.

– Но Горилла и Счастливчик мои друзья. Я не хочу ни портить им вечеринку, ни оскорблять их чувств.

Доктор Бедоян сдержал улыбку.

– И правильно делаешь. Ребята так долго были в море, что с охотой возьмут твою даму на себя. И мою. Я помолвлен с одной девушкой из Тарпон Спрингс.

– Ну и что же? – спросил Пан Сатирус, совершенно так же, как раньше доктор.

– С этими гулящими девчонками забавно разговаривать, пить, забавно подтрунивать над ними. Вот увидишь.

– Я не хочу оскорблять ничьих чувств. Вы же знаете, я не человек.

– Уф! Забудь о генерале Магуайре, сделай передышку и выкинь все это из головы. Кажется, наши гости уже пришли.

Они и в самом деле пришли.

Из парадной комнаты доносились смешки, щебет, какой-то стук. Официанты притащили ящик джина, два ящика пива и ведро с большим куском льда.

– Пошли, – сказал доктор Бедоян.

Пан Сатирус вздохнул и последовал за своим врачом навстречу судьбе.

Девочек было четыре, все они стояли на различных ступенях девичества – от затянувшихся двадцати пяти до неполных сорока. Все они оказались неизменными блондинками, а три – Дотти, Фло и Милли – были в шортах. Бель была в черных спортивных брюках, но даже это обстоятельство не могло скрыть ее кривоногости, что с тех пор, как рыбий жир стал достоянием широких масс, встречается довольно редко.

Горилла встал и, держа девушек на весу под мышками, представил собравшихся. Затем поставил Фло на ноги и сказал:

– Пан, вот целая охапка настоящих женщин.

– Ты мне нравишься, Коротышка, – сказала Фло и пошла Пану навстречу. – Ну и мускулы же у тебя. – Она

ткнула пальцем в мускулы. – Э, да ты без рубашки. – Она отступила. – Это не по-джентльменски.

Счастливчик Бронстейн сказал Милли: «Извините», и посадил ее на пол рядом со стулом. Он подошел к Фло и обнял ее за плечи.

– Пан снял рубашку, потому что устал. Он сегодня был в космосе, летал вокруг земного шара.

Фло поглядела на него с недоверием.

– Ты хочешь сказать, что он как Джон Гленн?

– Нет, – сказал Пан. – Я летел в другую сторону. С востока на запад.

– У вас очень приятный голос, – сказала Фло. – Бьюсь об заклад, что вы кончали колледж. Я люблю образованных. – Потом в ее глазах снова мелькнуло подозрение. – Нет, не верю. Вы же моряки, знаю я вас!

– Вон спроси у доктора, – сказал Счастливчик.

Фло медленно повернулась к доктору Бедояну, который энергично колот лед.

– Вы доктор?

– Да, мадам. Надеюсь, вы не нуждаетесь в моих профессиональных услугах?

– Этот малый и в самом деле летал сегодня в космос?

– Безусловно, – подтвердил доктор Бедоян.

– Что ж он тут делает в этой дыре, во Флоридавилле?

– Он отдыхает, восстанавливает силы, – сказал доктор Бедоян. – Кто знает, может, завтра его захочет видеть сам президент? А может, конгресс захочет, чтобы он выступил с речью на совместном заседании обеих палат. Но сначала ему нужна разрядка.

– Разговор у вас не как у простого матроса, – сказала Фло. – Только вы небось сговорились с теми двумя.

– Я докажу вам, что вы не правы, – сказал доктор Бедоян и оглядел комнату. Дирекция отеля «Флоридавилль-хауз» снабдила парадную комнату крепкой стальной вешалкой для платьев, плащей, костюмов. – Он тренировался на астронавта. Если он захочет, то может повиснуть на этой вешалке на одном пальце.

– Еще чего! – усомнилась Фло.

– Ну, Пан, ради бога, ради науки и всего рядового и старшинского состава американского военно-морского флота! – сказал доктор Бедоян.

Пан Сатирус вздохнул и, шаркая подошвами, подошел к вешалке. Она была немного высока для него, и поэтому он подпрыгнул, уцепился за вешалку указательным пальцем левой руки и повис.

– Здорово, – сказала Фло.

– Я спрашиваю вас, – продолжал доктор Бедоян, – может ли кто-нибудь, не готовившийся стать астронавтом, сделать это?

Пан спрыгнул на пол и пошел к ящику с джином. В ящике были пинты – двадцать четыре бутылки. Он распечатал одну из них и поднял донышком кверху. Потом сообразил, что ведет себя невежливо, и вручил оставшуюся треть пинты Фло.

– Ты любишь выпить, а? – спросила она.

– Только в периоды отдыха и восстановления сил. – Пан улыбнулся. – Я сейчас достану немного льда и стакан. Я вижу, вы не из тех, кто пьет прямо из бутылки.

– О, ты на высоте, отпрыск благородной расы, – сказал доктор Бедоян.

Пан отошел и вернулся с полным стаканом льда.

Это была хорошая вечеринка. От портье принесли радиоприемник и запустили его на всю катушку. Когда пришел начальник местной полиции, ему споили пинту джина и оттащили отдохнуть в свободную комнату на первом этаже.

Счастливчик в трусиках продемонстрировал танец, которому, по его словам, он научился в Буэнос-Айресе. Горилла исполнил балладу, очень популярную, как он сказал, в Дакаре лет двадцать назад.

Пан прошелся по комнате на руках, что для него не составило никакого труда, но девочки аплодировали ему так энергично, что он сделал второй круг на одной руке, подпрыгивая как мячик.

Это принесло ему такой успех у общества, что он уже сам предложил пройти по кругу в третий раз, на обеих руках, но с любым количеством девочек, которые усядутся ему на ноги.

Доктор Бедоян расплакался, так как забыл принести с собой фотоаппарат. Счастливчик утешил его, заметив, что фотографии все равно были бы конфискованы, как совершенно секретные.

— Да, скорее всего, — сказал доктор Бедоян, слегка приободрившись. Он показал рукой на Пана, который заставлял девочек хихикать, щекоча их большими пальцами ног. — В конце концов, ни братья Райт, ни Кэртис, ни Линдберг, ни любой из космонавтов-людей сроду не удержали бы на ногах сразу четырех девушек. Голову даю на отсечение.

— Для компании Пан — золотой человек! — сказал Счастливчик.

Золотой человек закончил свое первое путешествие с живым грузом у ящика с джином. Стоя на одной руке, он другой рукой передавал бутылки вверх – девушкам. Затем выдул еще одну бутылку сам.

– Док, сколько джина может выпить шимпанзе? – спросил Горилла.

– Тс-с, – сказал доктор Бедоян. – Ни одна из девушек не заметила, что это шимпанзе. Наверно, когда они были помоложе, им приходилось обслуживать предвыборные партийные съезды выше по побережью... Так вот, Горилла, сколько он может выпить, никто не знает. При нынешних пайках, отпускаемых на лабораторных животных, такого эксперимента не проведешь, и я более чем уверен, что мне надлежало бы вытащить стетоскоп и сфигмограф, чтобы через равные промежутки времени обследовать своего пациента и делать заметки. Но я давным-давно уже пришел к заключению, что... Я, кажется, читаю лекцию.

– Продолжайте, – сказал Счастливчик. – Немного образованности военно-морскому флоту США не повредит.

– Невосприимчивость к алкоголю растет с увеличением индекса веселья в компании, – продолжал доктор Бедоян. – Это я заметил. Другими словами, если настроение мерзкое, с ног валят даже три рюмки. А если на душе хорошо, тебя ничем не проймешь.

– Для человека, который окончил колледж, вы довольно наблюдательны, – сказал Счастливчик.

– Док – хороший малый. Кончай! – рявкнул начальническим басом Горилла.

– Есть, мичман.

– А ты, Пан, – сказал Горилла, – одолжи мне одну девочку.

На нем была нижняя рубаша, серые брюки и черные ботинки. Он снял свои красиво блестящие ботинки и аккуратно поставил их в сторону, чтобы на них не наступили. Затем нагнулся, поплевал на руки и стал на них.

– Фло, садись Горилле на ноги, – приказал Пан.

– Мне нравится, как ты щекочешься, – воспротивилась Фло.

Но Пан был неумолим.

– А ну, побыстрей. Мы хотим устроить гонки.

Доктор Бедоян пробормотал, что Горилла не так уж молод, но мичман уже стоял на руках и двигал коленями то в одну, то в другую сторону, устанавливая равновесие и выбирая стойку, которая позволила бы ему затем двигаться быстро и долго.

Фло слезла со ступней Пана и пошла к Горилле, но она была расстроена.

– Мы с девочками пришли все вместе, и мы так и любим быть вместе, – сказала она. Слезы оставляли полосы на ее уже размазанном гриме. – Я не люблю бросать подруг.

– Мне следовало бы сделать химический анализ этих жемчужных капель, – сказал Счастливику доктор Бедоян. – Наука несет сегодня невосполнимые потери. Может быть, впервые женщина плачет чистым джином.

– Я знал одну бабенку в Рио, которая никогда ничего не пила, кроме чистого рома, – сказал Счастливчик. – Ни воды, ни чая, ни кофе. Только ром. Аптекарский помощник Мэйт сказал, что она отдаст концы очень скоро, но всякий раз, когда мы заходили в порт, она была здоровехонька и продолжала пить ром.

– Потрясающе, – согласился доктор Бедоян. – Иногда я

жалею, что не бессмертен – хотелось бы исследовать все то, на что науке не хватает времени... Поглядите на нашего друга Гориллу.

Горилла, пыхтя, одолевал круг; с каждым шагом он все больше проигрывал дистанцию Пану, но проигрывал с достоинством.

Когда Пан вышел на последнюю прямую, Горилла отставал от него всего на четверть круга.

Никто не заметил, как отворилась дверь парадной комнаты, которую как-то не догадались запереть. Все осознали это только тогда, когда послышался властный рык: «Смир-рно!»

Состязание прекратилось, так и не выявив победителя.

Но ведь никто и не делал никаких ставок, разве что спорили на стакан джина, полученного на дармовщинку.

Поскольку во флоте на старшин обычно не рывкают, то Горилла не потерял ни головы, ни равновесия, ни девочки, сидевшей на его согнутых ногах. Он осторожно опустил ее на пол, встал сам на ноги и изобразил небрежный морской вариант стойки по команде «смирно».

– Вы моряк? – спросил генерал Билли Магуайр. – Если вы моряк, отдайте честь.

– Я без головного убора, сэр, – сказал Горилла.

– Ладно, ладно, – пролаял генерал. – Не вступайте в пререкания. А вы, доктор... что за панибратство с нижними чинами?

– Я на гражданской службе, – сказал доктор Бедоян.

Пан на прощанье ущипнул каждую из трех девочек и опустил их на пол. Затем он кувыркнулся несколько раз и оказался лицом к лицу с генералом.

Генерал Магуайр был в предписанной наставлениями летней форме одежды – камвольной рубашке с короткими рукавами, отутюженных коричневых брюках и снежно-белом тропическом шлеме с приклепанной или привинченной спереди кокардой. Его звезды сияли – по одной на каждом уголке отложного воротничка, а орденские ленточки были без единой морщинки – все четыре ряда.

Пан протянул руку и задумчиво пощупал звезду, прикрепленную справа.

– Это животное пьяно! – сказал генерал Магуайр.

Пан сорвал звезду, пожевал ее, шевеля широкими губами, раскусил пополам и выплюнул.

Генерал Уилфред (Билли) Магуайр был храбрым человеком. Не было такого кресла в Пентагоне, в которое он побоялся бы усесться, имея на руках официальное предписание; когда-то он даже удачливо участвовал в сражениях, зная, что это необходимо для его послужного списка.

И теперь он доказал налогоплательщикам, что не зря учился в Уэст-Пойнте – он не отступил ни на шаг, хотя, безусловно, был первым на своем курсе, допустившим, чтобы его знак различия пострадал от обезьяньих зубов.

– Доктор, вы здесь старший? – спросил он.

– Я, – ответил доктор Бедоян.

– Вас послали сюда получить факты, информацию от этой... этого шимпанзе. Вот как вы ее получаете?!

– Да, сэр. Втираюсь к нему в доверие. Усыпляю бдительность.

Генерал Магуайр с шумом выдохнул воздух.

– Может быть, вы и гражданский человек, доктор, но вы изволите состоять на службе у правительства Соединенных Штатов, у которого я не без влияния.

– Какой ужасный синтаксис, – сказал Пан Сатирус. Это были его первые слова с тех пор, как генерал прервал веселую вечеринку.

– Что?!

Худощавый генерал был вовсе не склонен к апоплексии, однако вид у него был такой, что казалось, вот-вот его хватит удар.

– У меня был однажды сторож, который изучал английский язык. Он взялся за это, чтобы продвинуться по службе. Согласно Фаулеру конструкция вашей фразы ужасна. А я думал, что вы кончали академию, генерал.

Пан медленно протянул руку к кольцу генерала, на котором был выгравирован номер курса и год окончания. Генерал стиснул кулаки.

– Я и окончил ее, сэр.

– Можете, не величать меня сэром, – сказал Пан Сатирус. – В конце концов, я всего лишь простой штатский, не платящий налогов шимпанзе семи с половиной лет от роду.

Генерал вздохнул и снова повернулся к врачу.

– Эти... дамы. Имеют они допуск к секретному производству, а если имеют, то кто им дал его?

– Не говорите глупостей, генерал, – сказал доктор Бедоян. – Вы же видите, что они собой представляют.

Дамы стояли тесной безмолвной стайкой; их невинная веселость улетучилась. Бель скорчилась и положила руки на колени, видимо, пытаясь прикрыть свою кривоноготь. Фло плакала.

– Сэр, я вас отстраняю, – сказал генерал.

Доктор Бедоян поднял руку.

– Вы знаете, кто дал мне это задание, генерал. Мне бы

хотелось увидеть письменное предписание, прежде чем я передам вам своего пациента.

Над комнатой, где бурлило веселье, проводились состязания в беге на руках, где пили и занимались умеренным развратом, теперь нависла безысходность. Порожденная древним антагонизмом между штатскими и военными, она густела, как темная грозовая туча в августе.

А затем, как это обычно бывает, тучу прорезала молния и грянул гром, до странности напоминавший женский голос.

Эта женщина была не просто женщина; это была леди. И не просто леди, а генеральша. Это была миссис Магуайр.

Она вошла в полном убранстве, приличествующем ее рангу, в простом шелковом платье, с двумя нитками искусственного жемчуга на шее, в туфельках на каблуках, высоких, как мечты кадета. Ее волосы, уложенные по последней моде, не были скрыты от посторонних взоров шляпкой.

Войдя, она воскликнула:

– О, где моя милая обезьянка! Я должна ее расцеловать за сегодняшний чудесный полет.

Сразу же все, кто прежде находился в комнате, мужчины, шимпанзе, генерал и девочки – стали единым целым. Что до девочек, то они совершенно преобразились, или, как выражались в английских романах девятнадцатого века, утратили пол. Они жили и веселились только в мире мужчин. Они чувствовали себя более непринужденно с генералом, чем с его супругой.

Счастливчик Бронштейн был вполне спокоен, когда в сиянии собственных звезд вошел Магуайр. Но теперь он нарушил «радиопause».

– Пан, осторожней, – сказал он.

Пан обернулся к нему и подмигнул. Это было чудовищное зрелище, но опасения Счастливого почему-то рассеялись.

А затем Пан, переваливаясь на кривых ногах и при каждом шаге стуча костяшками пальцев по полу, двинулся вперед.

– Дорогая, – сказал он, – я все это сделал ради вас. Я знал, что мне никогда не покорить ваше сердце, если я останусь бессловесным, и поэтому... я устроил чудо.

И, собрав в складки свои необъятные губы, он вытянул их вперед и нацелил точно... в губы генеральши.

Она выскочила из комнаты.

Ее супруг хлопнул себя по бедру, но генералы в летней форме одежды класса А не имеют при себе личного оружия. И тогда генерал сказал, что они еще о нем услышат, и последовал за своей половиной.

Счастливчик Бронштейн подошел к двери и закрыл ее, как только однозвездный начальник скрылся с глаз. Горилла Бейтс перевел дух и засвистел. Фло перестала плакать, и девочки медленно опустили руки.

Но доктор Бедоян сказал:

– Очарование вечера уже не вернется.

И пошел за своим пиджаком и за бумажником. Он щедро оделил девочек (казенными деньгами), и те молча оделись и ушли.

Оставалось еще несколько бутылок джина. Пан Сатирус откупорил одну, глотнул из нее и поставил обратно.

– Напиться два раза за один вечер невозможно, – сказал Горилла Бейтс. – Это никому не удавалось.

– Мы хорошо провели время, – сказал Пан. – Невинно и хорошо. Ну, почти невинно. К чему было все портить?
– Так уж принято у людей, – сказал доктор Бедоян.
И они пошли спать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Порой человекообразным обезьянам
становится скучно буквально до смерти.*

**Кондар Лоренц.
Кольцо царя Соломона, 1952**

Утром принесло мистера Макмагона и его веселых ребят из морской разведки, службы безопасности НАСА, ФБР и родственных им организаций. Это только в сочинениях юных поэтов рассвет приносит радужные надежды.

Мистер Макмагон принес официальную бумагу.

Счастливчик Бронстейн, который открыл дверь (он спал на кушетке в парадной комнате, Горилла и доктор Бедоян – на кроватях, а Пан Сатирус удовлетворился стулом, на который была навалена одежда), пошел и поднял доктора Бедояна, как того требовал гость.

Доктор Бедоян молча взял документ, молча прочитал его. Потом взглянул на агента ФБР. Лицо мистера Макмагона не выражало никаких эмоций; для него это была привычная обязанность, не больше.

– Через час, – сказал доктор Бедоян.

– Машины будут поданы.

– Действуйте, – сказал доктор Бедоян.

– Счастливчик, свистать всех наверх, – скомандовал Горилла. – Немедленно бритву, зубные щетки, чистые

носки... я ношу тринадцатый размер... чистые исподники, и спроси, не смогут ли они выдраить нашу робу за полчасика. — Он бросил на доктора Бедояна смущенный взгляд. — Мы сошли на берег в чем были, но хотим выглядеть как настоящие военные моряки.

Счастливчик не торопился к телефону.

— Что за каша заваривается, док? — спросил он. — Нас отдают под суд?

— Шишки... самые важные шишки хотят встретиться с Паном в двенадцать часов.

Он протянул приказ. Счастливчик взял документ, присвистнул и передал его Горилле. Горилла взял его и тоже присвистнул, но более протяжно.

— Приказ отменяется, Счастливчик. — Он подошел к телефону сам и заказал междугородный разговор. — Дайте мне главного старшину Садовски, — сказал он, после того как прорывкал в трубку разным лицам различные дополнительные номера. — Посигнальте к нему в каюту, он еще не на палубе. Мичман Бейтс говорит. — Он отнял трубку от уха и задумчиво посмотрел на нее. — Ски, это Горилла. Слушай меня, и слушай внимательно, а не то твоя старуха останется вдовой, и на этот раз я не шучу. Приготовь для меня летнюю форму класса А, в поясе примерно на дюйм пошире, чем в прошлый раз. Да, я получил еще одну нашивку, так что смотри, чтобы все было в порядке... Так. Затем белую форменку для радиста первого класса, рост примерно пять футов девять дюймов, вес сто восемьдесят фунтов. Усек? Да, и гражданский костюм, легкий, летний, приятного светлого цвета. Рост примерно пять футов десять дюймов... Какой у вас вес, док?

Доктор Бедоян смотрел на него в изумлении.

– Готовые костюмы я обычно ношу пятидесятого размера, – сказал он.

– Он обычно носит пятидесятый размер. И чтоб было хорошее качество. Мы заплатим, когда приедем. Как ты, Ски? Получил еще одну нашивку? Я всегда говорил, что на флоте у нас есть будущее. – Он откашлялся. – Мы будем, у тебя через два часа, самое большее через три. Заметано.

Горилла положил трубку.

– Ски все сварганит. Жаль, нет моих орденских ленточек, но ничего – мы купим их на базе, в военном магазине... Счастливчик, теперь свистать всех наверх. Ко всему добавляется еще гуталин. Для доктора – коричневый.

Пан Сатирус, развалившись в просторном кресле, поглаживал большие пальцы ног.

– Ощущение совсем не изменилось, – сказал он. – Не хочется, чтобы эти пальцы превратились в человеческие, как мой язык. Если люди чувствуют себя по утрам так же скверно, то шимпанзе должны благословлять каждый день своей жизни.

– Мы вольем в тебя немного холодного апельсинового сока, дадим аспиринчику, и ты почувствуешь себя лучше, – сказал доктор Бедоян. – Это у тебя с похмелья.

– Слышал я о таком, – сказал Пан Сатирус. – В воскресное утро у сторожей только и разговору было, что о похмелье... Жаль, что я не ограничился полученной от них информацией.

– Но вот проблема, – заметил доктор Бедоян. – Реакция шимпанзе на аспирин резко отличается от реакции человека... Кем тебя считать?

– Большие пальцы ног у меня остались как у шимпанзе, сказал Пан Сатирус, – но в голове и желудке такое ощущение, какого никогда не бывало. По-видимому, это действительно с похмелья. Не думаю, чтобы мое тело регрессировало. Или деградировало. Или как это там...

Он кувыркнулся через спинку кресла и заковылял в ванную. Оттуда донесся глубокий вздох облегчения.

– С моего лица не исчезло ни единого волоска, – крикнул Пан. – Очень рад. Я не хочу быть человеком.

– А тебя не интересует, какой получен приказ? – спросил доктор Бедоян.

Пан Сатирус, шаркая ногами, вернулся в спальню, энергично растираясь на ходу сухим полотенцем.

– Судя по вашей реакции, мы должны встретиться с очень важными лицами. Я с такими уже встречался. С учеными и генералами, с адмиралами и сенаторами. А на сей раз кто это?

– Политические фигуры, – сказал доктор Бедоян. – Государственные деятели.

– Ваша новость несколько не улучшила моего мерзкого состояния, – сказал Пан Сатирус. – Несколько. – Он швырнул полотенце в угол и стал расчесывать шерсть ногтями. – Кто-нибудь из вас бывал в Африке?

– Я бывал в Кейптауне, – ответил Счастливчик, – и в Порт-Саиде.

– А знаете ли вы, что я никогда не видел шимпанзе, живущих в естественных условиях? – спросил Пан Сатирус. – Это приходит мне в голову всякий раз, когда я в меланхолии, как сейчас. Как вы думаете, если я скажу этим людям то, что они хотят знать, отправят они меня обратно в

Экваториальную Африку? Оттуда идет наш род. Возможно, мой отец еще там.

– А кто твой отец? – спросил доктор Бедоян.

– Не знаю. Моя мать была в положении, когда... когда ее поймали. Она не любила говорить о своем прошлом, о джунглях. Шимпанзе не выдерживают слишком острого горя. Вы же знаете!

– Тогда тебе нельзя пить джин, – сказал Горилла. – Попробуй ром.

– Есть ведь такое слово «трезвенник»? – спросил Пан Сатирус. – Вот кем мне хочется стать.

– Никогда не зарекайся пить с похмелья, – сказал Счастличик.

Тут принесли завтрак и бритвенный прибор.

* * *

Они отправились на север в трех автомобилях – агенты в передней машине и в задней, гражданская и военная полиция расчищала путь. Возник небольшой спор с мистером Макмагоном относительно того, заезжать ли на базу к Ски за чистой одеждой, но в пылу спора агенты не усмотрели за Паном Сатирусом, который снова схватил Кроуфорда.

Мольба коллеги тронула мистера Макмагона, и он согласился остановиться, если Пан обещает не выходить из автомобиля на территории военно-морской базы.

Еще до полудня, ревя сиренами, машины подкатали между шпалерами сыщиков к портику частного, очень частного дома. Доктор Бедоян в новом, купленном на казенные деньги костюме дремал рядом с шофером. Он проснулся и вышел первым.

Генерал Магуайр спускался по лестнице частного дома. Он был уже не в летней, а в полной форме класса А.

– Мне приказано ввести Мема в дом, – сказал генерал. Точнее, согласно приказу я должен считать себя адъютантом Мема.

– Не называйте меня этим нелепым именем, – сказал Пан Сатирус.

– Но это же ваше имя. Видели бы вы утренние газеты – мы произвели настоящую сенсацию! То, что мы сделали вчера, – на первых страницах всех газет! Такой рекламы у нас еще не было. Теперь вам уже нельзя менять имя...

– Я вижу, у вас опять две звезды, – сказал Пан и протянул руку.

Генерал Магуайр отпрыгнул назад.

– После вашей... когда вы выйдете, репортеры хотят видеть...

– Как я буду целовать вашу жену?

– Миссис Магуайр уехала на север, чтобы показаться своему врачу в Балтиморе. Пожалуйста, будьте покладисты. Вся моя карьера зависит от вас.

Пан сел на дорожку, посыпанную дроблеными ракушками. Он взял горсть ракушек, пососал их и выплюнул.

– Пахнет нефтью, – сказал он. – И все же мне хочется устричных ракушек. Что это, нехватка кальция в организме, доктор?

– Я возьму это на заметку, – сказал доктор Бедоян. – Может быть, мы попробуем принимать глюконат кальция. У него вкус как у конфет, Пан.

– Она... он, кажется, слушается вас, доктор, – молвил генерал Магуайр. – Не могли бы вы вразумить его? Если

теперь не все пройдет гладко, меня уволят в отставку, разжаловав в полковники.

Доктор Бедоян пожал плечами.

– Скажите мне, генерал, – спросил Пан, – могли бы вы съесть больше, если бы у вас на каждом плече было по две звезды вместо одной? Могли бы вы больше выпить или меньше страдать с похмелья? Могли бы у вас быть две молодых жены вместо одной старой?

– Черт побери, вас бы хоть на недельку ко мне в подчинение рядовым, Мем, – ответил Магуайр.

– Меня зовут Пан Сатирус. Для всех, кроме моих друзей, я мистер Сатирус.

Генерал поджал тонкие губы и сквозь стиснутые зубы процедил:

– Ладно. Мистер Сатирус. Однако пошли. Нельзя заставлять ждать таких людей. Их не заставлял ждать еще ни один человек на свете.

– Я не человек, а простой шимпанзе.

– Так точно, сэр. Вы простой шимпанзе.

– И вчера вечером вы застрелили бы меня, если бы у вас был с собой пистолет.

– Забудьте про вчерашний вечер, мистер Сатирус. Вчера вы провели вечер хорошо, а я ужасно.

– Вы делаете успехи, – сказал Пан. Он вытянул руки во всю длину, а ноги задрал кверху, так что теперь он мог тронуться в путь, опираясь только на костяшки пальцев. – У меня все тело свело от езды в машине, – пояснил он. – Ну, ладно, малый. Доктор идет со мной, мичман Бейтс и радист Бронштейн пристроятся сзади, а ты, Магуайр, будешь замыкать шествие.

– Это непорядок!.. – взвизгнул было генерал. Но тут же взял себя в руки. – Слушаюсь, сэр. Как прикажете, сэр.

Пан Сатирус злорадно засмеялся.

– Представляю, что понаписали в газетах. Со времени изобретения твиста большего фурора, чем я, наверное, никто не производил.

– Человек, который написал твист, – сказал генерал Магуайр, – уже сочинил новый танец под названием «шимпанго». Он сглотнул слюну и добавил: – Сэр.

– Так будем шимпангировать, бога ради, – сказал Пан. – Я вам кое-что скажу, генерал. Со мной ладить легче легкого. Как и со всеми шимпанзе, если их не одергивать каждую минуту. И я вам скажу еще одну вещь: миссис Магуайр может вернуться. Я не посягал на нее всерьез.

И они пошли по дорожке, посыпанной дроблеными ракушками, поднялись по лестнице мимо стоявших на часах морских пехотинцев – те взяли на караул, а Пан Сатирус отдал честь – и оказались в прохладных покоях дома.

Здесь учтивый вариант агента службы безопасности остановил их и вежливо сказал:

– Я принужден просить вас показать мне ваши удостоверения личности, джентльмены.

Генерал Магуайр выхватил свое обрамленное золотой каемочкой и обернутое в целлофан удостоверение. Горилла и Счастливчик доставали свои чуть помедленнее. Доктор Бедоян предъявил служебный пропуск.

Пан Сатирус, задрав кверху ноги, покачался на руках и сказал:

– Я оставил свое удостоверение в других штанах.

– Но на вас, – возразил страж, – нет никаких... о-о!

– В таком случае, я полагаю, беседа отменяется, – сказал Пан. – Доктор, как вы думаете, мы можем добраться до мыса Канаверал на...

– Мне приказано доставить его сюда! – военным козлетоном проблеял генерал Магуайр, напоминая о том, что в Уэст-Пойнте тех, кто получал самые низкие баллы при выпуске, называли «козлами».

– А мне приказано никого не пускать без удостоверений, – стоял на своем агент.

У Счастливого Бронстейна был даже более счастливый вид, чем обычно. А Горилла Бейтс еще больше смахивал на гориллу.

– Вы, конечно, узнаете эту... этого мистера Сатируса? – спросил генерал Магуайр.

– Узнает ли? – переспросил Пан Сатирус. – Вы узнаете меня? Я самец-шимпанзе, семи с половиной лет от роду. Быть может, доктор Бедоян еще и отличит меня от другого самца-шимпанзе моего возраста и комплекции. Но сомневаюсь, чтобы кто-либо другой был на это способен.

– Пан, более отвратительной личности, чем ты, я в жизни не встречал, – сказал доктор Бедоян.

– Я не личность. Я шимпанзе. Мы не возражаем против неприятностей. Мы любим их.

– Причинять неприятности другим людям?

– Нет, Арам, не обязательно. Просто мы любим лезть на рожон... Никто еще не приручил десятилетнего шимпанзе, верно? Ни в кино такого не увидишь, ни на сцене, ни сидящим в смиренной рубашке в капсуле. Этого сделать нельзя. Потому что шимпанзе всегда лезут на рожон.

– К черту, – сказал генерал Магуайр. – Мы не можем

торчать здесь перед дверями, как какие-нибудь каптенармусы. Я ручаюсь за эту... за этого...

– Шимпанзе, – продолжил Пан. – Большую человекообразную африканскую обезьяну. Пана Сатируса.

– Я ручаюсь за него, – снова козлетоном проблеял генерал.

Агент пропустил их.

– Мне кажется, они делают ошибку, – тихо сказал Горилла Счастливику. – У Пана что-то на уме.

Еще один телохранитель открыл дверь, и они оказались лицом к лицу с Большим Человеком Номер Первый.

Он сидел за изящным письменным столиком, откинувшись на спинку кресла-качалки. И он был не один. Тут же сидел губернатор – другой большой человек.

Опираясь на руки, как на костыли, Пан Сатирус перекинул тело вперед, взлетел и приземлился на углу стола. Стол оказался хрупким только с виду – он даже не скрипнул, а лишь слегка покачнулся.

Генерал Магуайр вытянулся и отчеканил:

– Задание выполнено, сэр.

– Вижу. Познакомьте нас, генерал, – попросил Большой Человек.

– Сэр...

– Это не обязательно, – вмешался Пан. – Я называю себя Паном Сатирусом. Как люди образованные, вы оба знаете, я не сомневаюсь, что это правильное научное название моего вида. Единственного вида шимпанзе, в то время как орангутангов и горилл имеется два вида... А кто такие вы оба, я знаю. Я видел ваши лица десятки раз.

Губернатор был почти столь же обаятелен, как сам Большой Человек. Он наклонился вперед.

– Очень интересно. Где же вы видели наши лица?

– На полу обезьяньего питомника, – сказал Пан. – Просто удивительно, сколько газет валяется воскресными вечерами на полу, после того как сторожа выдворяют наконец публику. Мятые газеты, заляпанные горчицей, со следами грязных подошв... И в каждой... или почти в каждой... какая-нибудь ваша фотография.

– Губернатор, эту беседу направляем не мы, – сказал Большой Человек.

– Разбиты наголову Паном Сатирусом, – добавил со смешком губернатор.

Большой Человек взял инициативу в свои руки.

– Мистер Сатирус, как бы там ни было, мы собрали двухпартийное совещание. В вашу честь.

Пан нахмурился, а может быть, это только показалось. Выражение лица шимпанзе не всегда передает те же чувства, что выражение лица человека.

– О? Разве один из вас коммунист?

Это шокирующее слово подействовало на участников совещания, как обложной дождик на горожан, устроивших пикник. У генерала Магуайра был такой вид, будто он жалеет, что у него нет под рукой бригады легкой кавалерии.

Но Человек Номер Первый был человек светский, изворотливый и понаторевший по части укрощения задир, надоедающих выкриками во время предвыборных митингов.

– Вряд ли, – сказал он ровным, немного гнусавым голосом. – Что вы знаете о коммунистах, мистер Сатирус?

– Как же, ведь они составляют другую партию, – отве-

тил Пан. – Ведь это из-за них создаются все эти проекты, а меня и сотни две других шимпанзе гоняют по всей стране: Лос-Аламос, Аламогордо, Канаверал, Ванденберг... По-видимому... во всяком случае, так без конца твердят по радио и телевидению... люди раскололись на две партии – на коммунистов и на партию «свободного мира». Кто из вас кто?

– Вы никогда не слыхали о республиканцах и демократах? – спросил губернатор.

– А, об этих... – сказал Пан Сатирус.

– Он слишком долго пробыл на Юге, – заметил губернатор. – Он превратился в одного из тех людей, которые признают только одну партию.

– В одного из тех шимпанзе, – поправил его Пан Сатирус. – Но вообще-то я ничего не признаю. Сторожа обычно выключали радио, как только начиналось это... о демократах и республиканцах. Вы когда-нибудь подумывали о разделении людей на две партии по эволюционному признаку?

– Губернатор, – сказал Большой Человек. – Я начинаю думать, что мне не стоило приглашать вас на это веселое собрание. Кажется, в основу политики будет положен новый принцип.

– Раз уж вместе, так вместе, – сказал губернатор. – Как же вы разделите людей на две эволюционные партии, мистер Сатирус?

Пан Сатирус спрыгнул с письменного стола. В стерильно чистую комнату каким-то образом проникла муха. Пан машинальным движением руки поймал ее, раздавил в розовой ладони и бросил на пол.

– Ну, – сказал он, – как вам должно быть известно, некоторые люди ушли по пути эволюции дальше, чем другие... Например, взгляните на присутствующих. Мичман Бейтс пошел далеко; в сущности, он весьма напоминает очень молодую гориллу. Друзья по службе подметили это и даже почтили его соответствующим прозвищем, хотя он еще на добрый десяток тысяч лет не дорос до гориллы. А с другой стороны, возьмите генерала Магуайра. Здесь, джентльмены, разрыв составит уже полмиллиона лет, да и то, если всех магуайров случать с очень культурными женщинами.

– Я начинаю сожалеть, что вы меня пригласили, сэр, – сказал губернатор. – Тут перешли на личности. Надеюсь, что на очереди не я.

Горящий взгляд Пана Сатируса на мгновение остановился на нем.

Затем Пан обратился к доктору Бедояну.

– Помните, о чем мы говорили с вами только что, за этой дверью, доктор?

– Когда вы называете меня Арамом, я запоминаю все.

– Откровенная лесть, – сказал Пан Сатирус. – Не пугайтесь, я не собираюсь оскорблять кого бы то ни было... Это люди делятся на группы, джентльмены, а потом снова делятся на группы. Шимпанзе этого не делают.

Губернатор подался вперед.

– Но люди ловят шимпанзе и превращают в рабов. А шимпанзе когда-нибудь ловили людей?

– Кому они нужны? – спросил Пан.

Оба больших человека получили высшее образование в тех восточных учебных заведениях, которые существуют

для того, чтобы излечивать молодых людей от чувства неловкости, внушаемого унаследованным богатством.

– Человек – единственное животное, которое господствует над своей средой, – сказал Большой Человек Номер Первый, – и поэтому он и есть животное, дальше всех ушедшее по пути эволюции.

– Оставайтесь при своем мнении, сэр, – сказал Пан Сатирус, – потому что вы можете набрать голоса только среди людей. Вы когда-нибудь видели шимпанзе у избирательной урны?

– Иногда трудно сказать, кто голосует, – заметил губернатор.

Но Большой Человек был настойчив.

– Вы не согласны с таким определением эволюции?

Пан Сатирус прыгнул обратно на свой насест на углу стола.

– Конечно, нет, – сказал он. – Это все равно, что сделать что-нибудь, а потом придумать, для чего вы это сделали, и гордиться этим. Наиболее развитое животное – это существо, сумевшее найти для себя такую экологическую среду, которая полностью соответствует его потребностям, и обладающее достаточным запасом здравого смысла, чтобы не расставаться с ней. Что касается шимпанзе, то нам нужен только густой тропический лес, предпочтительно лиственный. И где мы находим шимпанзе? В густых лиственных тропических лесах – там они ведут спокойную легкую жизнь. Не на Северном полюсе, где им пришлось бы охотиться на белых медведей и одеваться в их шкуры, чтобы не замерзнуть насмерть.

– Вы неплохо строите свои доводы, – сказал губернатор.

– Стойте, – перебил его Большой Человек. – В чем смысл жизни шимпанзе? Как использует ваш народ ту среду, к которой он так чудесно приспособился?

– Не мой народ. Мои шимпанзе. Мы не люди... Во всяком случае, не были ими. Теперь со мной это случилось, о чем я горько сожалею. Ну, мы имеем все, что только можно пожелать: время для долгих неторопливых бесед; время для самосозерцания и размышлений; отличное пищеварение и, само собой разумеется, плотскую любовь. При всем том мы сидим дома и сами пестуем своих детей. Одно удовольствие, а не жизнь.

Пан Сатирус раскинул свои длинные руки, потянулся и зевнул. Затем стал торопливо искать у себя в шерсти. Под ногтями у него что-то щелкнуло.

– Не мешало бы почаще окуривать здесь, – сказал он Большому Человеку.

– Субтропики, – коротко пояснил Большой Человек. – Естественная среда для насекомых.

Пан Сатирус кивнул.

– Вы, наверно, думаете, что утерли мне нос. Но шимпанзе редко спят в одной постели дважды, так что мы не страдаем от насекомых.

– Хорошо. – Большой Человек ударил ладонью по столу и опять превратился в лицо административное. – Это была приятная беседа. Пища для размышлений, когда мои тревоги не дадут мне спать ночью... что, я уверен, никогда не случается с шимпанзе. Но вы знаете, почему мы хотели встретиться с вами. Вы знаете также, почему я просил присутствовать губернатора. Чтобы вы были уверены, что информация, которую мы хотим получить от вас, будет

использована в интересах всех людей, а не в моих личных политических интересах. Как вы заставили корабль пре-
высить скорость света?

– Перемонтируйте устройство управления кораблем, – ответил Пан.

Все, как один, тяжело вздохнули – все люди, кроме Гориллы Бейтса и Счастливого Бронштейна, которые с непринужденностью, выработанной долголетней практикой, умели делать вид, что стоят по стойке «смирно».

Затем наступила тишина.

И тут послышалось блеяние генерала Магуайра:

– Сэр, эта обезьяна нам ничего не скажет. Она работает на противника.

– Пройдет три четверти миллиона лет, – сказал Пан Сатирус, – и только тогда ты станешь бабуином или, может быть, резусом.

– Генерал, вы можете подождать за дверью, – сказал Большой Человек.

Генерал Магуайр отдал честь, сделал поворот «кругом» и исчез.

– Мистер Сатирус, – продолжал Большой Человек, – считайте, что этого не было сказано. Нелепо предполагать, будто вы агент или сторонник русских.

– Верно, – согласился Пан Сатирус. – Или ваш сторонник. Или вообще сторонник людей.

– Значит, давайте попытаемся убедить вас, что мы на стороне ангелов, – сказал Большой Человек. – А вы, губернатор, тоже хватайте быка за рога, когда придет ваш черед. Мне кажется, это будет твердый орешек.

Губернатор рассмеялся.

– Вы уже сделали ошибку, упомянув ангелов. Мистер Сатирус только что собирался спросить вас, слышали ли вы когда-нибудь о шимпанзе, возведенном в ангельский сан¹⁷.

– Недурно, – заметил Пан. – Эта сетка снимается с окна?

– Вероятно, – сказал Большой Человек.

– Счастливчик, сделай одолжение.

Счастливчик Бронстейн был недаром радистом первого класса. При нем оказалась отвертка; трудно сказать, где он хранил ее, так как на нем была белая форменка без карманов. Но так или иначе отвертка появилась у него в руке. Он подошел к окну, и через несколько минут сетка была снята.

Снялся с места и Пан Сатирус. Со стола – на подоконник, с подоконника – на вольный теплый воздух Флориды и приземлился на мохнатой финиковой пальме, росшей у окна. Счастливчик, все еще стоявший с сеткой в руках, сказал:

– Гляньте, он спускается по стволу, как обезьяна. – И тут же извинился перед Большим Человеком: – Простите, сэр.

– А он и есть обезьяна, радист, – сказал Большой Человек.

– Забываешь об этом, как побудешь с ним немного, – оправдывался Счастливчик Бронстейн.

– Не послать ли за ним охрану? – спросил губернатор.

– Он не сбежит, – сказал Большой Человек. – В стране, где обитают только люди, он будет бросаться в глаза. Ему

¹⁷ Отголосок старого спора о происхождении человека: в 1864 году Дизраэли по поводу теории Дарвина сказал: «Человек – обезьяна или ангел? Я стою за ангелов».

никого не одурачить, даже если он постарается хорошо замаскироваться.

Пан Сатирус уже спустился в сад и то появлялся, то исчезал среди пышной субтропической растительности. Вот он появился вновь, вскарабкался на пальму, а оттуда прыгнул в комнату. В ногах у него были какие-то плоды.

– Поставь сетку на место, Счастливчик, – сказал он. – В этих широтах насекомые просто одолевают.

Он сел на пол и рассортировал свою добычу.

– Бананы несладкие. А вот эти маленькие, красноватые, во Флориде очень хороши. Рожки. Я люблю их. У вас хороший сад, сэр. Он мог бы прокормить семью из пяти шимпанзе.

– Там, за домом, есть участок, где растут настоящие овощи. Морковь, капуста, помидоры и прочее, – сказал Большой Человек.

– Я довольствуюсь щедротами природы, а не человека, – ответил ему на это Пан Сатирус. – Кто хочет сладкий рожок?

– Нет, спасибо.

– Если голоден, ешь, – сказал Пан. – Если устал, спи. А человек пусть себе господствует над своей средой.

– Когда меня в споре припирают в угол сильными доводами, – заметил губернатор, – я начинаю испытывать невыносимый голод. Так бывает с большинством худых людей. Вы на вид тоже худой шимпанзе, Пан Сатирус. Правильно, доктор?

– Для шимпанзе он высок и худ, сэр, – ответил доктор Бедоян.

– Ну, так как же, мистер Сатирус, трудноато приходится? – спросил губернатор. – Ваши позиции слабеют?

Пан Сатирус протянул между сжатыми зубами стручок и плюнул шкуркой в направлении мусорной корзинки, но промахнулся. Тщательно прожевав зернышки, он проглотил их.

– Я еще не слышал вразумительных доводов. Предлагаю ответить на один вопрос. Почему я должен стать на вашу сторону и помочь получить оружие одной группе людей, которая применит его для убийства другой группы людей и таким образом развяжет войну, которая может захлестнуть и тропики?

– Густой лиственный лес тропиков, – уточнил губернатор.

– Совершенно верно.

Красноватая шкурка банана легла по другую сторону мусорной корзинки.

Губернатор обернулся к Большому Человеку.

– Вам шах.

– Мы искренне считаем, – сказал Большой Человек, – что упомянутая вами «наша сторона»... мы ее называем «свободным миром»... права и в конце концов победит, потому что она права. Мы считаем, что другой стороной руководят люди, лишаящие других людей... очень многих других людей... свободы, чтобы удовлетворить свое нездоровое и даже патологическое властолюбие...

– Вы забываете одно, – перебил его Пан.

– Что же?

– Шимпанзе семи с половиной лет не имеют права голоса.

– Вы изволите шутить, – сказал Большой Человек. – Ну, ладно. Попытаюсь еще раз. Если бы мы были в силах... мы

бы построили так называемую противоракетную ракету, которая сделала бы нас неуязвимыми для ракетного нападения. И тогда мир наступил бы во всем мире, включая и ваши густые лиственные леса тропиков.

Пан Сатирус ковырял в зубах длинным пальцем. Случайно ему подвернулся палец левой ноги.

– Вы говорите о том, что сделали бы вы. Но вы – лицо выборное, находитесь у власти ограниченное время. Предположим, что ваш преемник решит сделать не противоракетную ракету, а просто ракету?

Большой Человек рассмеялся.

– Десять шансов против одного, что моим преемником будет человек, которого назначу я, или вот... губернатор. Девять шансов из десяти – уж лучшей гарантии человек требовать не может.

– Я не человек, а шимпанзе. И мне думается, я вам ничего не скажу. Мне думается, что вы – не вы лично, не обижайтесь, – недостаточно эволюционировали, чтобы владеть таким секретом.

– А кто же? – спросил губернатор.

– Вид, у которого хватает здравого смысла не использовать подобную информацию. Вид, у которого хватает ума вести естественный образ жизни, не пытаюсь господствовать над средой, в которую ему не следовало бы даже переселяться.

– Уж не вернуться ли нам всем в Африку? – спросил Большой Человек.

– К чему такой кислый тон, сэр? Могу вас даже заверить, что не намереваюсь вступать в сделку с русскими.

– Этого недостаточно.

– Это очень много, – сказал Пан Сатирус. – В конце концов, не русские посадили мою мать в клетку, в которой я родился. Не они вытащили меня из клетки, чтобы привязывать к реактивным тележкам и закупоривать в барокамерах и ракетных капсулах.

– И они поступили бы так же, если бы вашу мать поймала их экспедиция, а не наша.

– Да, конечно, они тоже люди, – сказал Пан Сатирус. Он зевнул, обнажив огромные зубы и мощные десны. – Доктор, все это мне начинает надоедать.

– С тех пор как я принял присягу и занял этот высокий и почетный пост, – заметил Большой Человек, – такого в моем присутствии не говорил еще никто. – Он засмеялся. – Разрешите задать вам еще вопрос, мистер Сатирус?

Пан Сатирус опять принялся расчесывать шерсть ногтями. Он кивнул с серьезным и рассудительным видом.

– А я, с вашего разрешения, задам вопрос вам и вашему другу.

– Вы, по-видимому, очень любите читать. Есть ли библиотеки в ваших тенистых, лиственных, тропических африканских джунглях?

– Вы не безнадежны... – сказал Пан Сатирус и задумался. Руки его машинально обследовали шерсть, и ногти снова щелкнули, поймав еще одного непрошеного гостя. – Полагаю, что библиотек в джунглях нет. Но, видите ли, я так пристрастился к чтению, мне кажется, потому, что все время был пленником. Куда же смотреть в обезьяньем питомнике или в биологической лаборатории, как не в книгу из-за плеча какого-нибудь сторожа? Подвигами мартышек сначала восхищаешься, а потом это надоедает.

– Доктор Бедоян, достаньте Пану Сатирусу биографию и произведения Торо, – сказал губернатор. – Им тоже владела иллюзия, что примитивный образ жизни – лучший из всех.

– Слушаюсь, сэр, – ответил доктор Бедоян. – Большую часть книг он, по-видимому, прочел через мое плечо.

Большой Человек пристально посмотрел на доктора, но произнес только:

– Что вы хотели спросить, Пан?

Пан Сатирус сел прямо, положив все четыре ладони на пол.

– Вот вы с губернатором, – спросил он, – дорожите ли вы своими высокими постами?

Оба настороженно кивнули.

– Я хочу сказать, считаете ли вы эти посты высокими?

Они снова дружно кивнули, хотя принадлежали к соперничающим политическим партиям.

– Вы считаете их более важными, чем богатство, накопленное вашим отцом, сэр, и вашим дедом, губернатор? – Пан встал. – От чего бы вы отказались в первую очередь? От поста или от богатства?

На этот раз ни один из государственных деятелей не шелохнулся. Выражения их лиц были настолько одинаковы, что казалось, пропасть, вырытая Александром Гамильтоном и Томасом Джефферсоном, наконец засыпана.

Люди не прерывают аудиенции у сильных мира сего... не получив разрешения удалиться.

Шимпанзе обходятся без разрешения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он испытал вакцину на 10.000 мелких обезьян, 1600 шимпанзе и 243 людях. Большинство добровольцев были заключенными федеральных каторжных тюрем.

**Грир Уильямс.
Охотники за вирусами, 1960**

Снова друзья катили на север. Но на этот раз у процессии был иной вид. В автомобилях вместе с ними сидели агенты. Не приходилось сомневаться, что и шофер был сотрудником службы безопасности – пистолет оттопыривал легкую ткань его летнего шерстяного костюма. Счастливчик Бронштейн ехал в передней машине, Горилла Бейтс – в задней; из друзей Пана Сатируса с ним остался только доктор Бедоян.

Как и прежде, впереди шла машина, позади еще одна, но теперь в первой машине завывала сирена, и небольшая колонна двигалась, не останавливаясь нигде.

– Я под арестом? – спросил Пан Сатирус.

Человек, сидевший рядом с водителем, сказал:

– Тебе разговаривать не положено.

– Но я вынужден. Я регрессировал... или деэволюционировал... и поэтому испытываю потребность говорить. Как человек.

Агент полез в карман пиджака.

– Это пистолет тридцать восьмого калибра. Другой пистолет заряжен капсулой с сильнодействующим наркотиком. Я получил приказ стрелять в тебя наркотиком, а если это не поможет, всадить в тебя настоящую пулю. Не разговаривай.

– Одну минуту, – сказал доктор Бедоян. – Это мой пациент.

– Он болен?

– Нет.

– Тогда он не ваш пациент. И не разговаривайте.

Пан Сатирус нежно взял доктора за руку своей большой рукой. Он не выпускал ее; казалось, он был испуган, но как можно испугать большого шимпанзе, совершившего полет со скоростью, превышающей скорость света?

Машины мчались, сирена монотонно завывала.

Наконец вереница машин свернула с автострады на мощное шоссе и помчалась в сторону, противоположную флоридскому побережью, мимо песчаных дюн, маленьких тенистых прудов, болот, стад, бедняцких ферм и хорошо унавоженных плантаций, принадлежащих капиталистам, занятым промышленным выращиванием помидоров.

Пан Сатирус посмотрел на красные и зеленые шары, висевшие на кустах, и сказал:

– Мне хочется есть.

Агент сердито поглядел на него.

– Его надо кормить несколько раз в день, – сказал доктор Бедоян.

– Совершенно верно, – подтвердил Пан. – Потому что я вегетарианец. Даже в бобовых нет такой концентрации энергии, как в животных белках.

У агента был несчастный вид.

– Сказано вам – не разговаривать! – рявкнул он.

– Пан, у тебя был крайне разнообразный круг чтения, – заметил доктор Бедоян.

– За мной ходили люди самых разнообразных профес-

сия. Ночные сторожа в обезьяньем питомнике и биологических лабораториях нередко готовят себя к другим специальностям. Более перспективным, как сказали бы люди. А когда я бывал болен, за мной ухаживали студенты-медики.

– Пожалуйста, перестаньте разговаривать, – сказал агент.

– Не перестану, пока меня не накормят, – отозвался Пан Сатирус. – За разговорами забываешь о голоде.

– Мы будем там... куда едем... через полчаса.

– Значит, я буду разговаривать полчаса.

– Так, – сказал агент. – А мне как быть?

– Выстрелите в меня капсулой, – ответил Пан Сатирус. Чудно! Вчера я был в капсуле, сегодня капсула может оказаться во мне. Доктор Бедоян, вашему языку не хватает четкости.

– Я врач, а не лингвист. И зови меня Арамом. Это очень утешает меня, когда свет не мил, а впереди сплошной мрак. Не мог бы ты выбрать для подрывной агитации другое время?

– Вы имели дело с шимпанзе и до меня, – сказал Пан Сатирус. – В определенном возрасте с ними трудно, даже невозможно ладить. Они становятся крайне несговорчивыми. Наверно, у меня наступает этот возраст.

– Ну, перестань, – сказал доктор Бедоян.

– Один во враждебном окружении. Как вы думаете, мог бы я поступить в ФБР?

Те, что на переднем сиденье, оба хмыкнули.

– Тебе придется обзавестись дипломом юриста, – бросил через плечо шофер.

– Так вам пришлось окончить юридический факультет, чтобы стать шофером у обезьяны? – спросил Пан Сатирус.

– Иногда я занимаюсь не только этим, – ответил шофер.

– Нам не положено разговаривать, и мы не должны позволять разговаривать им, – заметил его товарищ.

– Я всегда могу найти работу на бензозаправочной станции, – продолжал шофер.

Доктор Бедоян вздохнул.

– В тебе что-то есть, Пан. Я не встречал никого, кто бы так легко сближался с людьми.

– Все любят шимпанзе, – сказал Пан Сатирус. – Однако шимпанзе любят не всех. Беда людей в том, что каждому непременно нужно заставить других полюбить его. Поэтому, когда появляется шимпанзе, люди чувствуют себя проще, свободнее.

Старший агент, сидевший рядом с водителем, заговорил:

– Черт возьми, а ведь ты прав. Когда я арестовываю кого-нибудь, то в девяти случаях из десяти его нельзя осудить, если он «не расколется». Но он хочет мне понравиться. И ему приходится сказать, почему он пошел на дело, чтобы я простил его. Чтобы я начал ему симпатизировать. Но он не может сказать, почему пошел на дело, и не сознаться при этом, вот тут я и беру его за горло. Что происходит с людьми?

– Не полностью эволюционировали, – сказал Пан Сатирус. Есть теория, которую называют телеологией; она утверждает, что у эволюции имеется цель, и когда формируется идеальное существо, эволюция кончается. Шимпанзе? Я не слишком разбираюсь в телеологии, так

как сторожу, у которого была книга, она наскучила уже через несколько минут и на следующее ночное дежурство он ее больше не принес.

– Шимпанзе не могут быть совершенно независимыми, – сказал доктор Бедоян. – Они живут стадом, им нужна любовь, чтобы быть счастливыми.

– Мы говорим о людях, а не о шимпанзе, – с достоинством парировал Пан Сатирус.

Водитель снова засмеялся, сел попрямее и свернул с мощеного шоссе на грунтовую проселочную дорогу, которая вилась между холмиками и рощицами жалких карликовых пальм.

– Доктор Бедоян, вам следовало бы научить меня есть мясо, – сказал Пан.

Доктор Бедоян промолчал.

Машина подпрыгивала на ухабах. Время от времени на дороге попадались какие-то оборванцы в синих джинсах и соломенных шляпах. У них был бы более правдоподобный буколический вид, если бы все эти соломенные шляпы не были одного фасона и одинаковой степени изношенности. Можно было подумать, что торговец соломенными шляпами проехал здесь однажды, года четыре назад, и больше не появлялся.

– Я откажусь отвечать на вопросы, если вас не будет со мной.

Доктор Бедоян молчал.

– Арам, – спросил Пан Сатирус, – чем я вас рассердил?

– Кто может жить без любви, кто не нуждается в друзьях? – сказал доктор Бедоян. – Я просто испытывал тебя. В конце концов, я же ученый.

Впереди показались ворота, опутанные колючей проволокой и украшенные большой вывеской: НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ. Под этой надписью значилось название компании по добыче природного газа. Однако никаких трубопроводов нигде не было видно.

Ворота отворил солдат с винтовкой. Три машины въехали в ограду и выстроились в ряд. Появилось еще несколько человек с винтовками, а каждая машина извергла пассажиров и по паре агентов.

Откуда-то возник мистер Макмагон и стал распоряжаться. Терминология, которой он при этом пользовался, звучала зловеще:

– Введите всех четырех заключенных вместе! Не позволяйте им разговаривать!

Снаружи здание напоминало сарай из рифленого железа, служащий для того, чтобы прикрывать от непогоды трубы или насосное оборудование. Внутри же все было как в любом правительственном учреждении страны: невысокими стенками отгораживались кабинеты маленьких начальников, стены до потолка скрывали высокое начальство, а в двух больших загонах, забитых письменными столами, сидели подчиненные.

В той комнате, куда мистер Макмагон ввел четверых преступников-заключенных-гостей, любой бюрократ узнал бы приемную главы учреждения.

Там сидела женщина с типичным лицом государственной служащей и печатала на машинке. Она не подняла головы, когда они направились к двери, на которой поблескивала табличка с одним коротким словом: КАБИНЕТ.

В кабинете стоял громадный письменный стол. За ним сидели три человека. Хотя на них были рубашки, галстуки бабочкой и хорошо отутюженные эластичные спортивные брюки, по крайней мере двое из них, несомненно, имели вид военных, надевших, как некогда принято было говорить, партикулярное платье.

У того, кто сидел посередине, было загорелое лицо, коротко подстриженные усы и челюсть, которой позавидовал бы сам Пан Сатирус.

– Постройте людей в одну шеренгу, Макмагон, – сказал он, – а сами идите.

Макмагон пробовал возразить:

– Сэр, в целях личной безопасности...

– Для этого у нас здесь есть два крепких моряка.

Макмагона это не убедило, но он вышел.

– Меня зовут Сатирус, сэр, – сказал Пан. – А вас?

– Можете называть меня мистером Армстронгом. А вас зовут Мемом, шимпанзе.

– Совершенно верно, сэр, но я не люблю, когда меня зовут Мемом.

– А мне, Мем, наплевать на то, что вы чего-то не любите.

Мистер Армстронг поднял руки, потом опустил их и стал массировать плечи сильными пальцами.

– Проклятая вентиляция, – проворчал он. – Ну ладно, хватит об изъянах, поговорим об обезьянах, которые пытаются одурачить Соединенные Штаты.

Строгим взглядом он как бы прощупал обоих моряков и доктора.

– Довольно милый каламбур, – сказал Пан Сатирус. –

Запишите это, Счастливчик. Радист Бронстейн – мой секретарь, – пояснил он мистеру Армстронгу.

– А я камердинер мистера Сатируса, – представился Горилла Бейтс.

Мистер Армстронг воззрился на них.

– Это очень смешно, я понимаю, – сказал он. – Но вы перестанете смеяться очень скоро. Извольте вспомнить, что вы служите нижними чинами в рядах вооруженных сил и подлежите суду военного трибунала.

– Но я не вижу здесь офицеров, – заметил Горилла Бейтс.

У мистера Армстронга хватило совести покраснеть.

– Слушайте, Мем, – сказал он. – Или Сатирус, как вы предпочитаете. Шуткам конец: вы что-то там сделали с системой управления космического корабля «Мем-саиб». Ладно, ладно, мне все равно, как его называть. То, что вы сделали, не было случайностью. Мы, стоящие у кормила правления вашей родины...

– Нет, – возразил Пан Сатирус. – Это не моя родина. Разве приматы, исключая человека, имеют право голоса? Может ли горилла стать президентом, макака – губернатором, а резус государственным секретарем?

– Черт побери! – сказал мистер Армстронг. – Он требует права голоса для обезьян!

Человек, сидевший справа от него, деловито чистил трубку. Тут он положил ее на стол.

– Ладно. Любые человекообразные и нечелоовекообразные обезьяны, достигшие двадцати одного года и умеющие читать и писать, имеют право голоса.

– Забавно, – сказал Пан Сатирус.

Человек взял трубку и другую прочищалку.

– Мы здесь для того, – продолжал мистер Армстронг, – чтобы узнать, что вы хотите получить за ваш очень важный секрет, и мы уполномочены удовлетворить любое ваше желание, если это, конечно, в наших силах.

– Человеческие вожделения шимпанзе неведомы.

– Тогда мы готовы удовлетворить любые шимпанзиные вожделения. Хотите клетку, полную аппетитных молодых самок? Вагон бананов каждый день? Говорите.

Смех Пана Сатируса, как обычно, производил устрашающее впечатление.

– Поскольку вы, по-видимому, довольно сообразительны, – продолжал мистер Армстронг, – то вам уже пора почувствовать, что атмосфера в этой комнате не совсем такая, как в других местах, где вам довелось побывать. Мы не агенты службы безопасности, не политики. Если станет ясно, что вы не хотите пойти нам навстречу, мы готовы устранить вас по возможности гуманным способом. Иначе говоря, ликвидировать. Другими словами, вас ждет газовая камера, пуля или что-нибудь в этом роде.

– Полегче, мистер, – крикнул Горилла Бейтс.

Тот из троих, который до сих пор молчал, теперь ожил и рывкнул:

– Смирно, мичман!

Горилла Бейтс вытянулся, Счастливчик Бронстейн тоже.

– Я видел ваше лицо, сэр, – медленно произнес Пан Сатирус. – В газетах. Вы адмирал, которого ненавидит весь военно-морской флот.

Третий человек удовлетворенно хмыкнул и затих.

– Однако вы умны, – продолжал Пан. – И у вас приятная внешность. Немного грима, и вы сошли бы за какого-нибудь гигантского гиббона. Неужели вы думаете, что люди должны знать секрет полета со сверхсветовой скоростью?

– Я считаю, если на то пошло, что рано или поздно он станет известен. Теперь это уже будет скоро, так как мы знаем, что полет возможен. И я считаю, что если кому и знать этот секрет, так только нам. Точка.

– Сатирус, вы умеете говорить, – сказал мистер Армстронг. – Вас с вашей информацией мы не можем отпустить или даже посадить в клетку, пока не будем уверены, что вы решили сотрудничать с нами. Когда дело доходит до сторожа при животных, обеспечение безопасности становится ненадежным и даже невозможным.

– А мой космический корабль вы изучили хорошо? – спросил Пан. – Обследовал ли его какой-нибудь металлург?

Мистер Армстронг не сводил с Пана глаз. Адмирал и тот, третий, чистивший трубку, подняли головы.

– Вы узнаете, что закон Менделеева подтверждается новым способом, – продолжал Пан. – Каждый из металлов прибавил в атомном весе и передвинулся на одну клетку периодической таблицы. Алхимия, джентльмены, алхимия.

Непопулярный во флоте адмирал нахмурился.

– На всякий случай проверьте, Армстронг, – сказал он.

Мистер Армстронг выдвинул ящик стола, достал из него микрофон и поднес к углу рта. Видно было, что он что-то говорит, но в комнате не было слышно ни звука. Затем он отложил микрофон.

– Кажется, я понимаю, в чем дело, но все-таки пусть кто-нибудь объяснит, – сказал он.

Человек с усами объяснил:

– Запускаете груз железа, получаете обратно груз золота.

– Я пробыл в космосе довольно долго, – сказал Пан. – Мне надо было чем-то заняться. Невесомость и безделье для шимпанзе, попавшего в космос, несовместимы. Однако я не ожидал, что регрессирую, или деэволюционирую, или деградирую. В противном случае я бы оставил свои проклятые шалости.

– Вы не очень-то нас порадовали, – сказал мистер Армстронг.

– Да, невесело, – согласился адмирал. – Если это станет известно всем, золото вообще ничего не будет стоить.

Пан Сатирус сел на пол и начал чиститься.

– Я хочу есть, – сказал он.

– Очень жаль, – молвил Армстронг. На лице его появилась ухмылка.

Доктор Бедоян сделал шаг вперед.

– И думать не думайте делать то, что задумали! Я имел дело с шимпанзе, а также с другими приматами очень долго. В определенном возрасте от такого обращения они становятся только еще более непокорными. Даже могут покончить с собой.

– Молодой человек, – сказал усатый, – а на чьей стороне вы, между прочим?

– О, я вполне лоялен. Но Пан Сатирус – мой пациент. И я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас был специалистом по приматам.

– А вы специалист?

– Мистер Армстронг, если я не специалист, правительственное жалование, которое платили мне годами, выброшено на ветер. Поверьте мне, в жизни шимпанзе наступает момент, когда он поднимает бунт. И Пан Сатирус весьма близок к этому.

– Значит, вы предлагаете... ликвидировать...

Хриплый рев Гориллы Бейтса заполнил комнату:

– Это убийство!

– Отставить, мичман, – строго сказал адмирал. – Ликвидация животного, являющегося казенным имуществом, – это вряд ли убийство.

Но старый мичман стоял на своем:

– Пан никакое не животное.

Счастливчик Бронстейн поддержал мичмана.

– Я не специалист в морской юриспруденции, но, по мне, застрелить говорящего шимпанзе – дело нешуточное. Потом целый год с губы не выйдешь, пока адвокаты будут решать, убийство это или нет. Пан – это человек.

Пан Сатирус вытянулся во весь свой полутораметровый рост.

– Я не человек, – сказал он.

На тайное судилище легла тишина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ни один компетентный ученый не думает, что человек произошел от какой-либо из существующих человекообразных обезьян.

Эрнст Хутон.

От человекообразной обезьяны, 1946

Я летел в Нью-Йорк, и на душе было тревожно. Этому Игги Наполи, моему помощнику, пальца в рот не клади. Теперь у него был мой автобус с оборудованием и мой микрофон, и он мог выступить самостоятельно, если бы в мое отсутствие во Флориде случилось какое-нибудь событие. И конечно, все запомнили бы человека с таким именем и фамилией – Игнац Наполи. Я потратил десять лет, чтобы заставить публику помнить Билли Данхэма, но Игги мог сделать это за два интервью, если бы провел их успешно.

Итак, я отправился в правление компании с докладом, а на душе у меня кошки скребли.

Моя передача о шимпонавте нашумела, спору нет, – это была сенсация в старомодном духе, но беседу вел не я – ее вел Пан Сатирус. А в нашем деле так: стоит споткнуться, как кто-нибудь отхватит тебе обе ноги напрочь да еще пришлет букет роз, выражая сожаление по поводу твоего нездоровья.

В аэропорту я взял такси. Не в том я был настроении, чтобы ехать со всякой швалью в рейсовом автобусе. Мы выскочили из туннеля, и я увидел, что Нью-Йорк совсем не изменился все куда-то спешили, никому не было никакого дела до других... Старший лифтер в здании телевизионной

компании помнил меня, и я почувствовал себя немного лучше. Эти ребята первыми пронюхивают, когда кому-нибудь дадут пинка в зад.

– Поднимите мистера Данхэма наверх, – сказал он, и мой дух поднялся сам, без помощи механических приспособлений. – На тридцать второй, мистер Данхэм?

– На тридцать второй, – сказал я и сунул ему пять долларов. Он сказал, что рад моему возвращению.

Пинка сегодня не будет.

Порядок. Маленькая секретарша с красивыми бедрами, что сидит в приемной, показала мне в улыбке все тридцать два зуба и, наклонившись, – ущелье между двумя холмами. Всегда можно определить, как высоко стоят твои акции в компании, по тому, как глубоко тебе дадут заглянуть за корсаж. Ловко у нее это получается – она, должно быть, практикуется все ночи напролет; не знаю уж, когда она спит, зато обычно знаю с кем...

Раз-два, и я уже сижу с двумя вице-президентами и директором компании. Появляется бутылка, и родной дом встречает нашего славного мальчика Билли, который вернулся с войны цел и невредим.

Пинка сегодня не будет. Может быть, завтра или послезавтра, но не сегодня.

Райкер, директор, вел совещание.

– Билл, я полагаю, вы знаете, почему мы вас вызвали, сказал он.

Что уж он там понял из моей улыбки, это его дело. Я поднес стакан ко рту, и льдинка звякнула о мои зубы.

– Этот ваш шимпанзе... как вы его там называли... шимпонавт – самая большая сенсация со времен Джеки Глисона.

– Большая и жирная, а?

Неостроумно, но это мой обычный ход. Когда они смеются над твоими глупыми шутками, можно просить о прибавке жалованья. Когда они смеются над шутками умными, такой уверенности нет, впрочем, я думаю, эти ребята ничего не делают с бухты-барахты...

Сейчас они смеялись, и я понял, что мои акции и в самом деле котируются высоко.

– Пейте, Билли, дружище, – сказал Райкер.

Я выпил. В поездках я пью виски попроще, но в районе Мэдисон-авеню тебя не будут считать за человека, если ты не пьешь марочных напитков. Да еще с указанием всяких дат на горлышке. К чему эти даты, приятель, они годятся только для надгробных плит.

– Ребята, – сказал я, – чем могу служить?

Номер не прошел. Они вызвали меня в Нью-Йорк будто бы просто для того, чтобы узнать, как мне понравилась Флорида. Но эту волюнку долго тянуть нельзя, и наконец Райкер кивнул Маклемору. Маклемор кивнул Хэртсу, а Хэртс уже обратился ко мне:

– Билли, вы когда-нибудь мечтали уйти с репортерской работы?

– Нет.

Держи карман шире!

– Вы когда-нибудь мечтали стать продюсером?

– Нет.

– Продюсером телевизионной постановки? – Маклемор продолжал гнуть свою линию. – Распределять роли между хорошенькими девочками, командовать актерами, давать указания писателям?

– Нет. Я старый репортер и, наверно, умру им.

– Вы будете главным продюсером. У вас будет режиссер и заместитель продюсера.

– Послушайте, Райк, когда я просыпаюсь в одной и той же постели или даже в одном и том же городе три утра подряд, я чувствую себя не в своей тарелке. Я работал репортером в газетах, на радио и телевидении еще тогда, когда интервьюировать Долли Мэдисона¹⁸ было модным делом.

– Когда-нибудь всем нам придется остепениться, – сказал Райкер, который остепенился лет в одиннадцать, получив от отца наследство в три миллиона долларов. – Вы внесли ценный вклад в работу нашей компании, Билл. Пора пожинать плоды.

Пинка еще не было, но от разговора уже пахло пинком. И все же тут тебе и бутылка, и старший лифтер, и крошка мисс Глубокий Вырез из приемной.

– Райк, куда вы клоните? – спросил я. – Давайте перестанем ходить вокруг да около. Вы меня знаете: у компании нет вернее человека. Что хочет от меня компания?

– Вот это разговор, Билл, – сказал Райкер. – Вы же нас не бросите на произвол судьбы и нью-йоркского муниципалитета? Все дело в этой обезьяне, Билл, в шимпанзе. В Пане Сатирусе. В шимпонавте.

– А что такое?

Теперь мы все забыли и про бутылку, и про то, какие мы друзья и как мы все любим нашу компанию, наши обязанности и Соединенные Штаты. Теперь мы работали.

¹⁸ Американский комик.

– Часовая передача, – сказал Райкер. – Платит один из наших лучших рекламодателей – «Северо-южная страховая компания». С затратами просили не считаться. Но поставили условие – в главной роли должен быть шимпанзе. Точка. Абзац.

– В таком случае купите шимпанзе.

Все они посмотрели на меня так, будто я наплевал на их фамильные библии. И это было неплохо – надо же поддерживать свою репутацию профессионального хулигана.

– Дает жизни Билли, – сказал Хэртс.

– Все шумит, – добавил Маклемор.

Но директор Райкер заправлял всем.

– Личностями не торгуют, – сказал он. – А шимпанзе – самая выдающаяся личность за последние месяцы. После Джона Гленна или Кэролайн Кеннеди.

– Можно сказать, на экранах телевизоров вы оба имели успех, – сказал Хэртс. – Вы говорили так, будто знаете друг друга с пеленок.

– Ему-то всего семь с половиной лет, – сказал я.

– Он прирожденный телевизионный актер, – сказал Маклемор.

– Это то, что надо нашему заказчику, – закончил круг Райкер.

Теперь были поставлены все точки над «i», а в нашем деле так: понял – слушай.

– Провалиться мне в тартарары, как сказал поэт. Но ведь: а) он принадлежит правительству, б) он чертовски вспыльчив, в) вокруг него столько агентов безопасности, словно он русский посол. Эта обезьяна что-то знает, и правительство не может допустить, чтобы она это разболтала.

Райкер кивнул Маклемору, Маклемор кивнул Хэртсу, а Хэртс сказал:

– Только вы, Билл, можете это утрясти.

– Для меня найдется местечко и в Эн-би-си, и в Си-би-эс, – сказал я, – да и Эй-би-си знает меня не первый год.

– Не говорите так, – сказал Райкер. – У компании нет вернее человека.

Тогда я снял трубку с телефона, стоявшего на его столе, и сказал:

– Дайте юридический отдел, кого-нибудь, кто там у них сейчас главный.

– Минуточку, мистер Данхэм, – ответила девушка. Все они в радиокорпорации знают мой голос... пока не последовало пинка. – Вам нужен мистер Россини.

– Ну, передайте ему смычок, детка.

Мистера Россини я не знал. Но его музыкальный голос очень соответствовал его фамилии.

Он осведомился, чем он может быть полезен уважаемому мистеру Данхэму.

– Каково правовое определение человека? – спросил я.

Долгая пауза. И ответ:

– Такого определения не существует.

– Как вы поступаете, когда оно вам требуется?

– Я не знаю такого случая, – осторожно сказал мистер Россини. – Пока не требовалось никому. Я хочу сказать, что со времен Великой хартии у суда было время заниматься почти всем... Наверно, по этому поводу надо обратиться в суд, чтобы он вынес мотивированное решение?

– А какое определение дает толковый словарь?

Мистер Россини сказал, что посмотрит. Я сказал, что не буду вешать трубку. Хэртс сказал, что он знал – дружище Билли все устроит. Райкер ничего не сказал.

Наконец послышался голос Россини:

– Тут что-то неясно. Получается: человек, который человек, это человек. Человеческий, человеческий – свойственный, присущий или принадлежащий человеку.

– Стоп, Россини. Достаточно. Теперь надевайте шляпу и отправляйтесь к судье Мэнтону. Я ему позвоню. Нам нужно предписание суда об освобождении некоего Пана Сатируса, незаконно задерживаемого правительством Соединенных Штатов.

– О, – сказал Россини, – я слышал, что мы им интересуемся.

– Я сейчас в кабинете Райкера. Двигай, дружище.

– Мистер Данхэм, нельзя учинять иск правительству Соединенных Штатов без согласия шимпанзе.

– Вы с Мэнтоном все уладите. Я позвоню ему.

Я позвонил в суд, но Мэнтон не застал. Позвонил ему домой.

– Судья, однажды вы мне сказали: я к вашим услугам в любое время. Это время пришло. Я сейчас направил к вам в суд юриста по фамилии Россини. Мне нужно предписание, в котором значилось бы, что шимпанавт Пан Сатирус – человек.

– Погодите, мистер Данхэм...

– Вы говорили, судья: в любое время...

– Я помню, но...

– Судья, имейте в виду, после этого вы мне еще дважды скажете «в любое время». Я вас сделаю самым известным юристом в стране.

– Да. Да. Но достоинство судьи...

– Достоинство судьи зиждется на защите прав человека. Если бы вы только могли поговорить с этим Паном Сатирусом, судья... Поверьте мне, это угнетаемая личность.

– Но я судья штата Нью-Йорк. Вам придется сделать так, чтобы он подлежал моей юрисдикции.

– Это я устрою.

С юридической стороны проблемы было покончено. Дальше все пошло как по маслу. Я позвонил одному малому из муниципалитета.

– Мак, я только что прилетел из Флориды, чтобы комментировать прибытие Пана Сатируса, шимпонавта. Я знаю, что у вас не положено давать предпочтительную информацию, но хотя бы один намек – как город готовится к встрече? Триумфальный проезд по улицам, конечно. Вручите ключи от города? Может, повесите бронзовую памятную доску в его честь?..

– Видишь ли, Билли, я точно не знаю...

Голос у меня зазвенел, как у актера, игравшего главную роль в старой пьесе «Первая полоса». Ли Трейси, кажется?

– Не подготовили бронзовую доску? А я думал, город и Зоологическое общество будут драться за право ее оплатить. Самый выдающийся сын Бронкса, родившийся прямо в клетке зоопарка! Как это так – без бронзовой доски?

– Ясно, – сказал Мак. – Я понял. Спасибо, что подсказал, Билл. Я просто не знал, в каком зоопарке он родился.

Я положил трубку. Райкер смотрел на меня со странным выражением лица.

– Райк, выкладывайте, что у вас на уме. Я не хочу работать здесь, в правлении. Я люблю разъезжать.

– Но продюсером постановки вы будете. Или в крайнем случае будете вести программу.

– Разве что для начала... Это очень дружелюбный шимпанзе, Райк. Он привязывается к людям. Мы найдем ему продюсера и ведущего, который ему понравится. Может быть, какую-нибудь хорошенькую девушку.

– Я не знал, что он нью-йоркец. Я не знал, что он родился в Бронкском зоопарке, – сказал Хэртс.

– Я тоже не знал. Забыл спросить его, где он родился. Ну и что? Плевать! Мои передачи смотрит вся страна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всякая попытка активно воздействовать на его биологическую наследственность «скатывается» с животного этого вида, во всех остальных отношениях умного и послушного, как с гуся вода.

Вольфганг Келер.
Умственные способности
человекообразных обезьян

Врата захлопнулись со звоном, но замки защелкнулись бесшумно – они были хорошо смазаны. Агенты службы безопасности отобрали у всех шнурки от ботинок, а у Гориллы Бейтса еще и пояс. У Пана Сатируса отбирать, разумеется, было нечего, поскольку он не носил одежды с тех пор, как сбросил космический скафандр.

Потом их оставили одних, рассовав двух моряков и шимпанзе по разным камерам-загончикам, отделенным от общего коридора сплошной решеткой.

– А где доктор? – спросил Счастливчик. – Они с ним ничего не сделают?

– Его допрашивают, – сказал Горилла. – Я думаю, они порешили, что он расколется быстрее, чем ты или я. Или вот Пан.

– А для чего им нужно, чтобы он раскололся? – спросил Пан.

– У нас международный заговор, – пояснил Счастливчик. Зря ты приземлился так, что тебя выловил «Кук». Это совершенно секретный корабль. То, что называется экспериментальным прототипом.

– Ты говоришь как писарь, – сказал Горилла.

Пан потихоньку лазил по решетке: от стены до стены и от пола до потолка.

– Не так уж плохо, – сказал он. – Я привык к клеткам.

– А мы нет, – заметил Счастливчик.

– Не трави. Счастливчик, – проворчал Горилла. – Не знаю, как ты, а я провел на губе больше времени, чем Пан на свете живет. Сколько ему? Семь с половиной? Да, я могу поучить тебя, как сидеть в клетке. Другое дело, что я так и не привык.

Пан прилег отдохнуть на койку.

– Значит, ты думаешь, что мы попали сюда, потому что я слишком много знаю о «Куке»? Но я ничего не видел, кроме палубы и вашей столовой.

– Мичманской кают-компании, – поправил Горилла.

– Вот видишь! Я не разбираюсь в кораблях. Это был первый корабль, на котором я побывал. Я не мог бы сравнить его с другим кораблем или хотя бы описать. Как ты думаешь, если я скажу им это, они нас выпустят?

– Как ты разогнал космический корабль быстрее света? – спросил Счастливчик. – Вот что они хотят узнать.

– Но человек не подготовлен к таким знаниям, – сказал Пан. – Он применил бы их в войне.

– Да, – согласился Горилла. – Потому-то мы и попали на губу. И верно, надолго.

Пан прыгал в своей клетке, хватаясь за прутья решетки и взбираясь все выше, пока не добрался до самого верха. Повиснув на одной руке, он для пробы отковырнул кусок известки там, где в потолок входил прут решетки, и отправил известку в рот. Потом выплюнул ее и прыгнул на койку.

– Я проголодался.

– Ты им этого не говори, – посоветовал Горилла. – А то они не будут кормить тебя, пока ты им не скажешь все.

– А он не скажет, – вставил Счастливчик.

– Он и не должен говорить, – сказал Горилла. – Война плохое дело.

– Ты рассуждаешь как горилла. Голодать – тоже не дело.

– Многие шимпанзе умирали, но не теряли достоинства, – сказал Пан. Он ухватился за прутья решетки и немного покачался. Затем снова прыгнул на койку, почистился и закрыл лицо руками.

Вошли два человека, по-видимому выполнявшие здесь обязанности надзирателей и одетые в комбинезоны, которые обычно носят рабочие нефтяных компаний; тут они заменяли униформу. Держа оружие наперевес, они остановились у самой решетки. Следом вошел еще человек и подал еду сначала Горилле, а потом Счастливчику. И вышел.

– А Пану? – спросил Горилла.

– Ему жрать не дадут, – сказал один из стражей.

Горилла фыркнул и взял со своего подноса кусок хлеба.

– Держи, Пан.

– Нельзя, морячок, – сказал страж и поднял дуло своего автомата.

– Ребята, это же не по-человечески! – воскликнул Счастливчик.

– Наоборот, – сказал Пан. – Именно по-человечески.

– Я не хочу есть, – заявил Горилла. – Можешь забрать эту баланду.

– И мою тоже, – сказал Счастливчик.

Один из стражей свистнул, холуй вернулся и убрал подносы. Звякнул металл, и наши друзья снова оказались одни.

– Теперь нам все понятно, – сказал Счастливчик.

– Думаю, нам лучше уйти отсюда, – предложил Пан.

Моряки посмотрели на него.

– Люди – слишком узкие специалисты, – продолжал Пан. – По-видимому, одни строят тюрьмы, а другие строят клетки. По крайней мере, ни в одном почтенном зоопарке никто не посадит шимпанзе в такую клетку.

Он протянул руку и вырвал прут решетки из гнезда в полу.

Потом согнул еще один.

– Воображаю, что натворил бы здесь горилла, – сказал он. – За кого они меня принимают? За мартышку?

Он согнул еще один прут.

Когда образовалась дыра достаточно большая, чтобы в нее пролезть, он связал два прута решетки в узел.

– Знак Зорро, – пояснил Пан. – Я читал об этом комиксе.

– Не из-за плеча ли доктора Бедояна? – спросил Счастличик.

Пан уже выбрался из камеры.

– Вряд ли, – сказал он и засмеялся: по крайней мере это прозвучало как смех. – Глупо. Я регрессировал, или деградировал, или уж не знаю там что. – Он протянул руку и сорвал замок с решетки Счастличика. – С этого надо было начать. Но я люблю физические упражнения, от них лучше себя чувствуешь.

Он сорвал замок и с решетки Гориллы и направился вприпрыжку к единственному зарешеченному окну, опираясь на руки как на костыли. Выдирая один за другим прутья решетки, он передавал их Горилле.

– Не стоит производить излишнего шума, – сказал он. – Готово. Дай-ка мне руку, Счастличик.

Держась за раму окна одной рукой, другой он помог Счастличику выкарабкаться наружу. Затем помог и Горилле взобраться на окно и спрыгнул на землю, оставив мичмана наверху.

Горилла, приземлившись, крикнул.

Они зашли за фальшивое газохранилище и оказались у ограды из колючей проволоки. Пан взглянул на ограду и крикнул, подражая Горилле.

– С этим мы справимся в два счета.

– Осторожней, – сказал Счастличик. – Проволока может быть под током. – Он огляделся и показал на росший неподалеку дуб. – Тут такой казенный порядок, что нам придется отломать ветку от дуба. Даже палки не найдешь.

– Большое дело, – сказал Пан. Он вскарабкался на дерево, отломил увесистый сук и слез. – Держи, старик.

Счастливчик осторожно прислонил сук к колючей проволоке. Искры не было, и он сказал:

– Давай, Пан.

Пан оттянул проволоку к земле, и все перешагнули ее.

Оба моряка ковыляли с трудом – ботинки, лишенные шнурков, соскакивали с ног. Пан привел их к холмику, на котором росла рощица лиственных деревьев, изредка встречающихся среди сосновых лесов Флориды. Тут он стал прыгать с дерева на дерево и вскоре вернулся с пучком тонких стебельков каких-то вьющихся растений.

Счастливчик и Горилла принялись плести шнурки для ботинок. Делали они это искусно и быстро.

Пан Сатирус вновь отправился на прогулку по деревьям. Он вернулся, жуя сердцевину пальмовой ветки.

Горилла кончил плести шнурки и делал пояс.

– Я, конечно, не большой физиономист по вашей части, но у тебя, Пан, счастливое лицо.

Пан кивнул. Он раскачивался, держась на пальцах рук, оторвав ноги от земли.

– Это не тропический лес, – сказал он. – Это всего лишь субтропический лес. И даже не лес, а маленькие рощицы. Но впервые в жизни я чувствую себя настоящим шимпанзе, а не какой-то игрушкой в руках человека.

Счастливчик вытянул ноги и прислонился спиной к дереву.

– Это все равно что получить корабль в собственное распоряжение, Горилла. Ни тебе офицеров, ни министерства военно-морского флота, которые говорят, что ты должен делать.

– Я минер, а не рулевой, – сказал Горилла. – Но, думаю, с кораблем я бы управился. Если бы он у меня был. Только не будет никогда.

– Не будет, – подтвердил Счастливчик. – Нас разжалуют в матросы, когда поймают. Хорошо еще, если нас считают в самоволке, а не дезертирами.

На земле лежал дубовый сук. Он отломился когда-то от виргинского дуба, к которому прислонился Счастливчик, но еще не прогнил и был толщиной сантиметров десять. Пан Сатирус взял его и переломил надвое.

– Вы пошли со мной, потому что боялись за свою жизнь.

– Мы выполняли свой долг, – сказал Счастливчик. – Теперь я уже это сообразил. Командир «Кука» приставил нас к тебе. Ни один морской офицер приказа не отменил. Мы не знаем, что это за люди там, на газохранилище.

– Русские, – сказал Горилла. – Мы думали, что это русские. Они же нам не показали своих удостоверений личности, а если бы и показали, то мы бы подумали, что это липа. Русские.

– Мы не офицеры, – сказал Счастливчик. – Нам мозгов по чину иметь не положено, верно?

Он высунул язык и вытаращил глаза.

Пан Сатирус стал издавать звуки, которые большинство людей в конце концов приняло бы за смех.

– Мы здесь можем продержаться много лет, – оказал он. – В этих лесах растут всякие вкусные вещи. И мы можем двигаться на юг, пока не придем к болотам.

– Они поднимут на ноги всех легавых, – сказал Горилла. – Они поднимут по тревоге проклятую морскую пехоту и будут прочесывать местность, пока не найдут нас.

– Нет такого человека, который бы нашел шимпанзе в субтропическом лесу, – сказал Пан. – Я могу вскарабкаться на первую же попавшуюся пальму и запрятаться в листьях.

– Человека такого нет, – возразил Счастливчик. – А люди есть. Тысячи людей, десятки тысяч. Они могут срубить все твои пальмы. А как же мы? Мы люди, а не шимпанзе. Даже Горилла – человек, хотя и не похож.

Горилла Бейтс посмотрел на него и сказал:

– Спасибо, дружище.

– Может быть, вам лучше выйти на дорогу и сдаться? – сказал Пан. – Отдаться в руки вашего морского начальства... так это называется?... И с вами ничего не случится.

Мичман Бейтс переглянулся со Счастливчиков и спросил:

– Ты где родился, Пан?

– В обезьяннике Бронкского зоопарка. В Нью-Йорке.

– Я знаю, – сказал Горилла. – Ты никогда не был на воле и один. В этой Флориде ты можешь замерзнуть; и тут бродят дикие собаки, кабаны и мало ли что еще. Мы уж лучше останемся с тобой.

– О, но ведь это моя естественная среда.

– Точно, – сказал Счастливчик. – Точно. А все же у нас нет выбора. Командир нас приставил к тебе.

– Пошли, – сказал Горилла. – Уберемся подальше. А то эти агенты из ФБР будут разыскивать нас с собаками.

И они поплелись по равнине, проваливаясь в лужи, так затянутые зеленой плесенью, что они казались лужайками, поднимая тучи moskitov, после чего следовала мгновенная мучительная месть. Пан беззаботно схватился за куст, и в его ладонь впиалась колючка. Ни у кого не было ни ножа, ни

даже иголки, чтобы вытащить колючку; розовая ладонь быстро распухла.

Воды кругом было много, и Пан Сатирус собрал бесчисленное множество зеленых орехов, спелых и неспелых фруктов, нежных побегов деревьев. Но никто, даже Пан, не привык к такой диете. Оба моряка шагали под урчащую музыку собственных желудков, а Пан Сатирус стал как-то странно подавлен.

– А у морской пехоты всю дорогу служба такая, – сказал Горилла. Он сидел под пальмой, поддерживая свой объемистый живот обеими руками. От mosquito укусов лицо его вздулось и стало вдвое шире.

– Но я, между прочим, пошел не в морскую пехоту, – сказал Счастливчик.

– Будь это Экваториальная Африка... – произнес Пан Сатирус.

– Нет тут никакой Африки, – сказал Горилла.

– Жаль, мы не взяли с собой доктора Бедояна.

– А что с него толку? – спросил Счастливчик. – Без своей черной сумки док в лесу был бы как все мы. Если уж доктор нужен, то полностью, с черным саквояжем.

Пан Сатирус где-то нашел большой круглый фрукт. Он вертел его в здоровой руке.

– Боюсь, невкусный.

– Все бывает невкусное, если не подано с пылу с жару, сказал Счастливчик.

– И если блондинка-официанточка не подаст тебе еще и бутылочку пивка, чтобы легче проходило, – добавил Горилла.

Счастливчик застонал.

– Нас погубила цивилизация, – сказал Пан Сатирус. – Хотите – верьте, хотите – нет, а подошвы у меня на ногах горят. Никогда в жизни я так много не ходил.

– Наверно, дома, в Африке, ты бы прыгал с дерева на дерево, – сказал Счастливчик.

– Не все время, – сказал Пан и потряс своей большой головой. – По крайней мере, так пишут. А сам я этого не знаю. Я всего лишь второсортный человек, а никакой не шимпанзе. За все семь с половиной лет я впервые обхожусь без сторожа.

Он посмотрел на своих друзей.

– Не считайте, что я говорю о вас пренебрежительно, джентльмены. Но вас никогда не учили ухаживать за шимпанзе.

– А я никогда не считал себя гориллой, – сказал мичман Бейтс. – Просто прозвали меня так.

– В общем, влипли, – сказал Счастливчик. – Уже почти ночь, а у нас нет даже спичек, чтобы развести костер. Да если бы и были, зажигать нельзя – агенты ищут нас на вертолетах. Как быть?

– Вон там, в полумиле отсюда, есть шоссе, – сказал Пан. – Я видел с дерева, на котором росло вот это. – Он снова взглянул на фрукт, повертел его в длинных пальцах и швырнул прочь. – Я покажу вам дорогу, джентльмены.

– Прости, Пан, – оказал Счастливчик.

– Ты тут ни при чем.

– Да, – сказал Горилла, – зря ты вытащил нас из этой губы. Тебе с нами одна морока.

– Нет, нет. У меня ноги болят, и я не привык к этой пище... Я залезу на дерево и посмотрю, куда идти.

– Держись, Пан, – сказал Счастливчик. – Я понимаю, у тебя колючка в руке. Но ты можешь прожить годы на этой пакости, от которой у нас разболелись животы. Ты можешь согреться, накрывшись, скажем, пальмовыми листьями. Чего ж тебе сдаваться?

– Да мне не очень-то нравится здесь, – сказал Пан.

– Ты мне не заливай! – сердито оборвал его Счастливчик.

– Я второсортный шимпанзе и третьесортный человек, – медленно произнес Пан. – Я подумал, как я буду тут один, и мне стало не по себе. Я этого не выдержу.

– Это потому, что ты регрессировал, дезэволюционировал или как там? – спросил Горилла.

– Да.

– Ты получил образование. Пусть из-за чужого плеча, но получил, – сказал Счастливчик. – Как живут шимпанзе? В одиночку?

– Они бродят небольшими группами – от двух до четырех самцов, вдвое больше самок и детеныши, сколько есть.

– Значит, ты не переменялся, – сказал Счастливчик. – Ты все еще шимпанзе. Тебе нужно только даму. Ты оставайся здесь, Пан, а мы с Гориллой заберемся в какой-нибудь зверинец и умыкнем тебе жену.

– Нет, – сказал Пан. – У вас и без того достаточно неприятностей.

– Вот оно что! Ну, конечно, – сказал Счастливчик. Лицо его выражало печальное торжество. – Ты сожалеешь, что заставил нас нарушить долг. Нам было приказано караулить тебя, а мы не укараулили.

Пан уныло кивнул. Опираясь на руки, он раскачивался на них, как на костылях, и думал.

– Да. Мы ведь об этом уже говорили. Горилла, если захочет, может в любое время жить не работая и получать две трети своего нынешнего жалованья. Прослужив двадцать лет на флоте, ты можешь получать половину. Но вы не бросаете службы, флот чем-то дорог вам, и я, возможно, все вам напортил.

– Мы не дети. А ты не наш папенька, – прорычал Горилла. Тебе только семь с половиной лет. Мне пятьдесят два.

– Ты любишь флот.

– А черт его знает! – Горилла пожал массивными плечами. – На гражданке перекинуться словом не с кем. Эти гражданские все пентюхи.

– Все твои друзья служат на флоте.

Горилла поглядел на Счастливого, который снял свои черные ботинки и белые носки и рассматривал распухшую ступню.

– О чем это Пан толкует?

– О том, что он человек. Что ему нужны друзья, – сказал Счастливчик. – Но говорит он об этом как-то по-шимпанзиному.

– У меня никогда не было ни одного, друга, – сказал Пан. – Только сторожа, врачи да люди, которым я был нужен для экспериментов.

Счастливчик вздохнул и стал натягивать носки.

– Чему быть, Пан, тому не миновать. Это верно – мы с Гориллой в зарослях жить не можем.

– А я не могу жить без друзей, – сказал Пан. Он пере-

стал раскачиваться на руках и сел, скрестив под собой короткие могучие ноги. Затем он стал чиститься. – Я скажу, что украл вас. Как Кинг-Конг в недавней телевизионной передаче. Взял под мышки двух моряков и унес.

– Чудишь, Пан, – сказал Счастливчик, надел носки, и они вместе направились к шоссе.

Пан время от времени влезал на дерево и высматривал дорогу.

Когда они вышли на шоссе, сумерки уже сгущались; бетон жег ноги Пана, и он шел по глубокой канаве, разбрызгивая тинистую грязь. Впереди сверкали огни города.

– Денег у нас нет ни пенни, – сказал Горилла. – Эти агенты все отобрали.

– Я совсем забыл про деньги, – сказал Паи. – У меня их не было ни разу в жизни.

– У Гориллы тоже... через два дня после получки, – заметил Счастливчик.

Горилла рассмеялся.

Форма на нем была уже не так блистательно чиста, как утром, но он каким-то образом умудрялся сохранять опрятный вид; вся заляпанная грязью и мятая форма тем не менее сидела на нем ловко.

– Постойте, – сказал Пан. – Я что-то нашел.

Это «что-то» оказалось длинной цепочкой, грязной и ржавой.

Пан разогнул одно звено своими могучими пальцами, обернул цепь вокруг пояса и закрепил ее, снова согнув звено.

– Теперь я дрессированная обезьяна, – сказал он. – Может, вы поведете меня в какой-нибудь бар и заработаете на мне немного денег?

Было уже совсем темно, но время от времени шоссе освещалось фарами проносившихся мимо машин. Счастливчик разглядел Пана и расхохотался.

— Ну и человек! — сказал он, но тут же поправился. — Ну и Пан. Послушай. Нас ищут по тревоге. Мичмана, радиста и шимпанзе. Может, мне сорвать одну нашивку и притвориться радистом второго класса? Кроме того, я уже не знаю, как мы можем замаскироваться.

— Ошибаешься, Счастливчик, — сказал Горилла. — Пан верно говорит. Кто подумает, что мы будем давать представление в салуне? Пан, если кто меня спросит, я скажу, что ты из этих самых резусов.

— Они у тебя из головы не идут, Горилла, — сказал Счастливчик.

— За тридцать пять лет службы в каких только портах я не побывал, с какими только ребятами и в каких только водах не плавал! А тут под старость услышал, что есть что-то, чего отродясь не видел. Еще бы мне не думать об этом!

— Вы оба чокнутые, — сказал Счастливчик. — Но все равно пошли.

— Ложь во спасение, — сказал Пан. — Я читал о лжи во спасение. Теперь мы попробуем к ней прибегнуть.

— Из-за чьих только плеч ты не читал! — сказал Горилла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Коммуникация, сущ. Средство сообщения (особ. новостей); общение; связь.

Краткий оксфордский словарь. 1918

Телефон был покрашен в ослепительно алый цвет. В наши дни заботливая телефонная компания обеспечивает (за дополнительную плату) аппаратами, подходящими к любому настроению, мебели или костюму, но это средство связи совсем не выглядело творением телефонной компании.

Во-первых, аппарат был покрашен, а не сделан из алой пластмассы.

Во-вторых, наборный диск запирался на замок, и пользоваться аппаратом могли только те, кому это было положено.

В-третьих, рядом денно и нощно стояли вооруженные часовые, поглядывая сквозь стекло звуконепроницаемой будки.

Человек в легком шерстяном костюме вошел в будку, отпер наборный диск, достав ключ из кармана, и поднял трубку. Он набрал только одну цифру и ждал, немного потея. Снаружи часовые с каменными лицами стояли навытяжку.

– Разрешите доложить, сэр, – сказал человек.

Послушав, он продолжал:

– Мы не знаем, сэр. Совершенно никаких следов... Да, вертолеты и полк морской пехоты. Я подумал, не привлечь ли бойскаутов... Нет? Слушаюсь... Да, с ним два моряка. Я

попросил, чтобы в Вашингтоне проверили их личные дела. Возможно, они его украли. Или шпионы убили моряков и похитили его одного.

Затем он замолчал и слушал. В стеклянной будке было жарко, и, вероятно, поэтому лицо его стало приобретать тот же оттенок, что и аппарат. Или, может быть, наоборот – аппарат с этой целью и покрасили в алый цвет... для со-ответствия.

Наконец он снова заговорил:

– Слушаюсь, сэр. Но одно указание мы должны получить именно от вас. Я не беру на себя ответственности. Как его брать, живьем или стрелять?

Он снова стал слушать и на сей раз прислонился к стеклу.

– Слушаюсь, сэр, – сказал он, улучив удобный момент. – Но я допрашивал его лично, потом его допрашивали мои лучшие люди, но он не собирается выдавать нам секрет сверхсветового полета. Он не хочет говорить нам ничего не потому, что мы это мы, а потому, что мы – люди. Но если противник захватил его, то он может заставить его говорить при помощи пыток, или «сыворотки правды», или... Да, сэр.

В третий раз он молча слушал, слушал с напряженным вниманием. Наконец он еще раз сказал: «Слушаюсь, сэр» – и положил трубку. Повесив замок и подергав его, он открыл дверь стеклянной клетки.

Часовые не вытянулись при его появлении, потому что они уже стояли навытяжку.

Он вышел из будки и посмотрел на ближайшего часового, вооруженного винтовкой, пистолетом и штыком и стоявшего совершенно неподвижно.

– Он становится величайшим национальным достоянием, – сказал человек. – Он собирается выступать по телевидению за десять тысяч долларов в неделю. Матери Америки, по-видимому, требуют, чтобы их дети видели его хотя бы раз в семь дней.

Часовой не ответил ему, потому что стоял по стойке «смирно».

– Но вы знаете, что он для меня? Для меня он – проклятая... беглая... обезьяна.

Часовые не шевелились.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отличие их от человека в значительной мере обусловлено привычками.

Энциклопедия Британика, 1946

Как это часто бывает, последний бар на окраине города оказался далеко не лучшим баром, но, как известно, время не ждет... и агенты ФБР – тоже. Счастливчик вошел в кабак первым, произвел рекогносцировку и, выйдя, доложил, что там нет ни одного человека, похожего на агента ФБР.

– У всех такой вид, будто они нигде не могут найти работу вообще.

– На выпивку у них деньги есть, – заметил Горилла.

– Вы знаете, а на той вечеринке с девочками было довольно весело, – сказал Пан. – Как вы думаете, когда у нас появятся деньги...

– Ты у нас превращаешься в форменного алкоголика,

Пан, – перебил его Счастливчик. – Пошли. – Пан вручил ему конец до смешного тоненькой цепочки. – Я твой дрессировщик, понял? Горилла, может, тебе лучше посто-
ять на улице? Не годится мичману впутываться в такое дело.

– Мы оборвались с губы вместе, вместе и будем, – сказал мичман Бейтс.

И они вошли. Это была действительно забегаловка худшего сорта. Поколения гуляк проливали пиво на не-
крашенный пол; десятилетиями нервные посетители пых-
тели сигаретами, трубками и сигарами и прокурили все
стены; к тому же вся когорта завсегдатаев не очень акку-
ратно пользовалась туалетом, который находился в глу-
бине бара.

Пан Сатирус, всю жизнь проведенный в чистоте и холе,
закашлялся. У Гориллы Бейтса был страдальческий вид.
Счастливчик Бронстейн, позвякивая цепочкой, матросской
походкой, вразвалку направился к стойке.

Буфетчик взглянул на Счастливчика, потом на цепочку
и по цепочке добрался до Пана.

– Эй, – сказал он, – ты что сюда приволок?

– Обезьяну, – сказал Счастливчик. – Мартышку-резуса.
Подобрал ее на Гибралтарской скале. Это английский ре-
зус.

Пан Сатирус кашлял.

Горилла отошел и сел за столик.

– Он дрессированный? – спросил буфетчик.

– Он танцует, – импровизировал Горилла, – ходит на
руках и передразнивает всех. Он дрессированный – это
точно. Как на флотской службе, верно?

– Почему я знаю, – сказал буфетчик. Судя по выражению его лица, тот же ответ можно было получить на любой вопрос.

Одна посетительница с трудом поднялась со стула и, покачиваясь на высоких скривленных каблуках, пошла к стойке. На ней были оранжевые шорты и бюстгальтер такого же фиолетового оттенка, как и кожа, видневшаяся между двумя этими предметами туалета.

– Не кусается?

– Нет, – сказал Счастливчик. – Он любит дам.

Пан Сатирус сложил свои уродливые кисти, стал в позу капуцина, выпрашивающего земляной орех, и поймал в ладонь руку посетительницы. Он поцеловал эту руку очень нежно.

– Э, да он милашка, – сказала посетительница.

– Дайте ему доллар. Он опустит его в патефон-автомат и станцует для вас, – сказал Счастливчик. Он пристально посмотрел на посетительницу и добавил: – Даю поправку – станцует с вами.

– Доллар? Для автомата нужно десять центов!

– И обезьяна хочет жить, – проворчал Счастливчик.

Посетительница, пошатываясь, возвратилась к своему столику и взяла сумочку. Событьем ее был пузатый коротышка с облупленным носом; он наблюдал за ней слезящимися голубыми глазками.

Буфетчик заметил:

– Ваша обезьяна – самый красивый малый из всех, кого она подцепила за последние тридцать лет.

Дама дала Пану доллар. Он отдал его буфетчику и уже хотел было что-то сказать, как Счастливчик тут же вмешался:

– Два пива для меня и для резуса и дайте ему сдачу для автомата.

– Двадцать лет я держу бар, и наконец-то этот гроб с музыкой кому-то понадобился, – сказал буфетчик. – А я было хотел вернуть его фирме.

Он дал Пану три десятицентовые монеты.

Пан выпил пиво залпом и, шаркая подошвами, пошел к патефону-автомату.

Он выбрал пластинку и опустил в щель монету. Пластинка под названием «Разговор о школе» выскочила из гнезда.

Пан Сатирус поклонился посетительнице и взял ее за руку. Она сделала шаг и оказалась в его объятиях.

Танец получился неважный: у Пана Сатируса, наверно, никогда не было сторожа, который бы смотрел передачи Артура Мэррея. Но, учитывая, что его партнерше, вероятно, никогда не приходилось раньше танцевать с обезьяной, удовольствие она, по-видимому, за свои деньги получала, тем более что Пан Сатирус исполнил свой коронный номер – водрузив ее на ноги, прошелся на руках.

Она дала ему еще один доллар, а потом две другие посетительницы, не более обольстительные, чем она, выстроились в очередь.

Побрякивая полной пригоршней мелочи, Счастливчик отнес Горилле две кружки пива.

Пузатый человечек перенес свой облупленный нос к их столу. Он воинственно посмотрел на моряков, но, возможно, он смотрел так на всех, с кем сталкивала его судьба, не одарившая его ничем, кроме облупленного носа.

– Ребята, я вас уже видел.

– Вот как, – сказал Горилла, явно давая понять, что разговор окончен.

– По телевизору, – настаивал коротышка. – Это обезьяна, которая облетела вокруг Земли вчера утром.

– Нет, – сказал Горилла. – То был шимпанзе. А это резус. Просто наш маленький талисман.

– По-моему, он не такой уж маленький, – возразил коротышка. – Он в точности такой, как тот, которого показывали по телевизору.

– Телевизор может увеличить или уменьшить, – объяснил Счастливчик. – Все дело в полярности. Отрицательный полюс, положительный полюс... Как подсоединишь, так и получится.

Горилла протянул руку и похлопал по эмблеме на рукаве Счастливчика.

– Он знает, что говорит. Радист. Первого класса.

Коротышка почесал голову, скудно украшенную волосами.

– А по-моему, он выглядит в точности как тот, которого показывали по телевизору.

– На всех не угодишь, – сказал Счастливчик.

– Ваша подружка тут с кем-то подралась, – сообщил Горилла.

Все оглянулись. Подруга облупленного носа и объемистого живота вцепилась в рыжеволосую особу, одетую в платье с узким лифом и широкой юбкой. Обе они мерзко сквернословили.

Пан Сатирус проковылял к столику своих друзей и выложил перед Счастливчиком два доллара.

– Они дерутся из-за того, чья очередь танцевать со

мной, – сказал он и, как лицо заинтересованное, вернулся на свое место для наблюдения за исходом схватки.

– Э, да он говорит, – заметил пузатенький.

– Это просто полярность, – заверил его Счастливчик. – Сегодня сильная полярность. Наверно, будет гроза.

– Помогите-ка лучше своей подружке, – сказал Горилла.

– Она себя в обиду не даст. Можно, я угощу вас пивом, ребята?

– Конечно, – сказал Счастливчик.

Человечек пошел к стойке в обход, держась подальше от своей сражающейся подруги.

Противницы таскали друг дружку за волосы. Пан Сатирус сидел на высоком табурете, обхватив руками колени, и наслаждался зрелищем.

Человечек заплатил за три кружки пива.

– Этот жалкий подонок может наделать нам неприятностей, – предположил Горилла.

– Человек рождается для неприятностей, – сказал Счастливчик, который уже хватил несколько кружек пива на голодный желудок.

Блондинка вцепилась рыжей в лиф и тянула что было силы, упершись для удобств ногой в живот противницы.

– Я тебе все платье порву, ты у меня голышом пойдешь! – визжала она.

Буфетчик перепрыгнул через стойку и разнял их.

– А ну, прекратите такие разговорчики, – сказал он. – Здесь у меня семейные люди бывают.

Глаза Пана Сатируса радостно сияли.

– Поглядите на обезьяну, – продолжал буфетчик. – Это

же джентльмен. Вы думаете, такая хорошая, воспитанная обезьяна захочет танцевать с вами, с буйными шлихами?

– Узнаю южан, – сказал Горилла.

– Да здравствует Юг! – провозгласил Счастливчик.

– А теперь становитесь в очередь и ведите себя как порядочные, – продолжал буфетчик. Он толкнул рыжую к табурету у стойки. – Ты садись, а ты плати обезьяне доллар и танцуй себе на здоровье. И чтоб не ругаться. У меня тут семейные люди бывают.

Блондинка дала Пану доллар, который тот отнес Счастливчику, пившему пиво пузатого. Потом он проковылял обратно. Подбоченясь левой рукой, он подхватил блондинку и посадил ее на бицепс этой руки и завертелся по комнате под музыку патефона-автомата, в который буфетчик опустил собственную монетку.

Горилла угрюмо наблюдал за ним.

– Вот что натворили программы, которые смотрели его сторожа, – сказал он.

– Это не простая обезьяна, – заметил пузатый.

– Дрессированная, – подтвердил Счастливчик. – Сколько мы его дрессировали, а дни в море длинные... Мы ходили на ледоколе на Северный полюс.

Пузатый шмыгнул облупленным носом.

– Теперь я знаю, ребята, что вы меня обманываете. То же гражданское судно, а вы из военно-морского флота.

– Слишком образованные все стали – вот в чем наша беда, – сказал Горилла.

– Я знаю, что эта обезьяна облетела вокруг Земли, – произнес маленький рот под красным носом.

– Ну и ладно, – сказал Счастливчик как можно более сурово. – Так что вы собираетесь теперь делать?

– Не заводись, – сказал Горилла.

– Я еще никогда не встречал настоящих знаменитостей, – сказал человечек. – Как вы думаете, даст он мне автограф?

– Обезьяны писать не могут, – сказал Счастливчик.

– А ведь верно.

– Я вам скажу, что делать, – посоветовал Горилла. – Возьмите ящик с цементом, а мы его попросим оставить в нем отпечаток ступни. В Голливуде так делают.

– Здорово придумано!

Как только человечек вышел за дверь, моряки встали.

– Подработали неплохо, пора и честь знать. Надо смыться, – сказал Счастливчик.

Пан уже шел к ним еще с одним долларом.

Звезды скрадывал туман, наплывавший с востока.

Друзья выбрались на шоссе; каблуки моряков постукивали о бетон. Пан держался мягкой почвы канавы и порой жалобно стонал, когда оступался и попадал ногой в воду, скопившуюся на дне.

И вдруг ночи как не бывало, все вокруг залил яркий свет. Со всех сторон в них ударили лучи ручных прожекторов. Пан Сатирус сел в канаву и прикрыл глаза руками, но холодная вода заставила его подскочить.

Послышался голос, усиленный мегафоном:

– Вы окружены, ребята. Не делайте глупостей.

Горилла и Счастливчик медленно подняли руки. Пан, стоявший между ними, снова прикрыл глаза руками.

Кто-то сказал:

– Убери ружье, ты, обезьяна!

И в ответ прозвучало с южным акцентом:

– Ты кого называешь обезьяной, мартышка несчастная?
В мегафон опять сказали:

– Мы агенты Федерального бюро расследований. Мы вам ничего не сделаем. Стойте спокойно где стоите.

Выбора не было. Пан повизгивал от боли – ослепительный свет резал глаза. Счастливчик положил руку на плечо шимпанзе и крикнул:

– Не светите нам в глаза!

– Убавьте немного, ребята, – послышался голос, и свет стал не таким яростным.

– Помните – я силой увел вас, – напомнил Пан. – Я не хочу, чтобы вы рисковали своей карьерой.

– Где это только наш талисман понабрался таких слов? – сказал Счастливчик.

– Помните, как Джимми Дюрант выступает по радио? – вдруг спросил Горилла. – Я без флота проживу, а без меня-то флот не проживет.

– Ты с каждой минутой становишься все больше похожим на Пана, – сказал Счастливчик.

– Все больше похожим на гориллу, – поправил Пан.

И они уже все смеялись, когда мистер Макмагон шагнул к ним из ночи, ступив внезапно в освещенное пространство. По мере того как он приближался, его грозная фигура приобретала обычный вид.

– Добрый вечер, джентльмены, – сказал он.

– Что, забеспокоился, плешивый? Ну, чтоб ты знал: мы Пана уже накормили, – проворчал Горилла.

– О чем это вы? – спросил Макмагон.

– Вы, крысы, заперли его в камеру и не давали есть. Вот почему он удрал, – сказал Счастливчик.

– Ничего подобного я не помню, – возразил мистер Макмагон.

– Из вашего липового газохранилища.

– Не валяйте дурака. Я специальный агент ФБР. Откуда у меня может быть газохранилище? Мистер Сатирус, мы приготовили комфортабельный автомобиль для вас и ваших адъютантов. И кстати, мичман Бейтс и мистер Бронстейн, мы доставили сюда с корабля все ваши личные вещи. Ваши вестовые упаковали их, и я уверен, что все будет в порядке. А теперь план наших дальнейших действий... Отсюда до аэропорта в Майами вы поедете на машине. Там вас ждет реактивный самолет; доктор Бедоян позаботится о том, чтобы вам было удобно лететь. Но, учитывая поздний час, вы, может быть, предпочтете отложить полет до утра. В этом случае завтра вам окажут более пышный прием, и, хотя я знаю, что вы не придаете значения таким вещам, все-таки позвольте напомнить, что Нью-Йорк – это ваш родной город...

Под холодным взглядом обезьяны он смешался и стал бормотать что-то невнятное.

– Уж не лишились ли вы рассудка, мистер Макмагон? – спросил Пан Сатирус.

Агент ФБР смолчал. Он проглотил обиду. Это было заметно, несмотря на ослабленный свет прожекторов. Мистер Макмагон пожал плечами и достал из кармана записную книжку. Он открыл ее и взглянул на Гориллу и Счастливчика, ища сочувствия, но не нашел его. Деревянным голосом он стал читать:

– Полицейский комиссар Нью-Йорка встретит ваш самолет в аэропорту Ла-Гардиа... Это большой аэропорт в

Нью-Йорке, сэр... Он будет сопровождать вас до муниципалитета, где вас должен приветствовать мэр. После небольшой юридической процедуры вас повезут во главе колонны автомашин по Бродвею, где вас будет приветствовать население... так принимают в Нью-Йорке именитых гостей... в Радио-сити для подписания контракта, а затем в Бронкс, где президент Зоологического общества произведет церемонию открытия бронзовой доски, которая увековечит тот факт, что вы родились в Нью-Йорке.

– В обезьяннике, – сказал Пан Сатирус.

– Вечером состоится обед, который даст в вашу честь диетолог Центрального зоопарка и...

Пан Сатирус протянул длинную руку. Записная книжка легко перешла в его сильные пальцы; они скрутили ее, и порванные листки подхватил ночной ветерок.

– Юридическая процедура? Подписание контракта? Вы плохой актер, мистер Макмагон. Вы уж лучше придерживайтесь своего метода – допроса с пристрастием.

– Я надеялся, что вы об этом забыли, сэр, – сказал мистер Макмагон. – Ведь мы не сделали вам ничего дурного.

– Вы заперли меня в камере, грозили заморить голодом.

– Я надеялся, что вы забудете это, сэр... Я действовал согласно приказу.

Пан Сатирус скалил свои страшные зубы.

– Юридическая процедура? Подписание контракта?

– Суд города Нью-Йорка собирается сделать вас полноправным человеком, – сказал мистер Макмагон.

– Этот малый дошел до ручки, – сказал Горилла, поглядывая на мистера Макмагона.

– Что правда, то правда, мичман, – сказал Макмагон.

Пан Сатирус уперся в дорогу руками и раскачивал свое короткое мощное тело; он явно над чем-то размышлял.

– Полноправным человеком, – произнес он. – Как мило.

– Да, сэр.

– А сколько лет будет этому полноправному человеку?

Мистер Макмагон попятился.

Но далеко уйти он не мог: кругом были прожектора, агенты и осветители, направляющие свет прожекторов.

– Все это не я придумал, – сказал он. – Юрист из меня так и не вышел, но я не могу представить себе, как судья может изменить ваш возраст, мистер Сатирус.

– Полноправный человек, таким образом, будет в возрасте семи с половиной лет, верно? Дитя. Счастливчик, в Нью-Йорке есть обязательное школьное обучение?

– В Бруклине есть, Пан. Там я научился читать и писать.

– Значит, я буду сидеть в классе с малыми ребятишками, а какая-нибудь женщина будет рассказывать, как делать бумажные куклы? Я видел школу Динг-Донг по телевизору, мистер Макмагон.

Наверно, агент тоже видел эту передачу, во всяком случае, голос у него стал ломаться, как у подростка.

– Может быть, вы сдадите экзамен экстерном и получите аттестат зрелости, сэр... Я, право, не знаю...

Пан Сатирус присел на пятки и стал медленно расчесывать ногтями шерсть на груди. Он обернулся к своим друзьям.

– У этой рыжей были ужасно крепкие духи. Я, наверно, никогда не избавлюсь от этого запаха... – И он снова обратился к агенту: – Мистер Макмагон, какой контракт я должен подписать?

Покрасневший мистер Макмагон опустил голову и взглянул на дорогу.

– Контракт с радиовещательной компанией, сэр. Будете выступать по телевидению.

Пан Сатирус ожесточенно поскреб голову.

– Как и вы, я никогда не занимался юриспруденцией, мистер Макмагон.

– Я изучал ее.

– Ах, вот как. Тогда, пожалуйста, скажите мне, каким образом полноправный человек семи с половиной лет может подписать контракт, имеющий юридическую силу?

– Этого он набрался не из телевизионных передач, – сказал Счастливчик.

Пан бросил через плечо:

– Некоторое время служителем у моей матери был студент-юрист из Фордхэма. Он скорее был сторожем, так как просто сидел всю ночь перед клеткой и занимался.

– Видите ли, ваш опекун... – начал было мистер Макмагон.

– Продолжайте.

– Это ваш друг, Билл Данхэм, – выпалил Макмагон.

Пан Сатирус повернулся спиной к мистеру Макмагону и обратился к Счастливчику и Горилле:

– У меня есть друг по имени Билл Данхэм?

– Знакомое имя, – сказал Счастливчик. – Погоди-ка... Это та обезьяна... прости, тот малый, который интервьюировал тебя утром на пристани.

– Это не друг, – сказал Пан.

– О, я понимаю, – сказал мистер Макмагон. Затем его лицо вдруг обмякло и на мгновение стало почти беспо-

мощным. – Послушайте, я выполняю приказ. Доставить Пана Сатируса в Нью-Йорк... иначе мне несдобровать.

– Иначе вас перестанут кормить? – спросил Пан.

Мистер Макмагон промолчал.

Пан поежился.

– Становится прохладно. Шимпанзе легко простужаются, хотя и не так легко, как другие приматы... Когда вы пытались заморить меня голодом, то это делалось для того, чтобы узнать, как заставить корабль лететь со сверхсветовой скоростью? Ваше правительство все еще интересуется этим?

Мистер Макмагон ничего не ответил.

Неожиданно правильный ответ поступил от Гориллы.

– Сколько эта телевизионная компания собирается платить Пану?

– Десять тысяч в неделю.

Горилла поправил на голове свою мичманку.

– Все понятно. С парнем, который зашибает десять кусков в неделю, никому не сладить. Кишка тонка.

– И что же я должен делать за такие деньги? – вдруг загремел Пан. – Ловить земляные орешки, которые будет бросать мне очаровательная блондинка? Притворяться, что влюблен в актрису с чрезмерно развитыми грудными железами? Или быть любящим отцом семейства маленьких шимпанзе, которых будут играть бесхвостые макаки?

– Я вижу, вы смотрели телевизионные передачи, – сказал мистер Макмагон.

– Если тебя заставляют делать то, чего ты не хочешь, сказал Счастливчик, – притворись дурачком.

Опершись кулаком о дорогу, Пан резко повернулся к Счастливчику.

– Ты хочешь, чтобы я согласился, Счастливичик? Ты?

– Пан, мне бы хотелось хоть раз иметь возможность похвалиться, что у меня есть приятель, который зарабатывает десять кусков в неделю... Впрочем, сказать, что мой приятель отказался получать десять тысяч в неделю, тоже неплохо, я считаю. Но дело в том, что выбора-то у нас нет. Вот мы стоим на дороге, и идти нам некуда. А там собираются повесить бронзовую доску в обезьяннике, где ты рос вместе с этими резусами.

Горилла сказал:

– Моя старушка мать... – она называла себя моей теткой, потому что никогда не была замужем, но я – то знаю... – так вот она рассказывала, что случилось с одной чересчур любопытной кошкой, Счастливичик.

Пан сказал:

– Минута молчания у клетки, где я родился... Стоим только я и два моих друга. Приходят в голову счастливые воспоминания детства... Ладно, я согласен.

– Ну и голос у вас... только по телевидению выступать, живо заметил мистер Макмагон. – Пошли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Они поднимают сильный шум... особенно
когда их раздражают другие обезьяны.*

Энциклопедия Нельсона, 1943

Говорит Билл Данхэм, друзья. Через минуту я передам микрофон моему другу и коллеге Игги Наполи... вы здесь, Игги?... и стану участником этих великих волнующих событий.

Жаль, что мы не могли толком показать вам картину проезда от нью-йоркского муниципалитета к зданию суда. Никогда в жизни я еще не видел столько изношенных машинописных лент и бумажек из мусорных корзин. Вы знаете, что триумфальный проезд по улицам обычно называют парадом старых машинописных лент, но на самом деле служащие учреждений на Манхэттене бросают из окон не только ленты... они вываливают все из мусорных корзинок, и пока не выпутаешься из лент, которые летят со всех тридцати этажей, тут уже не до телевизионной передачи, друзья.

По крайней мере, хорошо, что сейчас в употреблении шариковые ручки и нас не бомбардируют таким большим количеством бутылок из-под чернил, как прежде.

Теперь мы приближаемся к зданию суда, и я вижу судью Мэнтона, который вышел на мраморную лестницу, чтобы приветствовать нас. Наша другая камера покажет вам это... вот она показывает... а теперь вернемся к нам, к Пану Сатирусу, который находится рядом со мной на сиденье. Какие вы испытываете ощущения, Пан, становясь полноправным человеком?

Ладно, у вас нет настроения говорить, Пан, но тогда хотя бы улыбнитесь в объектив. Не хотите? Я понимаю – это довольно торжественный момент для старины Пана. Так его зовут, как вы знаете. Ему не нравится, когда его называют Мемом, капитаном «Мем-саиба»...

Говорит Игги Наполи. Дорогие друзья, я стою на ступенях у входа во Дворец правосудия, а человек, который, как вы видите, приближается к веренице автомобилей, –

это судья Пол Мэнтон. Это он возведет Пана Сатируса в ранг полноправного человека.

Из лимузина передача внезапно прекратилась, но этого следовало ожидать – инженеры говорили мне, что при передаче из этих, так сказать, каньонов, искусственно созданных из стали и бетона... железобетона, как говорят в Англии... волны, несущие изображение, проходят очень сложный путь. Звуковые волны, наверное, тоже, ибо голос Билла Данхэма, моего старого друга и коллеги, мы вдруг перестали слышать. А к этому голосу мы все привыкли, мы полюбили его – уже много-много лет радиоволны доносят к нам голос Билла Данхэма. Я не знаю, сколько лет Билл вещает американскому народу, но я не удивился бы, если бы узнал, что он со своим микрофоном брал интервью еще у генерала Гранта в Ричмонде.

Прямо передо мной стоит Пол Мэнтон – судья суверенного штата Нью-Йорк, человек, который возведет старину Мема в ранг полноправного человека. Так ли я сказал, судья? Правильно ли я выразился?

«Я думаю, мистер Наполи, что надо просто говорить о гражданстве. Мэр уже присвоил Мему звание почетного гражданина Нью-Йорка, а я просто узаконю этот акт. Конечно, вы понимаете, что в его возрасте было бы желательно, чтобы...»

Простите, судья. Лимузин уже подъехал, и полицейский Хью Галлахан, старейший служащий нью-йоркской полиции, краса и гордость Нью-Йорка, подходит, чтобы открыть дверцу автомобиля.

Это мичман-минер Бейтс из военно-морских сил США... Выходит, улыбаясь, и смотрит прямо в наш объ-

ектив. А это радист первого класса Майкл Бронстейн становится рядом с ним. А теперь выходит старина Мем, пилот «Мем-саиба»...

...Говорит Центральная радиовещательная компания. Передача с места церемонии у Дворца правосудия прервалась по техническим причинам, и до ее возобновления позвольте мне рассказать вам кое-что о прошлом великой обезьяны, которая вот-вот станет великим американцем. Повторяю – великой обезьяны, ибо Мем – это шимпанзе...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Даже самый глупый шимпанзе может отличить настоящие деньги от фальшивых.

Иллюстрированная библиотека по естественным наукам. Американский музей естественной истории, 1958

– Не надо было этого делать, Пан, – сказал Горилла. – Эта радиовещательная компания теперь тебя невзлюбит. Сначала ты нокаутировал ее главного говоруна, а потом сорвал крышку с телевизионной камеры. Нехорошо.

– Я не люблю, когда меня называют Мемом, – просто сказал Пан. Он посадил судью, которого нес на руках, и спросил:

– Теперь вы можете идти, ваша честь?

– Да, наверно. Я... Это оскорбление суда, сэр.

– Называйте меня просто Паном. А вот и доктор Бедо-ян.

Врач спешил им навстречу.

– Что, Пан?

– Посмотрите, не требуются ли судье ваши услуги.

– Нет, нет, я совершенно здоров, – сказал судья. – Здесь моя камера. Сама церемония должна состояться в зале суда, разумеется, но я думал, что с предварительными формальностями мы покончим здесь. Может быть, вы присядете, мистер Пан?

– Надо говорить, «мистер Сатирус». Но называйте меня просто Паном, а я присяду на этот шкаф с папками.

Судья бочком пробрался к своему громадному, с высокой резной спинкой креслу, точной копии того кресла, которое стояло в зале суда.

– Возраст – семь с половиной лет; значит, вы родились... ясно. Имена родителей?

– Мать – Пан Сатирус Плененная, отец – Пан Сатирус Вольный.

Судья взглянул на него.

– Полно вам!

Пан Сатирус нагнулся, оторвал одну из медных ручек шкафа для бумаг и швырнул ее в угол.

– Я не узнаю тебя, Пан, – сказал доктор Бедоян. – Прежде ты был таким покладистым.

– Мне не раз... как это там, Счастливчик?

– Ему не раз доставалось на орехи, – подсказал Счастливчик. – Ну и... он стал вроде бы плохого мнения о людях...

– Я стал питать презрение к людям, – сказал Пан. – Не к вам троим и не к тем сторожам и служителям, которые у меня были. Но чувствую, как во мне растет настоящая ненависть...

– Джентльмены, прошу вас, – перебил его судья Мэнтон.

– Не называйте меня джентльменом! Я шимпанзе.

– Шимпанзе и джентльмены, в зале суда нас ждет много людей. Много высокопоставленных лиц. Итак, мистер Сатирус, цель этой процедуры – возвести вас в ранг человека. Учитывая ваш нежный возраст, мистер Уильям Данхэм назначен вашим опекуном. А кстати, где он?

– Мы оставили его в машине, – сказал Пан Сатирус. – Он вещал по радио всякую чепуху обо мне, и я ткнул ему пальцем в солнечное сплетение. Теперь он спит. Верно, доктор?

– Он не получил серьезных повреждений, судья, – сказал доктор Бедоян.

– Но его присутствие обязательно, – возразил судья. – Он должен подписать бумаги, которые утвердят его в роли вашего опекуна.

– Я не хочу иметь опекуна, – сказал Пан.

– Но вам всего семь с половиной лет.

– Сделайте так, чтобы мне был двадцать один год, – сказал Пан. – Вы судья; раз вы можете сделать меня полноправным человеком, так сделайте меня еще и совершеннолетним.

– Я вижу, вы никогда не изучали юриспруденции. Такого прецедента никогда не было!

– А прецедент превращения шимпанзе в полноправного человека был?

– Если бы я под вашим давлением объявил, что вам двадцать один год... пожалуйста, оставьте в покое этот шкаф... апелляционный суд сразу же отменил бы мое решение.

– А тем временем я получал бы десять тысяч в неделю, сказал Пан. – И затем, если бы решение вынесли не в мою пользу, никто не мог бы предъявить иск и получить деньги назад, потому что человек в семь с половиной лет не отвечает за свои поступки.

– А вы знаете законы, – сказал судья Мэнтон.

– Дайте-ка я изложу вам дело короче, чем это сделал бы адвокат: подготовьте соответствующие бумаги, подпишите их и поставьте печать, а затем вы можете выйти в своей мантии и позировать перед телевизионными камерами. Вместе со мной и очень хорошенькой, как я предполагаю, актрисой. Попробуйте не сделать того, что я вам сказал, и вас придушит, и возможно даже насмерть, безответственный шимпанзе, которому не исполнилось и восьми лет. Просто, да?

– Такого даже Ла-Гардиа не проделывал с Таманни-холлом, – сказал судья, но взял перо и стал писать.

Время от времени он хмыкал. Кончив писать, он сказал:

– Мой клерк поставит здесь печать.

– Ладно, – сказал Пан. – Вызовите его.

Судья нажал кнопку звонка. Вошел клерк, чернильная крыса средних лет, тут же вышел, принес печать и приложил ее к бумагам. Доктор и Счастливчик засвидетельствовали документы, которые после этого были вручены Пану Сатирусу.

Прочтя бумаги, он пошуршал ими, но у него не было карманов, чтобы их спрятать. Он вручил бумаги на сохранение Горилле.

– Добро пожаловать в род человеческий, – сказал Горилла.

Пан одарил его тем, что можно было счесть улыбкой.

– Все в порядке, судья, – сказал он. – Идите в зал суда и садитесь, в свое кресло, а ваш клерк покажет нам, куда пройти.

Судья вышел.

– Успокоительного не надо, Пан? – спросил доктор Бедоян.

– Вы очень заботливы, Арам, – сказал Пан. – Мы скучали без вас во Флориде. Позже я расскажу вам о своей карьере наемного партнера в танцах. Я заработал больше десяти долларов.

– А теперь ты будешь получать десять тысяч каждую неделю. Почему?

Пан перевел взгляд блестящих глаз с Гориллы на Счастливого, а затем подмигнул доктору Бедояну.

– Я регрессировал, – сказал он.

– Деградировал.

Пан пожал плечами.

Клерк распахнул перед ним дверь. Они вошли в зал и стали рядом с судейским креслом. До них донесся напряженный шепот:

– Говорит Игги Наполи, дорогие друзья, и снова на ваших экранах великий Пан Сатирус, как он любит, чтобы его называли. Сейчас он присоединится к роду человеческому! Это великий момент в его жизни. А быть может, это даже более великое событие, чем его полет вокруг Земли? Я задам ему этот вопрос при первом же удобном случае.

Два моряка за его спиной – это его большие друзья, мичман Бейтс и радист Бронстейн, а штатский – его личный врач доктор Арам Бедоян. Видите, они выстроились перед судьей, который... Давайте послушаем его.

– Пан Сатирус, поднимите правую руку. Клянетесь ли вы сохранять верность Соединенным Штатам Америки? Только им и никакой другой стране? В таком случае объявляю вас гражданином Соединенных Штатов Америки.

– И вот, дорогие друзья, все кончено. Судья удаляется, заседание суда объявляется закрытым, а теперь перед вами Джейн Бет, которую телевизионная компания попросила вести сегодня передачу о Пане Сатирусе. Вот она представляется ему.

– Пан, милый. Я Джейн Бет.

– Я видел вас по телевизору.

– О, как это мило с вашей стороны! Я буду играть роль вашей владелицы в очень милой новой постановке, которую компания подготовила специально для нас. Она называется «Красавица и чудовище»...

– Говорит Игги Наполи, я переключаю вас на Билла Данхэма, который является постановщиком. Я только замещал его. Пожалуйста, Билл.

– Билл Данхэм снова с вами, друзья. Судья Мэнтон возвращается в зал суда без мантии и...

– Держите обезьяну, она сдирает с меня платье!..

– Произошла маленькая неувязка, друзья. Помех надо было ожидать, поскольку мы ведем передачу издалека, но мы быстро настроим аппаратуру снова. Судья, мы хотим показать вас крупным планом с этим документом в руках и...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шимпанзе более ловко манипулирует различными предметами, чем собаки.

Джон Пол Скотт.
Поведение животных. 1957

Дорожки в Нью-Йоркском зоопарке, находящемся в Бронксе, достаточно широки, чтобы по ним мог проехать не только легковой автомобиль, но и грузовик. В обычные дни по этим дорожкам мимо посетителей неторопливо разъезжают пикапы, увозя мусор, доставляя корм к клеткам и выполняя другие мелкие хозяйственные работы.

Но этот день не был обычным. Вереница лимузинов катила к обезьяннику; на правом крыле каждой машины развевался американский флажок, на левом – флажок великого города Нью-Йорка.

Во второй машине между Гориллой и доктором Бедо-яном на заднем сиденье ехал Пан Сатирус. Он угрюмо смотрел в шею Счастливчику Бронстейну.

С первого же момента, когда они только отъехали от здания суда, водитель держался крайне напряженно. Даже человеку при взгляде на его ссутуленные плечи становилось ясно, что он боится. А Пан чуял запах страха.

Однако Пан Сатирус протянул руку и тихо похлопал шофера по плечу.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я вас не трону. Спросите Счастливчика, который сидит рядом с вами.

– Это верно.

– Да, сэр.

– Нет, – сказал Пан, – вы боитесь из-за того, что произошло с этой девицей, с актрисой? Она хотела выставить

себя напоказ. И выставляла вовсю. Она так сюсюкала и так покровительствовала мне, что меня чуть не стошнило полупереваренными бананами прямо ей в лицо. Я просто помог ей. Теперь она показала себя в таком виде, в каком ей и не снилось; это первая актриса, появившаяся перед телевизионной камерой в одних чулках. Это все, что у нее было под платьем.

– Я не мог оставить машину, – сказал шофер.

– Много потеряли, приятель. Не думаю, чтобы они еще раз показали эту пленку в повторных передачах... Но вам меня нечего бояться.

Шофер немного успокоился, и остаток пути все молчали.

Вдоль улиц выстроились толпы народа, но Пан лишь изредка снисходил до приветственного взмаха длинной рукой. Несколько женщин послали ему воздушные поцелуи, а одна даже проскользнула сквозь цепь полицейских и сунула голову в открытое окно машины. Но полицейские быстро оттащили ее... совершенно одетую.

Только когда они проехали в охранявшиеся ворота зоопарка, молчание было нарушено – доктор Бедоян сказал:

– Ты переменялся, Пан. Не думаю, чтобы слава вскружила тебе голову, но что-то повлияло на тебя.

– На вашем попечении было очень много шимпанзе, Арам.

– Тебя я любил больше всех других пациентов.

Пан Сатирус поежился.

– Вы меня расстроили, – сказал он и поглядел на свои руки, зажатые между скрещенными ногами. Затем он посмотрел в окно. – Когда я был совсем, совсем маленьким,

здесь работал один ветеринар; он обычно выводил меня поиграть под теми деревьями. Но тогда парк был гуще.

– Ты не хочешь отвечать на мой вопрос.

– Да. Да, Арам, я переменялся. Но я не совсем в этом уверен. Я регрессировал, деградировал. Я не вполне шимпанзе. Но, может быть, мне надо было крутиться и крутиться вокруг Земли полных двадцать четыре часа. Тогда бы я стал вполне человеком. Или даже сорок восемь часов, и тогда я стал бы генералом или телевизионным актером. Эти люди, мне кажется, полностью удовлетворены своей деятельностью независимо от того, есть ли в ней какой-либо смысл или нет.

– Бывают исключения, – заметил доктор Бедоян.

– Я слишком много говорю, верно? Сначала я испытывал непреодолимую потребность. Но вы заметили, что по дороге сюда я не проронил ни слова? Может быть, этой потребности уже нет. Может быть, я снова превращаюсь в полноценного шимпанзе.

Горилла по левую руку от него беспокойно ерзал на сиденье.

– Кончайте, док. Вы нагоняете на Пана тоску.

– Я врач-терапевт. По внутренним болезням. Хотя в свое время я вправил несколько костей. А тут нужны психиатры. Эти ребята зарабатывают тем, что заставляют пациента делать за них всю работу. Мне кажется, что это тяжелый способ добывать себе средства к жизни.

– Хорошо сказано, – отметил Пан.

– Даже до меня дошло, док, – поддержал и Горилла. Водитель обернулся к Счастливику.

– Кого уж я только не возил в этом моторе, морячок, но

ни одного такого речистого не было, как этот, что сзади сидит.

– Ты лучше смотри на дорогу, – сказал Счастливчик.

– А я и смотрю. Небось за машину-то я в ответе.

– Доктор, я не самоаналитичен? – спросил Пан.

– Скажем так: надо побыстрее взять себя в руки, а то тебя, весьма возможно, будут вынуждены пристрелить. И смотреть не станут, обезьяна ты или полноправный человек.

– Это и до меня дошло, – сказал водитель.

– Ладно, – сказал Пан. – Но предположим, что я ничего не могу с собой поделать?

Доктор Бедоян насмешливо фыркнул.

– Наверно, у тебя был служитель или ночной сторож, который читал книги по психопатологии? Ты же не психопат. Меня ты не проведешь, Пан.

Пан Сатирус смотрел в окно.

– Клетки со львами, – сказал он. – Каких только фантазий они не навевали на меня когда-то! Мы слышали львов по ночам, чуяли их запах, и я говорил себе, что убью тигра или льва, когда подрасту... Но когда мне исполнилось восемнадцать месяцев, я уже стал кое-что соображать. Мы почти у обезьянника.

– «Дом, родной мой дом», – сказал доктор Бедоян. – Ты не ответил на мой вопрос.

– О, нет, – сказал Пан. – Я не сумасшедший. Но я шимпанзе. А шимпанзе в моем возрасте становятся опасными. Помните?

Горилла Бейтс утвердительно рывкнул. Спина водителя напряглась, он дал газ и едва не врезался в бампер передней машины.

Доктор Бедоян впервые повысил голос:

– Ты не шимпанзе!

Пан Сатирус скривил губы. Передняя машина свернула и стала носом к обезьяннику. Их машина стала рядом. Небольшая группа людей с серьезными лицами ждала у здания.

– Кто я? – спросил Пан. – Человек?

Горилла и Счастливчик вышли из машины и стали навтыяжку, как и полагалось военным морякам.

Пан тоже хотел вылезти из машины, но доктор Бедоян положил руку на его мощное плечо.

– Ты мой друг, – сказал он мягко, но решительно.

Пан обернулся к нему. Его странные глаза (белки были темнее радужных оболочек) блеснули.

– Спасибо, Арам, – сказал он. – Попробуйте избавить меня от этого. Но если вам не удастся и меня застрелят... не слишком скорбите. Пусть страдаю я один. Я шимпанзе, Пан Сатирус, и нам нет счастья в неволе, когда юность позади.

Он выпрыгнул из автомобиля, схватил Счастливчика и Гориллу за руки и, шутовски кривляясь, направился навстречу руководителям и персоналу Нью-йоркского зоологического общества.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Обезьяна обезьянничает ради собственного удовольствия; насмешник передразнивает других, чтобы оскорбить.

Крэбб. Английские синонимы, 1917

Первым выступил вперед директор.

– От имени общества и персонала зоопарка, – сказал он, позвольте мне приветствовать вас, Пан Сатирус, как нашего самого знаменитого бывшего питомца. Я уполномочен сообщить вам, что отныне вы являетесь пожизненным членом Нью-йоркского зоологического общества.

– Спасибо, – сказал Пан. Стоявший рядом доктор Бедоян довольно хмыкнул: его пациент решил вести себя хорошо.

Директор сделал шаг назад, и на его место встал куратор приматов.

– Позвольте и мне приветствовать вас. Я помню хорошо и вас, и вашу матушку Мэри. Я был здесь, когда вы родились. На моем попечении никогда не было более умных животных.

– И все же вы нас продали.

Доктор Бедоян вздохнул.

Но это были не политики, не деятели телевидения, не генералы и не агенты ФБР. Это были служащие зоопарка.

– Вы слишком умны, чтобы держать вас в клетке, – сказал куратор, – и выставлять на всеобщее обозрение, когда родина нуждается в способных приматах.

– Ваша родина, доктор. Не моя, – сказал Пан.

– У вас нет другой, Пан, – парировал куратор. – Или

мне следует называть вас мистером Сатирусом? У вас нет другой родины, мой друг и бывший питомец.

– Африка – родина Пана Сатируса.

– Никто не может сказать с уверенностью, где первоначально была родина гомо сапиенс, – сказал куратор, – но я уверен, что всем нам не очень-то пришлось бы по вкусу, если бы мы были принуждены вернуться туда и жить там.

– Bravo! – сказал доктор Бедоян.

Пан обернулся к нему и осклабился.

– Что, попало мне?

– Вы можете себе представить, – продолжал куратор, – как я... как все мы взволнованы. Впервые у нас появилась возможность поговорить с одним из наших питомцев. Вы можете научить нас, как лучше заботиться о приматах.

– Отпустите их на свободу, – сказал Пан.

– Вы и сами понимаете, что мы этого не сделаем. А раз так, вы можете оказать большую услугу своему народу, дав нам некоторые указания.

– Не называйте нас народом, – возразил Пан. – Мы обезьяны.

– Очень интересно, – сказал куратор. – Хотелось бы знать, насколько изменения, происшедшие в вас, помогли вам избежать перемен, которые происходят со всеми шимпанзе в вашем возрасте. Очевидно, вы их не избежали. Вы становитесь воинственным.

– Нетерпимым к содержанию в неволе, – поправил Пан.

– Пусть будет по-вашему, – согласился куратор. – Я собирался предложить вам место главного служителя приматов.

– А почему не свой пост?

Куратор вздохнул.

– У вас нет ученых степеней, мой друг. Однако наша беседа слишком затянулась, мы заставляем себя ждать. Я хочу познакомить вас с работниками общества. Многих из них вы, вероятно, вспомните.

– Сначала познакомьтесь с моими друзьями – Гориллой Бейтсом и Счастливым Бронстейном, – сказал Пан. – И доктором Бедояном.

Куратор пожал руки морякам, улыбнулся врачу и обнял его.

– Ну а потом, Пан, – сказал он, – вы проведете с нами совещание?

– О, да. Но прежде окажите мне услугу. Я хотел бы побыть немного в обезьяннике один. Чтобы подумать о своей матери.

– Что вы замышляете? – спросил куратор.

– Счастливчик и Горилла могут остаться со мной, – сказал Пан. – И постоянные обитатели, разумеется.

Куратор посмотрел сначала на обоих моряков, потом на Пана.

– Пан, здесь пахнет какой-то хитростью. Но предупреждаю вас, это все... прошу прощения за вульгарность... мартышкин труд.

– Я собираюсь поступить к вам на работу, – сказал Пан. Это солиднее, чем быть телевизионным актером.

– Если с вами произойдет то же, что со всеми самцами шимпанзе, вступающими в пору зрелости, эту должность мы вам предоставить не сможем. Но если мы исполним ваше желание, совещание состоится?

– Я уважаю вашу прямоту, – сказал Пан. – В сущности,

для человека вы всегда были неплохим малым. Бывало, приносили мне яблоки и игрушки, когда я был маленьким. Ну, тащите сюда ваших чванливых болванов.

Куратор вздохнул и взглянул на доктора Бедояна; тот пожал плечами.

Церемония началась.

Когда она окончилась, все оставили Пана, Гориллу и Счастливчика в обезьяннике и ушли. Куратор вышел последним; у него был очень невеселый вид, когда он, закрывая за собой дверь, оглянулся на Пана.

Пан остановился у клетки, в которой он появился на свет, и стал рассматривать новую бронзовую дощечку:

«Здесь родился Пан Сатирус, первый шимпанзе,
овладевший человеческой речью,
и тринадцатый из своего вида,
слетавший в космос».

– Пан Сатирус, – сказал он и взглянул на другую табличку с надписью:

«ШИМПАНЗЕ, Pan Satirus.

Обитает в Экваториальной Африке».

Тут же висело условное обозначение самки шимпанзе.

Пан взглянул на клетку. Самке было четыре года, она уже достигла брачного возраста. И была явно настроена похотливо.

– Ты был в море долго, очень долго, – мягко сказал Горилла.

– О, господи, – вырвалось у Пана. Он не привык сквернословить.

Обезьяна что-то бормотала, колотя костяшками пальцев о пол клетки.

– Ты разбираешь, что она там сигналиит? – спросил Горилла.

– Это не требует разъяснений, – ответил Пан.

– Тоже верно. – Горилла хихикнул. – Как на Сэнд-стрит, когда флот возвращается из плавания... Сэнд-стрит в этом городе, а?

– Да, – сказал Счастливчик. – Это в Нью-Йорке, в Бруклине. Я там родился. Только там никакой бронзовой доски не повесили. – Он посмотрел на самку шимпанзе, а потом на своего друга Пана. – У меня под форменкой есть отвертка. И нет такого замка, которого бы я ею не открыл. Только так можно добывать выпивку на корабле, – добавил он. – Аптечный спирт. И тот, что для компасов.

– Наверно, я мог бы сорвать замок, – сказал Пан. – Изнутри его не достать, а снаружи – пожалуйста. Наверно, я первый шимпанзе, оказавшийся в обезьяннике в роли посетителя. Если только я шимпанзе.

– Когда я научился вязать морской узел, – сказал Горилла, – мне не терпелось поскорее поехать в гости в ту развалину, где я родился... Но оказалось, что с ребятами с нашего двора мне уже толковать было не о чем. Я стал моряком, а они так и остались фраерами, что околачиваются на углу.

– Дело не в том, что поговорить не с кем, – сказал Пан. – Я еще очень молод. Хутон и Йеркс утверждают, что в естественных условиях шимпанзе живут до пятидесяти лет. У меня еще все впереди.

– Послушай, Пан, – сказал Счастливчик, – если тебе не понравились флоридские девочки, не думай, что лучше их нет. Они же уцененные – от двух с половиной долларов до двух. Есть девочки и получше.

– Лучше той телевизионной актрисы?

– Я имею при себе, как говорят легавые, не только отвертку, – сказал Счастливчик. Он полез за пазуху и достал две бутылки джина и бутылку водки. – Это для резусов, но тебе сейчас это нужнее.

Пан рассмеялся, если звуки, которые он издавал, можно было назвать смехом.

– Приколоти еще одну бронзовую дощечку, – сказал он. «Пан Сатирус, который в возрасте семи с половиной лет отказался действовать на потеху публике». – Он повернулся спиной к самке шимпанзе, завизжавшей от ярости. – Джентльмены, сюда – здесь мартышки-резусы. Дайте им водки.

Их было шестнадцать, и все они сидели в одной клетке. Тут были два дедушки-резуса, четыре или пять младенцев, льнувших к спинам матерей, и множество резусов в полном расцвете сил.

Пан перескочил через перила, предназначенные для того, чтобы держать зрителей и мартышек на должном расстоянии друг от друга. Протянув длинную руку, он выхватил водку у Счастливчика и собрался было просунуть ее между прутьями решетки. Но потом сообразил и откупорил бутылку.

– Держите, братцы, сестрицы, – сказал он. – Живите, пока живется.

Потом обернулся к Счастливчику.

– Так говаривала некая сестрица, ходившая к доктору Бедояну, – добавил он.

Самка шимпанзе, оставшаяся одна в клетке напротив, придавила коротким большим пальцем руки струйку из

питьевого фонтанчика и пустила ее прямо в шею Пану. Тот небрежно отер воду.

Оба матроса не отрывали взгляда от клетки с резусами, а Пан тихонько улизнул от них.

Из клетки шимпанзе больше не доносилось ни постукиваний, ни повизгиваний. Раздался звон, словно кто-то бросил замок на цементный пол.

Один за другим резусы поддались действию алкоголя; не прикончив еще и бутылки джина, которая последовала за бутылкой водки, они все уснули.

Моряки встали, и Горилла махнул своей мичманкой в сторону объятый сном клетки. Счастливчик взглянул на табличку.

– Макаки-мулатки, спите крепко, – сказал он. – Я никогда не забуду вас.

Когда они проходили мимо клетки шимпанзе, обитательницы ее не было видно. Она, очевидно, удалилась в спальную клетушку, находившуюся за клеткой.

Пан остановился перед клеткой, из которой на него воинственно глядели два орангутанга.

– Когда-то это была клетка гориллы, – сказал он. – Теперь гориллам отвели большое помещение. Они очень привлекают посетителей. Совсем похожи на людей.

– Полегче, Пан, – с беспокойством сказал Горилла.

– Ладно, ладно. Во всяком случае, из вас-то я не причисляю к этой категории никого.

Орангутанги что-то басовито бормотали. Вдруг они прыгнули вперед, прильнули к решетке и, яростно крича, стали совать руки между прутьями. Пан отскочил.

– Что за черт! – спросил Горилла.

– Им не нравится, что я с вами, – ответил Пан. – Они думают, что я предатель.

Он заковылял к двери, моряки пошли следом. Как обычно, он шел скорее на четырех конечностях, чем на двух, но теперь голова его была опущена тоже, и он уже меньше походил на человека, да, в сущности, и на обезьяну.

– Счастливчик, а ну-ка смотайся и достань немного виски, – сказал Горилла.

– А мы ведь опять сидим без гроша.

– Есть один малый, его зовут Макгрегор, Дэнди Макгрегор. Он еврей и живет на Сэнд-стрит. Он даст тебе денег под мое жалованье.

– Зайду к этой сухопутной крысе при первом удобном случае, – сказал Счастливчик.

Выйдя, они обнаружили, что мистер Макмагон и трое его веселых коллег присоединились к ним снова. Агенты стояли немного в стороне от директора, куратора и других служащих зоопарка.

При виде Пана и двух моряков лица всех просветлели.

– Что вы там делали, Пан? – спросил куратор.

– Потихоньку молились, чтобы... В общем напоили мартышек-резусов допьяна, сэр. Я обещал своим друзьям показать это зрелище. Такое случилось однажды, когда я здесь жил.

– И я хорошо помню это, – сказал куратор. – Мы уволили сторожа... Но вас мы уволить не можем, потому что вы никогда, в сущности, не собирались всерьез поступать к нам на службу, верно?

– Нельзя предлагать обезьяне сторожить других обе-

зьян, – сказал Пан. – Только человек может согласиться работать тюремным надзирателем. В этом его отличие от низших животных.

– Ох, – сказал куратор.

– Как вы догадались, что я собираюсь не очень хорошо вести себя там?

– Я знал вас с самого рождения... Очень хорошо знал. И всегда был расположен к вам, но вы никогда не были самым благонравным приматом.

– Послушайте, – сказал Пан. – Я вам кое-что хочу сказать. Возьмите на заметку. Самка шимпанзе...

Подняв длинную руку, куратор жестом прервал его на полуслове и, достав из бокового кармана маленькую записную книжку, показал Пану запись: «Самка Сьюзи спарилась с Паном Сатирусом», датированную сегодняшним числом.

Пан взглянул на запись и покачал головой.

– Да, – сказал он. – Разумеется, вы должны были догадаться... Мне ненавистна мысль, что мой детеныш родится в зоопарке...

– Не воспринимайте все так серьезно, – сказал куратор. – Будьте больше шимпанзе.

– Я в том возрасте, когда шимпанзе становятся серьезными. А это, чтоб вы знали, к добру не ведет. Я стал слишком человечен. Но недостаточно очеловечился, чтобы возжелать женщину.

Шкура у него на спине передернулась, как у лошади, отгоняющей муху.

– Вы не посоветуете мне, чем лучше кормить шимпанзе? – попросил куратор.

– Охотно.

Пан оглянулся. Горилла с очень серьезным видом толковывал что-то мистеру Макмагону. Агент ФБР кивнул, достал бумажник и дал мичману деньги. Горилла вручил их Счастливику, который куда-то побежал.

– Где доктор Бедоян?

– Разговаривает с нашим ветеринаром. Пойдемте.

И Пан пошел.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шимпанзе Бюфона... сидел за столом, как человек... но при этом у него был несчастный вид.

Роберт Хартманн.

Человекообразные обезьяны, 1886

Теперь они были в одной из комнат гостиницы... в одном из номеров гостиницы, говоря точнее.

Тут было две спальни, гостиная, две ванны и небольшая прихожая, дверь которой выходила в коридор.

Они были одни – доктор Бедоян, Пан и цвет американского военно-морского флота. Счастливчик, по выражению Гориллы, «висел на трубке», то есть сидел в удобном кресле у телефона, который звонил каждые пять минут. На каждое предложение, чтобы Пан что-то подписал или где-то появился, он отвечал спокойным «нет».

Комнаты через коридор напротив были заняты мистером Макмагоном и его людьми.

– Ручаюсь, – сказал Счастливчик, – пятьдесят долларов

голова — вот цена каждой бабы, которую доставил бы здешний коридорный.

— А ты когда-нибудь таких видел? — спросил Горилла. Он пил виски с содовой, но не потому, что любил этот напиток или ему хотелось пить, а потому, что, по его словам, того требовала элегантность обстановки.

— Мичман, посиди немного у телефона, — сказал Счастличик. — Я уже сыт по горло.

— Угу, — сказал Горилла. Он поменялся со Счастличиком местами и сказал телефонистке номер. — Главстаршину Магуайра... Ну и что ж, если его нет на борту... Посигнальте к нему в каюту. Говорит мичман-минер Бейтс... Мак, я тут на этом посту при обезьяне, как ты знаешь... Да, да, очень смешно... А теперь послушай: нам нужен писарь. Второго класса подойдет. Пришли несколько салаг, чтобы стояли на часах, и старшину, чтобы ими командовал. С пушками, при крагах и всем прочем. Нет, никаких пистолетов, но с патронташами — пусть знают, что мы спуску не дадим... Как Мэри?.. Очень жаль, ведь я же тебе говорил, что надо жениться на ней — у бабы собственный бар и кругом шестнадцать... Да, мы в этой гостинице.

Он положил трубку.

— Писарь будет висеть на трубке, салаги никого не пустят сюда, тебе не на что будет жаловаться, Пан. Все как во Флориде.

Но Пан скорчился в глубоком кресле и, казалось, не обращал ни на кого ни малейшего внимания. Доктор Бедоян взглянул на наручные часы.

— Может быть, это пройдет, Пан. Может быть, это только временно.

Пан посмотрел на него усталыми глазами.

– Что?

– Стремление говорить. Может быть, ты превращаешься обратно в шимпанзе.

Пан покачал головой и обхватил колени руками. Доктор Бедоян подошел и приложил руку к обезьяньему лбу.

– Температуры нет, – сказал он. – Почему бы тебе не пойти в одну из спален и не прилечь? Я никому не дам тебя беспокоить.

Пан Сатирус продолжал неподвижно смотреть на безупречно чистый и прочный гостиничный ковер.

– Послушай, – сказал Горилла, – сейчас будут эти салаги. Ты можешь погонять их. При мичмане салаги выполняют любую твою команду. Потешись вволю, Пан.

Пан медленно тер ладонями угловатые колени.

– Выпей, – сказал Счастливчик, но убежденности в его голосе не было. – А потом я велю, чтоб прислали девочек, и мы устроим бал не хуже, чем во Флориде. Ты расскажешь доктору, как помог нам зашибить деньгу в том кабаке, где был музыкальный ящик, как ты отплясывал с теми девками. А то давай смоемся...

Счастливчик внезапно оборвал свою тираду.

– Ладно, – сказал он. – Все это колеса. Но подумай, Пан. Ты будешь получать десять тысяч долларов в неделю. Сколько стоит шимпанзе, пятьсот или тысячу долларов? Ты сможешь выкупить всех шимпанзе во всех зоопарках, ты будешь делать это, как только их будут ловить. И выпускать на волю...

Пан Сатирус наконец заговорил. Он вытягивал руки, пока они не коснулись пола, а затем, опершись на них, как на костыли, качнулся вперед.

– Обезьяна – это обезьяна, а не филантроп. Я любил свою мать. Мне нравилось играть с маленьким гориллой, когда позволял куратор. И я любил общаться с другими шимпанзе, но... Только человек покупает благодарность, славу, счастье. К тому же мои телевизионные выступления, вероятно, сорвались, когда я сорвал платье с актрисы.

Доктор Бедоян подошел к Счастливику и приложился к бутылке, которая была у радиста. Потом повернулся лицом к Пану.

– Да, – сказал он, – выступления сорвались. Пока ты был в обезьяннике, мы с куратором поговорили с представителями телевидения. Ветеринар зоопарка тоже присутствовал. Все мы трое пришли к выводу, что ты достиг возраста, когда становишься небезопасен.

– И вы надумали застрелить меня, доктор? Надумали сделать мне незаметно смертельную инъекцию, мой друг Арам?

– Ты же понимаешь, что это не так.

Черные глаза врача – почти такие же черные, как у Пана, но менее крупные и с белыми белками, настороженно следили за шимпанзе.

Пан презрительно махнул рукой.

– Да, конечно, я понимаю. Вы собираетесь упрятать меня в очень прочную клетку с задней комнатой, которая запирается издалека, с помощью специального механизма. И когда вам понадобится почистить переднюю клетку, вы будете направлять на меня струю из пожарной кишки, чтобы я убрался в заднюю комнату. А когда вам понадобится почистить заднюю комнату, вы будете выгонять меня пожарной кишкой в переднюю клетку. И перед моей

клеткой поставят раму со стеклом, чтобы я, в свою очередь, не мог пустить струю в посетителей. Верно?

– Пан, – сказал Горилла.

Шимпанзе обернулся к нему, и на лице его появилось подобие улыбки.

– Да, Горилла?

– Я говорил тебе, еще когда ты попал на борт «Кука»: что захотят мичмана, то командир и сделает. Я прослужил много лет и имею высокое звание. Тебя все будут уважать, даже если выше звания талисмана ты не шагнешь.

– Вот кто, черт побери, может установить антенну в шторм, – сказал Счастливчик.

– Нет, – возразил доктор Бедоян. – Ни я, ни кто-либо другой, с кем будет советоваться командир, не даст гарантии, что это безопасно.

Счастливчик встал, одернул форменку.

– На чьей вы стороне, док?

– На стороне Пана. Насколько мне известно, если он будет развиваться, как любой самец шимпанзе, он очень скоро станет нетерпим к человеку, и все будет приводить его в бешенство.

– Он не шимпанзе, – сказал Горилла. – Он деградировал.

– Регрессировал, – поправил доктор Бедоян. – Согласно его собственной версии. Но спросите его, кем он себя чувствует шимпанзе или человеком?

– Доктор прав, Горилла, – сказал Пан. – Это будет небезопасно.

Моргая, он заковылял по комнате. Но ни один шимпанзе еще никогда не проливал слез. Он поднял трубку.

– Комнату мистера Макмагона, пожалуйста.

Он неуклюже держал трубку рукой с коротким большим пальцем, а все смотрели на него.

– Это Пан Сатирус, мистер Макмагон. Шимпанзе. Я готов продемонстрировать сверхсветовой полет, сэр... Нет, боюсь, что мне не хватит слов объяснить все вашим специалистам, а мои пальцы не привыкли к карандашу, и я не могу вычертить схему. Я принужден продемонстрировать это на настоящем космическом корабле. Не могли бы мы утром отправиться на Канаверал? Нет, не сегодня. Я даю прощальный ужин своим друзьям. А тот официальный банкет вам придется отменить.

Он положил трубку, проковылял к Счастливику и выпил виски, что оставалось в бутылке у мичмана.

Затем он вернулся к телефону и снова попросил мистера Макмагона.

– Пришлите сюда с кем-нибудь из ваших ребят тысячу долларов, – сказал он. И резко добавил: – Делайте, что вам говорят!

Счастливчик вытащил из-под форменки еще одну бутылку. Пан взял ее и выпил добрую половину.

– Свистать всех наверх, Счастливчик, – сказал он, подражая рявканью Гориллы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*CANAVERAL. m. Sitio poblado de ca nas.
Plantio de cana dea arucar¹⁹.*

Pegueno Larrousse Leiustrado, 1940.

Утро было безоблачным; сойдя с самолета, Пан прикрыл голову длинными пальцами. Счастливчик снял свою белую шапочку и подал ему.

– Спасибо, – сказал Пан. В голосе его звучал надрыв. – С похмелья это солнце... Голова как пивной котел.

Счастливчик невесело рассмеялся.

– Прожарь хорошенько свои мозги и, может, деэволюционируешь совсем и станешь настоящим моряком.

– Регрессирую, – поправил Пан. – Нет, боюсь, что это не поможет.

Их ждали машины, которые тут же двинулись к длинному низкому зданию рядом со стартовой площадкой. Мистер Макмагон выпрыгнул из машины первый и распахнул дверь перед доктором Бедояном и Паном. Следом вошли Счастливчик и Горилла. Моряки посмотрели на генерала Магуайра, который при двух звездах сидел за письменным столом, и стали по обе стороны двери по своей привычной стойке «смирно-вольно».

Генерала окружали штатские. Пан их раньше не встречал. Один из них сказал доктору Бедояну:

– Доброе утро, Арам.

– Доброе утро, доктор, – откликнулся тот.

¹⁹ Каньявераль (исп.) – поле, засаженное тростником. Плантация сахарного тростника. Малый иллюстр. словарь Ларусс, 1940.

– Приятно видеть тебя снова, генерал, – сказал Пан Сатирус. – А где же твоя милая супруга?

– В Коннектикуте, – ответил генерал Магуайр. – Итак, он решил взяться за ум, доктор?

– Можешь говорить непосредственно со мной, – сказал Пан. – Все в порядке. Да, да, генерал. После того как я увидел Нью-Йорк во всей его красе и мощи – прошу прощения за цветистое выражение, – я пришел к выводу: Америку не надуешь.

– Я всегда это говорил, – сказал генерал.

– Я так и думал, – согласился Пан. Он обратился к человеку, стоявшему справа от генерала: – Если у вас сохранился мой старый... безымянный, космический корабль, поставьте его на стартовую площадку. Кажется, я могу показать вам то, что вас интересует.

– Сверхсветовой полет, Мем?

– С вашего разрешения, меня зовут Пан. Или мистер Сатирус. Да, сверхсветовой полет.

– А не могли бы вы дать мне объяснения?

Пан покачал головой. Он пугающе зевнул, потер голову обеими руками. Потом сел на пол и почесал голову ногой.

– Я не видел ни одного шимпанзе, который бы так делал, – сказал старший врач.

– Вы правы, сэр, – сказал Пан. – Прошу прощения. Эта привычка появилась у меня в полтора года: посетители зоопарка находили это забавным. – Он снова зевнул и обратился к серьезному человеку, который задавал ему вопросы: – Я плохо провел прошлую ночь. Нельзя ли покончить со всем этим и дать мне возможность снова стать лабораторным животным?

Некоторое время все молчали.

– Нет, Пан, мы не можем это сделать. Другие шимпанзе знают всякого рода секреты... Вы говорите по-английски, значит, я полагаю, можете говорить и на языке шимпанзе. Очень скоро у вас будет больше секретных опасных сведений, чем это позволено иметь какому-либо человеку.

Пан подогнул колени и стал раскачиваться на руках.

– Значит, остаток жизни я проведу в одиночном заключении? – Он почесал голову и добавил: – На первый раз я готов не придавать значения тому, что вы называли меня человеком.

– Этого больше не повторится. Нет, вы не будете сидеть в одиночке. Дайте нам сведения, которые нас интересуют, и мы купим вам двух красивых самок шимпанзе. По рукам?

Пан стал раскачиваться более энергично.

– Вы говорите как человек, профессор, если мне позволено так вас называть.

– Да, я профессор.

– Вся беда в том, что я не могу вам сказать. Я обыкновенная обезьяна, и мне не хватит слов, чтобы все объяснить.

Счастливчик кашлянул. Но Горилла Бейтс недаром прослужил на флоте тридцать пять лет – он по-прежнему стоял навытяжку.

– А как насчет схемы? – спросил профессор.

Пан протянул вперед свои руки с короткими большими пальцами – жалостный жест нищего бродяги из какого-то фильма об Индии. Быть может, он видел это по телевизору.

– Но я могу показать вам, – сказал он.

– Когда эта обезьяна забралась в космический корабль в

прошлый раз, – сказал генерал Магуайр, – она перепутала там все. Мне придется теперь целых полгода мараить бумагу – писать отчеты.

– Да, я знаю, – сказал профессор. – К тому же ваш корабль разобран до основания, Пан. Стараемся узнать, что же вы с ним сделали.

– Когда я стартовал, тут стоял наготове «Марк-17», – сказал Пан.

В комнате наступила тишина. Генерал Магуайр, как и следовало ожидать, взорвался.

– Черт побери, на базе объявляется поголовная проверка на благонадежность с точки зрения государственной безопасности. Никому не разрешается покидать свой пост, пока...

Пан Сатирус легко прыгнул к нему на стол и уселся, скрестив ноги.

– Не надрывайся, генерал. Слухи доходят и до обезьянника при лаборатории.

Профессор сказал:

– Я мог бы процитировать слова Гамлета о мудрецах, обращенные к Горацио, но не стану. Есть ли возможность переделать «Марк-17», так чтобы он полетел со сверхсветовой скоростью?

– Да, как и любой корабль, который у вас имеется. Все они работают на одном принципе.

– Разрешите подумать, – сказал профессор. – Я никак не могу собраться с мыслями... «Марк-17» меньше, чем ваш корабль. Это чисто опытный образец. Мы посылаем в нем макака.

– Японского макака? – спросил Пан и рассмеялся. –

Если это тот, о котором я думаю, потеря будет небольшая... Хорошо, сэр. Я добровольно соглашаюсь занять его место.

Профессор покачал головой.

— Вы же вдвое больше.

Пан кивнул.

— Уберите аналь... — Счастливчик кашлянул. — Эту штуковину со дна кабины, и тогда освободится много места.

Профессор подался вперед, положил руки ладонями на стол и посмотрел Пану прямо в глаза.

— А откуда мне знать, что вы не морочите голову?

— А откуда вам знать, что вы не можете сами полететь со сверхсветовой скоростью? Попробуйте слетайте. А морочить вам голову — это мартышкин труд.

Две пары глаз — обезьяны и человека — смотрели в упор друг на друга. Профессор первым отвел взгляд. Он выдохнул воздух из легких прямо Пану в лицо, поднял руки и откинулся на спинку стула.

— Хорошо, мы рискнем.

— Я против, — сказал генерал Магуайр. — И прошу это запротоколировать.

Голос профессора звучал устало.

— Протокол не ведется, генерал. Это внеплановое совещание. Наш старший врач и доктор Бедоян, присутствующие здесь, охотно подтвердят, что шимпанзе, известный под именами Сэмми, Мем и Пан Сатирус, вскоре станет совершенно бесполезен.

— Я тоже охотно засвидетельствую это, — сказал Пан. — Я чувствую, что с каждым днем становлюсь все более грубым и вспыльчивым.

С помощью руки он тихонько передвигался по столу. Оказавшись против генерала Магуайра, он оскалил длинные зубы.

– Если протокол не ведется, – сказал генерал Магуайр, – то пусть его начнут вести. Разве никому не приходило в голову, что это, может быть, не шимпанзе, а замаскировавшийся русский?

Даже начинающий художник смог бы изобразить наступившую тишину – она была густой и вязкой, как растительное масло в Арктике. Счастливчик позже клялся, что он слышал, как щелкнули каблуки Гориллы, но Горилла это отрицал.

Первым опомнился доктор Бедоян.

– Вы кладете пятно на мою профессиональную честь, сэр, – сказал он.

– Сынок, похоже, вас только что повысили в должности, – шепнул на ухо Бедояну старший медик.

– Ах да, – сказал генерал Магуайр, – я об этом не подумал.

– Уведомите службу безопасности, генерал, – сказал профессор. – Никаких сведений прессе, пока все не будет закончено. А потом очень короткое заявление: шимпанзе запущен на орбиту; полет был успешным или нет.

– Вышло или не вышло, – сказал генерал и удалился.

Пан Сатирус соскочил со стола, заковылял к двери и остановился между Счастливчиком и Гориллой. Взял их за руки.

– Вас двоих он слушается? – спросил профессор.

– Да, сэр, – сказал Горилла.

– Тогда уведите его в ту комнату.

Когда они направились к двери, заговорил старший медик.

– Пан, это будет примерно через полчаса. Макака уже привязали в кабине; мы должны убрать его и ту... штуковину, о которой вы упоминали.

– Ладно.

– Вам не следует пока что ни есть, ни пить.

– Хорошо.

Медик посмотрел на Счастливого.

– Особенно – не пить, – добавил он и вышел.

– Дошлый малый, – сказал Счастливчик. Они вышли вслед за медиком в коридор.

Там был мистер Макмагон. Пан отпустил руку Счастливого и поздоровался с агентом службы безопасности.

– Я вам задал работу, но теперь почти все кончено, – сказал он. – Через полчаса меня запустят в космос. Снова в космос.

Мистер Макмагон посмотрел через плечо Пана на доктора Бедояна.

– С ним все в порядке, док?

Доктор Бедоян пожал плечами.

– Он сам хочет лететь.

– Черт возьми, – сказал мистер Макмагон. – Нельзя же так обращаться с ним. Пан, если вы хотите выпутаться из этой истории, я не паразит какой-нибудь...

Пан Сатирус пристально посмотрел на него.

– Оказывается, в вас мало человеческого.

– Что?!

– В устах Пана это самый лестный комплимент, – сказал доктор Бедоян.

– Но я хочу лететь. И ваша родина этого хочет; только так она может получить сведения о сверхсветовом полете. Вам приказано не выпускать нас из комнаты, пока мой корабль не будет готов... – добавил Пан, – и я не должен ни пить, ни есть, но мне хотелось бы немного жевательной резинки.

– Какого же черта, за чем дело стало, – сказал мистер Макмагон. Он уже ничем не походил на агента службы безопасности. – Послать за ней или вы сами хотите купить ее?

– Хотелось бы самому. Если мы просидим в комнате еще полчаса, то станем такими же слезливыми, как люди.

Маленькая процессия направилась к военному магазину: Пан в шапочке Счастливики шел впереди, за ним следовали два моряка, затем доктор Бедоян и мистер Макмагон. А совсем далеко позади тащилось великое множество агентов безопасности, которым Макмагон повелительным жестом руки дал знак держаться на расстоянии.

Дорогу им пересекла стайка ребят – класс из школы для детей работников базы. Детей, живущих на мысе Канаверал, ничем не удивишь; они взглянули на шимпанзе, возглавлявшего эту небольшую процессию, и пошли своей дорогой. Но затем один из них завопил:

– Эй, да это же шимпанзе, которого показывали по телевизору!

Дети оставили своего учителя и подбежали, размахивая тетрадками и листочками, чтобы получить автографы.

Пан остановил мистера Макмагона, собиравшегося позвать своих сторожевых псов.

– Я хочу поговорить с ними. – Он поднял розовую ладонь, требуя тишины, надвинул поплотнее шапочку Счастливого и сказал:

– Дети.

– Эй! Он и вправду говорит. А я думал, что это у них такой трюк в телевизоре, – сказал один из мальчиков.

– Ну вот еще, многие актеры говорят сами.

– По-видимому, произошла какая-то путаница, – сказал Пан. – Я не актер телевидения, а настоящий живой шимпанзе. Вы никогда не сможете стать обезьянами, но жить, как обезьяны, вы еще можете; или, даже если вы сами вырастаете людьми, можете воспитать своих детей в обезьяньем духе. Послушайте меня, потому что, вероятно, это единственная возможность в вашей жизни послушать речь, которую произнесет настоящая обезьяна.

Ребята притихли; они привыкли слушать речи школьных учителей, директоров и заезжих политиков.

– Чтобы достигнуть обезьяньего состояния, надо всего лишь подумать, прежде чем что-нибудь сделать, и особенно перед тем, как что-либо создать, – сказал Пан. – Звучит это очень просто, но это как раз то, чего человек не любит делать. Это не в людских привычках – сначала подумать, а потом сделать. Это даже небезопасно – за это могут уволить с работы, а безработные находятся на низшей ступени вашего общества. Дети, думайте. Не создавайте скоростных автомобилей, пока не постройте дорог для безопасной езды. Не выращивайте огромного количества пшеницы, прежде чем вам не станет известно, что кто-то в ней нуждается. Не переселяйтесь бесцельно туда, где вам будет слишком жарко или слишком холодно. Жи-

вите легче. Это так просто. Будьте немножечко больше похожи на обезьян, дети; этим вы, возможно, не продлите себе жизни, но проживете ее гораздо веселее. Другими словами, не стремитесь к чему-либо, пока вы твердо не будете знать, к чему вы стремитесь.

Он опустил руку и улыбнулся, по-видимому, благожелательно, но даже доктор Бедоян не всегда мог с уверенностью сказать, что выражало лицо Пана.

После этого он отправился покупать жевательную резинку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гален, бывало, вскрывал и больших и малых обезьян и рекомендовал своим ученикам почаще анатомировать их.

Эдуард Тайсон.

Орангутанг, sive Homo silvestris²⁰, 1969

Космическая капсула была готова. Медленно двигался вверх подъемник в стартовой башне. Затем Пан и сопровождающая его группа пересекли площадку. Под ними шипело и дымилось жидкое топливо. Не было ни представителей кинохроники, ни телевизионных камер.

Этот корабль был значительно меньше того пресловутого корабля, на котором Пан Сатирус совершил полет не в ту сторону. И ракета, которая должна была запустить его в космос, была значительно меньше; она стояла не больше годового дохода всех жителей какого-нибудь городка.

Пан Сатирус с достоинством занял свое место, но,

²⁰ Орангутанг, или лесной человек (лат.).

прежде чем его пристегнули к сиденью, он успел почесать голову задней конечностью. И вот ремни пристегнуты, шлем на голове (скафандр был уже на нем) и микрофон пристроен перед ртом. В его старом космическом корабле микрофона не было.

– Проверка, – сказал он. – Вы слышите меня? Мне бы хотелось, чтобы радист Бронстейн сел за один из радиопередатчиков. Счастливчик, ты управиться с радиоаппаратурой НАСА?

– С любой на свете, – сказал Счастливчик.

– Ну и прекрасно. Я готов к запуску, джентльмены.

Все отошли. Капсулу загерметизировали, и все вернулись в помещение в стартовой башне, а сама стартовая башня отъехала от ракеты. Генерал Магуайр прослушивал переговорную систему.

– Все в ажуре, – довольно сказал он.

Но остальные были настроены не столь радужно. В полном молчании они заняли свои посты в помещении для наблюдения за стартом, а Счастливчик сменил дежурного радиста.

Начался обратный отсчет – от трехсот до нуля.

Ракета взлетела, ступени отпали, и маленькая капсула начала свободный полет по орбите.

– Этот корабль... он не поворачивает в обратную сторону, – сказал доктор Бедоян.

– Он понял, что с США не посамовольничаешь, – заметил генерал Магуайр.

– Радиограмма с космического корабля, – сказал Счастливчик. – «На первом витке все в порядке. Вижу Африку». Пан, как она выглядит? Прием. «Лучше, чем Флорида».

– Половина Африки – коммунисты, – сказал генерал Магуайр.

Они выпили кофе. Поели жареных пирожков. Прослушали сообщения радионаблюдателей с различных станций слежения и результаты обработки их электронными машинами с остроумными названиями.

– Это далеко не скорость света, – сказал профессор.

– Ха! – произнес генерал Магуайр.

Мистер Макмагон сунул сигарету зажженным концом в рот.

– Черт! – выругался он.

Примерно через час после старта Счастливчик доложил:

– Космический корабль снова в моей зоне приема, джентльмены... Радиограмма с корабля. «Газую вовсю, Счастливчик!» Еще радиограмма: «Скажи Горилле, пусть всегда драит ботинки до блеска и держит хвост трубой».

– В Атлантическом океане на одном корабле есть станция слежения, – сказал профессор. Он вытирал пот мокрым платком.

– Я слышу космический корабль слабо, но ясно, – сказал Счастливчик. – «А в том кабаке, где была музыка...» Дальше не понимаю. Какое-то странное бормотание.

– Дайте послушать, – попросил доктор Бедоян. Он схватил наушники. – Тарабарщина! Настоящая болтовня шимпанзе.

Он передал наушники старшему медику, который хмуро кивнул головой.

– Радиограмма с океанской станции слежения, – сказал один из радистов, сидевших у приемников. – Космический корабль прямо над головой.

– Доклад электронной машины «ИДИОТИК», – сказал другой радист. – Космический корабль последнюю тысячу миль пролетел со сверхсветовой скоростью.

– Бог ты мой! – сказал профессор. – Бог ты мой!

– О каком боге идет речь? – тихо спросил доктор Бедоян. – О Пане или об Иегове?

– Радиограмма со станции слежения в Фернандо-По, – сказал один из радистов, и в комнате стало очень тихо. – Космический корабль пошел на снижение. Он снова входит в атмосферу. Приводнился.

Счастливчик снял наушники, встал и подошел к Горилле.

– Наше дежурство кончилось, – сказал он.

– Фернандо-По передает, что слышно какое-то невнятное бормотание и плеск воды. Посадка на воду произведена успешно, – сказал радист.

– Океанская станция слежения подтверждает, – сказал другой радист.

Доктор Бедоян присоединился к Горилле и Счастливчику. На них никто не обратил внимания. Они вышли, оставив ученых, военных и агентов выяснять то, что им троим уже было ясно.

Счастливчик надел белую шапочку, которую он так часто одалживал Пану.

– Он сел на воду у Африки, чтобы оттуда доплыть до берега, – сказал он.

– И добраться до густого лиственного тропического леса, – добавил доктор Бедоян. Он не был военным человеком и не стыдился своих слез.

Горилла изобразил на лице подобие улыбки.

– Этим большим шишкам вместо космического корабля достанется шиш. Один только шиш.

– На этот раз он полетел в правильную сторону, и притом быстрее света, – сказал Счастливчик. – Прежде он дегradировал, а теперь наоборот.

– Регрессировал, – машинально поправил его доктор Бедоян.

Мичман-минер Горилла Бейтс откашлялся.

– А такого слова, как «дегенерировал», нету? – спросил он.

ПАН САТИРУС В ПЛЕНУ

В мире имеется немало людей, которые продолжают считать Соединенные Штаты Америки демократической страной. А между тем современная Америка с точки зрения демократии и порядков в ней далеко не та, какой она была пятьдесят или даже двадцать лет назад.

Выражаясь языком самих американцев, сегодня США находятся во власти «военно-промышленного комплекса», то есть страной правят представители монополий, производящих оружие, и генералы Пентагона. Приход к власти этих наиболее агрессивных кругов монополистического капитала закономерен, если учесть, что в послевоенное время центр международной реакции переместился в Америку.

В 1944 году, то есть еще в ходе второй мировой войны, президент концерна «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон ратовал за создание союза большого бизнеса и военных и предложил перевести экономику на постоянные военные рельсы. Идея Вильсона была одобрена магнатами Уолл-Стрита.

В послевоенное время США затратили почти триллион долларов на свои вооруженные силы. Военные крепко оседлали государственную машину. Еще Эйзенхауэр характеризовал военно-промышленный комплекс как «неумолимую машину, идущую напролом». Ныне правительство и Белый дом консультируются с Пентагоном по всем важнейшим внешнеполитическим вопросам, тогда как военные не считают нужным консультироваться с правительством, нередко самостоятельно принимая такие

решения, которые чреваты всемирной катастрофой. Политические последствия этих безрассудных действий их мало интересуют.

Американский писатель Ричард Уормсер в сатирической повести «Пан Сатирус» в увлекательной форме рассказывает о Соединенных Штатах Америки наших дней. Конечно, в повести не вскрываются все стороны жизни и политики современной Америки, да автор и не ставил перед собой такую задачу, ибо в одной книге сделать это было бы просто невозможно.

Писатель сосредоточивает внимание на американской элите, то есть на тех, кто правит страной. И не просто рассказывает, он талантливо рисует морально-этические портреты генералов и адмиралов Пентагона, руководителей Центрального разведывательного управления, политических деятелей и тех, кто им прислуживает, в том числе представителей прессы, радио и телевидения. Американские пропагандисты любят разглагольствовать о том, сколько в США стоит фунт мяса. В противоположность им Ричард Уормсер смело раскрывает психологию всемогущих Америки и показывает, сколько в их понимании стоит человеческая жизнь. В этом и состоит главная заслуга одаренного автора.

Большая часть повести «Пан Сатирус» посвящена военным и деятелям ЦРУ, их нравам, взглядам и политике. Этим книга начинается, этим она заканчивается. И это не случайно. Многих американских журналистов и публицистов самых различных убеждений интересует сейчас роль военных в политической и иных сферах жизни США, интересует именно потому, что роль эта чрезвычайно велика.

Первое знакомство главного героя повести Пана Сатируса с представителями военно-промышленного комплекса состоялось на мысе Канаверал, откуда США запускают свои космические корабли, и затем в Карибском море на военном корабле «Кук».

Пан Сатирус – обезьяна, шимпанзе, которую автор повести наделил даром человеческой речи. Она отличается острым умом, добротой, честностью и другими лучшими человеческими качествами. Одним словом, Пан Сатирус – самый человечный человек.

...На мысе Канаверал паника. Крайнее возбуждение охватило представителей Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), политиков, репортеров. Еще бы: невиданная сенсация! Обезьяна, запущенная в космос, что-то сделала с космическим кораблем, и в результате он полетел в обратном направлении со сверхсветовой скоростью. Величайшее достижение, которое имеет колоссальное военное значение!

На этом фантастическая часть повести (говорящий шимпанзе-изобретатель) кончается и начинается реальность.

После успешного спуска и «приводнения» Пан Сатирус оказывается в плену у представителя НАСА генерала Билли Магуайра и агентов Федерального бюро расследования на борту военного корабля «Кук».

Генерал и агенты ФБР пытаются узнать секрет «сверхсветового полета». Но Пан не хочет раскрыть секрет своего изобретения, понимая, что оно попадет в руки жестоких людей, мечтающих об уничтожении целых народов

и стран. В сцене столкновения обезьяны с генералом, офицерами и агентами ФБР, отличающимися только одеждой, но отнюдь «не манерой поведения», невольно принимаешь этих людей за обезьян, а обезьяну за человека. Пана Сатируса то пугают жупелом антикоммунизма, то грозятся пустить в ход смирительную рубашку и пистолет. Генерал Магуайр, этот «гигант с мозгом мартышки», умеет только «рывать» и хвататься за кобуру при первом же проявлении неповиновения. «Пан Сатирус пожал плечами и отвернулся. Спорить с этим человеком было совершенно бесполезно. Спор продолжался бы годами, а толку не было бы никакого».

Но вот перед читателем новая сцена, на сей раз на «Насосной станции» — под этим названием скрывается секретная, видимо, особого назначения американская военная база. Пана Сатируса доставляют в кабинет, где за столом сидят трое военных, которые занимают явно более высокие места на иерархической лестнице Пентагона, чем генерал Магуайр. Вспомним, как автор характеризует одного из них, адмирала Армстронга: у него были «загорелое лицо, коротко подстриженные усы и челюсть, которой позавидовал бы сам Пан Сатирус». Потребовав от Пана Сатируса немедленно выложить на стол секрет полета со «сверхсветовой скоростью», он заявил: «Если нам станет ясно, что вы не хотите пойти нам навстречу, мы готовы устранить вас по возможности гуманным способом. Иначе говоря, ликвидировать. Другими словами, вас ждет газовая камера, пуля или что-нибудь в этом роде...»

Американцы и те иностранцы, которые пристально следят за развитием политической жизни в США, без труда

могут распознать в магуайрах и армстронгах нынешних «военных стервятников», представленных в Пентагоне и правительстве США. Это они санкционируют самые варварские методы ведения войны против свободолюбивого вьетнамского народа и при этом цинично хвастаются тем, что применяют в Южном Вьетнаме тактику «выжженной земли».

Применяя напалм и ядовитые газы против мирного населения Южного Вьетнама, американские агрессоры уже встали в один ряд с теми, кто в годы второй мировой войны умерщвлял людей в газовых камерах.

Как-то, говоря об американском искусстве, Бернард Шоу заметил: «Американцы перешли от варварства к декадентству, так и не познав цивилизацию».

Великий английский драматург имел ввиду то обстоятельство, что американскую художественную литературу, театр, кино и телевидение в послевоенное время захлестнула грязная волна секса и патологии. Культ насилия, разбоя и поножовщины стал нормой американского искусства; оно воспитывает в человеке потребность убивать, разрушать, грабить.

Но разве не этой же человеконенавистнической моралью руководствуются американские военные? И разве только они?!

«К чему создавать Совет для содействия искусству или какой-либо другой орган культурной деятельности? Правда, музыка может ободрять парней, когда они идут на войну, или приветствовать уже меньшее число парней, возвращающихся с войны, — ведь многие из них, кто уйдет туда, не вернутся. Но к чему изучать живопись, скульпту-

ру, кино, телевидение или танцы, когда мы готовимся к войне, на ведение которой не хватает долларов?»

Читатель может подумать, что эта тирада принадлежит какому-нибудь зарвавшемуся деятелю Пентагона. Отнюдь нет. Ее произнес член палаты представителей Гросс, и не в интимном кругу, а на открытом заседании конгресса при обсуждении вопроса о правительственных ассигнованиях на цели «чистого» искусства!

Вот какие настроения ныне господствуют под куполом Капитолия, в высшем законодательном органе Америки. Конгресс США по существу превратился в филиал Пентагона.

Большинство конгрессменов голосует так, как того желают военные. Почти четверть из них являются крупными дельцами и сами получают правительственные военные заказы. Другие, не будучи предпринимателями, избраны в конгресс с помощью фабрикантов оружия или Деятелей Пентагона. Чтобы представить себе, как это выглядит на деле, достаточно привести один пример: в Соединенных Штатах Америки нет ни одного штата и, более того, ни одного округа, который не производил бы в больших количествах вооружение, не заключал бы военных контрактов с Пентагоном или не имел военных сооружений. По свидетельству сенатора Рассела, «...в покупке оружия для уничтожения людей, разрушения городов и огромных систем транспорта есть нечто такое, что заставляет конгрессменов меньше считаться с расходами, чем в тех случаях, когда речь идет о хорошем жилье и о здоровье людей». Как говорится, комментарии излишни.

В повести «Пан Сатирус» имеется очень любопытная

сцена, в которой политические нравы Америки показаны крупным планом. Речь идет о встрече Пана Сатируса с «Большим Человеком Номер Первый» (читатель, видимо, догадывается, что речь идет о президенте США) и одним губернатором, также «большим человеком». Первый представляет демократическую, второй – республиканскую партию.

Эти два «больших человека» также хотели «расколоть» Пана Сатируса, пытаясь при этом убедить его в том, что они выступают за свободу и демократию во всем мире, против коммунистов, которые, по их выражению, «лишают людей... свободы».

Я не буду пересказывать весь разговор Пана с лидерами «свободного мира». Приведу лишь заключительную часть беседы.

– Вот вы с губернатором, – спросил Пан Сатирус, – дорожите ли вы своими высокими постами?

Оба настороженно кивнули.

– Я хочу сказать, считаете ли вы эти посты ВЫСОКИМИ?

Они снова дружно кивнули, хотя принадлежали к соперничающим политическим партиям.

– Вы считаете их более важными, чем богатство, накопленное вашим отцом, сэр, и вашим дедом, губернатор? – Пан встал. – От чего бы вы отказались в первую очередь? От поста или от богатства?

На этот раз ни один из государственных деятелей не шелохнулся. Выражения их лиц были настолько одинаковы, что, казалось, пропасть, вырытая Александром Гамилтоном и Томасом Джефферсоном (основатели рес-

публиканской и демократической партий. – *Н.К.*), наконец засыпана.

В этой сцене передается вся суть американских «выборов без выбора», хотя внешне предвыборная дуэль выглядит довольно свирепой. Кандидаты обеих партий дерутся за обладание Белым домом не потому, что их политика разнится (в чем-то существенном), а потому, что господствующее положение в столице США поможет им «делать деньги». Ведь если, к примеру, на президентских выборах победит кандидат демократической партии, то боссы этой партии получают тепленькие местечки в правительстве и других официальных органах. А ради этого стоит подраться.

Средний американец поначалу удивлялся: почему деятели, получающие колоссальные оклады в частных предприятиях, охотно переходят на правительственную службу со значительно меньшим окладом? Раньше удивлялся, а теперь перестал, ибо оказалось, что эти деятели после нескольких лет работы в Вашингтоне уходят в отставку миллионерами.

Все чиновники, находящиеся на различных ступенях иерархической лестницы федерального аппарата, независимо от партийной принадлежности, привыкли обкрадывать государственную казну оптом и в розницу, очень часто при этом оказываясь вне поля зрения блюстителей законности. «Преступники в белых воротничках», как именуют в США крупных казнокрадов, спокойно уходят в отставку, награвив себе состояние. Одни получают взятки с владельцев компаний за то, что обеспечивают им получение правительственных военных заказов. Другие, особенно

министры, состоят пайщиками тех же компаний, которые послали их в Вашингтон, так как обеспечивают им непрерывный поток военных заказов, исчисляемых миллиардами долларов. Так американские миллиардеры делают новых миллионеров.

Нацистскую идеологию и мораль характеризовал прежде всего воинствующий антикоммунизм и присвоенное фашистами «право» порабощения других народов под предлогом борьбы против коммунизма. Получив возможность подкармливать население Германии за счет грабежа других народов, Гитлер возбудил у значительной части немецкого народа невероятную жадность к обогащению. Этим он сумел растлить человеческую Душу и сделать ее послушным орудием в своих руках.

Если хотите, нечто подобное наблюдается сейчас в Соединенных Штатах Америки. Эта мысль красной нитью проходит через всю повесть «Пан Сатирус».

С кем бы Пан ни сталкивался, все поражали его жаждой делать деньги. Любая попытка выведать у него секрет полета со сверхсветовой скоростью всегда начиналась с того, что его хотели купить. Более того, люди поражались, когда он отвергал деньги. Комментатор радиотелевизионной компании Билл Данхэм сознательно «поддерживал свою репутацию профессионального хулигана», так как это приносило ему деньги и возвышало в глазах боссов. Как и многие его коллеги, ради долларов он готов был на любую подлость и, не задумываясь, продал душу «желтому дьяволу».

«Продажность, подкуп в гигантских масштабах, панама

всех видов²¹», – такими словами В. И. Ленин почти полвека назад характеризовал мораль американского империалистического общества. Сегодня это определение как нельзя лучше передает повседневную реальность того общества, которое идеологи США называют «великим».

Доллар уже покалечил души миллионов американцев, воспитал в них лихорадочную жадность, почти патологическое стремление к обогащению.

Не так давно американский журналист Роберт Смит не в сатирической повести, а в газетной статье («Газетт энд дейли», выходящая в штате Пенсильвания) писал:

«В наши дни человеку чуть ли не на каждом шагу напоминают о том, насколько прогнило общество, где мужчин и женщин уважают пропорционально капиталу, которым он или она владеют.

Эта мысль в тысячный раз пришла мне в голову, когда я прочитал о том, что один из очевидцев убийства Кеннеди, у которого представитель печати пытался получить интервью, заявил ему: „Сначала договоримся о финансовой стороне“.

Я не считаю, что в попытке этого человека заработать на смерти президента было что-то чересчур омерзительное, особенно если учесть, что на этом печальном событии обогатились уже многие и многие. Но добавьте это проявление нездоровой жадности к другим бесчисленным примерам нашей лихорадочной жажды наживы, и вы почувствуете тошноту. Есть ли в нашей жизни какой-либо аспект, которого не коснулась бы эта жажда стяжательства?»

²¹ В.И.Ленин, Соч., т. 23, стр. 95.

Я не думаю, что Роберт Смит преувеличивает. В Соединенных Штатах Америки вполне официально, в прессе, радио, телевидении с беспримерным цинизмом оправдывается и восхваляется гонка вооружений, которая приносит монополистам миллиардные прибыли. Однако одновременно с этим пропагандистская машина вдалбливает в умы американцев мысль, что чем больше в США будет производиться пушек, танков, самолетов, ракет, напалма и газов, тем лучше населению, потому что гонка вооружения способствует занятости рабочих рук; чем дольше американские солдаты будут воевать во Вьетнаме, тем больше они заработают.

Это невероятно, но факт: в Америке открыто говорят – чтобы процветать самим, нужно убивать других, чтобы составить себе богатство, нужно грабить других. Что это за общественный строй, что это за страна, которая хочет быть счастливой за счет несчастья других? Этот вопрос не волнует правителей США, потому что они хотят заставить как можно больше американцев играть роль наемного палача в захватнических планах Уолл-Стрита. И таких людей в Америке, которые играют роль наемного палача, сегодня уже немало. «Армия есть бизнес, мне хорошо платят», – цинично писал своим родным из Южного Вьетнама армейский капитан Дон Фелтон. «Нам платят со скальпа», хвастался другой офицер Делавен. Вот уж поистине: на каждом долларе ком грязи, на каждом долларе – следы крови, том самом долларе, который движет системой воспитания миллионов неразмысляющих убийц в США!

В повести «Пан Сатирус» Ричард Уормсер раскрывает облик именно этой Америки. Он едко высмеивает утвер-

ждения лидеров США, которые пытаются оправдать грабеж других народов предлогом борьбы против коммунизма, и ставит на этом точку, не считая нужным проводить параллели из истории. И он по-своему прав.

Другие американские авторы проводят такие параллели. И они тоже правы, показывая, что США не оригинальны, изобретая жупел антикоммунизма, что им спекулировали и гитлеровская Германия, и Италия Муссолини, и императорская Япония. А эти государства в свою очередь тоже были не оригинальны в деле международного разбоя и массового истребления других народов: в ряде случаев они учились этому на опыте страны за океаном.

Еще в XIX веке американский юрист Джеймс Кент и известный французский историк Токвиль констатировали наличие в господствующей идеологии США чувства высокомерия и самодовольства, когда американцы считали, что они выше других и что правила, принципы, относящиеся к другим народам, к ним, американцам, не относятся.

О том, к чему привело это чувство высокомерия и самодовольства, может свидетельствовать хотя бы политика правительства США в отношении индейцев – коренных жителей Америки. Тягчайшее преступление против индейцев было совершено под руководством дедов нынешних миллиардеров. Хорошо, например, известно, что Джон Пирпонт Морган-старший, основатель нынешней «империи» Морганов, прославился тем, что финансировал операции по истреблению индейцев в прибрежных водах Америки. В истории США – это неопровержимый факт. Сами индейцы присвоили Моргану и его подручным за

совершенные ими преступления кличку «великанов-людоедов». Это были преступления, которые затем по существу были повторены гитлеровцами.

Таким зверским способом и было истреблено почти все индейское население Америки. И сегодня генерал Максуэлл Тэйлор, главный военный советник президента США, также учит офицеров, что вьетнамцев нужно сначала перестрелять, а потом считать. Современные американские рабовладельцы, как видим, ничего не забыли и ничему не научились.

Морально-этические портреты генералов и офицеров американской армии, нарисованные Ричардом Уормсером, похожи друг на друга, как две капли воды. Неудача автора? Отнюдь нет. Автор как нельзя лучше подметил характерную черту командного состава и армии в целом, показав генералов, офицеров и солдат двойниками в моральном отношении.

Дело в том, что магнаты капитала издавна создавали армию под стать своей философии и политике насилия. Далеко не каждый американец, несмотря на щедрую плату, желал и желает служить в такой армии. Вот почему туда с удовольствием брали уголовных преступников и лиц, находившихся под следствием. При зачислении в армию им списывали все совершенные ими преступления и к тому же выплачивали высокое жалованье, разумеется, не из сейфов монополий, а из государственной казны, то есть деньги налогоплательщика.

И в настоящее время, когда США усиливают политику насилия и колониального разбоя, принцип вербовки приобретает все большее значение. Более того, американское

правительство официально объявило, что к 1970 году оно откажется от призыва и будет полностью строить армию по принципу вербовки, то есть будет покупать людей, потерявших совесть и честь и готовых идти на любые преступления, таких людей, которые, по хлесткому выражению газетного магната Херста, после соответствующей подготовки должны «знать 32 способа убивать одними только голыми руками». Найдется ли столько людей в современной Америке? Видимо, да, если учесть, что в настоящее время преступность в стране растет в шесть раз быстрее роста населения, причем почти половину всех арестованных за совершение убийств, изнасилований и краж со взломом составляют подростки моложе 18 лет.

Один известный американский писатель как-то сказал: «Весь американский материк полон скрытых насилий. У всех американцев есть потребность убивать, разрушать, грабить. На вид они приличные люди, здоровые, жизнерадостные, мужественные, но внутри – сплошная червоточина».

В этом определении есть большая доля правды, но, конечно, его ни в коей мере нельзя распространять на всех жителей США. Мне не раз приходилось лично беседовать с честными и мужественными людьми, которые, как принято выражаться, составляют «другую Америку». К сожалению, Ричард Уормсер почти не знакомит нас с этой Америкой, не знаю почему – то ли потому, что не верит в ее силу, то ли потому, что она не укладывалась в рамки его повествования. Но хочет того автор или нет, он все же показывает нам простых, честных американцев. К их числу относятся люди из непосредственного окружения Пана Сатируса: это док-

тор Бедоян и два моряка – Бейтс и Бронстейн верные друзья шимпанзе, которые не дают его в обиду и вместе с ним разделяют все тяготы пребывания в плену у военных. Надо сказать, что под влиянием обезьяны эти люди – если можно так выразиться – «очеловечиваются», она заставляет их задуматься над тем, мимо чего они равнодушно проходили раньше. Пан Сатирус вырвался из плена стервятников, для того чтобы немедленно покинуть пределы Америки военно-промышленного комплекса. А между тем, «другая Америка» наращивает движение против вашингтонской политики агрессии и авантюры. Кстати, об этом также свидетельствует и сам Уормсер, опубликовав «Пана Сатируса», книгу, которая поможет американцам лучше разобраться в природе правящих кругов США. Прогрессивные американцы, как и все передовое человечество, клеймят позором политику США во Вьетнаме, ставшей в глазах людей символом мрака и скверны в современном цивилизованном мире.

Н.Карев